



НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Артем КАМЕНИСТЫЙ

S-T-I-K-S
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ УЛЕЙ

Annotation

Добро пожаловать в Улей — место, куда попасть просто, а выбраться невозможно. И где выжить так сложно, что девяносто процентов иммунных новичков не дотягивают до исхода первой недели, а протянувший год считается старожилom. На большей части изменчивой территории ты всего лишь дичь, а редкие островки стабильности за одну ночь могут превратиться в смертельную ловушку для всех обитателей. Мутирующие зомби; ударные беспилотники; вооруженные до зубов солдаты неведомых армий, для которых ты не более чем ценный биологический материал; твои озверевшие коллеги по несчастью плюс много чего еще, в том числе запретного, не называемого — вот краткий перечень тех кто на тебя охотится. Так сколько ты здесь протянешь? День? Неделю? Год? Время пошло...

- [Артем Каменистый](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
-

Артем Каменистый

S-T-I-K-S. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ УЛЕЙ

Глава 1

Жизнь несправедлива. Ты строишь далеко идущие планы, прилагаешь усилия для их воплощения, и вдруг над тобой замахиваются исполинской мухобойкой — что-то непреодолимое вмешивается в твои замыслы крест на крест перечеркивая их жирной черной чертой. И далеко не всегда это осознаешь сразу, ведь судьба умеет обставить все так, что сам не заметишь как полетишь под откос в ореоле обломков своего разрушенного будущего.

Сегодня в качества крупнокалиберного орудия судьбы выступила обычная грязь лесного проселка. Выстрелило оно без промаха, вдребезги разбив распланированную на годы вперед жизнь случайной жертвы. Всего-то и надо было задержать ее ненадолго, не дать успеть пересечь ту черту, за которой ты даже не осознаешь, что избежал очень непростого поворота своей биографии.

В этот обычный на первый взгляд день Игорь вовсе не намеревался угодить в переплет, который кардинально меняет судьбы тех, кто в неправильное время оказывается в месте от которого следует держаться как можно дальше. Планы его были стандартно простыми и приключениям, опасным для здоровья или тем более жизни, места в них не предусматривалось.

Для начала ему надо доехать до города, далее по-быстрому смыть под душем трудовой пот, переодеться и направиться на свидание, о котором договорился с милашкой Светкой еще вчера. У него был заранее подготовлен безотказный сюрприз, который, как правило, делает женские сердца мягче. Глядишь, и растягивать далее и без того безобразно затянувшийся ритуал ухаживания не придется. То есть ночевать, возможно, придется не дома.

С последним он, надо признать, попал в точку.

Тривиальная жизнь молодого одинокого мужчины, нехитрые планы, все было предсказуемо до исхода этого злополучного дня.

Переплет, о котором Игорь даже подозревать не мог, начал вмешиваться в задуманное исподволь, за несколько часов до того, как все завертелось всерьез. Заклание должно было состояться в определенном месте и в определенное время, для этого жертву надо было слегка замедлить.

Видавший виды верный «уазик», ухитряющийся пробраться там, где хозяева дорогуших джипов понуро бродят на своих двоих в поисках

трактора, безнадежно засел на Хаткинском повороте — месте, где неисчислимое множество и опытных водителей и новичков стали жертвами тамошней на редкость коварной грязи. От человека здесь мало что зависит: один проезжает почти спокойно; другой спустя пару минут движется по его следам и укладывает машину брюхом на жижу. Такая вот загадка природы.

И что теперь прикажите делать? Искать трактор — не вариант. Возвращаться назад, к буровой, слишком далеко, засветло не успеть. До Хатки куда ближе, но никакой техники в заброшенном поселке нет, а есть лишь несколько потрепанных беспутной жизнью бичей которые могут помочь, а могут и нет, все зависит от непредсказуемых перепадов их настроения и концентрации спирта в крови. До трассы тоже можно дойти, но опять же, времени при этом потеряет слишком много.

В общем, пришлось Игорю закатывать рукава и забираться в липкую грязь. Она не очень-то мечтала расстаться с четырехколесной добычей, сопротивлялась отчаянно, заставив пропотеть до состояния, когда он начал проклинать свое поспешное решение. Уж лучше бы отправился к трассе, сел там на попутку, а уже завтра решил вопрос с застрявшей машиной.

На свидание он безнадежно опаздывал и, что самое хреновое, телефон здесь не более чем будильник и фотоаппарат, связи нет никакой и вряд ли она появится в ближайшем тысячелетии. Разве что попробовать на высоченную сосну забраться и оттуда уже достанет? Да ну — бред, здесь, в узкой сырой низине окруженной высокими холмами, этот фокус не поможет.

Грязь сдалась, когда до темноты оставалось немногим больше часа. К этому моменту начались проблемы со стартером, к тому же при последнем рывке повредило глушитель, мотор теперь ревел раненым зверем.

Пусть и с потерями, но теперь «уазик» на свободе и на ходу. Лишь бы не встать теперь из-за поломок. В этой машине почти все можно починить с помощью проволоки, пассатижей и такой-то матери, но это приведет к дополнительной потери времени.

Игорь преодолел остатки бездорожья, выбрался на трассу, понесся было в сторону города на максимально возможной скорости, но вскоре был вынужден резко снизить темп из-за густого тумана. Вечерами в этих краях такое случается, но нынешний по плотности побил все рекорды. Свет фар упирался в монолитную молочную стену, асфальт едва просматривался на несколько метров, а далее непроглядная мгла.

Света уже изнывает от нетерпения, покрашенные ногти грызет в ожидании звонка, а он все еще хрен знает где от города. Эх, вот так и планируй приятный вечерок...

Остановился на обочине, включил «аварийку», отошел от гудящей машины, глушить которую опасался из-за неполадок со стартером. Здесь, в десятке шагов, ее шум не мешает короткому телефонному разговору. Вроде новая пассия не совсем уж тупая курица, должна все понять, простить и даже пожалеть. Ну а если не вникнет в ситуацию, хрен с ней. Найти другую — вообще не проблема. Дело ведь вовсе не в том, что, наконец, нашел свою судьбу с которой готов сосуществовать до гробовой доски, а в извечном стремлении самца как следует нагуляться.

Поднес трубку к уху, поморщился. Где-то рядом определенно жгут какую-то отвратительную химию, запах такой, будто к носу поднесли открытый флакон с едкой кислотой. Может это и не туман вовсе, а дым от пожара? Хотя что здесь может так масштабно полыхать? Дальний пригород — несколько поселков, влачащие жалкое существование фермы, четыре глиняных карьера, из которых лишь пара действующие, да почти заброшенный железнодорожный полустанок. Может там в тупике пыхнул состав с цистернами? Гадости разной много возят.

Телефон подозрительно молчал и причина этого обнаружилась с первого взгляда — отсутствовал сигнал сотовой сети. И это весьма странно, потому как здесь он всегда ловил исправно. А чего ему не ловить, если до большого города рукой подать? На каждом холмике вышки, даже быстрым интернетом можно наслаждаться.

Из тумана вынесся огромный черный внедорожник, в последний миг вильнул, уклоняясь от лобового удара с «уазиком», но маневр был недостаточно своевременным: с дикой силой ударил краем; вдребезги разнес угол; раззявив пасть откинутой крышки капота и, сверкая уцелевшей фарой, юзом понесся по обочине с силой расшвыривая во все стороны щебенку. Напоследок боком ударился о металлическую ленту ограждения, помял ее и себя, остановился.

Да уж, день у Игоря явно не задался.

Впрочем, сейчас не самое лучшее время думать о пострадавшем четырехколесном друге. Он-то был пустой, а внедорожник вряд ли ехал сам собой. Удар не из слабых, люди могли серьезно пострадать.

Игорь бросился к водительской дверце, отжал ручку, потянул на себя. Ничего не произошло. Еще раз, еще, а вот и результат: с натужным скрежетом поддалась, почти сразу всякое сопротивление исчезло, послушно распахнулась. Из-под раздувшейся подушки безопасности на землю вывалился грузный лысоватый мужик лет тридцати пяти, неловко поднялся, придерживаясь за побитую машину начал лихорадочно оглядываться, что-то невнятно бормоча и сокрушенно тряся головой.

— Э?! С тобой все в порядке?! — спросил Игорь.

Уставившись на него, водитель внедорожника вытер кровь с губы и глухо пробубнил:

— А ты кто?

— Я из той машины с которой ты поцеловался.

Тот, повернувшись, уставился на пострадавший «уазик» и с надрывом проревел:

— Ты где права купил, дятел?! Кто тебя вообще водить учил?!

Игорь ничуть не опешил от такого наезда. Видал и похуже, к тому же можно многое списать на стресс после неслабого столкновения. Потому без лишней агрессии, но очень твердо ответил:

— Сбавь обороты, и голосить во всю пасть тоже не надо, тут тебе не похороны. Машина не ехала, а стояла с включенными фарами, на «аварийке», прижавшись к краю обочины с правой стороны. Разуй глаза и сам это увидишь. Полоса здесь двойная, а твой катафалк почему-то несся по встречной с такой скоростью, будто его наскипидарили. Туман видишь? Он сейчас такой, что даже пять километров в час — уже «Формула-Один», а ты мчался ну никак не меньше пятидесяти-шестидесяти. Ну и кто из нас права купил?

— Слышь, кончай уже грузить, умник. Это мы еще посмотрим, кто где стоял и кто как ехал.

— Да без проблем, — Игорь пожал плечами. — Вызовем гайцов, пусть разбираются, я разве против. Ты один в машине?

— Я... Чего?! О! Блин! Ляля! Лялечка!

Незнакомец, будто очнувшись, резво сунул голову в недра машины, голосом нежного папаши, склонившегося над колыбелью, произнес:

— Ляля, ты там как? Не сильно ушиблась?

— Я нос об эту подушку расквасила, — ответили плаксивым и не слишком мелодичным женским голосом. — Может даже сломала. Гриша, я боюсь, что мне теперь делать? В такое время порядочных врачей нигде не найдешь, ночь уже.

— Сейчас! Сейчас мы все решим, милая! Посиди тихонько, сейчас будет все!

Мужик начал лихорадочно водить пальцем по экрану дорогого смартфона, что-то невнятно при этом бормоча себе под нос. Затем, так и не найдя того, что искал, спросил:

— А ты это... телефон лечилки не знаешь? Ну там врачей как вызвонить?

— Знаю, но здесь связи нет.

— Да ты гонишь, я только что базарил, все было.

— Ну вперед, звони дальше.

— А ведь и точно, ни одной полоски не показывает. Что за фигня? У тебя тоже так?

— Говорю же, нет связи. Что неясно?

— Ляля волнуется, нос у нее совсем плохой. Недавно на нем операцию делали, любит она красоту наводить. Врача надо быстро. У тебя машина на ходу?

Игорь покачал головой:

— Радиатору точно кранты, и заглохла после удара. Вряд ли получится завести, там и до этого стартер совсемдохлый был.

— Вот нахрена на ржавых тазакх гонять? Все наши беды из-за таких как ты. Вот ведь повезло на тебя нарваться, откуда только беретесь...

— Этот таз проедет там, где твой катафалк по крышу утонет.

— А я по дерьму не езжу.

— Зато я езжу.

— Слушай, надо что-то придумать со связью. Резко придумать. Ляля ждать не может, у нее кровь из носа идет, впечатлительная она.

— Можно дойти до фермы или поселка, поискать там стационарный телефон.

— А далеко идти?

Игорь пожал плечами:

— Я не знаю, в этом тумане не пойму, где мы вообще оказались. Озеро я вроде не проезжал, оно должно быть справа и напротив него мост маленький.

— Я только что через какой-то мостик проскочил. А потом сразу бах и здравствуйте.

— Это хорошо. Там чуть дальше будет дорога, тоже направо, к поселку, который за озером строят. Часть коттеджей уже готова, там люди живут. Не уверен, что в домах есть стационарные телефоны, но «скорую» вроде бы можно вызвать и через сайт, а интернет там должен быть, место не из самых бедных.

— Это как через сайт?

— Не сталкивался, но слышал, что можно.

— Сгоняешь туда? Вызовешь? Я просто Лялю оставлять боюсь, без меня она что дите малое. Сгоняй, ты молодой, тебе разве трудно. Вот, визитка моя, с нее прочитаешь им кому помочь надо. И вот, я телефон на другой стороне напишу. Попробуй туда дозвониться. Толик там, кореш мой, он деловой, во всех темах сразу сидит, сам все порешает как надо. Ну чего

ты тут стоишь? Иди уже, или ночевать здесь останемся. Не видишь, что ли, кроме нас никто не ездит. Дорога будто вымерла из-за этого тумана.

Ночевать здесь не хотелось. А машин и правда почему-то нет. Так что предложение своевременное и правильное, а лучших кандидатур чем Игорь здесь не отыскать. Одно плохо — нагловатый тон, каким все это высказывалось.

Впрочем, сейчас не те обстоятельства, чтобы становиться на рога из-за такой ерунды. К тому же по всему видно, что Гриша иначе изъясняться не обучен.

* * *

Кислый запахок доставал все сильнее и сильнее. Вот-вот и от него начнут слезиться глаза. Мысли о том, что где-то рядом, возможно, горит что-то опасно-химическое не выходили из головы. Очень может быть, что он рискует надышаться этой гадостью до опасного отравления. И как этому помешать? Противогоза у него нет, в какой стороне источник возможного заражения неизвестно, куда следует бежать, чтобы побыстрее выбраться на чистый воздух — тоже непонятно. Остается последний вариант — добраться до поселка, там узнать последние новости, и там же попробовать дозвониться.

Кстати, то, что машин нет вообще, тоже наводит на мысли о химическом заражении. Где-то впереди и сзади трассу, возможно, перекрыли, но Игорь выехал по отвратительной грунтовке из глухого леса, а водитель джипа успел проскочить или тоже появился с не слишком популярной боковой дороги.

Блин, надо было хотя бы тряпку намочить и дышать через нее. Не противогоз, но от обычного дыма помогает. Уж очень неприятный запах, с этим туманом явно что-то нечисто.

Влагой потянуло. В густом тумане поле зрения минимально, но Игорь почти не сомневался, что справа началось озеро. По местным меркам большое, и достойная рыбка в нем водится, хороший вариант для пригородного поселка. Будь деньги, сам бы не отказался обзавестись здесь коттеджем, но при таких изуверских ценах можно только облизываться.

Все верно, Игорь не ошибся, он и правда находится рядом с озером. Из него вытекает едва заметный ручей, через его топкую низину переброшен мост. Очень узкий, временный, всего лишь в одну полосу, машины здесь проходят чуть ли не впритирку к узким перилам. Вопреки всем нормам

безопасности для пешеходов места вообще не оставили, для них понизу проходит тропинка где через воду переброшена пара досок. Там и днем-то неудобно ходить, а уж ночью да в такой мгле и без нормального фонарика — тот еще триллер.

Нет уж, Игорь пойдет поверху, ведь машин, которых там стоит опасаться, нет. Дорога вымерла.

Увы, но неприятности, которыми изобиловал затянувшийся день, еще не исчерпались. Не успел Игорь дойти до середины, как расслышал быстро усиливающееся урчание автомобильного мотора. Странный туман искажал звуки, казалось, что машина гудит в сотне метров, но вдруг мглу прорезали столбы света от пары фар и вот он: быстро приближающийся бампер микроавтобуса.

Что хуже всего, мчится он быстро и впритирку к перилам, не оставляя места для пешеходов. Водитель — полный псих, гонит куда быстрее чем толстяк на внедорожнике. Да как он до сих пор не вылетел в кювет в такой мгле? Самоубийца...

Все эти мысли стремительно проносились в голове Игоря пока он перебрасывал свое тело через перила. Мчаться на другую сторону моста — не вариант. Слишком узкий, стоит ненормальному водителю чуть вильнуть и достанет даже там. Только вниз — не самый приятный, но оптимальный выход. Высота невелика, так что пострадает лишь одежда, грязновато там в любое время года кроме холодной зимы.

Игорь успел убраться с пути за миг до столкновения. Пролетел метра три во мраке, поджал ноги, намереваясь пружинно встретить землю. Но вместо раскисшей почвы угодил на край того самого дощатого мостка, по которому передвигаются здешние пешеходы.

Столкновение вышло неудачным, ногу больно дернуло, всякая опора и чувство ориентации в пространстве пропали, Игорь завалился во мрак, вскользя приложившись макушкой о массивный столбик, являвшийся частью основания мостика. Сильный удар напрочь выбил сознание из головы отправив в совсем уж кромешный мрак.

На этом первая ночь новой жизни для Игоря закончилась.

Глава 2

Пробуждение было не из приятных. Голова болит как перед смертью, ноги болтаются в холодной воде ленивого ручейка, тело лежит в грязной траве, прямо перед носом расселась огромная зеленая лягушка, с важным видом уставившись на Игоря. Когда тот начал подниматься, она с явной неохотой упрыгала.

Игорь недоуменно огляделся. Потрогал страдающую голову, нащупав в районе макушки знатную шишку. Слегка подташнивало, но ему не верилось, что мозгам досталось настолько серьезно, что он провалялся в таком несимпатичном месте всю ночь. Ну а как иначе объяснить то, что время приближается к рассвету, темнота осталась в прошлом, даже сумерки и те уже отступили.

Вытащил из кармана брюк телефон, чтобы узнать точное время, но здесь его ждал жестокий облом — вода ручья добралась до нежной электронной начинки, аппарат не подавал признаки жизни. Может после капитальной сушки заработает, но дело это небыстрое.

И что прикажите делать? Шагать в поселок? Да он теперь на печального бомжа похож, негоже в таком виде показываться в приличном месте. Водитель разбитого джипа не дождался подмоги, небось сам уже все вопросы решил, благо машины по дороге, как оказалось, все же ездили. Игорь не успел далеко уйти, сейчас быстро вернется, посмотрит, что там за обстановка. К тому же в багажнике осталась сумка, где лежит второй телефон. Старенький, держит он его исключительно за удобный встроенный фонарик, иногда выручает. Странно, что не вспомнил о нем ночью, когда свет бы не помешал.

Если снять с залитого телефона сим-карту и переставить на тот, можно будет попробовать связаться с городом. Теперь уже не только Светку надо вызванивать с извинениями, а и начальство, потому как на утреннюю планерку он точно не успевает.

С этими мыслями Игорь выбрался наверх и направился назад, к машине.

Токсичный туман исчез бесследно, видимость отличная. Игорь рассмотрел озеро за дорогой и коробки недостроенных коттеджей за ним. Никаких признаков жизни там не наблюдалось, но он точно знал, что некоторые дома, из дальних, обитаемы еще с прошлого года. К тому же на территории присутствует охрана, да и рабочие должны быть. Если не

срастется со вторым телефоном, ему все же придется идти туда, потому как такому грязному и мокрому типу придется очень долго тормозить попутку.

Свою машину он увидел за первым же поворотом. Рядом с ней стоял черный джип. С виду на месте аварии ничего не изменилось, Игорю это очень не понравилось.

И движение опять же слишком слабое, ни одного автомобиля он так и не увидел за все время, если не считать того сумасшедшего микроавтобуса. А ведь дорога из популярных.

Что-то тут явно нечисто...

Прошел мимо «уазика», постучал по крыше джипа:

— Эй! Есть кто живой?!

В ответ тишина. Что ж, получается, люди из этой машины все же смогли каким-то способом уехать. Может прямо сейчас лучшие светила провинциальной хирургии спасают нос Ляле. Жаль, что он так его и не увидел, интересно ведь оценить.

Дверь внедорожника так и осталась открытой, Игорь не удержался, заглянул. Сдутые полотнища подушек безопасности, водительская густо залита кровью. Нахмурился, ведь у мужика не было видно серьезных повреждений. Откуда столько могло натесть? Пассажирская вообще чистая, хотя Ляля вроде как основательно расквасила нос.

Под кроссовкой металлически звякнуло. Скосив взгляд вниз, Игорь разглядел латунный цилиндрик. Присел, поднял гильзу, понюхал. Запашок свежий, судя по характерным признакам — от травмата.

И что это значит? Дорожные бандиты напали на разбитый джип? Может быть и так, хотя подобные шалости маловероятны, но все же исключать их нельзя. А может сам водитель джипа с кем-то выяснял отношения и не придумал ничего лучшего, чем применить пистолет. Такие ограниченные личности любят таскать стволы и размахивать ими по любому поводу.

Пострелял немного, залил кровью машину, и пропал куда-то вместе со своей подружкой. Как-то это все странно.

Крови, кстати, многовато. Тут дело вовсе не в царапине, натекло очень прилично. Глядя на потеки Игорь боролся с усиливающейся дурнотой. И виной этому вовсе не то, на что он уставился, ведь такие вещи его никогда не смущали, нервы крепкие. Похоже, голове досталось куда сильнее, чем показалось поначалу. Или сказываются последствия того тумана, знатно дурной кислятиной надышался. Что-то с ним явно не так, даже мысли путаются, хочется просто постоять ни о чем не думая.

Где-то вдалеке треснул выстрел, прокатилось приглушенное эхо,

быстро стихло. Охотники балуются? Да вроде еще не сезон. К тому же дичь возле города — редкость. Даже вдали от него, где далеко не каждый проехать сможет, можно весь день проходить по лесу и не встретить ни единого выводка рябчиков. Извели зверье, скоро вообще не останется.

Да и палили явно из нарезного, причем не из мелкашки. Такие стволы не столь уж и великая редкость, вот только стрелять из них здесь вообще некого. Это надо дальше, к реке ехать, к сырým пойменным лесам и плавням, поближе к кабанам. Ну и кроме них можно много чего интересного встретить. А тут только полицаев злить такими звуками.

Машин так и не было, дорога будто вымерла. Нет, она и раньше не отличалась чрезмерной загруженностью, но не до такой же степени.

Хватит уже в недоумка играть, здесь явно что-то происходит. Игорь не знал, во что именно на этот раз вляпался, зато понимал, что надо делать дальше. Тот мужик был прав, придется идти к поселку и там уже действовать по обстоятельствам. Хотя и перепачкан, но одежда не рваная, документы в полном порядке, объяснит там, что в беду попал, помогут чем смогут. Народ у нас не улыбочивый, но зато отзывчивый.

За спиной послышался шум. Игорь обернулся и понял, что хозяин разбитого джипа никуда не уехал. Он все еще здесь, стоит в десятке шагов.

Нет, он не стоит. Приближается.

* * *

Как и многие его современники Игорь не раз смотрел фильмы, где фигурировали ходячие мертвецы, или, говоря короче — зомби. Достаточно удобный сюжет для рядового фантастического сценария, ведь не надо работать с дорогими спецэффектами ради создания дивного облика совершенно фантастических чудовищ. Враг легко узнаваем; мотивация его не нуждается в занудных объяснениях; достаточно немного грима, чтобы превратить в такое страшилище любого. Нет ни малейших проблем с созданием целой толпы бодрых покойников, лишь бы статистов хватило. Причем последним вовсе не нужно проявлять какие-либо особые способности, знай себе ковыляй походкой обделавшегося человека куда режиссер прикажет.

Из простоты реализации проистекала возможность даже для начинающего работника кинематографа или вовсе зеленому любителю легко приобщиться к популярному жанру. То есть имея хоть какую-нибудь камеру или доступ к ней можно на бюджете соизмеримом с размером

студенческой стипендии создать, как минимум, короткометражку с громким названием «Зомби против стриптизерш». Великий талант или хотя бы внятный сюжет при этом вовсе не обязателен, главное — энтузиазм, много кетчупа вместо крови и трясущаяся картинка.

Естественно, из-за таких вот горе режиссеров и им подобных и без того неблагородную тему заездили до неприличия. Игорю иногда приходилось сталкиваться с очередными поделками в этом жанре и не признать то, что уровень падает ниже самых последних плинтусов, он не мог.

Первое, что сейчас вспомнил, это как раз такие фильмы. С наигранными ужимками непрофессиональных актеров, убогим гримом и копеечным кетчупом. Именно героем подобного «шедевра» в данный момент выглядел водитель злосчастного джипа.

С того момента, когда Игорь пошел искать поселок, мужчина сильно изменился. Он где-то потерял свои брюки, щеголяя теперь в цветастых трусах почти по колено, остальная одежда на нем была разорвана и перепачкана в крови, что сплошной запекшейся коркой покрывала нижнюю половину лица. Над темно-красным месивом тускло поблескивали два блеклых рыбьих глаза, жизнь в них не просматривалась.

А еще можно было рассмотреть рваную дыру на правой щеке через которую было видно оголившиеся коренные зубы. Возможно именно из этой раны столько натекло.

Нет, грим тут явно не из дешевых. И пахнет деревенским сортиром, что для кинематографа излишне.

Да тут вообще гримом не пахнет! Тут!..

Ходячий покойник дышал шумно, с натужным хрипом. И при этом медленной покачивающейся походкой приближался к Игорю. Руки не протягивал, вкусные мозги не кланчил, но это был именно зомби или что-то из этой же замогильной области. Мужик необратимо мертв, это поймет любой просто глянув в его погасшие глаза.

А потом омерзительно, заурчал — страшно, не по человечески. В тусклых глазах проскочили искорки вождения. Мертвец как следует разглядел Игоря и увиденное ему понравилось.

С гастрономической точки зрения.

Сбоку слышалось подозрительно шуршание. Скосив взгляд, Игорь увидел женщину неопределенного возраста, ползущую в его сторону с явно недобрыми намерениями. То, что она коллега первого зомби, было совершенно очевидно. Шея несчастной была разодрана так, что можно было разглядеть кости и оголившуюся артерию. И, тем не менее, несмотря

на очень серьезные повреждения, эта барышня двигалась достаточно бодро. Правда, при попытках подняться тут же заваливалась с колен, но это уже мелочи.

— А ну стоять! Стоять сказано! Не подходите! — с угрозой протянул Игорь.

Он ничуть не удивился тому, что его настоятельную просьбу проигнорировали. Просто хотел услышать собственный голос, сам не понимая зачем это сейчас надо. Отступил на шаг, от души щипая себя за руку. Болит, вроде бы не сон. Да и не бывает сон таким реальным, по крайней мере ранее подобного с ним не случалось.

Еще шаг, еще. Парочка приближалась медленно, но не сбавляла темп. Можно без труда уйти, если двигаться ускоренно, а бегом оставит их далеко позади через пять минут. Но мчаться непонятно куда не хотелось. Мир из понятного и предсказуемого превратился в сумасшедший дом, и это следует осмыслить без суеты.

Что вообще теперь делать? Вот что должен делать человек, угодивший в ситуацию, когда вокруг него шастают ходячие трупы?

Игорь точно знал, что не следует делать ни в коем случае. Не надо оставаться на дороге, где происходят такие жуткие вещи. Потому перелез через ограждение, оглянулся, оценил дистанцию до бодрых покойников, быстро зашагал вверх по пологому склону планируя взобраться на пригорок, а далее, скорее всего, обойти озеро и добраться, наконец, до поселка. Может хоть там что-нибудь прояснится.

Через минуту обернулся. Увидел как водитель неуклюже перевалился через ограждение, упал в высокую траву, неловко поднялся, пошатываясь, будто пьяный, продолжил идти вслед за Игорем. А женщина сильно отстала и теперь не может понять, как преодолеть преграду, так и ползет вдоль нее.

По крайней мере скудоумием она не отличается от киношных зомби. И это слегка утешает.

Глава 3

Пост охраны выглядел плохо. Разбитые стекла, перекошенная дверь висит на одной петле, а на стене остался четкий отпечаток окровавленной ладони. Игорь крутанул в руке прихваченную по дороге увесистую палку, осторожно заглянул через окно. Внутри перевернутый стол и стулья, бурые брызги, какие-то разбросанные узкие бумажки разных цветов. Ни живых, ни мертвых, и ничего полезного, вроде действующего телефона.

Обернулся. Бывшие жители поселка, весьма вдохновленные его прибытием, медленно покачиваясь неотвратно приближались с трех сторон. Ничем не отличаются от той неприглядной парочки, которую он оставил позади. Вон, какой-то бородач ползет так же, как та женщина, с трудом голову на весу удерживая. На некоторых можно разглядеть раны или хотя бы кровавые пятна на одежде, другие с виду не получили никаких повреждений, но устраивать им осмотр не было ни малейшего желания.

Все как один медлительные, но они могут стать большой проблемой если заблокируют его в помещении или окружают толпой на открытой местности. Игорь по все тем же фильмам прекрасно помнил, что один укус такого субчика может быстро приобщить его к армии живых мертвецов, и такая перспектива не вдохновляла. Возможно, здесь дело совсем в другом, и ничего подобного не произойдет, но проверять это на себе почему-то не хотелось.

Прикинув диспозицию, он решился. Заскочил внутрь, быстро промчался по маленькому помещению, расшвыривая в стороны стулья, бумаги, какие-то картонные коробки под стеной. Но все тщетно, никакого оружия или средств связи так и не нашел. А ведь возлагал на здешнюю охрану определенные надежды.

Игорь не собирался воевать с мертвецами. Возможно, он ошибается, и они просто тяжело больны, а излечение возможно, пусть даже не для всех. Но на случай, если его обложат всерьез, хотелось бы иметь возможность врезать по колену резиновой дубинкой, или даже выпустить пулю в голень. Лучше пусть потом разбираться с полицией и нелогичной судебной системой, чем бродить вот так... пьяно пошатываясь и с вожделием урча при виде нормального человека.

Выскочил наружу, показал фигу ближайшему мертвяку, обернулся в одну сторону, в другую. Поселок почти необитаем, из полутора десятков зомби лишь треть не характерной азиатской наружности. Остальные как

раз те, чернявые, в рабочей одежде, да и европейцев в таком прикиде хватает. Все эти люди еще вчера работали на здешних стройках. И вряд ли их было так мало. Тогда где все остальные? Не исключено, что прямо сейчас стягиваются сюда, на ближайшую к озеру улицу.

В поселке, похоже, ловить нечего. Ну разве что большие неприятности. Телефона в будке охраны не оказалось, где его искать, он не знает, да и лазить по немногим обжитым домам не хотелось. За дверью там может случиться всякое. Например — встреча с хозяином. И хорошо, если он холодный и медлительный. А если перепуган до чертиков от происходящего кровавого цирка и сидит, забившись в угол, держа при этом палец на спусковом крючке любимой двустволки?

Игорь не считал себя трусом, но и не видел смысла так нарываться.

Машина. Ему срочно нужна машина. Дернет в город, уж там точно должен быть какой-то порядок, а не бардак разгуливающих где попало неугомонных жмуrows.

Новенькая «вольво» у ворот. Такую машину с ключами в замке зажигания никто не бросит, но Игорь все же подбежал, убедился, что так оно и есть. Их можно поискать, но для этого придется заходить в дом, рисковать, терять время. Покойники продолжают стягиваться к нему, видимо их привлекает суeta создаваемая единственным полноценно живым, попадать в их окружение не хочется.

Дальше, дальше, еще дальше. К стройкам. Может там что-нибудь найдется. Опыта управления грузовиком у Игоря не было, но сейчас он согласен сесть за руль чего угодно, хоть груженого цементовоза или даже ассенизаторской машины. Лишь бы оно ездить умело.

Видавшая виды «Газель». Хороший вариант, но ключа тоже нет, и искать его тоже не получится по тем же причинам. Значит, надо шагать дальше. А это что там, вдали, у вагончика на краю внушительной стройки? «Уазик-буханка», то что нужно, машина знакомая. Только что там случилось? Почему бампер уткнулся в покосившийся от удара забор? Авария? А кто повеселился с дверью водителя? Она оторвана и валяется в стороне, а ведь при столкновении пострадать не могла.

И что там, еще дальше? В той стороне, куда ведут темные полосы, которые тянутся от машины?

Дальше, скорее всего, расположился водитель. А если точнее — то, что от него осталось. Большая часть костей, мясо на голеньях и, частично, на черепе, фрагменты мягких тканей там и сям. Присевший над останками ребенок лет десяти с урчанием пытался отодрать кусочек от добротной обглоданной кисти, но получалось плохо.

Игоря, наконец, стошнило. Желудок пустой, рвало чистой желчью, зато от души, едва на ногах устоял. Малолетний зомби на него никак не реагировал, так и продолжал заниматься своим неаппетитным делом.

Оно и к лучшему, лишнее внимание сейчас ни к чему. О! Удача! Ключ так и остался в замке зажигания. Кто-то напал на машину прямо в движении, когда она, скорее всего, ехала очень медленно. Оторвав дверцу, этот неведомый силач далее выдернул водителя, оттащил его за дорогу и там оставил то, что сейчас доедает ребенок.

На дверце виднелись следы, подозрительно похожие на те, что могли бы оставить немаленькие когти. Кто-то, разбив стекло, ухватился за металлический край так, что металл смяло, а местами даже слегка порвало.

Ногтями такое вряд ли сделаешь.

Хуже всего, что этот зловещий силач может скрываться где-нибудь поблизости. А может даже прямо сейчас смотрит на Игоря и представляет, с какой именно части тела начнет его употреблять.

Поверить, что тот ребенок самостоятельно смог умять столько человеческого мяса и внутренностей, невозможно. Кто-то основательно поработал до него. И не факт, что наелся досыта.

Машина, оставшись без водителя, заглохла после того как уткнулась в забор. Игорь просто выжал сцепление, завел, отъехал от преграды, ударил по газам так, что взвизгнули шины. И помчался не притормаживая на поворотах и не обращая внимание на многочисленные колдобины. Надо как можно быстрее покинуть поселок в котором водится кто-то, способный на ходу оторвать дверцу «уазику», после чего позавтракать водителем. Сейчас главное скорость, нельзя давать такому изворотливому людоеду ни единого шанса.

Краем глаза вроде бы заметил стремительное движение между коробок недостроенных домов. Скосил взгляд, вроде ничего не видать. Скорее всего показалось. Нервы шалят, куда от них денешься в таком переплете.

Объехал одиночного мертвяка, неуклюже ковылявшего по дороге. Тот, скотина, ухитрился удивительно быстро прыгнуть на пару метров и вытянуть покрытую заскорузлой кровью руку. Но лишь безвредно чиркнул ногтями скрюченных пальцев по борту.

А ведь еще чуть-чуть, и смог бы как следует ухватиться. Ведь дверцы больше нет, Игоря слева ничего не защищает.

Машина преодолела разбитый грузовиками строителей проселок и вынеслась на трассу за тем самым мостиком, под которым Игорь провел большую часть ночи. Ну теперь он на просторе, страхи отступили, сейчас с ветерком помчится в сторону города. Если ничего не помешает, то он будет

на окраине минут через десять. Ехать всего ничего.

* * *

Магнитолы в машине не было, так что послушать радио не удалось. И музыкой себя развлечь не получилось. Без последнего, конечно, прожить можно, а вот без каких-либо новостей...

Несколько раз попадались машины брошенные прямо на дороге или на обочинах. Некоторые столкнулись с ограждением, или даже вылетели за него, почти у всех дверцы нараспашку. Лишь однажды поблизости встретилось нетронутое неподвижное тело, и при этом рядом никого не заметил.

Объединенные костяки встречались куда чаще.

Подвижные тела встречались куда чаще. Оборачиваясь на шум мотора, они, ковыляя одинаковой походкой беременной утки, по мере сил спешили навстречу машине. Игорь их легко объезжал, при этом стараясь не подставлять левую сторону. Помнил про того ловкого попрыгунчика. И эта тактика оправдалась, еще несколько мертвяков бросались с неожиданной прытью как только дистанция сокращалась до нескольких шагов. Один даже ухитрился подставить голову под удар стойкой. Может ему при этом шею свернуло, но Игорь даже не обернулся.

Вот теперь он готов их убивать. Уже несколько раз видел лежащие тела, над которыми пировали эти твари. И лишь в одном случае это была собака, во всех других люди.

На всю оставшуюся жизнь запомнилась дряхлая старуха которая, потеряв где-то вставные челюсти, пыталась голыми деснами отгрызть сочный кусочек. Очень непросто разглядеть такие детали с не так уж и медленно движущейся машины, но бабка будто специально позировала, развернулась вовремя, оскалилась. У кого есть глаза, такое не пропустит.

Глаза у Игоря были.

А вот и город, точнее его промышленная окраина. Надо лишь пересечь кольцевую дорогу, но развязка здесь удобная, ее недавно сделали, даже в час пик заторов не бывает. Ну а сейчас, когда на дороге всего одна машина, можно вообще не оглядываться по сторонам.

В этот миг над машиной пронеслась длинная распластанная тень и тут же позади ослепительно сверкнуло, по ушам ударил тысячетонный молот. Игоря будто нашкодившего котенка вышвырнуло через проем отсутствующей дверцы, тело покатилося по асфальту, болезненно

соударяясь с ним локтями, коленками, головой и прочими уязвимыми местами.

Когда всякая инерция погасла и он, наконец, остановился, сил не осталось даже дышать. В ушах гудел церковный набат, заглушающий все прочие звуки мира картинка перед глазами неузнаваемо расплывалась. Вроде бы в поле зрения еще раз промелькнуло что-то длинное, похожее на огромный тонкий крест, но сфокусировать взгляд не получилось.

Да и не хотелось. Состояние схожее с тем, что испытал пару лет назад, когда сверзился с крыши на груды мешков с зерном. Не покалечился, но посадка вышла не из мягких: померк дневной свет; дух выбило так, что некоторое время балансировал на тонкой границе между темнотой и явью.

А сейчас все гораздо хуже. Больно, мерзко, непонятно и дико. Тело вроде бы на месте, судя по испытываемым мукам, но оно при этом ухитряется не ощущаться.

Давай, давай уже, в себя приходи, не будь гнилой тряпкой. Сюда уже топают мертвяки, им будет приятно застать тебя в беспомощном состоянии.

Со стоном приподнялся, затряс головой. Как ни странно, но столь примитивный порядок действий помог. Вместо расплывающейся мути появилась сносная картинка. Тускловатая, и цвета передаются как-то странно, но он все же видит.

В поле зрения попал «уазик». Машина каким-то образом оказалась на склоне насыпи поддерживающей эстакаду развязки. Она лежала на боку, задняя ее часть, сильно смятая и лишенная правого колеса, густо дымила и выбрасывала язычки пламени.

Эта «буханка» свое отъездила.

Тело слушалось отвратительно, но Игорь все же сумел отползти к обочине, перебраться через ограждение, залечь на склоне, вжимаясь в разросшийся здесь бурьян. И вовремя — он в третий раз увидел крестообразный предмет, но на этот раз успел рассмотреть его во всей красе.

Самолет с непомерно тонким фюзеляжем и такими же крыльями, отходящими почти под прямым углом. Хвостовое оперение причудливое, тройственной симметрией похоже на непомерно разросшуюся звездочку «Мерседеса».

Из под крыла летательного аппарата вырвался дымный росчерк, Игорь рефлекторно прижал голову к земле. Грохнуло, что-то противно провизжало над головой, подняв глаза, он увидел, что «буханку» почти пополам разорвало, и теперь она объята пламенем от кабины до задних дверей.

Стремительный самолет исчез так же быстро, как появился. Игорь только и успел бросить взгляд вслед, разглядев ауру винта расположенного позади.

В такой машине человек если и поместится, то только лежа на боку и поджав колени к груди. Даже для серьезного вооружения места нет, бьет несерьезными ракетами, которых надо две штуки для гарантированного уничтожения небронированной машины.

Вроде бы у его страны нет на вооружении ударных беспилотников. Война началась? Агрессоры добрались до города? Если так, то они за ночь каким-то хитрым способом успели преодолеть не одну сотню километров от границы. А если учесть, что граница эта разделяла его государство со странами, где хороши дела с верблюдами, но с авиацией плохи, оккупантам, скорее всего, пришлось шагать не оттуда.

Зомби повсюду, живых вообще нет, ударные беспилотники атакуют машины на дорогах, а еще Светке так и не дозвонился. Все чудесно...

А ведь идея! Можно ведь проломить голову какому-нибудь мертвяку, отжать мобилу, позвонить хоть куда-нибудь. Хотя есть обоснованные сомнения в том, что звонок осуществим. Помнятся вчерашние события, именно с тумана и отсутствия связи все и началось.

Полежал еще пару минут, не доверяя наступившей тишине. Со слухом просто беда, оглушило его конкретно, так что на уши надежды нет. Остается только зрение. Лежать, посматривать, не вернется ли летающая рукотворная тварь.

Не вернулась.

Но кажущееся затишье не обмануло его бдительность. Расслабляться нельзя ни на миг, ведь вокруг полчища ходячих трупов и летающая смерть. Прикинув оптимальный маршрут, прополз метров тридцать по склону, поднялся, прошмыгнул под мост, прижался там к холодному бетону, почти оглохшими ушами попытался выловить из колокольного гула хоть один угрожающий звук. Вроде ничего не происходит, значит, можно сделать еще один рывок. А дальше опять ползком по склону и под следующий мост. Под ним посидеть, еще немного послушать и отчаянный рывок к заправке.

Под козырьком, который защищал колонки от непогоды, остановился. Защита никудышная, зато бежать, если что, можно во все стороны.

Баран! Да одна ракета в удачное место, и здесь развернется раскаленный ад! Тут тебе и газ, и бензин нескольких видов, и дизельное топливо. Сам себя на фугас усадил и рад без памяти.

Должно быть сильно приложило, зашибленная голова совсем не варит. К тому же жажда дикая, омерзительно подташнивает, в животе неприятная

резь. Отбило что-то из требухи? Если так, то дело совсем кисло, зеленкой такое не лечится.

Махнув на все рукой, открыл стеклянную дверь, зашел, огляделся. В магазинчике пусто и ни малейших следов разгрома. Оружие и связь тут, наверное, не найти, но ему сейчас нужно кое-что другое.

Электричества вроде бы не было, но вода в холодильнике остыть не успела. Он вздохнул и высосал литровую бутылку и хорошенько отпил от следующей. Не сказать, чтобы жизнь резко полегчала, но хотя бы жажда осталась в прошлом.

А вот теперь пора грамотно оценить потери. Рваные брюки, левая коленка разодрана так, что смотреть страшно, правая тоже пострадала, но там не все так печально. Куртка тоже не выглядит с витрины, как и рубашка под ней, в хлам разбиты локти, костяшки пальцев, досталось левому запястью, внушительные ссадины на скуле и подбородке, ну и прочие мелочи. Должно быть все это заработал пока катился по асфальту. Спасибо, что скорость в тот момент была небольшая.

Как смог промыл раны, кое-где применил найденный здесь же пластырь. Завтра все это начнет дико болеть и ломить по настоящему, но сейчас почти не мешает. Надо продолжать двигаться, оставаться в этой стекляшке, которую легко разнесет пара ракет — не лучший вариант.

А куда идти? Куда-куда... Домой. Не так далеко осталось, пешком доберется. Родные стены все же. Хотя что ему с них? Там ведь не крепость, где можно отсидеться от орд мертвяков и беспилотников. И там его никто не ждет. Значит, прочь глупые мысли. Надо действовать без сентиментальности, с умом.

Что ему надо прежде всего? Правильно — выжить. Что стоит на втором месте? Информация — без нее невозможно долгосрочное планирование.

Начнем с первого — выживания.

Ему нужна еда, вода, медицинская помощь и защита от враждебных факторов. На данный момент он насчитал две угрозы: со стороны превратившихся в кровожадных зомби людей, и с небес. Также имеется информация о существовании еще одной опасности: медлительные мертвяки не могли оторвать дверцу машины, оставив на ней следы когтей. Они даже неспособны тебя догнать, если ты идешь быстрым шагом. Некоторые, правда, проявляют опасную прыть, но это лишь в тех случаях, когда дистанция сокращается до нескольких метров. Рывок их во всех случаях кратковременный, уже через секунду-другую они начинают брести с той же смехотворной скоростью.

Мертвяки, конечно — очень неприятно, но это не та угроза, которую следует опасаться в первую очередь. На открытой местности их можно вообще не брать в расчет.

А вот то, неведомое, небрежно отрывающее дверцы далеко не бумажных «уазиков» будто крылья бабочкам — пугало дико.

Надо найти оружие, желательно огнестрельное. А у него даже жалкой палки не осталось, так и сгорела в разгромленной «буханке».

И людей неплохо бы отыскать. Нормальных.

Вот только где же их искать...

Блин, что ж так плохо-то... Тошнит зверски, слабость накатывает, коленки дрожат. Похоже, голове крепко досталось. Сейчас бы к врачу, но где его теперь найдешь.

Вода есть, еда тоже имеется, хотя есть и неохота. Прихватит с собой бутылку, потому как вот-вот опять вывернет наизнанку и вслед за этим возвратиться нестерпимая жажда.

Приличное оружие в городе есть. Надо знать места.

Игорь знал.

Глава 4

Магазин не из маленьких, в два этажа. И разделен на несколько отделов где можно приобрести различные товары полезные для тех, кто любит с толком проводить время на природе. Рюкзаки и удочки, болотные сапоги и недешевые палатки, газовые плитки и надувные лодки. Но все вышеперечисленное добро Игоря не интересовало. Ему нужна только та часть, где торговали оружием. Там не только пневматика и травматика, там, пусть выбор и невелик, всякое лежало. С ружьем, заряженным пулями на крупную дичь, он будет знать чем встретить неведомую образину, отрывающую машинам двери на ходу.

Хотя, если самочувствие и дальше будет ухудшаться, очень скоро он просто не сумеет поднять оружие и как следует прицелится. В таком случае придется срочно подыскать удобную лежку и хоть немного прийти в себя.

Но если с головой совсем беда, в себя он уже никогда не придет.

Вокруг магазина медленно слонялись десятки мертвяков. Игорь, наблюдая за ними с второго этажа коробки неспешно возводимого делового центра, заметил, что немалая их часть одета по домашнему: не первой свежести халаты, треники, затасканные майки. В нормальном состоянии человек никогда не выйдет в таком виде из квартиры во двор. Значит, скорее всего эта напасть случилась с ними среди родных стен. И уже потом они или сами сумели выбраться наружу, что свидетельствует о их не такой уж полной безмозглости, или кто-то выпустил. Например, разбегающиеся в ужасе родственники.

Вот только никого нормального Игорь пока что не встретил. Такое впечатление, что неведомое накрыло всех кроме него.

Ломать голову над тем, что именно привлекло в этот нежилой район такое количество мертвяков, не пришлось. Ответ был очевиден — Игоря опередили. Некто неизвестный варварски разнес витрину магазина не оставив ни стекол, ни решеток. Скорее всего, это действие происходило с немалым шумом и помпой, так что зомби не могли не заинтересоваться шумихой и стянулись сюда со всей округи. Самые первые, видимо, помешали грабителям и те решили вопрос просто — на асфальте осталось несколько неподвижных тел. Даже с неблизкой позиции, что занял на недостроенном здании, Игорь прекрасно видел темные пятна на коже, одежде и асфальте. Скорее всего — вытекшая из ран кровь, причем наблюдалась она почти исключительно в верхней части тел.

Кто-то тоже смотрел фильмы про зомби, раз старается бить исключительно в головы.

Один из мертвяков, до этого долго раскачивающийся на одном месте, сделал шаг, другой, присел над телом убитого, склонился, начал совершать характерные движение, напомнившие о том кошмарном мальчике в коттеджном поселке.

Ближайшие мертвяки резко оживились, потянулись к завтракающему собрату, начали присоединяться к омерзительной трапезе. Игорь уже отвел было взгляд, но заметил среди деревьев прилегавшего к магазину парка быстрое движение. Кто-то перемещался среди зарослей со скоростью, которую от мертвяков можно ожидать крайне редко и только при коротких рывках. Как ни вглядывался, детали рассмотреть не сумел. Просто неявный силуэт среди густой кленовой листвы.

Сидеть среди голых бетонных стен смысла нет. В магазине уже кто-то побывал, и, скорее всего, поработал там серьезно. Осталось там что-нибудь? Не факт. Зато вокруг полным-полно мертвяков, и рядом в зарослях бродит что-то непонятно быстрое и, очень может быть, смертельно опасное.

Нет, в магазин он точно не сунется.

А куда тогда? Ближайший вариант — отделение полиции. Может даже встретит там хоть кого-нибудь нормального, остатки управленческой пирамиды должны до последнего удерживать подобные места. Если и там ничего не сростется, будет думать над иными вариантами.

Подкинул на ладони кусок арматуры. Оружие так себе, но уже не пустые руки. Попытка разжиться топором с пожарного щита успехом не увенчалась, там вопреки всем правилам не оказалось столь полезного во многих случаях инструмента.

Ну да ладно, еще успеет вооружиться, не может ему вечно не везти.

То, что магазин разграблен, как ни странно порадовало. Значит во всем этом бедламе остался кто-то нормальный, и кто мыслит такими же очевидными категориями. Им бы сейчас встретиться и объединиться, многие проблемы остались бы в прошлом.

Может и встретятся.

* * *

Желанная встреча произошла тогда, когда он ее не ожидал. Шел напрямую, через дворы, чтобы не маячить у ходячих трупов на виду на

открытых со всех сторон улицах. Проскользнул в проход меж двух пятиэтажек, оглянулся в одну сторону, в другую. Вроде никого быстрого и опасного нет, лишь все те же едва передвигающиеся фигуры. Подобрался, рванул вперед, через широкий проспект. Надо как можно быстрее оказаться на той стороне, где он надежно укроется от недобрых взглядов. Ближайший мертвяк протянул руки, затем, попытавшись сделать рывок, неловко просеменил пару шагов, оступился, завалился на бок. Похоже, счел, что на короткой дистанции он дико крут и стремителен, но сильно переоценил свои возможности. Игорь, пробегая мимо, беззлобно пнул его в пятую точку и помчался дальше.

А навстречу из такого же прохода меж домов выехала грязно-зеленая «буханка». Почти точная копия той, которую расстреляли с воздуха, но без бросающихся в глаза отличий не обошлось. Наверху устроен решетчатый багажник, почему-то оцетинившийся короткими острыми шипами, решетки поскромнее местами установлены по бокам, а перед всеми стеклами на арматурном каркасе закреплена сетка-рабица.

Машина резко остановилась, из дверей быстро посыпались люди. Четверо мужчин не старше сорока лет и не младше двадцати. Одеты разношерстно, но добротнo: кто-то в камуфляже, другие в обычных джинсах и куртках из того же материала или кожи, один таскает шлем велосипедиста, второй крашенную зелеными пятнами строительную каску, остальные без головных уборов.

И все вооружены: два больших арбалета, двустволка, помповый дробовик со сложенным прикладом. Те, что прикинулись по средневековому, не совсем изменили современности: у одного пистолетная кобура на боку, у второго там же несложное крепление для обреза.

— Опа! А ну стоять! — крикнул обладатель двустволки, приседая на колено и беря Игоря в прицел.

Остальные поступили схожим образом, разве что присели не все.

Игорь слегка поднял руки, и спокойно, лениво цедя каждое слово, произнес:

— Так я вроде и не бегаю.

— Чьих будешь? Почему на нашей поляне? — строгим тоном спросил владелец помпового ружья. — Откуда ты вообще тут взялся такой красивый?

— Из дома.

— Ха! Из дома он! Да ты кто вообще?!

Один из незнакомцев опустил арбалет, миролюбиво произнес:

— Остынь, Бидон. Сам разве не видишь, это просто иммунный из

свежих.

— Да вижу я, просто прикалываюсь. Ну разве такое смешное чучело с кем-то спутаешь. Эй, ты, пугало, где это тебя так покромсали? По граблям бегал?

— Могу показать где это случилось, вас там только и ждут.

— Ха! Да он веселый! Что хорошее видел? Где тут хабар четкий? Знаешь деловые места?

— Да оставь ты его, — опять вмешался арбалетчик. — Кластер только-только вышел из перезагрузки, этот тип свежеиспеченный, и его уже потрепать успели. Не соображает ничего, плывет. И не жилец.

— Ага. Тот еще везунчик.

— Представляешь, в каком он сейчас состоянии? Ничего не соображает потому что понятия о таком не имеет, и голова варить совсем не хочет. От перезагрузки даже сутки не отмотало, мозги как не свои. Он тебе сейчас такого наговорит, что ты ночью спать не сможешь.

— Ага, помню себя таким, ох меня и штормило первые дни, такую пургу нес и чуть в петлю не полез сдуру. Ладно, валим отсюда.

— А с этим что делать?

— А зачем он нам такой нужен? Кончить хочешь, что ли?

— И зачем мне это надо?!

— Да шучу я, шучу. Все знают — примета нехорошая. Он и без посторонней помощи помрет, уже на ладан дышит. У нас живчик почти на нуле, из-за тебя между прочим, а в этого потрепанного дохода надо чуть ли не литр залить, чтобы оклемался. Оно того не стоит, у нас своих дел полно.

Непонятные незнакомцы начали забираться в машину и Игорь понял, что сейчас он останется один. Понимая, что нарываться на негативную реакцию при столь неравных раскладах сил не слишком умно, как можно спокойнее осведомился:

— Что тут вообще происходит? Сказать-то хоть можете, или тоже жалко?

Арбалетчик, помедлив, перед тем как садиться внутрь, покачал головой:

— Нельзя. Не получится. Это история, которую за час не рассказать. Вали отсюда, парень. Быстро вали. И далеко. На запад вали, никуда не сворачивая.

— А что на западе?

— На западе есть хорошие места, там спокойнее. Там у тебя какие-то шансы будут. А здесь вообще никаких. Быстрый кластер после перезагрузки — та еще ловушка для свежинки вроде тебя. И как бы ни

гнала нужда, не вздумай соваться в другие стороны, там еще хуже. Бывай, удачи.

Дверца хлопнула, машина тронулась. Игорь опять остался один.

Глава 5

Райотдела не было. Как не было и прилегающих к нему кварталов. И кварталов, что должны тянуться за ним, тоже не было. И не было труб химкомбината, которые день и ночь дымили на северной окраине, внося посильный вклад в непростую экологическую ситуацию. Отсюда, с набережной, эти громадины прекрасно видно в любую погоду. Не целиком, конечно, но макушки всегда разглядеть можно.

Город почему-то заканчивался здесь, на правом берегу реки. На левом нет ни закатанного в бетон спуска, ни дорожки, по которой так любят прогуливаться влюбленные парочки и мамы с маленькими детьми. Какие-то унылые кусты, за ними поднимается чахлый лесок, в просвете меж деревьями виднеется большой перекосившейся сарай, которому лет сто минимум, но при этом там его быть не должно.

Не было его. Никогда не было. Там уже давно стоят безликие кварталы панельных домов. Но если глаза не врут, все они куда-то исчезли.

Река тоже изменилась. Прежняя Текучка-Вонючка, как ее шутливо-ласково называли горожане, стала заметно шире и куда-то исчезли нескончаемые поля зловонных темных водорослей, что начиная с конца весны и до поздней осени плотно оккупировали правый берег почти на всем его протяжении. Вместо них появилась рыба, чего здесь не случалось со времен Всемирного потопа. То там всплеснется, то там, а вон вообще всем плескам плеск, чуть ли не динозавр выскочил из глубин, истинный размер такого трофея сможет изобразить только очень длиннорукий рыбак.

Игорь обернулся назад. За его спиной город никуда не исчез — дома как стояли так и стоят. Все целое, невредимое, только где-то далеко левее поднимается нездоровый дым. Скорее всего что-то серьезное горит, а тушить некому, пожарники заняты поисками свежего мяса.

Развернулся в сторону реки. На другом берегу как не было продолжения города, так и нет. Все тот же древний сарай и несерьезный лесок.

Игорь принял бы все: радиоактивные руины, сплошное пожарище, и, даже, забетонированное до самого горизонта пространство. Мало ли что успели сотворить с этой частью города неведомые агрессоры, превратившие жителей в ходячих мертвецов. Но к лесу, явно не только что посаженному, к дремучим кустам и ветхому сараю он готов не был. Все это не могли притащить сюда за одну ночь взамен похищенных домов, дорог и

фабрик.

Или он совсем свихнулся, или происходит нечто настолько запредельное, в сравнении с чем нашествие зомби — не заслуживающая внимания ерунда.

Как же болит голова... просто нестерпимо. Ему доктор нужен, с ней явно что-то не то, не может она так раскалываться из-за легкого сотрясения мозга. Вдруг у него начались галлюцинации? Может город на другом берегу никуда не исчез, но поврежденный мозг неспособен нарисовать правильную картинку?

Тогда многое легко объясняется.

Пытаясь укрываться за кустами и деревьями прошел пару сотен метров направляясь вперед. Туда, где ранее находился мост. Он и сейчас был там же, но лишь частично. Пролет добрался до первой опоры, а далее его будто ножом срезало.

Гипотеза с галлюцинациями нуждалась в подтверждении и он был вынужден смириться с тем, что надо выйти на открытое пространство. Добрался до конца обрубка моста, присел, тщательно ощупал свежий скол асфальта и обрезки железных конструкций. Все верно, осязание говорит о том же, что и глаза — на другой берег здесь теперь не попасть.

Разве бывает, что врут одновременно два органа чувств? Вряд ли. Тогда это или правда, или редкостный по реалистичности бред. Не исключено, что ничего не было. Очень может быть, что он сейчас валяется возле разбитого в хлам «уазика» и ему все это мерещится.

Зомби, запускаемые непонятно кем ударные беспилотники, непостижимым способом украденная половина города — полный набор начинающего шизофреника.

Как и всякий порядочный псих, Игорь не спешил признавать собственное безумие. Он все еще цеплялся за какие-то планы, не переставая бороться с нестерпимым желанием все бросить и залечь в какой-нибудь норе, где будет завывать от боли и пить воду, пытаясь заглушить дикую жажду, от которой лишь на время спасает поглощаемая литрами вода.

Про райотдел придется забыть, он сгинул в тартарары вместе с прилегающей частью города где, между прочим, стоял дом Игоря. Требуется другая цель. Хотя о каком оружии может идти речь? В городе работают шайки мародеров, он, едва ковыляя, вряд ли за ними угонится. Не так много здесь мест, где можно разжиться нормальным стволом, все они наперечет, обчистить их недолго.

Значит, что ему остается? Запастись едой и водой, после чего где-

нибудь залечь в надежде, что проблемы со здоровьем отступят сами собой.

Где наилучшие условия для такого времяпровождения? Если учесть, что много груза он на себе сейчас не утащит, потому как сам еле плетется, остается оптимальный вариант — забаррикадироваться в одном из продовольственных магазинов. И лучше не выбирать супермаркеты. Слишком заметно, слишком притягательно для мародеров, а не все они будут такими добрыми как та четверка.

Плохо быть слабым и больным когда все законы отменены.

И где именно остановиться? Магазинов много, а он не очень хорошо знаком с местными — не его район. Вроде как чуть выше по бульвару есть небольшой, но и не совсем уж крошечный. И не очень броский на вид, можно пройти мимо не обратив внимание. Нормальный вариант, все равно искать дальше нет сил, он сдает с каждой минутой все сильнее и сильнее.

Решено.

* * *

До магазинчика Игорь не дошел. Устало шагал вверх по круто спускавшемуся к реке бульвару, уже видел нужный дом и край вывески, но тут заметил, что слоняющиеся там и сям мертвяки, вместо того чтобы дружно оглядываться в его сторону, таращатся куда-то влево. А некоторые, бросив туда всего лишь один мутный взгляд, начинали со всей возможной скоростью удаляться в противоположном направлении.

Игорь посмотрел туда, куда и все смотрят. Зомби смотрят, и ему тоже интересно. Обернулся и увидел, наконец, того, кто, скорее всего, умеет открывать дверцы машин самым радикальным способом.

Мертвяк, каких он еще не встречал. Здоровенный детина не ниже метр девяносто, плечи неестественно широкие, причем одно заметно больше другого, кожа дряблая, серая, под ней бугрятся несимметрично расположенные мышцы и уродливые канаты разветвленных сухожилий. Лоб покатый, чуть выше кустятся отдельные пучки редких волос, челюсти неестественно широкие, взгляд исподлобья, и в нем нет безжизненности. Но и ничего человеческого тоже нет, так может смотреть взбесившейся зверь. И никакой одежды, ни клочка. Голое грязное тело.

Чертовски сильное и быстрое на вид тело. И лопаты огромных ладоней, где на кончиках пальцев разрослись или очень массивные ногти, или что-то куда хуже.

Крепкие когти.

Оставалась мизерная надежда, что эта чудовищная пародия на человека так же неуклюжа, как и простые мертвяки. Игорь медленно шагнул назад. Затем еще раз. Еще.

Монстр сорвался с места выпущенным из рогатки камнем. Даже в лучшие свои дни Игорь не смог бы показать такой результат, а уж сейчас, когда даже идти небыстрым шагом было трудно, нечего и мечтать оторваться от такого преследователя. Но не стал стоять на месте в ожидании знакомства с когтями, быстро развернулся, напрягая остатки сил помчался в противоположную сторону, вслед за медлительными зомби которые первые догадались туда податься.

Не успеет. Никак не успеет. Бульвар широкий, за ним тянутся дома, возле ближайших его и нагонят. Шансов нет вообще. Разве что вон, в машину забраться. Дверца открыта, на асфальте подозрительные темные пятна. Малолитражка жалкая, так себе укрытие, но другого нет.

Влетая в салон Игорь обернулся, увидев, что монстр настигает его с проворством бросившегося на мышку кота. Успел рвануть дверцу на себя, та захлопнулась с таким грохотом, что будь сейчас хозяин рядом, начал бы костерить неуклюжего пассажира на все лады.

Тварь не стала ломиться тем же путем, что и Игорь. Одним прыжком влетела на крышу, тут же заколотила по ней с такой силой, что тонкий лист начал прогибаться, вздувая бугры на обшивке. Жалобно звякнули боковые стекла, когтистые лапы покрепче ухватились за верх дверей, потянули так, что машина дико заскрипела, в стойках начало что-то трещать, корпус быстро деформировался, выдуваясь пузырем.

Игорь отчетливо понял — через несколько секунд несчастная малолитражка не выдержит такого издевательства. Крыша попросту оторвется, и единственный пассажир окажется под открытым небом.

Коробка со сладким тортом получится.

Открытая коробка.

Сжав покрепче жалкий кусок арматуры, он ждал. Ждал того неизбежного момента, когда придется принимать бой с кошмарной тварью.

Надолго этот бой не затянется...

Малолитражка оказалась не такой уж никчемной, как показалось поначалу. Стекла вылетели все до единого, крышу выгнуло по краям, но она еще цеплялась за стойки кузова, будто купол парашюта за стропы.

А потом жесть подалась под напором крепких когтей, взрезающих ее будто податливую фольгу. Тварь ухватила за край разрыва, потянула, расширяя, подрезала по бокам и резким рывком вскрыла машину будто консервную банку на дне которой залежался лакомый кусочек.

Игорь завалился на опущенную до минимума спинку сиденья, размахнулся арматурой, показывая, что совсем уж даром жизнь не продаст. Монстр, балансируя на остатках в хлам разодранной крыши, не торопился приступать к трапезе. Замер, заурчал плотоядно. Похоже, примеривается, как бы половчее пристроиться к добыче. Для такой туши внизу места маловато.

Послышался звук шлепка помидора запущенного с девятого этажа на асфальтированный тротуар. Левый глаз твари вылетел из глазницы, повис на коротком кровавом стебельке. Испустив тяжелый вздох, омерзительная туша начала заваливаться на Игоря. Тот успел перебросить часть себя на водительское место, но вот ноги запутались, помешал рычаг переключения передач. На колени навалилась такая тяжесть, что он чуть не заорал.

На этом все закончилось. Никто его не рвал зубами и когтями, монстр вел себя смирно, свернувшись в калач на пассажирской стороне. При этом в сторону небес уставилась антенна хвостовика короткой металлической стрелы, торчавшей из его непомерно мясистого затылка.

По машине кто-то постучал и беззаботным хитроватым голосом поинтересовался:

— Есть кто живой?

— Допустим, — ответил Игорь пытаясь высвободить ноги застрявшие под телом монстра.

— Я так и подумал, что транспорт не пустует. Иначе с чего бы это лотерейщику так сильно захотелось в него забраться. Ленивые они, просто так когтем о коготь не ударят. Ты кто такой будешь?

Сомнений в том, что спрашивают вовсе не имя, не было.

— Точно не знаю, но некоторые называли меня иммунным.

— Так все мы тут такие, другие не из разговорчивых.

— Ну я, наверное, из свежих. Так тоже говорили.

— Вот ведь бедолага. Из свежих, а сразу на матерого жрача нарвался. Не везет так не везет... Выбирайся, не поедет никуда эта машинка. Ей ремонт нужен. А лучше выбросить, уж очень плохо выглядит.

— Я бы вылез, да эта туша ноги придавила.

— Толкай ее, двигай. Я помогу. Только арматурку свою отложи. Я человек мирный, всякое насилие вызывает у меня отвращение. И даже намеки на него мне очень не нравятся.

В этот момент Игорь, наконец, освободил ноги. Покореженная дверца будто только этого и дожидалась до последнего терпя давление его навалившегося тела. Со скрежетом рухнула на асфальт, а следом упал Игорь, чувствительно приложившись головой. Сознание не потерял, но

слегка поплыл, ему слишком хреново, удар усугубил недомогание. А когда пришел в себя, обнаружил, что над ним стоит невысокий коренастый мужичок лет сорока: в затасканной камуфляжной куртке; в чистых и с виду новых джинсах; голова прикрыта черной бейсболкой козырек которой удерживает солнцезащитные очки; в руках здоровенный арбалет; из-за плеча торчит нечто очень похожее на рукоять топора.

Лицо у незнакомца было простое, открытое, располагающее к себе, но одновременно хитроватое. И улыбка такая же.

— Вижу, ты и без меня с ногами управился. Это хорошо, лишнюю работу никто не любит. Ну и как самочувствие, свежачок?

— Хотя в морг клади.

— Ну это понятно. Я к тому, что сам идти сможешь, или требуются платные услуги носильщиков?

— Платные?

— Для новеньких у меня гибкая система скидок, не разорю.

— Далеко идти?

— Куда-нибудь с открытого места. Нельзя нам тут долго маячить, а то мало ли кто заявится.

— Тут магазин рядом. Мне бы попить, а там водичка есть.

— Попьешь, чего же не попить. Где магазин-то?

— Вон там, — Игорь указал рукой.

— Ну ты посиди маленько, в себя приди, а я сейчас ценное добро прихвачу, нечего им разбрасываться.

Закинув арбалет за спину, мужичок снял с пояса цельнометаллический топорик, вздохнул печально, полез в машину. Послышались звуки, которые можно услышать проходя по тем рыночным рядам, где торгуют мясом. Пока длилась эта непонятная возня, Игорь крутил головой, наблюдая за мертвяками. Странное дело, но они, вместо того чтобы окружить машину смыкающимся кольцом, не обращали на нее внимание. Разве что некоторые шли издали с очевидным намерением полакомиться свежей человечинкой, но на подходах останавливались и, разворачиваясь, торопились удалиться.

Незнакомец выбрался из машины, поудобнее поправил средних размеров рюкзак на спине, снял с пояса металлический крюк, стукнул им по чему-то, находящемуся в машине, развернулся, с довольной ухмылкой показав насаженную на железяку голову жуткой твари:

— Ну вот и готово, теперь можно сходить по магазину. Поднимайся.

— Зачем тебе эта гадость?! — Игорь скривился. — Брось ее!

— Но-но! Я тебе дам ценным добром разбрасываться! Пошли, не надо носом крутить, я ведь не просто так голову прихватил, она нам пригодится.

Спорить не вариант, да и какое Игорю дело до того, что кто-то таскается с отрубленной головой? Может в этом сумасшедшем месте это модно, откуда ему знать.

Любитель отрубленных голов шел впереди, насвистывая какую-то незатейливую мелодию, а Игорь плелся за ним, борясь с дурнотой и головокружением.

И с мыслями о том, что все эти недомогания неспроста.

Он, похоже, постепенно превращается в безмозглого мертвяка. И что самое паршивое, ему сейчас так хреново, что эта кошмарная мысль вообще не пугает.

Глава 6

Мужичок придвинул к двери стол, на котором покупатели не так давно раскладывали покупки по сумкам, задорно пояснив:

— Пустыши поголовно тупые, они дернут за дверь, а потом так и будут стоять, таращиться через стекла. Не умеют открывать, если сложность хоть какая-то возникла. Удобно очень. Хотя они и так не полезут, у нас тут голова лотерейщика, для них этот запах что ладан для черта.

— Так вот ты зачем ее прихватил...

— Врать не буду, не только ради этого, но вообще-то ты прав, ведь это лучший способ заставить мелюзгу держаться подальше. Лотерейщику надо много еды, вот и кушает тех, кто послабее. Они хоть и тупые, но понимают это прекрасно, пугаются одного запаха. Тебе водичку с газом или без?

— Без.

— Держи.

— Благодарю.

— Это мне тебя благодарить надо.

— За что?

— Так пока тебя лотерейщик из той банки на колесах выковыривал, он по сторонам особо не смотрел. Туповат, увлекается очень, это у него не отнять. Вот и увлекся он тобой, как только что откинувшийся зэк увлекается веселой разведенкой. Ну а я за тобой уже приглядывал до этого, интересовался. Увидел такое дело, ну и подумал, что нечего добру пропадать. Подошел тихонечко, прицелился надежно... Ну а дальше ты сам знаешь, рассказывать не буду. В общем, выручил, теперь я твой должник.

— Принимаю оплату таблетками от головной боли.

— Головка бо-бо? Так у свежих бывает. Еще и тошнит, да?

— Выворачивает...

— Беречь себя надо в первые дни, а ты весь какой-то потасканный, в тряпье драном. Хотя по манерам и физиономии вроде из приличной публики. На кого хоть нарвался? Кто тебя так разукрасил?

— Сперва авария, застрял из-за нее вечером за городом. Потом чуть под машину не попал, с моста свалился, головой приложился. А утром машину мою ракетами сожгли, чуть не убили.

— Во как.

— Хочешь верь, хочешь не верь, но это был ударный беспилотник.

— А выглядел он как?

— Как крест летающий с мотором сзади. Ракеты не очень серьезные, две на «уазик-буханку» ушло.

— Где видел его? — насторожился незнакомец.

— На развязке южной.

— Это где центровая дорога через «А-четыре»? — резко расслабился мужичок.

— Не знаю я никакую «А-четыре».

— Ну да, откуда тебе знать. Значит, ты и в аварию попал, и с моста головой вперед улетаешь, и «мессер» тебя бомбил, и лотерейщик чуть-чуть не успел порвать, и весь этот список случился за неполный день. В роду случайно утопленников не было? Уж больно ты везучий.

— Ага... я тот еще счастливчик...

— На вот, хлебни.

— Вода?

— Это лучше, уж поверь.

Игорь взял протянутую фляжку, отвинтил пробку, понюхал, скривился:

— Что за гадость?

— Гадость? Ха! Смешной ты чудак. Живчик это, живун мой личный, по особому рецепту делаю, у других такой не увидишь. Пей давай, это куда лучше любых таблеток. И вообще, забывай уже о разной химии, теперь у тебя другая жизнь настанет, без лекарств и клистира.

Игорь скривился еще сильнее, но все же припал к горлышку. Голова болела так, что словами не передать. Казалось, что она раздувается воздушным шаром и вот-вот разлетится кровавыми обрывками.

— Ну и как тебе на вкус мой божественный нектар?

Игорь помедлил с ответом борясь с комком, который норовил выскочить из брюха не первой за этот день порцией рвотной массы.

— Ну чего молчишь? Восторг от вкуса дивного свел судорогой потрясенные уста?

— Ты из чего его варишь? Из своих шесть лет не стиранных носков?

— Надо же какой умница, в самую точку попал с первой попытки. Уважаю таких догадливых.

— Ну догадаться было несложно...

— А как теперь твоя бедная головушка? Трещит, будто в одно рыло выдул стратегические запасы самогона немаленькой деревни? Все также бо-бо? Или уже не совсем так?

Странно, но голова и правда перестала раздуваться. И вроде даже нестерпимая боль стремительно отступает. И порция блевотины резко передумала выбираться наружу. Даже слух вроде бы улучшаться начал за

счет того, что колокольный набат заметно притих.

— Ну и почему же ты опять замолчал? Признай уже, что в моих нестиранных носках сила великая спрятана, а не только пот засохший.

— Такое я не признаю даже под всеми китайскими пытками.

— Ты кто вообще будешь? Обращаться к тебе как?

— Игорь я.

— Игорь?! — мужичок скривился так, будто неспелых лимонов переел. — Ты это, забудь про Игорьков и всяких там Сереж. Совсем забудь.

— А что не так в моем имени?

— Тут только у баб имена, да и то на новые поменянные, в какую не плюнь, так на морду Зинка-Машка, но зовите меня Элизабет или Анжелиной. У таких как мы с тобой — честные погоняла. Ты никому вот так при встрече не представляйся. Мне-то все равно, я не из моральных уродов, но есть такие, которые последним чмом выставят. Особенно если будешь в таком рванье из себя делового изображать. Чушкарям убогим нигде уважения нет, а если они Игорьки или там Антоши какие-нибудь, так могут обноски отнять и бабский сарафан взамен подарить. А то и под хвост сунут, случаются у нас любители из простых Василиев Василис Прекрасных делать. Да не грузись ты, тут тебе не зона и не крытка, тут Стикс, а у него свои понятия, просто жаргон местами похож. Простая публика, и слова у нее тоже простые. Чем занимался до того как в Улей угодил?

— Улей? Ты еще скажи, что мы с тобой пчелы.

— Ты в Улье, Стиксом это не очень-то принято называть. И вообще, поменьше такие темы поднимай. Слово Улей любому легко запомнить.

— Я запомнил.

— Ну так что делал там, до Улья? Чем жил? Прозвище было?

— На буровых я работал.

— Буровик, стало быть?

— Геофизик. Каротажник.

— Кто?! При мне так никогда не матерись, я человек вежливый, не одобряю. Не похож ты на буровика, физиономия слишком ухоженная, слащавая, а работягам попроще надо быть. Рост какой?

— Метр семьдесят девять.

— Не мелкий, но и не сказать, чтобы здоровый. Может лосем тебя назвать? Будешь казаться солиднее. Нормально?

Игорь, отхлебнул еще один глоток неведомой гадости, поморщился, покачал головой:

— Лось рогатый. Я не женат, но планирую когда-нибудь, так что не

надо.

— Вряд ли ты успеешь тут жениться, но мыслишь правильно, погоняло с подвохом. Значит, у нас теперь аж три варианта вырисовываются: буровик — можно так и величать, ну или будешь просто Бур, похоже ведь; а геофизик — значит... Нет, лучше давай все, что на «ге» начинается, сразу отставляй. Не нужно тебе тут такое погоняло, уж поверь моему нескромному жизненному опыту, извратят до «гея» при первом удобном случае, хрен потом что докажешь, а толерантность здесь не в чести, страдать придется. Каротажник — слово нехорошее, длинное, и это получается... О! Будешь Карат, сократилось четко. Вроде ничего так звучит. Сойдет?

Игорь лишь рукой махнул.

— Э! Ты брось такую легкость мыслей показывать! Тут у нас какое-никакое, а все-таки крещение. Ты теперь Карат пока не помрешь, что, увы, случится, скорее всего, в ближайшее время, а я с этих пор твой крестный папаня. Все осознал, дорогой крестник?

— Что это за гадость ты мне дал? От нее и правда легчает. Наркота?

— Я что, та торчка похож? Тут тебе не Колумбия, четкая наркота дорогая, просто так не угостят. Ты еще хлебни пару глотков и паузу сделай, посиди тихонько. Станешь как новенький, правда, не моментально. А меня просто Шустом кличут. Шустрилой был сперва, обидно, да, но со временем четко обрезалось. Первое имя не спрашивай, и свое тоже забудь, даже в приличных стабах не вспоминай. Я людей сразу определяю, не из тех ты, кому надо за старое имя цепляться. Выбрось прямо сейчас из головы. Ты Карат навсегда, крестник Шуста, вот и закрыли тему.

— У меня вопросы есть. По поводу происхождения.

— Валяй.

— Шуст, во что я вообще вляпался?

— В говно.

— Ну это я и без тебя понял. Мне бы поконкретнее.

— Уж прости, но я в сортах говна невеликий специалист. Ты вляпался с головой в это самое, и тут нечего добавить.

— Вопрос не в этом.

— Ты, Карат, попал в Улей. Эй! Не части! Живчик — тот еще яд если не думая лакать, его помаленьку надо, и не частить.

— Что за Улей?

— Всякий Улей, Карат, должен состоять из сот. Ну это я именно про наш Улей, в пчелиных есть и прочие детали. Та сота, на которой мы с тобой сейчас торчим, вчера вечером пошла на перезагрузку. Там, у себя, в доме

своем родном, ты оказался на соте, которая загрузилась сюда вместо нее. Вот так и попадают в Улей. Все понял?

— Почти.

— Это в том смысле, что ничего не понял?

— Верно.

— Ну я не очень-то объяснять мастак, обычно никто не понимает.

— А ты попробуй объяснить проще.

— Без толку все. Ты под откат попал, плюс свежий, да еще покоцало тебя приключениями разнообразными. Голова болит и варит совсем плохо, то есть соображаешь худо. И такая беда может продлиться несколько дней, а случается и недель. Могут даже провалы в памяти произойти или будет забываться не самое важное из свежего и несвежего. Ты главное запомни: домой ты теперь никогда не вернешься. Нет туда дороги. Значит, старое вообще забудь, и первым делом начинай с имени, это тебе наилучший совет, ты еще не раз благодарить за него будешь, если сумеешь пережить первый день. Лучше без штанов ходи, чем без нового имени.

— Да понял я, понял. Буду Каратом.

— Все соты тут принято называть слегка заумно: кластеры. Мы на свежем кластере, тут провалившийся народ вроде тебя, вокруг может найтись ценное барахло на которое еще никто не наложил руки. Но такая благодать вечно не длится, в свежие места быстро набегают охотники за хабаром вроде меня. Матерые зараженные всех мастей такой праздник тоже не пропускают, стягиваются откуда можно. Тут всегда есть кого сожрать, а если и не найдется иммунный вроде тебя, они и свежего пустыша слопают за милую душу.

— Что значит иммунный?

— Это такие как я и ты. Те, кто не превращаются в пустышей вскоре после попадания в Улей.

— Пустышей?

— Низшие зараженные. Полностью бесполезные, это начальная стадия. Мало кто из них дальше вырастает, и это меня радует.

— Зараженными ты называешь зомби? — Игорь, или теперь уже Карат, указал на стекло витрины, за которым можно было разглядеть бульвар и медленно бредущих по нему мертвяков.

— Не надо их так называть, это никакие не зомби, это зараженные. У них сердца колотятся, они дышат, кровь течет, прибить можно не только пулей в башку, мозги у тебя не выпрашивают. Если тебя покусает, ты этому не будешь рад, но и в такого как они превращаться не станешь.

— Хоть это радует...

— Ага. Я тоже поначалу дергался, больше всего боялся, что цапнут. Это потом умные люди объяснили, успокоили насчет заразности ходячих. Все, кто оказываются тут без респиратора или противогаза, быстро становятся такими.

— Кроме иммунных.

— Вот! Соображаешь правильно. Хлебни еще чуток, уже можно. Тебе надо как следует зарядиться. Ты тоже заражен, но пустышом не станешь. Просто околеешь, если надолго останешься без живуна. Мы должны весь остаток жизни его лакать.

— Нерадостные перспективы...

— Да это мой такой ядреный, простецкий, есть и ничего на вкус. Народ на коньяке его бодяжит, с корицей или мускатом, химичит чего-то, и чуть ли не лимонад получается. Но как по мне, все это порнография с постыдными извращениями. Правильные ребята должны лакать его именно в таком вот четком виде, — Шуст указал на фляжку.

— От твоего на рвоту тянет.

Шуст хохотнул:

— Ага, многие жалуются. Ты еще не знаешь, из чего его готовят, то-то будет культурный шок.

— Неужели я угадал с носками?

— Не совсем. Сейчас покажу, приготовься к чудным зрелищам.

Ухватившись за крюк, Шуст потянул к себе отрубленную голову твари, перевернул ее лицом вниз, указал на затылок:

— Видишь этот нарост, на половинку головки чеснока похожий?

— Как его не увидишь, если он чуть ли не весь затылок занимает.

— Приглядишься, кожа тут ороговелая, ножом ее не взять, режется только тут, по вогнутым линиям, это как между зубчиками чеснока.

Вытащив из ножен на поясе нож с коротким широким клинком, Шуст продолжил непонятную и неприятную лекцию:

— Это называется споровый мешок. У пустышей его вообще нет, ведь они свежие, только-только заразились, не успел еще вырасти. Но если им хватает еды, они меняются, паразит, или что там в них засело, начинает растить вот такую штуку. Это у них вроде органа размножения, хотя высоконаучные дебаты по этому поводу не утихают, так что полного согласия у разных умников нет. В развитых споровых мешках со временем появляются споровики или просто спораны. Вот посмотри.

Шуст ловко надрезал нарост с нескольких сторон, развел разъединенные дольки в стороны, подсек парочку изнутри, откинул. Открылась небольшая полость заполненная массой, более всего похожей на

свалившуюся грязную паутину. Такая же невесомая и легко рвется. Вывалив все содержимое на ладонь, Шуст его раскатал и отделил три некрупных серо-зеленых предмета похожих на почти круглые виноградины и желтоватый шарик размером с крупную горошину.

— Опачки! Лотерейщик не подкачал, мы выиграли!

— Ты о чем?

Шуст постучал кончиком ножа по мертвой голове:

— Вообще-то этого милого парнишку многие называют просто жрач. Он уже куда опаснее начинающих тварей, хотя как и все вырастает из везучего пустыша. Местами его принято величать лотерейщиком. Спораны и с ребятишек послабее можно брать, но он первый в пеерчне тварей, с которых при удаче можно поднять горох. Шанс невелик, но он есть. Так что нам с тобой подфартило, — Шуст покрутил перед носом Карата найденный шарик.

Тот пожал плечами:

— Что в нем особенного? На вид будто сахар прессованный.

— Ага, так и есть, не зря его некоторые сахарком обзывают. Хорошо хранится сам по себе, а вот спораны надо чуток высушить, потом можно годами хранить и ничего им не будет. Заверну их вот так в ватку, и в кисет потом, пусть всю влагу там оставят. Горох сушить не надо, он воду вообще не впитывает, и не растворяется в ней. Горох — самый простой и почти всегда единственно доступный способ развиваться. Ну это я о себе и тебе говорю. Пустыши быстро растут, друг друга подъедая, модифицируются, в бегунов превращаются, потом в жрачей, и так до жемчужников могут добраться. Это уже элита их гнилого племени. А мы не такие как они, мы иммунные, разум и память сохранившие, и облик человеческий тоже при нас остается. Но это не значит, что мы вообще не меняемся. Еще как меняемся, и каждый по разному. В нас проявляется то, что до этого не было — новые таланты. И эти новые таланты растить надо, лелеять, сами собой, как у зараженных, они развиваться не будет. И вскармливать их надо не мясом человеческим, а вот таким горохом.

— Жрать это?!

— Не, в таком виде яд чистый, даже не думай. В уксусе можно растворить, он сразу пузырится начинает, как пузыри пройдут, надо сразу соды сыпануть и процедить через марлю. Ну а потом давай, потребляй, это пойло не должно долго залеживаться.

— Да я такое за деньги пить не стану.

— А куда ты денешься, Карат? Это не запахло, это можно и нужно в рот брать, так что не ломайся. И вообще, споросы потребляешь так, что за

уши не оттащишь, а от честного гороха нос воротишь. Нехорошо это, странно как-то и неправильно.

— Это какой такой спорос я потребляю?

— А такой, из которого мой животворящий живчик делается.

— Не понял?..

— Ну с этими виноградинами та же технология, что и с горохом. Не такая же, но похожая. Да стой ты, уйми брюхо, не вздумай тут наблевать. Поначалу всем противно, но забудь, нет там ни гадости, ни вони какой дурной, даже микробов не найдешь. Стерильно. Считай, что это всего лишь настойка из гриба.

— Да в гробу я видал такие грибы!

— Есть мнение, одно из многих, что в зараженных вырастает грибница. Ну в смысле не белый гриб, или там опята с рыжиками, а какой-то их дальний родственник. Тогда получается, что споровые мешки — плодовые тела этой грибницы. Но мнение спорное, гипотез в этом вопросе столько, что не сосчитать. Ты самое главное и важное усвой: иммунные время от времени должны пить живчик, без него им хана и точка.

Карат, с трудом сумев обуздать дурноту, уточнил:

— А если не пить?

— Тебе живчик помог сейчас?

— Чувствую себя почти новым.

— Без него тебе бы становилось все хуже и хуже. Потом начинается стадия ломки, как у конченных наркош. Ты бы слег и валялся в луже своей мочи, завывая волком дурным, пока на шум не появился какой-нибудь ушастый лотерейщик. Ну а даже если никто по твою душу не заявится, все равно долго не протянуть. Верная смерть нам без этой гадости.

— А нет другого рецепта? Без этих виноградин.

— Какого? Споросы можно добывать только из зараженных, на березах они не растут. От тварей нам одни беды, но и без них, получается, не выжить.

— Постой... я что-то не понимаю. Откуда вообще у вас все это взялось? То есть все это...

— Неужто до тебя начал доходить свет истины?

— Я ни разу не слышал, чтобы какой-нибудь город провалился в тартарары со всеми жителями. А тут, у вас, судя по твоим словам, это дело налаженное.

— Улей, дружище Карат — очень непростое место. Потолкаешься немного и быстро все поймешь. Не забивай голову лишним раньше времени, оно тебе не надо сейчас. Ну так вот: потроха споровых мешков

нам нужнее хлеба, важнее всего. Вот что нужно в первую очередь человеку? Вода и еда, а уж потом все прочее. С водой, как ты сам понимаешь, недостатка нет. Поговорим о еде, ты ведь не против?

— Я слушаю.

— При любой перезагрузке сюда столько всякой жратвы падает, что только успевай собирать. Вон, посмотри на полки этого магазина. И представь, сколько здесь, в одном кластере, таких магазинов. Представил? А таких кластеров столько, что даже приблизительно никто сказать не может. То есть голод нам не страшен. Делать дела на продуктах из-за этого изобилия невозможно, разве что где-нибудь нароешь пару-тройку ящичков деликатесов. Сойдет свежая паюсная икра, гурманы у нас еще не перевелись. А чем за нее платить тому, кто нарыл товар? Рубли и доллары здесь только на растопку годятся. Нужен компактный и всем нужный эквивалент.

— Хочешь сказать, что споровики у вас вместо денег?

— А ничего у тебя голова, иногда успешно варит. Видно в себя приходишь, скоро втянешься в наши дела. Да Карат, эти виноградины у нас — главная валюта. Универсальная. Всем всегда необходимы, спрос устойчивый, размеры и прочее всегда одинаковые, подделок не бывает. Это тебе не какие-нибудь бумажки с водяными знаками, которые ничем не обеспечены, у споровиков обеспечение круче не придумать. Жизнью они обеспечены, нашей жизнью.

— Эта гадость всегда зрелая? Одного размера?

— Сам удивляюсь, но так оно и есть. Расхождения мелкие, только на точных весах можно определить, никто к такому не придирается. Они, похоже, в какой-то момент вырастают в споровом мешке за очень короткое время. Или даже мгновенно появляются. С горохом и прочим все так же само.

— Но горох реже?

— Ага. И в мелких тварях, которые только начали развиваться, его вообще не бывает. В общем, с этого лотерейщика мы неплохо подогрелись. Если у тебя все пучком, одного спорана хватает на неделю плюс-минус пару дней. Но если заболеешь чем плохим, пусть и болят тут редко, или покалечишься, как вот ты, надо пить часто и много, хоть и не сильно усердствуя. Регенерацию и прочее живчик так подстегивает, что пулевое ранение зарастает через пару дней будто и не было его. Ну это если не задело чего из важного. Мы с тобой, Карат, теперь те еще мутанты. И не просто мутанты, а мутанты-паразиты. Паразитируем на зараженных. Чего кривишься? Радуйся, что нам мясо человеческое не нужно, или чего

похуже. Легко мы с тобой отделались, получается, людьми остались, пусть и странными. К живчику ты быстро привыкнешь, забудешь как морщился. Все мы такими были поначалу. Ну так чего? Благодарен ты мне хоть чуток за лечение и слова умные?

— Весьма благодарен.

— Ну так окажи любезность, просвети меня, мародера бессовестного, чем в вашем околотке разжиться можно без излишнего напряжения сил и смертельного риска?

— Что именно тебе надо?

— Хабар путевый.

— А поконкретнее сформулировать можно?

— Ну... где хранятся большими кучами горох и спораны ты, само собой, знать не можешь. Да и не бывает таких счастливых сказок. В первую очередь интересуют боеприпасы для огнестрельного оружия. То есть разные патроны. Порох, капсюли и гильзы тоже заставляют чаще биться мое ранимое сердце. Не подскажешь, где всем этим можно полюбоваться всласть?

— Есть магазин, хороший, но его по-моему, уже вынесли. Разворотили весь фасад, я даже не стал туда заглядывать.

— Кто вынес?

— Не знаю, крутились там неподалеку какие-то типы на «буханке». Но вряд ли они, там из четырех двое с арбалетами, а в магазине и гладкоствольное и нарезное было, несколько десятков стволов, они бы такое сразу себе взяли.

— Богатый магазин, аж слюна потекла. А что за типы? Как отзывались, на кого похожи?

— Да одеты по-разному, не представлялись. Долго мы не общались, они поняли, что я им неинтересен, и укатили.

— Говоришь, двое с арбалетами?

— Да. Один с двустволкой, еще один с помповиком.

— «Бенелька»?

— Что?

— Я говорю, двустволка фирмы «Бенелли»?

— Откуда я знаю? Не до разглядываний было.

— Ну да, и ракурс небось не тот.

— Верно. Со стороны дульного среза клеймо производителя не ставят.

— Я догадался.

— Они на меня сперва наехали не пойми за что. Дескать, я влез на их поляну. О! Вспомнил! Одного Бидоном называли.

— Кто?! Бидон на тебя наехал?! — Шуст соорудил изумленную физиономию. — Да он по жизни первый в очереди на опускание. Его школьники обиженным выставляют, у него на рассвет солнца очко играет, тоже мне еще, нашелся повелитель пингвинов. Что этот лучший друг козлов там искал? Свою утерянную дырявую ложку? Да его поляна — метр вокруг параша, а дальше петухам вход по пропускам. Магазин не он вынес, там кто-то деловой сработал, знал куда и как, стая петушина, где Бидон наиглавнейший главпетух, только издали могла на такое угощение облизываться. Хотя с кластерами вроде этого раз на раз не приходится, тут уж как повезет. Удавка под боком, ничего загадывать нельзя, непредсказуемо все. Еще где-нибудь что-нибудь имеется? Ты не стесняйся, рассказывай уже давай, за полезные слова я благодарить умею.

— Я тоже стволлом хотел разжиться. В магазине не срослось, пошел сюда. Там, дальше, за рекой, райотдел был. И дом мой тоже там. Но теперь там ни города, ничего...

— Понимаю. И река не та, что раньше была.

— Все верно. Я там прожил почти три года. Не попал домой вчера, дорога подвела.

— Не повезло. Успей ты до перезагрузки, ничего бы не случилось. С тобой не случилось.

— Это как?

— Дом твой не попал сюда. Там кластер другой начинается, твой район не затрагивает. Сидел на диване и знать не знал, что мимо такой беды проскочил.

— Не совсем понял.

— Ячейка, сота, кластер: понимаешь? Место, где мы с тобой, никак не связано с тем, что за рекой. Там другой кластер и другое загружается всегда, и отношения к твоему городу местность на этом кластере вообще не имеет. Не видел разве?

— С берега смотрел.

— Пустой кластер, города там нет, только деревеньки бедные. Кварталы городские только на этом берегу. Есть в них еще что-нибудь вроде такого магазина?

— Не припомню. Это ведь заречье, город в основном на другом берегу стоял, там места побогаче.

— Забудь, не будет уже никакой другой стороны. Не увидишь ты свой дом никогда, для него в Улье не нашлось места. И ты теперь Карат и точка. Не помог ты мне ничем, плохо это...

— Ну я патроны не рожаю, уж извини.

— Еще не вечер, вдруг ксерщиком вырастешь.

— Кем?

— Забудь. Тебе сейчас лишним грузиться не надо. Мда... Ладно, тут сидеть нет никакого резона. Маленько подогрелись от лотерейщика, но надо бы хоть что-нибудь еще прихватить. Нехорошо пустыми уходить из свежего кластера, примета нехорошая, хоть что-нибудь прихватывать надо.

— Черной икрой мы тут вряд ли разживемся. Магазинов здесь хватает, но этот район знаю плохо. Тут лучшая аптека города рядом, может у вас лекарства какие-нибудь ценятся?

— Дохлая тема, Карат. Иммунные почти не болят.

— То есть нас никакая зараза не берет?

— Паразит, которым тут заражаются все, кто дышат не через фильтры, почти всех превращает в зверей, но с некоторыми сосуществует мирно. Ты в кино видел, чтобы зомби болели воспалением легких? Я нет. Тут как в кино, тоже не болят. И мы в этом от них не отличаемся, то, что в нас сидит, не терпит конкуренции.

— Уничтожает всех бацилл?

— Даже больше: почти от всего спасает. Мы тут не от рака и тромбовдохнем, а от когтей, зубов и пуль. Так что самые популярные медикаменты — бинты и жгуты. Сам понимаешь, этого добра везде полно, особо на нем не наторгуешь. Обезболивающее — неплохая тема, но это не такая уж редкость, ценится недорого. В общем, аптека — не вариант.

— Тогда я пас. Не знаю, что еще предложить.

— А ты подумай. Уходить из свежего кластера с пустыми руками — плохая примета. Хоть гвоздь ржавый, но прихватить обязан. Не знаешь случайно, нет ли где свежих записей с телевидения? Ну можно и не свежих, сойдут любые.

— Телецентр нужен, что ли?

— Зачем сразу телецентр? Вдруг у тебя сосед записывал «Дом два» годами, или еще какую-нибудь фигню для одноклеточных.

— Зачем тебе это?

— Народ как бы любит телевизор смотреть. Ну то есть запускать такие записи и таращится. Кто-то родных вспоминает, кто-то диван родной. В общем, хватает любителей, спрос на такое хороший. Тут же сам не запишешь: нет ни Интернета, ни телесигнала.

— Не было у меня таких соседей.

— Может хоть киоск с порнухой есть поблизости?

— С чем?!

— Ты что, вылупился из детского сада и сразу к нам подался? Ну

порнушка, порнография, бабы голые и разнообразные дела с ними.

— Да знаю я, что это, просто ты меня слегка слегка. Шуст, у нас тут тихий и приличный город, таких киосков не знаю. Это в сексшопы надо, а он вроде бы всего один был и остался на той стороне.

— Любители лысого погонять могут отвалить маленько и за свежий «Плейбой» и прочую легкую эротику. Тема вечная, спрос устойчивый, качественные новинки в чести. Найдется тут такое?

— Ну... такое может и найдется. Это выше надо, к перекрестку, где трамваи ходят.

— Тогда ходу отсюда. Затаримся тематической литературой для узкого круга ценителей и начнем сваливать из города. Потом на моей карте покажешь и нарисуешь где искать магазин со стволами. Это на будущее, вдруг еще когда-нибудь попаду сюда на перезагрузку. Давай, веди к этим трамваям.

Глава 7

Шуст по городу не ходил, а передвигался. Перебежками, или пригнувшись, скрываясь за любым намеком на прикрытие. Местами замирал, прислушивался к чему-то, осматривался, подолгу вглядываясь в одну точку. Бывало доставал при этом маленький бинокль, но обычно обходился глазами.

Карат начал понимать, что до этого ему крупно везло. Он ведь только под конец начал изображать что-то похожее на игру в прятки. Да и то без заметных успехов. А тут, похоже, столько разных опасностей, что беспечные долго не живут.

В одном месте Шуст долго таращился из-за угла, затем шепнул:

— За мной.

Карат послушался и вскоре они забрались в подъезд жилого дома. Благо электричества не было, укрепленные входные двери оказались открытыми.

— Что мы здесь делаем, Шуст?

— Пока ничего, но сейчас начнем сидеть на ступеньках.

— От кого прячемся?

— Кусач там. Горошник в смысле.

— Вроде лотерейщика?

— Чуток похуже.

— В смысле опаснее?

— А ты сходи сравни.

— Да я и на слово поверю. В нем тоже эта дрянь есть?

— Что за дрянь?

— Ну там горох, спораны.

— Это не дрянь, а то что нам больше всего в этой жизни надо, запомни уже, дубинушка. Из зрелого кусача при удаче можно вытащить до пяти споранов. И горошины у него встречаются в несколько раз чаще, чем у лотерейщика. Хотя бы пару штук таких тварей свалишь, и на одну-две можешь железно рассчитывать.

— А почему ты его и кусачом и горошником называешь?

— Тут, Карат, все просто, но для новичка запутанно. Зараженный развивается, меняется внешне, при желании можно десятки названий придумать для каждого этапа. Только зачем нам такой геморрой? Свежие зараженные всегда пустые, споранов в них нет, потому их называют просто

— пустыши. Ну а ползун, медляк, прыгун — уже для разновидностей, но можно их не запоминать, если скажешь «пустыш», всем все и так ясно. Далее идут твари побогаче, они основной источник споранов. Потому называются соответственно — споровики. Самый слабый и распространенный из них — бегун. Споровый мешок у него есть, но спораны в нем попадают нечасто. Лотерейщик и топтун — высшие споровики. В них можно найти горошину, правда, нечасто. Далее из них вырастают горошники. По названию понятно, что они — наш основной источник гороха. В них он есть всегда или почти всегда. Вот кусач как раз из начальных горошников. Не самый опасный, рубер в сто раз круче, но одна горошина в нем есть почти всегда, а если повезет, так и три-четыре можно вытащить. Легко запомнить: пустыши, споровики, горошники. Дальше идет элита, жемчужники, они уже никак не разделяются, в этом смысла нет.

— Горошины дорого стоят?

— А сам не догадался? Ну конечно дорого.

— Сколько за них можно купить, допустим, патронов к «калашу»?

— В разных стабах по разному.

— Ну в среднем.

— Ну пол магазина реально взять даже у самого жадного барыги.

— То есть штук пятнадцать?

— Где-то чуть меньше, где-то больше.

— Берешь карабин под такой патрон и отстреливаешь этих тварей в голову, забирая добычу. Даже если полный мазила, и по пять-десять на тушу будет уходить, все равно расходы окупятся. Плюс с них тебе останутся спорраны, а они, как я понял, ваши главные деньги. Вот сколько ты выручишь за журналы?

— Почти нисколько. Я так понял, ты ведешь разговор к запланированному вопросу? То есть хочешь узнать, почему я балуюсь низкопробной литературой вместо того, чтобы валить кусачей и прочих горошников направо и налево?

— Да, именно это я и хотел узнать. Только не совсем. У тебя же нет автомата или карабина, а с арбалетом надо подходить слишком близко.

— Автомат можно найти за смешные деньги или даже вообще бесплатно. Вот патроны да — проблема. И вообще, ты не прав.

— В чем не прав?

— В том, что охота будет беззаботной и прибыльной даже для мазилы.

— Поясни.

— У зараженных нюх и слух получше зрения работают, так что на

выстрел они сбегутся со всего города. Если пустыши на него почти не слишком быстро реагируют, для серьезных это все равно что будильник, напоминающий о времени обедать. Не успеешь ты разделить подстреленного, как они налетят на тебя со всех сторон. Быстро кончить даже простого пустыша можно лишь серьезной дыркой в голове или хребте. А твари из крутых могут игнорировать даже пальбу из пулемета, у них живучесть запредельная, природная броня, плюс хитрость и скорость реакции. Так что охотиться на них можно, но только осторожно и ни в коем случае не в тех городах, где только-только перезагрузился кластер. Лакомое место, туда быстро вся округа сбегается.

— А если группой работать? Как Бидон?

— Бидон приехал, урвал что плохо лежит, и свалил бегом. Несерьезно, да и все равно нарвется он, долго такие не шикуют.

— А если серьезную группу собрать?

— Бывают и такие. И даже неплохо бабла поднимают. Но потом на радостный перестук их пулемета приходит не пара топтунов, а крутой элитник-жемчужник, и при нем еще пара матерых руберов свиты. И охота становится совершенно другой, с концом сильно печальным для охотников.

— Весело тут у вас.

— Ага, скучать ты не будешь, это точно. И есть еще один момент экономического характера. Лотерейщик — споровик, горохом он небогат. Надо штук пятнадцать завалить ради одной горошины. С высшими споровиками ситуация побогаче раза в два, но все равно этого маловато. Ради гороха надо валить именно горошников, а они куда круче, успокаивать их непросто. Мазилам при такой охоте вообще делать нечего, переведут гору патронов, не окупится. И горошники настолько крутыми бывают, что неизвестно, кто на кого охотится будет. Плюс они при элите часто отираются, а там вообще мрак беспросветный, без танка на таких тварей не всякий рискнет выйти. Ладно, пошли.

— А он уже убрался?

— Ага.

— Как ты можешь это знать, ведь отсюда не видно?

— Так он пустыша кушал. Это у них бывает когда совсем уж голодно становится. Перехватил пару кусков и пошел искать кого повкуснее, нет смысла ему там надолго задерживаться. Если встретился недоеденный жмур, то это почти наверняка зараженный. Иммунных обглаживают до последней косточки.

— Ты, я вижу, хорошо их повадки знаешь.

— Я тут топчу кластеры уже побольше года, а по неофициальной

статистике девяносто процентов иммунных не доживают до седьмого дня. То есть даже неделя — солидный срок. Кушают ничего не понимающих новичков с задорным хрустом, стреляют, режут, в общем, своей смертью умереть не получается. Только не очень-то надейся, что я тебя через этот короткий срок на своем горбу перетащу. Мы тут альтруизмом не страдаем, если припечет, брошу тебя даже не извинившись из вежливости своей врожденной.

— Учту.

* * *

Шуст поспешно набивал в рюкзак журналы, скупое комментируя процесс мародерства:

— Этот сойдет. А это вообще не то, тут какие-то навороченные тачки, яхты, бабенок мало и все в платьях. Вот кому в таком затрапезном городке нужен журнал про яхты и дорогие машины? Но раз продают, значит спрос есть. Ни этот мир умом не понять, ни тот, где мы раньше жили. А тут самка крокодила на обложке, но вдруг найдется любитель. А тут...

— Там вроде пробежал кто-то. На человека похож.

— Где?!

— Да там, дальше по проспекту. Возле закругления.

— Далековато. Точно человек был?

— Ну точно не лотерейщик: одежда на месте; телосложение нормальное.

— Может кто-то из пустышей успел до бегуна отожраться. Кластер быстрый, тут все быстро происходит.

— Бегуны опасные?

— Не очень, они на вид что простые пустыши, просто быстрее гораздо. Но силы дурной у них хватает, бороться с ними не стоит, а у сильно развитых ногти утолщаются, может неплохо ими порвать.

— Они чем больше едят, тем сильнее меняются?

— Ага. Кому повезет, тот до элитника со временем добирается. Вот они твари так твари. Но доживают до такого единицы. Еды им много надо, в основном друг дружку харчат, по другому не получится отожраться. Ведь иммунных слишком мало, в самых богатых случаях один на две-три сотни, за счет них не поднимешься особо. Коровы на фермах, свиньи и прочая домашняя животины куда больше им дают. Хотя со свиньями тоже всякое случается, особенно если дикие кабаны.

— В смысле?

— Плотоядные и всеядные животные тоже могут заражаться. Не знаю, какой процент там иммунных и как они выживают, но пустышей полно среди собак, волков и медведей. Я раз даже тигра видел, неподалеку отсюда зоопарк в одном кластере раз за разом попадает, так что не удивляйся, если встретишь какую-нибудь экзотику.

— Это как раз за разом?

— А очень просто. Ты же недавно спрашивал, почему там, где тебя звали не Каратом, никто никогда не видел, чтобы кусок города пропал со всем законно прописанным населением. Это, Карат, потому что имеет место быть мультиверсум^[1]. А еще, очень может быть, мы не те какими были раньше, а их бледные копии. Отсюда и пошло поверье, что нельзя за имя старое держаться, фарт оттянется к твоему двойнику. О! Ух ты! Вот это зачетные дойки! Смотри по сторонам, надо еще такие экземпляры поискать. За эдакое богатство точно отвалят нехило и уже к вечеру все страницы будут слипшимися.

— Мультиверсум, это ведь из фантастики.

— О! Да ты у нас, получается, грамотей. Знаешь, такие редкие слова — похвально. Тут многие до самой смерти о мультиверсуме и не подозревают, кое-кто при этом даже успевает пожить неплохо. Лишние знания — лишние печали. Вот посмотри сюда. Видишь, какие у этой шикарной бабенки молочные железы? Вот представь, что есть такой же мир, как и твой, и в нем имеется такой же киоск. Все там одинаково, куда ни плюнь. И на обложке этого журнала там изображена бабенка с такой же смазливой мордашкой, но дойки у нее хоть и сочные, но на один размер поменьше. А в другом мире размерчик будет уже побольше, хоть по мне это уже излишество. В третьем найдется такой же, но трусы уже не белые, а черные. И так далее — миллион самых разных вариаций можно придумать только с одной обложкой этого журнала. А ты глянь, сколько здесь разной прессы для взрослых. И дальше выгляни, за пределы киоска. Только сильно не высовывайся, потому как хоть твари больше на слух и нюх надеются, но глаза у них никто не отменял.

— Я знаю, что такое мультиверсум. Можешь не объяснять так подробно.

— Значит, вернусь к началу вопроса. Итак, в мире, где стоит тот зоопарк, случилась перезагрузка кластера и зверей перенесло сюда вместе с клетками и загонами. Спустя какое-то время в другом мире, где все отличие в таком вот журнале, опять случилась беда с зоопарком. Твой город, Карат, точнее эта его часть, попадала сюда уже столько раз, что никто не скажет.

Почти все быстро превращаются в любителей человечины, охотно кушают друг дружку и с повышенной радостью гоняются за такими как мы. Кушают друг дружку, растут, кушают друг дружку, опять растут. Почти все проходят через пищевод, в итоге остается несколько крутых тварей и почти нет мелочи. Проходит неделя, месяц или полгода, и все повторяется. Вот так мы тут и живем, наблюдая перезагрузки и всеобщее поедание раз за разом.

— А если во время перезагрузки подождать здесь? Не вернешься назад?

— Нет. Здесь останешься и под откат попадешь.

— Это плохо?

— Плохо Карат, очень плохо. Помереть можно или дураком остаться. В общем, хорошего ничего не будет. Все, уходим, хабар — штука хорошая, но меру надо знать.

— Ты без машины потому что шума боишься?

— Ты тоже бояться научишься, если жить хочешь. Смелые тут до года не дотягивают, учти. Давай через дворы махнем, там обзор похуже, не будем всем глаза мозолить.

— За этим кварталом парк. Деревьев мало, проредили недавно, мы там окажемся как на ладони, если в ту сторону пойдем.

— Ну ладно, ты тут местный, тебе виднее. Веди сам.

— Ты куда вести не сказал.

— К реке, где мы встретились. Только не к тому месту, а чуть дальше вверх. Один мост обрезанный будет, потом второй, а потом здание высокое красное, вроде шпиля там наверху. Вот туда мне и надо, но чтобы не по берегу, а другим путем. В Улье по своим следам не возвращаются.

— Нюх тварей?

— Он самый. Плюс хитрость такая, что я им иной раз завидую до горьких слез. Ну и примета плохая. Мы тут все поголовно суеверные, привыкай.

* * *

Шуст выстрелил, болт пробороздил висок мертвяка и, улетев дальше, звонко ударился о железобетонную стену.

— Да чтоб тебя! — выругавшись, спутник отбросил арбалет, азартно выдохнул: — Давай, врукопашную сходишь, Карат, он тебе ничего не сделает, это просто бегун начинающий! Уйми его! Пусть займется тобой,

он тупой!

Мертвяк не отличался от всех прочих ничем кроме скорости. Бегал не как рекордсмен, но неплохо. Причем, зараза, пренебрегал Шуста, с громким урчанием бросившись на Карата. Тот, успев ухватить его за кисть вытянутой руки, уклонился, уводя тело мимо себя, рванул резко, но завалить упирающегося противника не смог. Тот напрочь игнорировал нешуточную боль и не обращал ни малейшего внимания на треск в выворачиваемой конечности. Как ни в чем ни бывало продолжал урчать и отчаянно пытался извернуться, клацая от нетерпения зубами. Действовал бестолково, но с такой необузданной силой, что удерживать его было невероятно трудно.

То, что эта тварь была девушкой изящного телосложения еще не растерявшей миловидность, добавляло ситуации элемент нереальности. Таких пигалиц он должен одной рукой парочку удерживать.

— Шуст! Делай уже что-нибудь!

— Что делать? Я думал, что у вас тут любовь с жаркими объятиями. К групповушке меня склоняешь?

— Она меня сожрет сейчас!

— Да не ори ты, никто тебя не сожрет. Это просто споровик бегун, зубы у него обычные, хрен он что-то серьезное от тебя откусит, только пожует и слюнями отмочит. Переживешь как-нибудь, не маленький, от такого не помирают. Вот так придержи его, а я сейчас...

Топорик тюкнул в правый висок, тело задергалось, Карат чудом его удержал. После второго удара мертвяк резко обмяк и замер неподвижной куклой. Шуст, тут же возле него присев, задрал волосы на затылке, открыв скромную опухоль слабо похожую на ту, что была у твари, едва не прикончившей Карата.

— Тьфу ты! Совсем зеленый гад! То есть гадина.

— И что?

— А то, что споровый мешок только-только отрастать начал. Можно даже не резать, пустой он. Похоже, эта барышня из тех, кто вместе с тобой сюда попали. Одежда не свалялась еще и почти не заляпана последствиями кровавых трапез. Перспективная дамочка, за неполный день из пустышей до бегуна доросла. Оборвали ей карьеру. Быстрый кластер, в таких это обычное дело.

— Если что говоришь, так говори так, чтобы и я понимал.

— Прости Карат, все забываю, что ты здесь первый день. Пустышами здесь называют свежих зараженных, я уже объяснял. Вон, все те, кто вокруг бродят — из таких. Споровых мешков у них нет, сами они вообще

неопасные. Правда, когда дорастают до джамперов-прыгунов, могут удивить. Такие способны рывок быстрый сделать на несколько шагов, но дальше не бегают.

— Я встречал таких.

— Если их не прикончат и еды будет хватать, они вырастают в споровиков. Обычно на это дни уходят, но эта, — Шуст указал на тело. — Куда проворнее управилась, бегуном стала. Он пусть и хреновый, но все же споровик.

— Почему хреновый?

— Выхлопа споровов почти нет, мешок обычно пустой. Но все равно уже споровик, и обычно развивается куда медленнее чем эта. В быстро перезагружающихся кластерах твари быстрее развиваются, такое многие подмечали. Пошли, ничего мы с нее не возьмем, споровы за день не появляются.

— Тот, которого ты тогда распотрошил, был споровиком? — спросил Карат уже на ходу.

— Лотерейщик?

— Ну да.

— Ага, из них, далеко не самый последний.

— Он совсем не похож на эту девку.

— Ну так он уже развитый споровик, облик начал терять человеческий, зубы меняет на новые, такими живое мясо рвать самое то. Бывает умора, когда беззубый лотерейщик попадает. То есть старые уже сбросил, а новые еще не вылезли. Дальше у него пятки каменеют, в топтуна превращается, а те беззубыми уже никогда не бывают, опасные сволочи. Если услышишь стук их пяток, замри и не отсвечивай.

— Это самые опасные споровики?

— Ага, среди споровиков круче нет. Ну а если всех брать, то детсад, есть куда покруче ребятишки. Споровики дальше могут вырастать в горошников, вот те твари так твари. На человека уже мало похожи, скорее на гориллу лысую. Кожа меняется, броня растет.

— Броня?

— Ну сперва участки крепкой кожи появляются, ее пластины костенеют, они вдоль хребта образуются и на голове. Из арбалета очень трудно пробить, а у самых крутых даже не всякая пуля совладеет. Очень быстрые, живучие, прикончить сложно, хитрющие, часто держатся парами и тройками, случается объединяются в стаи и устраивают набеги. Немало нашего брата от них полегло.

— Они самые опасные?

— За ними элита идет — жемчужники. Элитников много самых разных, их никак по названиями никто не различает. Если видишь что-то пострашнее самого крутого горошника, значит перед тобой элитник и точка. И очень часто это последнее, что ты увидишь в своей недлинной жизни. Хорошо, что не так много их, иначе нам бы совсем кисло приходилось.

— А за элитниками кто идет?

— Вот ведь неугомонный, у меня уже язык устал по сто раз одно и то же талдычить.

— Элитники — самые последние?

— Из зараженных да. Но есть кое-кто куда похуже, вообще не имеющий отношения к зараженным. Но о нем не принято упоминать на кластерах, примета самая нехорошая, так что меняй тему. И это, магазин с одеждой есть по пути? Тебе тряпье надо сменить.

— Не помню я здесь такого магазина. Да мы пришли уже, вон река, а вон мост твой.

— Плохо. На другом берегу кластер старый и бедный, выбор одежды там будет невелик. Но не будем разворачиваться из-за тряпья, перетерпишь немного, а то примета плохая.

— Что-то ты становишься очень суеверным.

— А я всегда таким был, просто мастерски скрывал. Ты, Карат, если заживешься на этом свете, тоже суеверным станешь. В Улье других не бывает. Ходу прибавь, на открытое место выходим.

— Не понял...

— Что ты опять не понял?

— Это не наш мост.

— Чего это он не ваш?

— Наш мост совсем не таким был, я его хорошо помню.

— А, вот ты о чем. Ну да, не ваш он. В смысле не городской. И река и мост от другого кластера, он как раз здесь и начинается. Вон, на мост глянь: конец надломлен, наклонился, уперся в верхний срез набережной. Вот по трещине этой и проходит граница между кластерами.

— Странно. Как раз на дорогу выходит, тютелька в тютельку. Можно проехать не сворачивая, как специально одно к другому приставили.

— Тут почти всегда так. Дороги, реки и прочее протягиваются от кластера к кластеру без разрывов. Точнее, разрывы случаются, но редко. И купленные в магазинах карты тебе не помогут, потому что показывают только то, что расположено в их кластере. В соседних все обычно по другому, но многие пограничные детали будут совпадать. Вот у вас река

была, и тут тоже река течет. Только всех прочих мостов в том кластере не было, вот и остались огрызки от ваших. Если загрузится кластер измененный, могут появиться и другие мосты и они почти всегда будут совпадать с этими. Тут у нас будто в пазлы кто-то играется, старается, чтобы все сходилось идеально.

— В том кластере вообще города нет?

— Деревни, дачные поселки, карьеры какие-то, заводик небольшой поблизости.

— Карьеры и у нас в тех краях были.

— Ну я же и говорю, совпадения почти всегда найти можно. Но полного никогда не будет. Родной у тебя только тот кластер, из которого мы сейчас выходим. Да и то до следующей перезагрузки, а дальше или такой же будет, или с какими-нибудь отличиями. Такое случается. И это еще ладно, бывает такое, что на трезвую голову не поверишь. Допустим, встречаешь сам себя.

— То есть не себя, а двойника, который прилетел из другой реальности при перезагрузке?

— Быстро ты сообразил, повезло мне на догадливого крестника.

— Догадаться несложно.

— Вот прилетит такой же город, и там будет такой же Карат. Только скорее всего поболтать ты с ним не сможешь, потому как он будет урчать и пытаться тебя сожрать.

— Неужели такое и правда бывало?

— Бывало. Еще как бывало. В Улье и не такое случается. Давай, ходу прибавь, мы на этом мосту всему городу глаза мозолим. Свежий кластер, что магнит серьезных тварей — всю заразу отовсюду притягивает. Не хватало еще нарваться на дедушку твоего лотерейщика.

Глава 8

Местность Карат не узнавал совершенно, а ведь с окрестностями города знаком неплохо. Примерно здесь должны были начаться лесные массивы, но ничего подобного не наблюдалось. Хотя деревьев и хватало, обширных зарослей не наблюдалось. И этого отвала пустой породы он не помнил, как и непонятного заводика возле него. Пара обветшалых цехов, неприглядные бетонные стены, одинокая кирпичная труба и несколько машин на асфальтированном пятачке стоянки устроенной слева от распахнутых настежь ворот.

Шуст лишь в редких случаях выходил на открытые места и здесь тоже не стал себе изменять. Сперва крались по кустам, что разрослись у подножия отвала, далее вдоль стены до ворот, потом по металлической лестнице поднялись на крышу одного из цехов. Многоопытный спутник мотивировал этот поступок желанием как следует осмотреться с высоты. И отнесся к этому делу серьезно: присел за грибком вентиляции, достал бинокль, долго крутил головой во все стороны присматриваясь к чему-то подозрительному.

Карат, сидя возле него, тоже посматривал во все стороны, но ничего угрожающего не заметил. В этой местности даже медленно бредущих мертвяков, которые в городе являлись привычной деталью пейзажа, не наблюдалось. Насколько он понял, этот кластер перезагрузился уже давно, прошло несколько недель или даже месяцев. Здесь и тогда вряд ли было много народа, а уж потом и тот пропал.

Он уже начал кое-что понимать, хотя вопросов все еще было больше чем ответов. Так уж принято в этом мире, что люди во всех видах — прежде всего еда. Шуст обмолвился, что у зараженных на первом месте по пищевой привлекательности идут неизменившиеся животные, далее следуют иммунные люди, и уже потом себе подобные и падаль. Если нет лакомых деликатесов, сильные твари питаются слабыми тем самым быстро снижая изначально приличное поголовье.

Существование мертвяков завязано исключительно на интересах утробы. Опытные зараженные знают, что именно в свежем кластере легче всего находить вкусную еду. После перезагрузки они стягиваются на привлекательную территорию со всех сторон. Иммунным там тоже интересно, ведь первые посетители могут сорвать неплохой куш в виде ценных по местным меркам предметов. В итоге там возникает та еще

толкучка, причем очень небезопасная.

В старом кластере все это осталось в прошлом. Низших зараженных почти всех слопали развитые собраты, а кто-то и сам помер от затянувшейся бескормицы или меткого удара топором. Те, кому повезло дорасти до опасных форм, разбрелись по другим, куда более привлекательным местам. Большую часть ценностей собрали искатели удачи вроде Шуста и группы Бидона, эта территория теперь иммунным неинтересна.

Тихое и мирное место, но расслабляться все равно не стоит. В Улье никогда не знаешь, что тебя ждет за углом. Многоопытный Шуст не стал бы тратить тучу времени ради пустого рассматривания осенних пейзажей. Он знает что делает.

Осенних?! Но ведь...

— Шуст, на дворе лето, а тут желтые деревья попадаютсся.

— Здешние кластеры все летние, но этот уже давно тут, листва отмирает, она не может вечно зеленеть, что-то с ней происходит. Обычно такие изменения к перезагрузке.

— Он прямо сейчас может перезагрузиться?

— Вряд ли. Соседние кластеры не грузятся один за другим, между ними всегда приличный перерыв есть. Может три дня, может неделя, а может месяц. Ты ничего не заметил?

— Все тихо. Только вороны над отвалом летают.

— И правда тихо, даже пустышей не видно.

— Сам говорил, что кластер старый, их давно уже нет.

— Мелочь вроде споровиков везде встречается, не бывает так, чтобы их вообще не было. Правда, есть один вариант, когда такое может случиться. Это перед самой перезагрузкой, когда все твари разбегаются с кластера, они не любят под откат попадать.

— Тварей нет, листва желтеет, может и правда вот-вот перезагрузится?

— Тумана не видать, а в низинах он за несколько часов до перезагрузки появляется. Да и потрескивать начинает, будто где-то короткое замыкание случилось. Только нет никакого короткого замыкания, сам воздух трещит. Так что вряд ли дело в этом.

— Может все ушли в город? Он недалеко, а ты сам говорил, что тварям в свежем кластере будто медом намазано.

— Кто хотел, тот еще с ночи ушел, твоя правда. Или может их тут совсем мало было, да и те вымерли от голодухи.

— Ну да, жилых домов здесь вообще нет, только этот завод.

— Все равно не нравится мне это. Неправильное здесь что-то, и не

пойму что. При таких делах стремно дальше выдвигаться, там открытое место, его никак не обойти.

— Шуст, а куда мы вообще идем?

— В стаб нам надо. Тебя отведу, заодно свои дела сделаю.

— Стаб?

— Я разве тебе не рассказывал?

— Вроде нет. Это город, деревня? Что это вообще?

— Ну... тут такое дело... Кластеры разными бывают. Обычно, если услышал такое слово, речь идет о перезагружающемся простом кластере, вроде этого, или твоего. Но бывают и другие. Вот стаб — совсем другой. Стаб, это стабильный кластер. Он не перезагружается.

— Вообще никогда?

— Или так, или делает это так редко, что ты до этого все равно не доживешь, так что тебе без разницы. За счет больших стабов мы выживаем. Там можно устраивать базы, которые не пропадут при перезагрузке, твой тайник там тоже сохранится. В крупных стабах обустривают поселения, где можно продать хабар и купить нужное, получить лечение, просто посидеть ничего не боясь. Ведь надо где-то дух переводить, не можем мы все время жить в таком напряжении. Но сидеть там все время не получится, или получится, но не у всех. Зараженные не очень-то любят стабы, там ведь перезагрузками не пахнет. То есть сами туда толпами не заявляются. А иммунным нужны спораны, без них мы быстро загибаемся. Так что кому-то надо их добывать, а заниматься этим торча в стабе не получится. Хотя случается и такое. Некоторые умники ловят тварей, запирают в загоны, подкармливают, ждут, когда спораны появятся. Но это хлопотно, и не так уж выгодно, потому что в неволе зараженные развиваются плохо, выхлоп споранов с них очень невелик, гороха при этом вообще слезы, не говоря уже о прочем. И урожай дают лишь раз, при повреждении спорового мешка зараженный не выживает, это их самое слабое место. Потому у иммунных основная профессия — охотники за потрохами, или говоря на языке Улья — трейсеры. Вообще-то всех, кто по той или иной причине выходит со стаба, можно отнести к охотникам, потому как возможность разжиться споранами или горохом никто не упустит.

— И далеко отсюда до стаба?

— До ближайшего рукой подать. Но он нам не нужен.

— Почему?

— Да это тройник простой. Ну то есть совсем мелкий стаб, который возникает в месте, где сходятся границы трех приличных кластеров. Тройники редко бывают больше километра по площади, там особо не

разгуляешься, поселения там очень нечасто устраивают, и приличные никогда. Так, одна-две берлоги где честному бродяге нечего делать, или пара схронов. И это не здесь, а на западе такую мелочь могут заселить. Здесь слишком опасные места, постоянно никто не живет. Ладно, пора спускаться на землю грешную, ничего мы отсюда не высмотрим, а вот заметить нас — плевое дело. Там за цехом щит пожарный, топор сейчас прихватишь. В Улье без оружия даже сопливые дети не ходят, с чего-то тебе начинать надо. Топор — очень даже неплохое начало. Грамотное. Надежно вырубает и тихий. Тебе он понравится.

* * *

Возле пожарного щита обнаружилась неприятная находка. Человеческие останки — скелет с отдельными клочьями дурно выглядевшей плоти, одежда разодранная, заскорузлая. Шуст даже внимания на эту картину не обратил, а вот Карат, изучив костяк, спросил:

— Почему на него вороны не садятся?

— Зачем им кости без мяса? Они не какие-нибудь некрофилы.

— Тут еще есть, что поклевать, а они даже не подлетают, так и кружатся над отвалом.

— Там, небось, повкуснее вещи имеются. В Ульедохлого добра навалом, не обращай внимания, быстро привыкнешь.

Топор был тяжелым и с неудобной рукоятью. Но лучше такой, чем встречать очередного бегуна голыми руками. У неразвитых тварей нет ни когтей, ни опасного челюстного аппарата, но, как успел убедиться Карат, силы в них хоть отбавляй.

За ближайшем углом обнаружилось еще одно тело, на этот раз серьезно растерзанное — кости разбросаны в радиусе нескольких метров. Шуст, резко насторожившись, тихо произнес:

— Два жмура рядом, это не очень хорошо. Сами собой в Улье толпами не мрут, помог им кто-то, и очень может быть серьезный, так что гляди в оба.

Карат и без того не бродил рот раззявив, а сейчас еще более подобрался. Спутник не просто так сошел с маршрута забравшись на крышу, он явно что-то чуял. И по его словам бестолковые разини в Улье долго не живут. Сколько сам он здесь пробыл, Карат точно не знал, но если верить отдельным обмолвкам, понятно, что далеко не первый день. Следовательно, опыт у мужика есть, так что его предчувствие не на ровном

месте проявилось, что-то подозрительное приметил, и вряд ли все дело лишь в отсутствии примитивных видов зараженных.

Или он о чем-то смолчал, или сам не знает, как это словами высказать.

— Ходу, Карат. Место совсем открытое, надо быстрее добраться вон до тех деревьев. Там дальше лесополоса удобная вдоль дороги, будет где укрыться.

До рощицы, на которую указывал Шуст, идти около километра. До сих пор столь приличные дистанции по открытой местности они ни разу не пересекали. Но тут с укрытиями все настолько плохо, что прочие варианты продолжения маршрута еще хуже. Надо или делать рывок прямо здесь, или устраивать долгий отход с неясными перспективами.

Опытный спутник выбрал первый вариант.

До спасительных деревьев оставалось метров триста когда Шуст, в очередной раз обернувшись, обреченно вздохнул, и севшим голосом произнес:

— Ну все Карат, нарвались мы с тобой по полной. Вот кто здешнюю мелочь на харчи перевел.

Развернувшись, тот уставился в сторону завода. И успел увидеть, как крупная тварь ловко прыгнула с высокого бетонного забора и, низко пригнувшись, быстро побежала в их сторону.

Карат поудобнее перехватил рукоять топора, процедил:

— Попробуй в башку попасть, а я добыю.

Шуст покачал головой:

— Даже не думай. Тут другие игры, это тебе не бегун чахлый, а рубер не из самых последних, он почти не похож на человека, дальше него идет только элита. Такой арбалет ему до-лампочки, хрен пробьет пластины. Ты об него топор сломаешь, а он даже не почешется.

— И что делать будем?

— Тут мы, Карат, расставаться будем.

— Не понял?

— Что непонятно? Тебе придется умирать, а мне бежать. Уж прости, но составлять тебе кампанию в таком вопросе не стану.

Карат криво улыбнулся:

— Мне кажется, что бегаю я получше тебя. Но этот все равно догонит, мне до него далеко.

— Меня не зря Шустом назвали, это ведь от Шустрого. Умение у меня полезное для таких случаев, и я его по возможности горохом подкармливаю. Но знаешь... Карат, ты мой крестник, так что я должен дать тебе шанс. Маленький, но шанс. Сперва побегу так, что он увяжется за

мной. Но это ненадолго, я потом прибавлю, оторвусь, он поймет, что ловить вообще нечего и вернется. Но несколько минут у тебя будет.

— И толку от нескольких минут?

— Не знаю. Используй их, не трать на глупости, может что и выгорит. Ладно, удачи тебе, Карат. Мне пора уходить.

Развернувшись, Шуст припустил в сторону рощи. Карат не ожидал от него такой скорости, бегал неловкий с виду спутник и правда отменно. Но то, что произошло спустя пару секунд, стало куда большей неожиданностью. Ноги Шуста заработали с такой быстротой, что размазались в пространстве, невозможно было разглядеть ни ступни, ни колени. Все равно что пытаться высмотреть мелкие детали на колесе бешено мчащейся машины.

Скорость при этом возросла так, что не всякий велосипедист сможет развить подобную, да и то лишь скатываясь с крутой горки. Человек не может так бегать, это выходит далеко за рамки наших возможностей. Знаменитейшие олимпийские чемпионы-спринтеры в сравнении с нынешним Шустом не более чем разжиревшие черепахи.

Так вот что он имел ввиду, когда упоминал непонятные новые умения, которым для развития требуется дорогостоящий горох.

Рубер быстро приближался, до него уже оставалось не более полусотни метров. Карат встал поудобнее, готовясь встретить тварь одним сильным и точным ударом. Не вызывает сомнений то, что вторую попытку ему никто не даст, так что надо не опростоволоситься, врезать от души, глядишь, и что-нибудь выгорит.

Хотя — вряд ли. Чем ближе монстр, тем призрачнее представляется шанс. Теперь можно разглядеть подробности. Массивное тело с гипертрофированным плечевым поясом от которого отходят две толстые и длинные руки, спускающиеся почти до колен. Вес верхней половинки видимо чересчур велик, что заставляет тварь двигаться наклонившись вперед и сильно ссутулившись. Подбородок непомерно огромный, выдающийся вперед, похоже, что хватка безобразно раздувшихся челюстей бульдожья. Кожа темная, на лице и средней линии торса выпячивается угловатыми буграми — видимо те самые пластины костяной брони. На лысой голове их больше всего, острые выступы из того же материала там и сям торчат из предплечий превращая лапы в подобие дубин с шипами.

Даже с огнестрельным оружием непросто свалить столь стремительно передвигающегося монстра, а уж топором нечего и думать. Но не стоять же опустив руки, покорность судьбе — не в характере Карата.

Тварь уже так близко, что в приоткрытой пасти можно разглядеть

двойные ряды жутких зубов. Не верится, что ЭТО когда-то было человеком, ничего общего не осталось.

А уж взгляд каков — чистая смерть сдобренная плотоядной жадностью.

Чудовище промчалось в нескольких шагах от Карата. И побежало дальше, вслед за Шустом, который уже почти добрался до деревьев.

Карат, ничего не понимая, уставился вслед. Монстр, будто реагируя на его взгляд, на бегу обернулся, посмотрел в ответ. В его глазах можно было прочитать полный сценарий развития событий: сперва догонит самого прыткого, после чего прикончит, затем вернется к неподвижной добыче и поступит с ней аналогично.

Логика в таком ходе событий есть, теперь понятно, как именно Шуст планировал подарить Карату немного времени. Тварь сейчас считает, что сумеет догнать сверхбыстрого бегуна. А тот, уведя ее от медлительного спутника, оторвется, помчавшись по настоящему. Хотя и сейчас скорость его невероятно высокая, очевидно, что это еще не предел.

Судя по взгляду, монстр не из тупых. Быстро поймет, что эта добыча слишком прыткая для него, и ему не останется ничего другого как довольствоваться половинкой от запланированного обеда.

То есть тушкой Карата.

У него осталось всего несколько минут жизни, и это еще в лучшем случае. Убраться подальше вряд ли успеет, он не бегун-рекордсмен.

Значит, что остается? Стоять с топором в ожидании смерти? Или...

Или за отведенный короткий срок разработать метод убийства твари. Топором он ее не срубит, это очевидно, пулеметом в ближайших окрестностях вряд ли разживется.

Тогда что остается?

Остается думать, и думать надо быстро. К тому же делать это можно на ходу. И даже нужно. Бегом, бросив мешающий топор, со всей возможной скоростью, назад к заводу. В открытом поле шансов нет вообще, а там...

Там он, возможно, найдет способ разделаться с монстром.

* * *

Пожарный щит никуда не делся, что неудивительно. Лопаты, огнетушители, ведра и багор Карата не заинтересовали. Ему нужно лишь одно — тяжелый длинный лом. Удобная штука, если надо разнести кому-то

голову, вот только против нынешнего противника — вариант ничем не лучше топора. Не поможет.

Но это если применять его бездумно, не используя преимущества, которые можно организовать без потери времени.

Лом толстый, ровный, ухватистый и очень тяжелый — то, что надо. Ветхая метла, которая пристроилась в уголке возле щита, тоже пригодится. И прекрасно, что связка прутьев едва держится на древке, тем легче вытащить рукоятку, заменив ее концом лома. Сорвать бечевку с красными лентами в узелках, что окружает траншею с раскопанной трубой, затянуть, укрепляя сцепление. Готово.

Теперь у Рогова метла предназначенная для по крупному проштрафившихся дворников — с тяжеленным ломом вместо рукояти. Остается не выронить ее на непростом пути.

Карату придется вновь карабкаться вверх. Но не на крышу цеха, с которой они недавно наблюдали за окрестностями, а на кирпичную трубу. Высотой метров под сорок, с лестницей, упрятанной за барьером из металлической решетки, что защищает от падения.

На полпути он обернулся в сторону рощи и увидел неприятную картину. Монстр поспешно возвращался, он будет внизу максимум через минуту. Очень хорошо, что Карат не поддался первому порыву бежать сломя голову в сторону горизонта, далеко уйти не успел бы. А сейчас у него есть какой-никакой, но шанс. Главное не уронить лом, спуститься за ним он уже не успеет. Карабкаться, работая одной рукой, очень неудобно, но других вариантов нет.

Выше, выше, еще выше. Все, он на вершине. Остановиться, ухватиться свободной рукой за штырь молниеотвода, посмотреть вниз. Вовремя, монстр уже здесь.

Рубер, подскочив к трубе, не стал хвататься за перекладины лестницы. С его широкими плечами протискиваться там будет непросто. Вместо этого он с предвкушением заурчал и начал карабкаться вверх цепляясь за холодные прутья обрешетки. И делал это прямо-таки с обезьяньей ловкостью. Ему и полминуты не понадобится, чтобы добраться до Карата. И вообще, подпускать его близко нельзя, надо использовать все преимущества высоты, это единственный шанс.

То, что тварь не полезла по лестнице — плохо. Там в нее гораздо легче попасть. Но сейчас она шла четко по одной стороне решетчатой галереи, не уклоняясь. Если чуть повезет, все пройдет как запланировано.

Карат перебрался на предохранительную решетку, свесился, навалившись на ее срез, примерился, от всей души размахнулся и запустил

ломом будто копьем, целясь в макушку быстро приближающейся твари.

Самое время проверить, насколько крепки пластины на лысой башке.

Лом, разгоняясь под действием силы тяжести, пролетел пару десятков метров, не развернувшись в воздухе ни на сантиметр благодаря стабилизатору, который наскоро соорудили из выдавшей виды метлы. Ровно пошел, будто оперенная стрела и острым концом тюкнул монстра точно в стык уродливых костяных нащепов.

И в очередной раз с блеском доказал, что против лома нет приема — шестигранный металлический прут с противным звуком ушел в тело твари чуть ли не на четверть своей немаленькой длины.

Глава 9

Спустившись с лестницы Карат первым делом отправился все к той же роще, надо было забрать брошенный возле нее топор. Он нужен сейчас не как оружие, а в качестве инструмента мясника. Ноги твари застряли в решетке, тело висело на двадцатиметровой высоте. Пришлось примоститься сбоку, помахать немного, заставив его освободиться. Затем заняться уже упавшему без лишних неудобств отрубил голову.

Далее возникла заминка, у Карата не было ножа. Как назло в машине остался отличный охотничий, некогда по случаю приобретенный на тематической выставке. Носить такое чревато разборками с правоохранителями, а вот возить самое то. Но до покалеченного «уазика» далеко, придется выкручиваться имеющимися средствами.

Поэтому пришлось мыть лезвие топора, для чего пригодился все тот же пожарный щит. Точнее установленная возле него бочка с дурно выглядевшей водой.

Топор был тупым, а споровый мешок выглядел серьезно, его тоже прикрывали костяные пластины, пусть и частично. Но против грубой силы защита не устояла и вскоре Карат копался в содержимом. В отличие от той твари, которую убил Шуст, здесь не было свалывшейся грязной паутины, все свободное пространство заполняли грубые нити из ядовито-оранжевого полупрозрачного материала. Он сильно напоминал длинные тонкие прутики вареной крахмальной вермишели, небрежно высыпанные на грязную тарелку.

Омерзительную работу нельзя назвать кровавой — ни капли не пролилось. Но все равно неприятно. Однако Карат ни разу не поморщился. Фляжка с живительным напитком осталась у Шуста, а в памяти еще свежи воспоминания о том, как нехорошо ему было до того момента, когда он сделал первый глоток. Без этой гадости ему здесь не выжить, так что надо терпеть.

Споранов оказалось одиннадцать штук, что куда больше чем в случае с первой тварью. Помимо этих серых виноградин обнаружились пять горошин и еще один шарик такого же размера, но совсем не похожий на спрессованный желтоватый сахар. Настоящая черная жемчужина с завораживающим перламутровым отливом — вот что это такое. Хоть бери и в золото оправляй — очень красиво получится.

Шуст никогда не говорил о таких шариках, упоминал лишь спораны и

горох. Но обо всех мелочах он рассказать не мог, значит, эта непонятная штуковина тоже может быть ценной.

Добычу Карат завернул в кусок оторванной от рубахи ткани, после чего спрятал сверток на дне надежного кармана.

Настало время задуматься о дальнейших действиях. Место это относительно безопасное, рубер, судя по всему, активно подьедал всех прочих зараженных, по этой причине им здесь не очень нравилось. Но какой смысл здесь торчать? Почти заброшенный объект, царство ржавчины и разрушающихся конструкций. Лишь в паре мест не было следов запустения, но ничего интересного Карат там не заметил. А ему, между прочим, очень хочется есть. Аппетит, неожиданно проснувшись, разгорелся до зверского состояния.

Есть еще одна проблема — он не знает, что делать со споранами. Не догадался спросить рецепт отвратного напитка. Если бы их можно было применять в твердом виде, вряд ли бы люди связывались с жидкостью. Значит, должна быть какая-то хитрость, и без знающего человека он может все запороть.

Вывод — надо этого знающего человека где-нибудь найти.

Где? Да откуда же Карату знать... У него сейчас один выход — идти куда ноги несут. Но для начала надо вернуться назад, в город. Это свежий кластер, там он без труда найдет припасы на первое время.

Да — опасно, но вариант получше в голову не приходит.

Было бы неплохо встретить кого-нибудь адекватного, вроде Шуста. С опытным спутником будет проще, плюс под рукой окажется источник столь необходимой информации.

Уж как готовить живчик тут, должно быть, знают абсолютно все.

* * *

Помня наставления Шуста, он не стал возвращаться по старым следам. Сделал приличный крюк, намереваясь выйти на речной поворот. Если границы между кластерами прямые, в этом месте часть города могла оказаться на левом берегу, то есть ему не придется искать уцелевший мост. Вообще не понадобится переправляться, маяча на открытой местности.

Расчет Карата оправдался. Спустя час с хвостиком он с безопасной дистанции наблюдал за крошечным кусочком города, по воле геометрии оказавшийся на нужной стороне. Лента объездной дороги с развязкой, от которой отходила одна из основных областных трасс; стоянка, наполовину

забитая машинами; дилерский центр, где торговали не слишком популярными иномарками. Продуктовых магазинов не наблюдалось, но человек любит делать запасы где можно и нельзя. Пошарить вдумчиво, и обязательно что-нибудь найдется.

Решив, что дилерский центр — лучший вариант, направился к нему. Пустыши, до этого с бессмысленным видом бродившие по округе или просто стоявшие, при появлении Карата резко оживились, все как один потянулись в его сторону. Эта особенность тварей ему не нравилась, ведь по такой активности нежелательные наблюдатели могут издали догадаться, что в этом месте обитают не только мертвяки.

Впрочем, и все прочие особенности этих гадин ему не нравились.

Быстро пробежать до стоянки. Далее замедлить ход, укрываясь за машинами. А вот и нужные двери. Увы — заперты. Можно поработать топором, но толстое стекло — достойный соперник. Сдастся, конечно, но с таким грохотом, что будет слышно на всю округу.

Помимо главного входа должны быть и другие, надо их просто поискать. Там, возможно, устроить взлом проще.

С этими мыслями Карат отправился за угол, где пришлось резко остановиться — в лицо уставился автоматный ствол. Сам автомат находился в руках усатого мужчины лет тридцати, облаченного в новенький камуфляж от пяток до макушки. Даже бандана у него была цвета хаки.

— Рот захлопнул! Не шуметь! Бросил топор! Бегом бросил! — с угрозой протянул незнакомец и, склонив голову, нажал кнопку на малогабаритной радиостанции, закрепленной на плече, проговорив непонятное и нехорошее: — Точку спалили, свежак левый появился, пустышей навел. Даже если его грохнуть, они теперь все равно оравой тут крутятся будут.

Рация еле слышно пискнула, донесся ответ:

— Уводи его оттуда.

— Понял.

Указав стволом в сторону лесополосы, что тянулась далее вдоль трассы, автоматчик прошипел:

— Идешь прямо туда. Ни шагу в сторону и не оглядываться. Дернешься, пристрелю сразу. Пошел!

Ничего другого не оставалось, как подчиниться.

Дошли до деревьев, где Карат на ходу мрачно уточнил:

— Через кусты ломиться?

— Сказано же было — иди прямо! Или по-русски не понимаешь?! Вперед!

Кусты здесь на редкость густые. Спасибо, что не колючие. Пробившись через стену на совесть спутанных ветвей, Карат оказался на относительно свободном пространстве — здесь, в тени от деревьев, заросли были не настолько серьезными.

А еще здесь скрывались люди. Пять человек: двое полностью в камуфляже, двое частично в нем, и лишь один в мешковатых штанах и черной кожаной куртке. Из всех присутствующих он был самым старшим, лет за сорок, остальные не младше двадцати пяти, но и не старше тридцати. Все при серьезном оружии: четыре автомата и ручной пулемет, у парочки пистолеты в кобурах, к дереву прислонена зеленая труба одноразового гранатомета.

«Гражданский», с неприязнью уставившись на Карата, спросил:

— И кто тебя просил нашу точку палить?

Тот пожал плечами:

— Не знаю о чем ты вообще, но даю честное пионерское слово, что поджогами не занимался.

— Типа с чувством юмора? Кто такой?

— Карат.

— Ух ты, да у него уже имя есть, а мы-то подумали, что ты свежак.

— Я и есть свежак. Свежий.

— Свежие у нас себя Сережами да Сашами зовут.

— А я тут пересекся с одним, он меня и окрестил.

— С кем?

— С Шустом.

— Не знаю такого.

Усатый вмешался в разговор:

— Мелковатый, с брюшком небольшим и хитрый весь такой? Болтливый.

— Похож, и поболтать любит.

— И бегают как наскипидаренный?

— Да, это точно он.

— Шапкун, ты этого Шуста знаешь? — уточнил усатый.

— Да, сталкивались пару раз, мужик в первые ряды не лезет, но болтун и выпить не дурак, такого запомнить легко. Он раньше таскал жевела^[2] от ксера, который уже третий год сидит в шестьдесят втором. Кирпичники за них отваливают неплохо и берут сколько ни дай.

— А чего бросил это дело? Не отбивалось?

— Да может и не бросил, но слышал я, что недавно он нарвался по крупному. Потерял весь товар, голый и босой остался.

— Бывает... Карат, ты нам всю малину обломал. Мы тут не просто так сидим, мы дорогу пасем. Важная дорога, важные машины по ней катаются. Сам понимаешь, что нам лишнее внимание совсем ни к чему, а ты всех пустышей переполошил, теперь они не скоро успокоятся.

— Они бы и без меня возбудились из-за вашего Шапкуна. Он ходил там же, где и я.

— Не ходил он, а устроился на точке удобной. Его пустыши игнорируют, такой уж талант у паренька. Только тебе там что-то понадобилось, вот и навел ораву. Теперь эта точка стала совсем горячей, придется менять, а мы на нее рассчитывали. Не наша это поляна, вклинились удачно, думали сработать там, где никто нас не ждет. А теперь за версту видно как пустыши возбудились, и даже полный баран поймет, что неспроста это.

Карат покачал головой:

— Я половину из сказанного не понимаю.

— Ну да. Молодой да ранний, мало знаешь, о глупом думаешь. Говори, что в городе видел, может полезное услышим. Люди какие-нибудь, твари сильные, может машина интересная где проехала. Или ты туда не совался?

— Совался. Я там Шуста встретил, он помог мне от лотерейщика отбиться.

— Это тогда одежду порвал?

— Нет, до этого приключения нашел.

— Например?

— Беспилотник по моей машине отстрелялся. Тоже на развязке, но с другой стороны города.

— Что за беспилотник?! — подобрался старший.

— Не знаю. Самолет на крест похожий, Шуст его почему-то «мессером» назвал.

Собеседник кивнул:

— Этот дрон так и называется у многих. Хотя я бы не сказал, что он на «мессершмитт» похож. Ничего общего. Ракетами бил или из пулемета?

— Ракеты. «Уазик» разнес, меня потрепало немного.

— А чего тебя не добил?

— Может не видел, я в сторону откатился, лежал в траве.

— У него тепловизор крутой, эта зараза все видит.

— Может ракеты закончились.

— Может и так. Что еще видел?

— Группу какого-то Бидона.

— На «буханке» катаются?

— Да.

— Вот же лохи, я думал, что их сожрали уже. Повезло тебе, могли и грохнуть. Они там все до единого нервные и тупые, у всех под ногами путаются. Долго такие не живут, они это сами понимают, вот и нервничают. А где Шуст? Почему ты один?

— Расстаться пришлось.

— Почему?

— Рубер напал.

— Рапан?

— Шуст называл его рубером.

— Можно и так. А почему ты до сих пор жив? Или этот Шуст нереально крутой и завалил его?

— Не уверен, что Шуст крутой. Сбежал он. Быстро бегают.

— Ага, — поддакнул усач. — За ним на мотоцикле хрен угонишься.

— Бросил, говоришь? Ну тогда я вернусь к изначальному вопросу: почему ты до сих пор живой? Сумел сбежать от рубера?

— Не сумел. Пришлось его убить, по хорошему он не понимал.

— Шапкун, что за ствол у этого смешного балабола?

— Он пустой, только топор.

— Так ты что, топором загасил рубера?

При этих словах все шестеро заулыбались, а один высказал нецензурное емкое слово, показывающее, что он нисколько не верит в вероятность подобного события.

— Не топором. Ломом.

— Это как?

— Пробил ему башку.

— Красиво врешь.

— Я забрался на заводскую трубу, дождался, когда он полезет за мной и с высоты скинул лом ему на макушку. Перед этим привязал к концу метлу, она вместо стабилизатора работала, чтобы в воздухе не развернулся. Лом разогнался как следует и пробил пластины на макушке.

— История хитро закручена, но все равно не верю.

Пулеметчик встрял в разговор:

— Расист, пусть покажет, что взял с рубера, тогда можно и поверить. Руберы пустыми не бываю, в них полно всего.

Старший кивнул:

— Думаю, Шуст успел научить тебя самому полезному, и то, что с затылка рубера можно неплохо поймать, ты бы догадался. Рожа у тебя продуманная, на совсем уж печального лоха не похож, так что показывай.

Карат уже не рад был, что вообще упомянул того монстра. Очень скользкая тема. Кто его знает, что это за ребята, но миролюбивыми они не выглядят. А он добыл из туши твари несколько весьма ценящихся здесь предметов. И что совсем уж плохо — понятия не имеет, насколько велика их стоимость.

Очень может быть, что они куда дороже, чем жизнь свежее испеченного иммунного.

Но не включать же задний ход. Поздно уже, влип по полной. Так что пришлось лезть в карман, доставать сверточек, разворачивать.

Расист присвистнул:

— Ну нихрена себе! Братва, у него жемчужина!

— Черная... — заворожено протянул усач и нехорошо покосился на Карата.

— Она самая дешевая, — заметил пулеметчик.

— Ну и что? Все равно цена зашкаливает, это же тебе не горох.

— А я разве другое сказал? Дешевая — не значит, что за гроши можно загнать.

Подкинув жемчужину на ладони, Расист заметил:

— Теплеет... настоящая. Карат, ты знаешь, что это такое?

Тот пожал плечами:

— Первый раз вижу. В лотерейщике такого не было, только спораны и одна горошина.

— В нем и не бывает, мелочь он пузатая. Жемчуг добывают из элиты. Иногда, очень редко, он может попасться в рубере. Так что тебе очень повезло.

— Да зачем свежаку такая штука, — не выдержал усач. — Слышь, Карат, давай как-нибудь договоримся.

— А ну притих! — рявкнул Расист. — Ты, Шапкун, что-то много начал позволять себе в последнее время. Мы не беспредельщики, и Карат нам тоже в суп не плевал.

— Он пустышей навел на точку.

— Есть косяк, но его вины в нем не вижу. Он перед нами чист, у нас претензий быть не может. На жемчуг новичков кидать — примета не очень, сам знать должен. Новичков вообще ни на что кидать нельзя. И вообще, о чем базар? Мы правильные, мимо нас можно с ведром жемчуга пройти, и мы даже не почешемся. Мы люди, а не муры конченные. Так что меняй тему, не доводи до греха.

— Расист, да он дойдет до того же Бидона и останется в канаве без жемчуга и без башки. Он же совсем зеленый и тупой.

— Зеленый или нет, а рубера завалил без ствола. Ты много таких деловых знаешь? Или может сам повторишь, а мы посмотрим? Вот и я о том же. В общем, Карат, как ты уже понял, тебе в руки попала вещь не из простых. Честно говоря, не всякому дано ее хотя бы увидеть, а уж обзавестись...

— И чем этот шарик так ценен?

— Он, Карат, куда круче гороха поднимает здешние умения. И нередко бывают случаи, когда активирует новые, которых до этого не было. Изначально их у нас или вообще нет, или одно-два, другого способа поднять количество не придумали еще. Только время или жемчуг. А ведь чем больше ты умеешь, тем дольше проживешь. Если повезет, так вообще не придется никогда соваться в опасные места. Засядешь в добротном стабе, за тебя там все впрягаться будут при малейшем шухере.

— Что-то не заметил я за собой новых умений. Не отказался бы научиться бегать так как Шуст.

— Бег — полная фигня, — заявил пулеметчик. — Мечтай, чтобы из тебя ксер вылутился, вот где не жизнь, а сплошное варенье.

— Ходят слухи, — продолжил Расист. — Что новичок, у которого новые умения еще не проклюнулись, может слопать жемчуг и открыть целую пачку, причем самых полезных. Думаю, что это всего лишь одна из баек, на которые так богат Улей, но мало ли... Получается, у нас здесь непростая ситуация. Ты еще не оперился, таскать такое бегство в кармане опасно. Пойдешь дальше, тот же Шапкун тут же стукнет кому надо, и тебя перехватят ребята, которым плевать на плохие приметы. Ну это если сам не прикончит. Понимаешь?

— Никому я не стукну! — возмутился усач. — За гнилого мура меня держишь?

— Цыц! — беззлобно заткнул его Расист. — Выманивать у тебя такую штуку — некрасиво. Гнилые дела, не про нас это. Для тебя и для всех лучшим вариантом будет, если здесь ее и употребишь. И ребят моих во искушение не будешь вводить, и себе руки освободишь. Жемчужина весит крохи, но уж поверь, тяжесть за ней немалая, давит на плечи всем обладателям. Это все равно, что ходить по рабочей окраине с полными карманами бриллиантов и спрашивать у шпаны где именно их можно с выгодой толкнуть.

— Понял. И как ее употребить?

— Просто проглоти. Ее только так употребляют — в чистом виде. Яда в жемчужине нет, сплошной нектар. Так что давай, не тяни.

Карат, приняв протянутый черный шарик, покрутил его в руках.

Странно теплый, будто на раскаленной печи лежал, но в остальном ничего необычного не видно.

— А запить не найдется? В смысле, живчиком не поделитесь? Своего нет, как делать не знаю.

Расист протянул фляжку:

— Хлебни. А делается он просто: один споран разводишь на пол-литра воды, доливаешь чуток спиртного, перемешиваешь тщательно, даешь постоять пару минут. Потом процеживаешь через сложенную в несколько слоев марлю, чтобы от осадка избавиться, он ядовитый. Помногу не пей. Желательно вообще не прикасаться пока мутить не начнет, или не заработаешь ранение. Рецептов вообще-то море, но основной принцип тебе рассказал, а все остальное — пустое эстетство. Ну давай, глотай уже, пока я вслед за Шапкуном не начал мечтать кинуть свежего на жемчуг.

Карат положил шарик на язык, сглотнул, навернул добротный глоток из фляги, отдал ее Расисту:

— Благодарю.

— Ну и как тебе?

— Да вроде никак. Греет живот только. Хотя нет... вроде не греет уже. Показалось.

— Не показалось. Так и должно быть — сперва всем греет брюхо, но это быстро заканчивается.

— А потом начнешь в элитника превращаться, — с кривой усмешкой добавил Шапкун.

— Не накаркай! — рявкнул Расист.

— Что?! — не понял Карат. — В кого это я начну превращаться?!

— Просто мы не все тебе про жемчуг рассказали... Бывает всякое... Ну... побочные эффекты.

— Можно превратиться в хрен знает кого?!

— Бывает и такое, хоть и нечасто. Обычно если и меняются, то только внешне и местами, прежний ум сохраняется, так что остаешься человеком. Не очень красивым человеком. Некоторые просто травятся так, что месяцами потом отлеживаются и нехорошие проблемы зарабатывают.

— А раньше нельзя было рассказать?!

Расист покачал головой:

— Никак нельзя. Ты из новых, не понимаешь еще, куда угодил. За такой шанс, какой тебе выпал, любой готов руку отдать. Вдруг и правда на свежих новичков так действует, как говорят. И заметь, что всем плевать на риск. Абсолютно всем. Ты потолкаешься здесь немного и сам поймешь. Ведь если повезет, заработаешь умение ксера, и это все — твоя шоколадная

жизнь состоялась. Больше ни о чем думать не надо, найдется кому за тебя подумать. Так что еще не раз будешь нас вспоминать, радоваться, что на таких замечательных людей нарвался. Все ребята, живо закругляемся. Пора ноги уносить.

— Ствол у вас купить нельзя? — решил немного понаглеть Карат.

— Лишних нет, но в стабе со своей добычей ты варианты найдешь.

Горох всегда в цене.

— Знать бы еще, где этот самый стаб...

— Да их полно, подскажем. Шагай за нами, потом объясню подробно.

Тут опасно, активность пустышей издали засечь могут, а местечко популярное, не из простых.

Глава 10

Похоже, мания передвигаться от укрытия к укрытию здесь развита поголовно, а не только у быстрого Шуста. Шестерка новых знакомых около километра двигалась по лесополосе, пока не достигла глубокой траншеи, пересекавшей ее почти под прямым углом. Здесь группа остановилась, и Расист долго сидел в кустах, оглядывая окрестности в бинокль. При этом все помалкивали, пустые разговоры на марше строго запрещались. Все, что сумел понять Карат из отдельных брошенных слов и фраз — дорога, вдоль которой они шли, была весьма опасным местом, где можно нарваться на каких-то загадочных внешников. Причем, судя по контексту, вряд ли они относятся к зараженным. Это какой-то принципиально иной враг.

Вот только не факт, что это враг Карата. У Расиста и прочих с ними могут быть свои напряжения, так что он рискует огрести лишь за то, что попал не в ту компанию.

Расист, спустившись в глубокую канаву, сплюнул под ноги, и постучав ногтем большого пальца по прикладу, произнес:

— Тут что-то не так. Не знаю что, но чуйка чует. Где-то мы точно засветились, зуб даю, так что выходить напрямую не будем. Махнем дальше по канаве на ту сторону, потом рывок к балке и уходим по ней низами, там тропа в кустах есть. Всем все ясно? Ну тогда погнали.

Карату ничего не ясно, но он не в той ситуации, чтобы раскрывать рот на подобные вопросы. Потолкается здесь немного, осмотрится, поймет, куда именно его занесло, а там уже можно голос подавать. Пока он никто и звать его никак, он не более чем человекоподобное существо неспособное дать ответ на самые простейшие вопросы, что касаются новой жизни.

Так и пошли — по дну траншеи. Глубиной под два метра почти на всем протяжении, не осыпавшаяся, лишь сырость на дне местами доставляет неудобства. На обувь начала налипать грязь, но это было трудно назвать серьезной проблемой.

А вот то, что началось потом — да, труднее не придумать.

Шапкун, остановившись, присел на колени, отвел левую руку назад. Расист присел вслед за ним, вскидывая сжатый кулак. Все прочие при этом замерли статуями, Карат, чутко реагируя на поведение серьезных спутников, окаменел одновременно с ними.

Что случилось? А хрен его знает, язык безмолвных знаков он понимал

плохо.

Тем временем Шапкун, отведя ту же руку вбок, вывернул запястье, чуть подняв пальцы, а потом выставив указательный в сторону, провел им короткую горизонтальную линию.

Похоже, Расист не все понял из этой пантомимы, потому как стандартным возвратно-поступательным движением ладони поманил бойца к себе. Тот, тихо подкравшись, приглушенно сообщил:

— Там дальше вроде растяжка.

— Так вроде, или растяжка?

— Леска натянута. Тонкая. Просто так зачем ее натягивать будут? Караси здесь не водятся. Обложили нас походу, стерегут на всех путях.

Лицо Расиста стало совсем уж жестким, исказившись до неузнаваемости. Секунд пять помолчав, он напряженно произнес:

— Пускаем дым, пока ветер дует на дорогу. Перебегаем под ним на ту сторону и ныряем в зеленку. На стрельбу вслепую не отвечаем, только по близким целям, и только на ходу. Кто отстанет, сбор у водонапорной башни на краю дачного поселка. Вопросы?

— Думаешь, Хват? — спросил пулеметчик.

— Растяжка на запасной тропе сама собой не появилась — вот что я думаю. Рвать когти надо, пока нас тут гранатами не забросали. С группой Джигита так же начиналось и все знаете, чем закончилось.

Потянуло химическим дымком. Обернувшись, Карат увидел, как два бойца встали во весь рост и синхронно бросили за край траншеи две зеленые жестяные банки. В бок толкнули. Обернувшись, увидел, что Шапкун протягивает фляжку:

— Хлебни. Все свежаки тупят и доходяги, а сейчас далеко бежать придется.

Если угощают, отказываться глупо. Тем более своим живчиком он еще не разжился. Отхлебнул изрядно, завинтил, протянул назад:

— Благодарю.

— Ходу! — рывкнул Расист, сделал несколько быстрых шагов, с невероятной легкостью выкинул тело из траншеи на ходу ухватившись за ее осыпающийся край.

А Карату пришлось цепляться за корни, тащить себя как репку в огороде, с завистью глядя, как остальные бойцы легко его обгоняют. А ведь на плохую физическую форму грех жаловаться — мужчина в самом соку, ведущий активный образ жизни. И про спорт не совсем забыл, железяки таскает, грушу колотит. Но сейчас беспомощен будто ребенок.

Можно списывать все на недавние травмы и недомогание, коим вроде

как славятся здешние новички, а можно честно признать, что не только в этом дело.

Надо было со спортом дружить крепче.

Поднявшись, бросился вслед за остальными. Бойцы цепочкой мчались меж двух струй густого дыма, которые ветром относил в сторону широченной дороги. Открытое место, но за ней начинается густая зелень запущенного донельзя леска, где в прошлом году зачем-то повесился сосед-алкоголик. Карату тогда пришлось ездить на опознание, и он так и не понял, для чего надо было переться через весь город и дальше чтобы в итоге сунуть голову в петлю. Есть куда более подходящих места, и все они гораздо ближе.

Треснула близкая автоматная очередь, и тут же еще одна, и еще. И следом оглушительное пулеметное «ду-ду-ду». Причем стреляли не его спутники, все они так и продолжали мчаться к дороге. Вот между ними промелькнул трассер, вот еще один. Один из бойцов вскрикнул, штанина под коленом начала намокать. Вряд ли словил всерьез, задело просто, иначе бы на ногах не удержался.

Что-то хлестко рвануло неподалеку, по изодранной куртке ударило в нескольких местах, будто кто-то пульнул из пневматики, но слабые пульки не справились с преградой. Звук этот Карат еще не забыл, кто-то попытался накрыть их из подствольника. ВОГ^[3] дает массу мелких осколков, попасть под них — неприятно. Убить может и не убьет, но покалечит на совесть. Спасает любой, даже самый смешной броник, и расстояние. Уже через полтора десятка шагов можно не заработать ни царапины, к тому же чем дальше, тем слабее пробивающая способность этих мелких кусочков металла. Даже плотная ткань может их остановить, или значительно ослабить разрушающее плоть действие.

Кому-то из бойцов прилетело неплохо — впереди раздали такие изощренные маты, что хоть бери и записывай ради будущих конфликтов. Но никто не замедлился, не упал, как бежали, так и продолжают бежать. На ходу бросили еще пару шашек, но незаметности отряду это не прибавило. Дымят может и хорошо, вот только ветер не очень-то помогает. Совсем почти стих, не хочет тянуть завесу к дороге.

Пулеметчик, похоже, бил издали. Иначе ничем не объяснить его феноменальную косоглазость. Очереди грохочут одна за другой, нескончаемо, а толку ноль, если не считать царапину на ноге одного из бойцов. Автоматчики такие же мазилы, только патроны переводят.

Одна из пуль ударила в асфальт возле ноги Карата в тот миг, когда он сделал первый шаг на дорогу. Крошечный осколок, или отбитый камешек

больно ужалил чуть выше кроссовка и почти сразу сбоку фыркнуло что-то серьезное, до этого в перестрелке не слышимое. Он даже не успел осознать значение этого звука, как оглушительно рвануло что-то гораздо круче ВОГ-а, тело подкинуло, бросило на землю. Головой приложился об асфальт, мозг будто только этого и ждал, начал давать сбои, путая верх и низ, вот-вот и отключится.

Нет-нет-нет! Нельзя Карату оставаться на этом асфальте. Хуже места для лежки не придумаешь. Добьют ведь, он сейчас легкая мишень. Неимоверным усилием воли заставил себя подняться, побежал, почти ничего не соображая и не видя — ветер как раз решил сжалиться, принес дым, устроил столь густую завесу, что своих ног не разглядеть.

Еще один «фыррр» и новая вспышка, озарившая дымное облако. Недалеко, но и не так близко. Из гранатомета вроде шмаляют, хотя уверенным быть нельзя — оглушило до такой степени, что все звуки стали нереальными, будто к шуму в каком-то неведомом Зазеркалье прислушиваешься.

Да где он вообще?! Проклятый дым! Похоже, вместо того, чтобы мчаться через дорогу, Карат, поднявшись, перепутал направления и теперь движется назад к канаве. Иначе почему до сих пор не напоролся на отбойник? До него ведь всего ничего оставалось.

Ветер — сама любезность. Будто отвечая на невысказанное пожелание, резко сменил направление, оставив Карата открытым с трех сторон. Он успел убедиться, что его предположение верно, и правда перепутал направления, отбил от группы.

И увидеть крестообразную тень, что стремительно передвигается по земле в его сторону, он тоже успел. И даже голову начал поднимать, чтобы посмотреть на то, что ее отбрасывает.

А потом ярко вспыхнуло, и почти тут же мир погас. Карат провалился в непроглядную тьму.

Глава 11

Нос нещадно терзало тошнотворным запахом горелых волос, а губу, похоже, облили расплавленным свинцом. Замычав, Карат дернулся, раскрыл глаза, причем лишь с частичным успехом — левый картинку не выдал, веки будто склеились.

Некто неизвестный, с бритой наголо башкой и мордой дегенерата в шестом поколении, щелкнул перед лицом дешевой зажигалкой и, радостно осклабившись, громко произнес:

- А этот и правда не жмур.
- Без тебя будто не знали... гений.
- Я ему губу припалил, так он сразу подскочил.
- Уймись уже.

Сознание вроде бы вернулось, но работало как-то плохо. И одним глазом непривычно работать. Но даже половины зрения хватило, чтобы понять — Карат находится в крытом кузове грузовика, который в данный момент движется по усеянной кочками и ямами местности. Трясет неимоверно. Освещение только от узких бойниц, оборудованных в подпертом арматурными решетками тенте, позади на самодельной турели установлен крупнокалиберный пулемет, стволом уткнувшийся в трепыхающийся на ветру брезент.

Помимо уroda, который только что припалил ему небритую губу, здесь находились еще четверо. Трое похожи на этого садиста как родные братья: откровенно бандитские хари; потасканный камуфляж или просто крепкая гражданская одежда; у каждого под рукой оружие. Один явно не из их компании, он лежал позади, возле пулемета, руки закованы в наручники цепочка которых переброшена через прут решетки, которая прикрывала борт.

Тоже, кстати, в камуфляже, но не затасканном. Хотя грязи на нем хватает, это можно разглядеть даже одним глазом при скудном освещении.

Над Каратом завис верзила с габаритам шкафа-купе и физиономией, на которой даже при помощи мощной оптики вряд ли получится обнаружить следы интеллекта.

— Ну что, чушкарь, оклемался? Кто такой? Обзовись. Молчишь? То есть в молчанку решил сыграть? А может тебе зубы жмут?

Расставаться с зубами Карат сегодня не планировал и поэтому, разлепив запекшиеся губы, выдавил:

— Карат.
— Карат? А мы тут подумали, что ты свежак.
— А я и есть свежак. Окрестить успели.
— Расист твой крестный, что ли?
— Нет, Шуст.
— Не знаю такого. Сколько народа у Расиста?
— Вроде шестеро было, других не видел.
— С кем-то по рации или еще как-нибудь трещали?
— Не слышал.
— Не слышал он, ну надо же... А чего они вынеслись из канавы? Кто нас сдал?
— Растяжку увидели. Расист не стал подходить, сразу приказал дым дать и уходить за дорогу.
«Шкаф» резко развернулся к «дегенерату»:
— Ну ты! Гений тупизны! Какого они твою растяжку срисовали?! Совсем забыл где ты есть и что за такое может быть?! Опух?!
— Э! Чугун, не гони волну. Там все ништяк было, на тонкой леске и без следа. Четко сработал, без косяков, зуб даю.
— Это ты Раулю расскажи.
— И расскажу.
— А может ты ему еще и очко поцелуешь?
— Да я и вдую ему, если вокруг побреет.
— Раулю вдуюшь?!
— А почему бы и нет?! Да я и элите вдую! И скребберу! Хоть кому, жалко что ли, достал ты уже меня тупыми наездами!
— Пасть заткнул! Притих резко! Совсем крыша потекла?! Кто такое вспоминает вообще за стабом?! Дебил тупой!
— Да ты сам дебил! Мы в стабе, разве не видишь, что тут за асфальт.
— Это тройник голимый, его ладонью накрыть можно, так что фильтруй базар.
— А мне по барабану — все равно стаб.
— Да тебе, я смотрю, все по барабану. У нас дело на мази было до твоего косяка, Расист шел через полосу четко, как и ждали, а то, что они мимо траншеи к дороге рванут, не ждал никто. И все из-за вшивой растяжки. А кто ее ставил?! А?!
— Может свежак врет, давай нормально спросим.
— А откуда он тогда вообще про ту растяжку узнать мог?! Мысли твои прочитал?! Да ты же совсем тупой, какие там могут быть мысли!
— Сказал же, волну не гони, все путем у нас, мы этого козломордого

взяли, теперь есть о чем с внешниками базарить.

— У нас минус двое, и Расист свалил со всей своей кодлой. Думаешь, Рауль будет этому рад?

— Внешнику обрадуется, ты же сам знаешь, у него с ними терки пошли из-за Пыхаря и Прапора.

— А то, что ты внешника без маски оставил, это нормально?! Вот на кой он такой нужен Раулю?!

— Ну побазарить с ним успеет, он же не сразу скиснет.

— Чикан, да ты вообще в берегах заблудился! Что с тобой, братан?! Такого тугого я тебя не знаю! Может пора уже завязать со спеком?!

— А может тебе пора завязывать?! Ты вмазываешься не меньше других, так что не строй из себя святую целку.

— Я под дозой на дело не иду, а тебе похрен, ты вечно на кайфе. У тебя базар уже хромать начинается, вот-вот поплывешь.

— Да у нас всех такой базар, мы университетов не кончали, кончай уже грузить.

— Я тебя помню каким ты пришел. Как отличник чесал, заслушаться можно было. И Рауль тебя таким помнит, и разницу видит. Он же тебя вот-вот на разборку отправит, и начнет с яиц. Ты что, правда об этом мечтаешь? Братан, я же за тебя уже два раза впрягался, третьего не получится.

— Да не грузись за меня, все путем. «Мессер» мы покалечили, ушел битым, внешника-авианаводчика взяли живьем, Расиста с трассы выперли и свежего у него отжали. Мы сейчас в шоколаде, масть держим, кто нам что предъявит? Кончай уже со своими жалобами, как девочка стонешь, достал уже.

— Сильно борзый ты, как я посмотрю. Давно не обламывали?

— А че ты меня гнешь через плетень?! Че за предъявы вообще?!

— Предъявлять тебе Рауль будет.

— Вот с ним все и решу.

— Вот и решай. А этого давай к внешнику, а то ему скучно там без маски.

— А ты хоть знаешь, что этот свежак не из простых?

— Что с ним не так?

— Гляди, какой я у него пакован нарыл. Тут и спораны, и шары.

— Нехило.

— Ты часто видел, чтобы свежак так богато жил?

— Тащи его пока туда, с Гнилым перекинуть парой слов. Тот может чего видал, подумать надо, что Раулю отвечать.

Новые спутники Карату очень сильно не понравились. И дело даже не

в том, что один из них припалил ему губу, а второй невежливо общался. В этой машине царила атмосфера смерти. Что-то вроде табачной ауры в помещении, которое годами использовалось для массового курения дешевых сигарет. То есть гибель — тут привычное дело, рядовое, возможно даже ежедневное. И то, как держится четверка вооруженных людей, как общается между собой, выдает в них волчью стаю, где каждый по мере сил старается быть сам за себя, корча крутого изо всех сил, а с другими его объединяют лишь дела неподъемные для одиночек.

Чикан грубо протащил Карата к пленному, отпустил, толкнув при этом на станок пулемета. Карат врезался в него так, что едва не застонал, а затем еще и ногу зашиб, приземлившись на металлическую полосу, которая являлась частью основания на котором покоилось крепление турели мощного оружия.

Финалом этого растянутого по времени падения стала резкая остановка из-за препятствия — уткнулся в тело второго пленника. Тот при этом чуть повернул голову, показав окровавленное лицо, и негромко произнес:

— Knife. Left leg^[4].

Чикан пнул «камуфляжного» в бок, беззлобно при этом заявив:

— Чуркам слово не давали. Заглохни, нерусь тупая.

Голова Карата сегодня пережила немало неприятных приключений, но мозг все еще продолжал работать, пусть временами и с натужным скрипом. Сказанное он понял прекрасно, и не просто понял, а осознал, что именно имеет ввиду коллега по плену. И потому не стал резко садиться спиной к борту, как планировал изначально, а, продолжая изображать неловкость и потерю ориентации, навалился на «камуфляжного» еще сильнее, так, что связанные за спиной руки оказались возле его левого берца. Нащупал закрепленные на голени ножны, ухватился за рукоять ножа, потянул. Тот хоть и с трудом, но вышел.

Готово. Теперь Карат при оружии.

А толку-то?

Гибкость у него не из тех, которую стройные гимнастки демонстрируют, одним ловким рывком продеть под собой связанные в запястьях руки не сможет. Потому остается только одно: из неудобного хвата постараться перерезать путы.

Спасибо, что не заковали, как второго. Видимо наручников у них всего одна пара. Что тоже можно причислить к плохим признакам — такое неудивительно, если пленники здесь долго не живут. То есть надобности в лишнем снаряжении для них нет.

Нож острый, но какой-то неудобный, лезвие непонятной формы. Карат несколько раз резанул себя, прежде чем выработал оптимальный алгоритм перепиливания пут. Веревка из какой-то синтетики, прихвачена крепко, внатяжку, долго не устоит. Ладони уже немеют от нехватки крови, но время не потеряно, он пока что все чувствует и, если никто не помешает, успеет освободиться.

Есть! Он это сделал! Руки расцеплены!

Над ним в тот же миг склонился Чугун. Дыхнул в лицо легким перегаром, сдобренным чем-то совсем уж гнилостно-вонючим, криво усмехнулся и лениво-наглым тоном, коим, по мнению недалеких людей, должны общаться донельзя крутые ребята, произнес:

— Ну что, свежак, говорить будешь, или в партизана на допросе в гестапо играть?

Вот ведь дешевка... Говорить не хотелось, а хотелось энергично растереть освободившиеся запястья, но рискованно, урод может заметить, ведь уставился в упор.

А еще сильнее хотелось выдернуть из открытой самодельной нагрудной кобуры увесистую махину «стечкина^[5]» и, для начала вбить пару пуль в грудь, потом снять маячившего за спиной Чугуна тупого садиста Чикана, вслед за ним достать оставшуюся парочку. Раздавать пулю за пулей, не пропускать никого, давить на спуск пока не вылетят все два десятка. Если кто-то после этого все еще будет шевелиться, в ход пойдет топор. Карат его давно приметил. Удобный на вид, жаль только, что с подозрительными пятнами на лезвии. Ну да какая разница, ему им не колбасу на завтрак резать, пусть эти тупые отморозки беспокоятся о стерильности инструмента, которым им сносят головы.

— Можно и поговорить, — охотно заявил Карат, осторожно разминая деревянные пальцы.

— Ну давай, расскажи нам, где это ты нахомячил такой солидный пакован?

— Дай живчика хлебнуть.

— А больше тебе ничего не дать? Ну, типа пососать, или еще чего?

— Ты на мне неплохо подогрелся, да и на жлоба не похож. Я же погибаюсь, меня покалечило со всех сторон, вот-вот вырублюсь.

— Не похож ты на погибающего. Но я и правда не люблю жлобов. Давай, пасть пошире разевай и башку запрокидывай.

Над лицом появилась раскрытая бутылка, горлышко опустилось, тонкая струйка полилась в горло. Карат мгновенно закашлялся, ведь вместо уже привычного живчика получил неслабую порцию омерзительно теплой

водки.

Чугун захохотал с беззаботной искренностью недоразвитой обезьяны, только что открывшей для себя новый способ чесания яиц. Его поддержал Чикан, и смех у него тоже был не из самых приятных.

Веселье поддержала парочка, оставшаяся вдали. За шумом двигателя и раскачиванием машины они не могли ничего слышать, но в любой момент готовы морально поддержать своих коллег по дебилизму.

И Карат тоже улыбнулся. Почему бы не поддержать веселье, если через минуту или ты будешь мертв, или эти люди, или вообще все присутствующие. Самое время как следует посмеяться, лучший момент трудно подобрать.

— Ну че Карат, как тебе наш правильный православный живчик для четких пацанов?! — слегка успокоившись с фальшиво-искренним участием спросил Чугун.

— Не очень.

— Не понравилось, что ли?

— Да слабоватый какой-то. Его что, для девочек делают?

Глаза Чугуна нехорошо сузились:

— Нарываешься Карат, по-крупному нарываешься. Моим ребятам только моргни, они тебе в пять минут очко отполируют, и кто тут после этого будет девочкой?

— Думаю, что дело вовсе не в живчике... — задумчиво ответил тот.

— А в чем?

Карат, разжав пальцы, понял, через десяток секунд он будет готов. Тот самый момент, когда мысли полностью очищаются, мир становится простым и понятным, все лишнее отсекается, в кровь начинает поступать ударная доза адреналина.

Чего там «камуфляжный» за спиной возиться? И наручниками звякает подозрительно. Тоже пытается освободиться? Может и так, парень соображает четко.

Молчать нельзя, надо хоть что-то ответить, не насторожить раньше времени. К тому же можно говорить потише, шум машины будет заглушать слова, Чугуну придется нагнуться еще ниже, подставиться.

— Я думаю, все дело в том, что вы, ребята, не дружите с английским языком.

— Ты че несешь? Совсем опух? При чем тут язык вообще?

— Не просто язык, а язык английский. Как я понял, ни ты ни твои шестерки двух слов на нем сказать не смогут. А иногда его очень полезно знать.

— Ну и например?

— Вот, допустим, случится большая перезагрузка. И прилетит сюда, в Улей, огромный кластер набитый разными ништяками.

— А че, разве кластеры летают?

— Ну я же к примеру, ради художественности.

— Фраер ты смешной, покороче давай, не тяни резину. Чикан уже весь извертелся, очень хочет с тобой обсудить и девчонок, и шестерок. Не надо его задерживать.

Карат, безмятежно улыбаясь, нездорово-спокойным голосом продолжил в том же духе:

— Тот кластер прилетит из мира, где медицина добралась до высочайших вершин. Там почти все можно вылечить, надо просто выпить нужное лекарство. И вот вы всей оравой заходите в центровую аптеку и находите... Ну, допустим, трехлитровую банку с таблетками от гомосексуализма. Банка большая, ее хватит на целую толпу, вылечит самые запущенные случаи. Вот только этикетка на ней будет на английском языке, без перевода. И вот вы смотрите на латинские буквы, и совершенно ничего не понимаете из-за своей врожденной необразованности. Поэтому оставляете банку и выходите из аптеки. Все — занавес.

— Занавес? Ну и че? К чему ты это сказал?

— К тому, что останетесь вы пидарасами, отсосы убогие.

— Че?!!

Отчаянный рывок всем телом, правая ладонь летит головой атакующей кобры, вбивая короткое причудливо искривленное лезвие ножа под кадык. Левая одновременно ухватывает рукоять пистолета, тащит, но что-то крепко держит его в кобуре, не выпускает. Карат в отчаянии надавил на спуск прямо в таком положении целясь в голову подсакивающего Чикана и при этом продолжая наносить массивному противнику один удар за другим. Без замаха, коротко, но часто: в шею, в лицо, в верхнюю часть груди.

Заорав нечеловеческим голосом Чугун неловко попытался отпихнуть Карата, но ничего из этого не вышло, а сам потерял равновесие, начал заваливаться на спину, выводя верхнюю часть тела из зоны поражения. Достать Чикана первым выстрелом удалось лишь частично — пуля надорвала ему мясо от скулы до уха, пройдя вскользь. Но кустарная кобура не выдержала рывка пистолетной автоматики, распалась на две половины, цепляясь тонким черным шнурком который, в общем-то, ничем не мешал, но Карат его порвал резким рывком.

Еще раз потянуть за спуск. Простой и надежный автоматический

механизм опустошит магазин за жалкие мгновения, но так надо, на этом построен весь расчет. Все эти люди — убийцы, и они всегда готовы к тому, что кто-то захочет поступить с ними так же, как они поступают с другими. Чугун, уйдя от ножа, уже перевалился на бок, и, заливая пол под собой кровью, тянулся к рукояти топора; Чикан, не обращая внимание на ранение в лицо, вскидывал укороченный автомат, опуская при этом предохранитель; парочка у кабины тоже не собиралась довольствоваться ролью безучастных зрителей, там намечалось угрожающее движение. И по всему этому копошению начали бить девятимиллиметровые пули.

Двадцать штук в магазине, здесь всем хватит.

За спиной нехорошо лязгнуло в тот момент когда Карат не расстрелял даже половины магазина. Похолодев, бросился в сторону противоположного борта при этом поспешно разворачиваясь. И увидел, что «камуфляжный» каким-то непонятным образом освободился от наручников, успел вскочить, развернуть в сторону «поля боя» тушу крупнокалиберного пулемета, и как раз в этот миг начал давить на гашетку. При этом он что-то заорал, но поднявшийся несусветный грохот заглушил все прочие звуки.

Карат, ослепленный пороховым пламенем, отшатнулся, завалился на спину, наставил пистолет на пулеметчика. Здесь он его не достанет, у кустарной турели ограничение, мертвая зона. Но освободившейся пленник не обращает внимание на коллегу по неволе, знай себе разевает рот в нескончаемом крике, продолжая опустошать ленту.

Лицо превращено в кровавую маску, нос сломан так основательно, что кончик смотрит вбок. В общем, вид у взбесившегося пленника тот еще. Неслабо мужику досталось, небось всю дорогу мечтал об этом светлом моменте.

Что-то вспыхнуло в стороне кабины, но из-за нескончаемых вспышек выстрелов детали Карат рассмотреть не мог. Пулеметчик, похоже, даже не думал целиться. Просто водил стволом из стороны в сторону, будто тушил из шланга обширное возгорание.

Для замкнутого мирка не очень уж и большого грузовика лента таких патронов — непомерное испытание. Пули в том числе прошли и по кабине, прошив ее стенки будто газетные листы. И человеческим телам при этом тоже досталось. В том числе и телу водителя. Машину и прежде трясло, но тут начался такой кошмар, что словами не описать. Того и глядишь перевернется.

Разрядив пулемет, пленник, завывающий что-то непонятное, упал на колени, стремительно прополз к распотрошенному телу Чугуна, ухватил

топор, до которого тот так и не дотянулся, обернулся на Карата, оскалил пасть в безумной улыбке, где на месте передних зубов остались голые кровоточащие десны.

Похоже, он твердо решил остаться единственным выжившим.

Карат, одной рукой хватаясь за борт, вскинул другую, выпустил очередь в лицо надвигающегося психа. Нормальные люди с такой рожей не бывают, явно свихнулся. В этот миг грузовик обо что-то приложился так, что его вздыбило, после чего наступил миг зловещего спокойствия — машина куда-то падала.

Карат так и не понял каким образом успел крепко вцепиться за край бойницы. Видимо мимо сознания приказ прошел, тело само догадалось, что сейчас будет.

Удар, последовавший за жалкой секундой тишины, был страшен. В машине будто лопнули миллионы натянутых струн, решетчатый каркас под тентом перекосялся, дернуло так, что едва желудок не выскочил, ухватившиеся за край бойницы пальцы резануло острой болью. Карат повис на одной руке, грузовик будто мачта встал на передок кабины, выбраться из него наружу не было возможности и сил. Ведь для этого надо как-то преодолеть пару метров до заднего борта, который оказался наверху.

Машина с какими-то странными звуками начала наклоняться, ногам внезапно стало мокро. Опустив взгляд, Карат в первое мгновение ничего не разглядел. Перед глазами все расплывалось, да и видеть мог всего один, второй так и не открылся, и даже думать было страшно, что именно с ним приключилось. Но мрак все же далеко не крошечный, кое-что через него пробивается.

Ноги оказались в воде, которая стремительно заполняет кузов — машина тонет, погружаясь в почти вертикальном положении. Вот ее уровень поднялся до пояса, потом до плеч. Карат отшатнулся от тела одного из убитых, после очереди крупного калибра выглядело оно хуже не бывает и, зацепившись за пулеметную турель, отказывалось уходить на дно. Пора оставить бойницу в покое, теперь он точно не упадет, будет просто придерживать за борт, ждать, когда вода сделает все за него.

Ну все, теперь можно выбираться.

Солнечный свет ослепил, угасающий летний день жил своей обычной жизнью, ему не было дела до того, что несколько человек отправились в мир иной.

Впрочем, они и до этого были не дома.

Карат, прижмурившись, рассмотрел обширную водную гладь с трех сторон, и обветшалую дамбу с третьей, до попорченного временем

железобетона можно рукой дотронуться. Именно оттуда машина совершила свой первый и последний полет. И, если верить глазам, глубина здесь достаточная для ее похорон — под воду ушел последний уголок кузова, оставив после себя россыпь разного мусора.

После грохота пулемета со слухом наблюдались проблемы, но выручило зрение — по воде двигалась тень еще от одной машины, ехавшей по гребню дамбы. Карат до этого удивлялся, как такие, скажем честно, не впечатляющие личности вроде Чугуна и Чикана смогли зажать отряд Расиста, где люди были куда поинтереснее в плане военной подготовки, дисциплины и собранности. Подозревал, что те пошли на дело не в одиночку, числом и огневой мощью задавили.

И вот теперь вторая машина, а может и третья с четвертой, подъезжают к месту катастрофы. У них, само собой, возникнет немало вопросов к единственному выжившему, а разговаривать с этой неприятной публикой Карату не хотелось.

Хватит уже, наболтался от души.

Поэтому он поступил просто. Подплыл к бетонной стене и, перебирая руками, начал двигаться дальше, к какой-то нише уходящей в глубины сооружения. Рассчитывал, что там окажется проход.

Расчет не оправдался, это оказалась всего лишь ниша, причем неглубокая. Тоже неплохо, места хватит, чтобы укрыться. Теперь даже если сверху кто-то свесится, Карата не увидит.

Он по прежнему испытывал проблемы со слухом. То есть не слышал ничего кроме неприятного гула. Иногда через него что-то вроде как пробивалось, но разобрать детали не получалось. Его ведь дважды оглушило: тем взрывом, или даже парочкой взрывов, после чего он угодил в веселый грузовик; и уже там, в кузове, когда чуть ли не в ухо вылетела длиннейшая очередь крупнокалиберного пулемета.

Зато глаз порадовал: вода смыла корку с лица, теперь он видел обоими, и вроде как проблем со зрением не осталось вообще. Вон, мальки какие-то снуют почти на поверхности воды; мимо ниши медленно проплывает пластиковая бутылка, и он может различить почти каждую букву на этикетке.

Еще вчера он торопился на свидание. Жизнь была проста и предсказуема. А сегодня...

Сколько же он успел пережить за неполные сутки? И почему до сих пор жив?

Как там говорил Шуст? В Улье надо месяц пробыть, чтобы совсем уж зеленым не выглядеть? Или недели хватит? Что-то память подводит... А

вот насчет года он высказывался вполне определенно — очень немногие столько ухитряются продержаться. Солидный стаж.

Месяц?! Год?! Да тут бы день прожить — уже великое достижение.

Глава 12

На берег Карат выбрался уже в сгущающихся сумерках. Не меньше пары часов просидел в спасительной нише, ожидая, когда же слух придет в порядок. Прежняя форма, увы, так и не вернулась, звуки доносились ненатурально-приглушенными, но уже хоть что-то мог различать. Вон рыба плеснулась; вон лягушки заквакали где-то вдалеке; а вон забурили громадные пузыри над местом, где затонул грузовик.

Но ни звуков моторов, ни голосов, ни выстрелов, ни чего другого, что свидетельствовало о присутствии человека, Карат так и не услышал. Однако полностью исключить то, что над головой до сих пор сидит кто-то нехороший, держа под наблюдением место катастрофы, он не мог.

Но не торчать же до самой смерти по шее в воде? Она, кстати, не сказать чтобы сильно теплая, зубы вскоре начали отбивать чечетку. Ждать темноты в итоге не стал, околеть от холода не околеет, но вот застудится так, что до простуды недалеко.

А у него и без болезней проблем хватает. Голова за день и ночь нахватала столько приключений, что мозги вот-вот через уши потекут. С ногой повыше колена что-то неладное, ноет нездорово, нащупал там нехорошую вещь, но разобраться с ней в воде не смог. Ушибы и ссадины по всему телу тоже добавляют дискомфорта.

И подташнивать начинает. Или последствия неоднократного сотрясения мозга, или организму не помешает хороший глоток живчика.

Сперва двигался не удаляясь от дамбы. И все время посматривал наверх, стараясь при этом не производить ни малейшего всплеска. Вроде пронесло, автоматная очередь не прилетела. Далее укрывался под невысоким глинистым обрывом, но вскоре он закончился и Карат оказался перед открытым со всех сторон пляжем. На мелководье полным-полно водорослей, пришлось через них продираться, и на одном из шагов стебель задел что-то неладное в ноге. Последовала вспышка столь невероятной боли, что с трудом вернул в грудь уже почти вырвавшийся дикий крик.

Да что же это у него там такое?..

Сильно прихрамывая, добрался до ближайших кустов, укрылся за ними, сел, вытянул страдающую ногу. Да уж... плохи дела... Штанина в спорота, чуть выше колена из кровоточащей раны торчит темная металлическая пластина с изорванными краями. На обычный осколок не похоже, но и такие бывают у некоторых боеприпасов. Особенно у тех,

которые не предназначены для работы по пехоте. Или не повезло словить деталь не имеющую отношения к боевой начинке.

Закусил губу, ухватился пальцами покрепче, потянул.

И губа тут же оказалась прокусанной до крови.

Нет, так дело не пойдет. Отломал от куста подсохшую ветку, очистил ее от тонких отростков, сунул меж зубов, зажал. Вот теперь порядок. Главное, чтобы сознание не вырубилось. Недавний опыт подсказывал, что нельзя в таких местах без памяти валяться, потом неизвестно где окажешься.

И хорошо, если не в чьем-нибудь брюхе.

Было больно. Больно настолько, что ничего не видел и не слышал. Только по костям передавался треск сокрушаемой стискиваемыми зубами ветки. Это все равно что кишки из себя по миллиметрам выматывать, непонятный осколок казался бесконечным.

Но тут все закончилось. Боль все еще терзала, по ноге струилась горячая кровь, но это уже ерунда, Карат едва не блаженствовал.

Глянул на штурковину, мешавшую ему ходить. И правда немаленькая, длиной почти с ладонь. Спасибо, что узким концом вошла, широкая рана его бы уже давно убила. Слишком много вен и артерий, за пределами операционной такое заштопать сложно.

Приложил к кровоточащей ране пучок листьев подорожника предусмотрительно сорванных на краю пляжа еще по пути, прижал, вновь стиснул зубы. Надо просто посидеть не шевелясь и не давая краям разойтись. Сейчас бы по хорошему надо зашить, но как? У Карата вообще ничего нет кроме оборванной одежды.

Когда кровотечение успокоилось, наложил на рану свежий пучок подорожника, обвязал полоской ткани, оторванной от штанины. Так себе перевязка, но в сложившейся ситуации лучше не найти.

Теперь можно заняться щиколоткой. Там тоже рана, зацепило в самом начале, когда кто-то пульнул из подствольника или чего-то подобного. Похоже, с этим он не ошибся. Ранка небольшая и почти сквозная. Осколочек, пролетев через мясо, застрял уже на выходе, разорвав кожу. Пришлось еще раз сжать зубы и лить слезы, выдавливая инородный предмет с кровью и стонами.

Наконец и со второй раной было покончено. Самое время подумать насчет дальнейших планов. У него нет ни опытных спутников, ни оружия, чтобы себя защитить. Он весь в свежей крови, и кто знает, как на это отреагируют твари, ведь нюх у них вроде как отменный. К тому же охромел на одну ногу, убежать будет гораздо сложнее. Нет живительного напитка, и

это очень опасная проблема.

А какие плюсы?

Он жив, и желудок урчит на все лады, требуя наполнить его сытной и вкусной пищей. А это хороший признак, умирающие не отличаются хорошим аппетитом.

Но тогда, получается, он позабыл о еще одном минусе — у него нет ни крошки еды.

Где можно разжиться оружием и продовольствием? Ближайшее известное место — грузовик. Но он лежит на дне водоема, а Карат не какой-нибудь Ихтиандр, чтобы в ночное время нырять в мутной воде на ощупь выискивая нужное. Нет у него таких способностей.

Что остается? Ждать до утра? Но до утра его водолазная подготовка вряд ли успеет улучшиться от никакой до отличной. А вот силы он может потерять, надо не забывать о проблеме отсутствия живчика.

В общем, сидеть на месте — не лучший вариант. Надо подниматься и идти. Но куда? Карат понятия не имел, в какие края его занесло. Главное, что успел уяснить — шагать надо не по активно использующейся дороге, с ними он зарекся связываться, хватит.

Вон месяц светит, вполне нормальный на вид. А под ним можно рассмотреть мрачного вида пятна прилипшие к горизонту. Именно там за ними скрылось такое же нормальное на вид Солнце.

Вот только закат был ненормальным. Карат никогда до этого не видел, чтобы светило чернело, а потом расползлось вдоль горизонта черными кляксами.

Да тут почти все ненормальное.

* * *

Карат, пригнувшись, медленно перешел через грунтовую дорогу, присел за хлипким штакетником, замер, посидел с минутку не шевелясь. Никого не видно и не слышно, но он в полной темноте и к тому же оглушенный, доверять себе нельзя, может не заметить стадо коров в сотне шагов. Но уж в пятидесяти точно их почует, хоть это слегка утешает.

Перебрался на другую сторону, осмотрелся. Месяц уже касается горизонта, от звезд света почти нет, но имеющегося достаточно, чтобы понять: он находится на краю деревеньки, где нет ни единого освещенного окна. И сейчас сидит между грядок где, очень может быть, растет что-то съедобное.

Потрогал зелень. Непонятно что, надо перебираться дальше. Так и продвигался: присев, ладонями шаря по обе стороны от себя.

А это что? Какая-то лоза. Тыквенная плеть? Вот и плод, небольшой, сильно вытянутый. Понюхал. Фортуна — огурец.

Сорт как назло не из мягких, хруст пошел на всю деревню. Приходилось контролировать каждый укус, двигать зубами как можно медленнее.

Нет, так он один огурец будет до утра жевать. Неэффективно. Пошарил, набрал еще, распихал по уцелевшим карманам. Медленно приблизился к строению похожему на сарай. Потрогал дверь, потянул. Не поддалась. Ну да, так и есть, замок висячий.

Проклятые куркули, все позакрывали, бесшумно не пробраться.

Направился к темной громадине дома. Через пару шагов едва не упал, зацепившись за размотанный шланг. Мысленно проклял хозяев, бросающих такие вещи на пути относительно честного человека, удвоил осторожность. То есть начал двигаться еще медленнее.

Добрался до стены, выглянул за угол. Все тихо, и вроде бы крыльцо виднеется. Место открытое с трех сторон, но в темноте все видится иначе, так что ощущаешь себя защищенным от чужих взглядов. Шаг, еще шаг, еще. Вот и доска крыльца под ступней. Аккуратно перенести вес, эта не скрипнула, в отличие от следующей. Но звук тихий, немногим громче стрекота разошедшихся не на шутку сверчков. Дотронуться до двери, потянуть на себя. Удача — открылась.

Хотя радоваться рано. Никто не знает, что может ждать внутри.

Приоткрыл, прислушался. Тишина в доме гробовая. Или нет никого, или стоит кто-то с занесенным для удара топором и даже не дышит в ожидании того сладкого мига, когда беспечный Карат сделает роковой шаг.

Хочешь не хочешь, а заходить надо.

Никто не встретил его ударом по голове. Дом вымер, тут разве что тараканы остались. Попахивало плесенью и чем-то нехорошим, омерзительным. Но не тухлятиной, это слегка утешало.

Если на улице было темно, то внутри можно вообще про глаза забыть. Мрак беспросветный. Нащупал табурет, вернулся к двери, прикрыл ее, подпер находкой. Теперь если кто-то потянет, может получиться неслабый грохот. Пусть и примитивная, но сигнализация. А еще крючок накинул, отыскав его на ощупь.

Врезаясь в стены, цепляясь за мебель и проваливаясь в проемы нашел какой-то явно неновый диван, присел, начал хрустеть огурцами. Стекла вроде целые, сверчков через них слышно гораздо хуже, а Карата вообще

фиг кто почует. Набил живот, уняв его недовольное урчание, пожалел, что нет воды, жажду нечем забить. Завалился на бок и почти мгновенно вырубился.

Вымотался как загнанная лошадь.

* * *

Рассвет Карат прозевал как и вчера, так что понятия не имел, нормальный он здесь, или тоже черный. Ну или зеленый, а может малиновый в зеленую крапинку. Голова неприятно ныла, но пока что это не было проблемой. Вот то, что язык в трубочку ссохся от дикой жажды — плохо. Очень может быть, что это один из первых симптомов нехватки той дряни, которую иммунные получают от споранов. Вчера он тоже пил все до чего мог дотянуться, пока не пересекся с Шустом.

Оглядел помещение. Небогато обставленная комната, видно, что приличного достатка дом не знал. Евроремонт тут начали делать на окнах, заменив их пластиковым, и на этом же его и закончили. Отслаивающиеся обои, судя по их состоянию, помнили социализм и дорогу к светлому будущему; потолок в неприглядных пятнах; мебель разваливающаяся. Только телевизор древним не назовешь.

И где же в этом доме искать аптечку?

Стараясь не маячить на фоне окон, начал продвигаться от комнаты к комнате заглядывая во все места, где можно надеяться на находку искомого. На кухне первым делом обнаружил литровую бутылку с мутноватым самогоном, а затем допустил стратегическую ошибку — открыл холодильник. Хлынувшая оттуда вонь могла довести до комплекса неполноценности самого матерого скунса. Карат захлопнул ее с грохотом, едва не закашлявшись, но было поздно — вырвавшиеся миазмы поползли по дому.

Такое знатное амбре выветрится нескоро.

А ведь запашок знаком. Именно его почуял, когда ночью сюда забрался и принохивался к обстановке. Но тогда он был слаб и быстро стал привычной частью окружения, перестав ощущаться. А теперь Карат с ним познакомился во всей красе, о чем горько сожалеет.

Кухню пришлось оставить в покое. Смердит здесь невероятно, надо хоть немного выждать и продолжить обыскивать многочисленные шкафчики ни в коем случае не касаясь при этом холодильника с его начинкой в виде оружия массового поражения.

За одной из дверей обнаружился проход ведущий в гараж-пристройку. И первое, на что Карат обратил внимание — на машину. Не первой молодости «японка», но она возбудила его вовсе не в качестве потенциального транспортного средства. Если владелец был законопослушным, можно рассчитывать на ценный приз.

Искомое обнаружилось под водительским сиденьем. Стандартная аптечка, которая по правилам должна иметься во всех транспортных средствах и регулярно обновляться. На вид не потасканная, даже упаковка не разодрана. Кто-то, купив ее, ни разу не удосужился заглянуть внутрь.

Ну уж бинты там точно должны быть.

Спустя несколько минут Карат, размотав заскорузлую повязку, занялся раной как следует. Щедро промыл самогоном, изучил, и, не заметив признаков опасного воспаления, добавил порцию раствора йода, получив при этом массу негативных эмоций. Кое-как стянул края полосками пластыря, наложил ватный тампон, потом крепко обмотал бинтом.

Поднялся, сделал пару шагов. Нормально, почти не хромает. Вот что правильная медицина с покалеченными делает.

Может поискать иголку и зашить? Да ну, лишнее, вроде и так неплохо. Хирургических ниток или хотя бы рыболовной лески нет, а с простыми может до беды дойти, и никакая дезинфекция не даст полной гарантии.

Скинул лохмотья, обработал прочие повреждения — мелких ранок хватало. Обошлось без перевязок: пластырь и йод справились. Труднее всего пришлось с головой. Хоть и смотрел на нее в зеркало, обработать повреждения сумел кое-как. По хорошему там надо все выбривать, а уж потом заниматься остальным, но Карат на такое масштабное действие не решился. Тут без горячей воды, нормального инструмента и посторонней помощи можно провозиться очень долго и с неясными перспективами.

Нацепил не новые, но добротные штаны от спортивного костюма. Они хоть и не совсем впору пришлись, но завязки исправили дело. Брюки не заинтересовали, размер для серьезного толстяка и сильно коротковаты, а вот от рубашки не отказался. Дополнил наряд потасканной камуфляжной курткой, обнаруженной на вешалке у двери. Ну все, пусть его и не назовешь модным красавцем, но и на совсем уж запущенного бомжа тоже не похож.

Вернулся в гараж и изучил его вдумчивым взглядом человека задумавшего совершить убийство с отягчающими обстоятельствами. Топорик обнаружил быстро, но он ему не понравился, слишком маловат для серьезных дел. Но тоже пригодится, для этого устроил петельку под мышкой, спасибо Достоевскому. Увы, оказалось не так удобно, как полагал

Раскольников. Пришлось усовершенствовать систему при помощи проволоки и ремня.

В ходе дальнейших поисков нашел ломик. Тонкий, достаточно длинный и увесистый, в руке лежит удобно, размахивать им приятно. Решено — будем брать. Старший собрат этого инструмента вчера спас ему жизнь, глядишь и этот на что-нибудь сгодится.

Вернулся на кухню и, морща нос, обыскал ее на предмет достойного ножа. Все не то, не боевое. Ограничился складным, в хозяйстве постоянно надо что-то резать.

В подвале было темно, но с помощью найденных спичек он эту проблему решил. Наверх отправились две банки с соленьями и одна с компотом. Слегка набил желудок, залил бушующую жажду, быстро почувствовал себя лучше.

Все, спасибо этому дому, но пора и честь знать. Ему надо или нормальных людей найти, или разжиться спорами, иначе недолго протянет.

А спораны здесь добываются одним способом, и он не имеет отношения к лежанию на диванах.

Глава 13

Деревня оказалась не такой уж маленькой какой счел ее ночью. Десятка два дворов, не меньше. Мертвяков он не высмотрел ни из окна, ни выйдя на улицу, но это не радовало — скорее наоборот. Прекрасно помнил, как нарвались с рубером который подьедал в своих владениях всех посторонних невзирая на родственные связи с ними. Если и здесь такой обжора завелся, будет совсем кисло, потому как подходящих заводских труб в округе не наблюдается.

Да и неподходящих тоже нет. Деревня деревней.

Начал по очереди бегло осматривать дома, мечтая разжиться хотя бы ржавым дробовиком царских времен. Но или смотрел невнимательно, или здесь обитали законченные пацифисты, или кто-то его опередил: ничего похожего не обнаружил. Только зря время потерял провозившись не меньше полутора часов.

Хотя почему зря? Нашелся небольшой рюкзак, хоть и древний на вид, но не такой уж и потрепанный. В него уложил пару банок найденных консервов и пластикой бутылку залитую компотом. Туда же отправилась еще одна автомобильная аптечка, при жизни, переполненной травмирующими приключениями — вещь первой необходимости. Сбоку в обвязке пристроился топор, на этот раз куда лучше первого, таким в случае необходимости можно отмахаться от пары бегающих мертвяков.

И еще одной вещью обзавелся — транспортом. Неплохим велосипедом, удобным и легким. С машиной связываться побоялся. Звук мотора слышен далеко, уши у тварей работают на «отлично», а Карат не забыл тот «уазик» с оторванной дверцей. Как не забыл и его съеденного водителя.

А уж того гада, который будто податливый картон рвал автомобильную жечь, он и на смертном одре помнить будет.

Обернулся на околице, прощаясь с деревней. Не очень щедро она его одарила, но и не добавила отметин на коже и расшатанной психике. Объехал россыпь коровьих костей посреди дороги, затем еще одну, а потом закрутил педалями по настоящему.

Грунтовка добротная, но свежих следов нет вообще. То есть непопулярная, и это радует. Остается надеяться, что именно сейчас никому не взбредет в голову по ней прокатиться на грузовике с пулеметом и полным кузовом туповатых ребят.

На первый взгляд новое место не выглядело особо перспективным. Такое же скопище деревенских домишек, утопающее в зелени. Но дальше, в нескольких сотнях метрах, вздымалась громадина элеватора. А это уже не забытый всеми хутор, это куда серьезнее. Там, очень может быть, и железная дорога подведена для вывоза зерна. Население не самое маленькое, неудачников уже подъели, потому как шатающихся мертвяков не видать нигде, но на их месте могли остаться более успешные твари. И в них можно разжиться спорами, а это для Карата сейчас очень важно. Голова трещала так, будто в ней оборудовали гнездовье дятлов, сильно мутило и жажда сушила, а от компота не осталось ни капли.

Оставил велосипед на краю лесополосы и, сжимая ломик в руках, начал продвигаться в сторону элеватора используя любую возможность укрыться и осмотреться. Возле первого же забора обнаружил почти чистые человеческие кости разбросанные на несколько метров вокруг. Кто-то тут как следует попиравал. Шмыгнул в приоткрытую калитку, далее некоторое время крался по огородам. Перебираясь через очередной забор нечаянно приложился раной о штакетину, едва не заорав от избытка ощущений.

Потом несколько минут приходил в себя, заодно прислушиваясь к окружению. Птички чирикают, кузнечики поют, мертвяки не урчат и других подозрительных звуков тоже нет, но это не успокаивает. А что если во всем этом поселке осталась одна-единственная тварь, сожравшая все остальное население? Мелкой она явно не будет, такую топором и ломиком серьезно огорчить не получится.

Очередной дом привлек его внимание. То есть не сразу, а после того как на прилегающей к нему территории Карат заметил сразу несколько человеческих костяков. Такой плотности застарелых следов смерти он до сих пор не встречал.

Дом тоже оказался не из простых. Двухэтажный, из красного кирпича, с роскошно устроенными балконами и кованым флюгером на крыше. Вот тут явно жили в достатке если не все время, то благодатными периодами. И когда случилась злосчастная перезагрузка, хозяева, или уже другие люди, решил устроить здесь крепость где намеревались переждать неприятности.

Окна забаррикадированы мебелью и мешками с песком, на подходах срублены кусты и деревья, так что ничто не ограничивает обзор. Вот только судя по распахнутой настежь двери и грандиозной куче костей перед ней, отсидеться не удалось.

Чем можно было перебить целую толпу осаждающих мертвяков? Если не пулеметом, то уж не топором точно. На некоторых черепах виднеются интересные повреждения, тут явно поработало огнестрельное оружие.

Переступая через кости Карат добрался до двери, сделал шаг внутрь присматриваясь и принюхиваясь. В доме тошнотворно пованивало мертвечиной, пол был завален останками так же, как и прилегающая к дверям территория двора. Видимо защитники не удержали рубежи и битва продолжилась уже здесь. Чьи это скелеты, понять нельзя. Может иммунных, а может зараженных. С виду у них поначалу все одинаково, это потом изменения начинаются.

Вот это точно зараженный, на затылке можно разглядеть споровый мешок. Распотрошенный, кто-то добрался до него раньше Карата. А может та тварь, которая подъедала эту дохлятину, заодно с мясом смолотила и все остальное.

Еще один споровый мешок, а вот второй, и третий. Все в таком же плачевно-пустом состоянии. Вот ведь невезение, а Карат уже было обрадовался, что разживется живительными спорами без конфронтации с ходячими мертвецами.

А это что? Гильза. Чуть дальше целая россыпь — не меньше пятнадцати штук. Двенадцатый калибр, кто-то сажил из дробовика не жалея патронов. Десятка три расстрелял, и это только те, что находятся в поле зрения Карата. То есть не закатились под мебель и не укрыты вонючими костями. А вот мелкий поблескивающий цилиндрик, оставленный травматом. Тоже вариант, если ствол не из совсем чахлах и бить в упор в голову. А возле стены валяется большой топор с лезвием покрытым запекшейся темной массой о происхождении которой задумываться не хотелось.

Не было самого главного — ружья из которого производились выстрелы. А это плохо, ведь Карат на него уже успел губу раскатать.

Занялся обыском дома. Скелеты здесь валялись повсюду, в самых неожиданных местах. Кое-где можно было воссоздать детали трагедии. Вот кто-то заперся в санузле, но хлипкая дверь недолго продержалась против напора наседающих мертвяков. Рухнула, твари ворвались, сделали свое дело и ушли, оставив на кафельном полу обглоданный костяк.

А вот шикарный стол в комнате с окном во всю стену. На нем пустая бутылка из-под дорогого пойла и вскрытая банка игры, остаток содержимого которой ссохся в неаппетитно выглядевшую массу. А под столом россыпь детских игрушек и мелких косточек.

Даже думать не хотелось, что именно здесь произошло.

Одно из окон второго этажа было распахнуто и под ним обнаружилась возможность без риска добраться до земли на соседнем участке. Это если не побоишься пройти по газовой трубе.

Карат идти по ней не стал, а просто воспользовался лестницей и добрался до нужного места по земле. Здесь, похоже, спустился кто-то из защитников дома, а может и не один. Знакомые гильзы валяются, четыре штуки, значит не все патроны в доме расстрелял.

Похоже, вождеденное ружье ушло непонятно куда вместе со стрелком. Где его теперь искать?

Карат все же не поленился вернуться в дом и пройти вдумчиво, заглядывая в перспективные места. И не прогадал, потому что кто-то из обитателей не просто любил активный образ жизни, а увлекался туризмом или чем-то подобным. Так что теперь у него рюкзак несопоставимо удобнее старого, а также отличные штаны и куртка.

Еще в одном повезло — у кого-то совпадал размер ноги. Карат еще при обыске деревни избавился от сырых затасканных кроссовок, сменив их почти новенькими, но здесь подвернулся куда лучший вариант. В общем, не зря зашел.

Продолжил путь к элеватору. До него оставалось не больше минуты осторожной ходьбы, когда улица, вдоль которой так и двигался «огородами», расступилась и показалось что-то вроде небольшой площади. Сквозь заросли густой сирени удалось без риска рассмотреть фасад одноэтажного магазинчика и металлическую будку заброшенного ларька. Чуть далее виднеется какое-то явно административное здание вроде сельсовета, над ним торчит флагшток со свернувшимся в трубочку флагом.

А еще Карат впервые увидел мертвяков. В смысле живых зараженных, хотя термин «живые» применять к ним язык не поворачивался — вылитые зомби. Сразу двое стояли у синей будки киоска, уставившись в сторону магазина. Оба синхронно покачивались с носков на пятки не производя более никаких движений. И вели себя молча, не урчали.

Краем глаза засек что-то подозрительное. Скосил взгляд, поймал встречный: напряженный, чуть испуганный, с вытянутыми зрачками. Всего лишь кот, зверюга, как и он, пряталась в кустах. На диво здоровенный, роскошный, темно-серый, и по некоторым признакам можно догадаться, что хлебнул лиха сразу из трех бочек. Густая шерсть свалялась, на голове что-то вроде подсохшей раны, и непохоже, что нанесли ее конкуренты по брачным играм.

Как ни странно это признать, но кот здесь занимается тем же, что и Карат — наблюдением. То на человека взгляд бросит, то на парочку

мертвяков. И заметно нервничает.

Они что, и котами питаются? В таком случае его обеспокоенность не удивляет. Раз дожил до этого дня, значит знает, кто ему может угрожать, и как избегать опасности.

Карат, продолжая наблюдать за зараженными, стянул со спины рюкзак, достал банку консервов, тихонько вскрыл, ухватил концом ножа кусок истекающей маслом рыбы, забросил в рот. Покосился на кота. Тот взгляда с него не сводил, но ни малейшего намека на присущее им попрошайничество не просматривалось. Гордый, что ли? Или одичал настолько, что не верит в человеческую щедрость?

Бросил ему кусок, душа не выдержала. Кот, пару секунд поразмыслив, снялся с позиции, осторожно приблизился к угощению, принялся, раскрыл пасть и смолотил рыбу со скоростью электрической мясорубки. Вновь уставился на Карата без просительных ноток во взгляде, но с намеком, что если у того имеются лишние харчи, он готов поспособствовать с их утилизацией.

Интересный кот. Для такого не жалко.

Одной банки на двоих оказалось маловато, пришлось доставать вторую. Кот по прежнему сохранял дистанцию, но глаза его заметно потеплели. Признал Карата достаточно полезным существом созданным высшими силами специально для кормежки полосатого племени, на таких вовсе необязательно хмуро коситься. Теперь он каждый кусок, который Карат отправлял себе в рот, сопровождал таким взглядом, будто считал, что его самым наглым образом обворовывают.

Мертвяки внезапно, без видимой причины, снялись с места, быстрым шагом добрались до дверей магазина, замерли напротив них и начали как и прежде переминаться с пяток на носки. Их стремительный рывок Карату не понравился. Твари пусть и выглядят как парочка людей, но явно успели как следует измениться. Скорее всего бегать тоже умеют, а он со своей ногой сейчас далеко не в лучшей форме.

Но у них нет ни когтей, ни гипертрофированных зубов в раздавшихся вширь челюстях. Простые человеческие тела в грязной измятой одежде. А у есть Карата ломик и топор, он знает куда бить, так что шансы у них невелики.

Глупо выбираться на открытое место. То, что он до сих пор не обнаружил других мертвяков еще не означает, что их нет вообще. Не надо у всех на виду шум поднимать. Лучше всего сделать это где-нибудь позади, на том маршруте по которому он прошел. Там местность уже проверена, вроде никого нет, а если появятся, он сможет быстро добраться до

велосипеда. Не такие уж они рекордные бегуны, чтобы за двумя колесами угнаться.

Хотя, надо признать, его знания о тварях испещрены белыми пятнами. Вдруг есть такие, что даже на спортивной машине от них не уйдешь?

Но если все время только тем и заниматься, что всего бояться и непрерывно сомневаться, присоединишься к тем, от кого остались одни лишь обглоданные кости.

— Ну что серый, готовься к спектаклю. Сейчас начнется.

Кот не стал ничего отвечать, но на рюкзак покосился выразительно. Знает, где именно может лежать еще банка-другая сытных консервов и ничуть не против ознакомиться с их содержимым.

Похоже, эти твари и правда не страдают избытком наблюдательности. Карат перебрался через забор, встал посреди улицы, но на него никто не обратил внимания. Правда, мертвяки смотрели в другую сторону, но все равно краем поля зрения должны были его захватывать. Но нет же, стоят как стояли, ни малейшей реакции на появление вкусной еды.

Чем больше ты знаешь о враге, тем лучше. И потому Карат не стал привлекать их грубыми способами, а начал экспериментировать. Для начала медленно развел руки в стороны, затем так же плавно их опустил. Все тот же ноль реакции. Отлично, теперь можно подпрыгнуть на месте. То же самое, но идея оказалась не из лучших, нога стрельнула болью намекая, что такая гимнастика ей не по душе. Шагнул к забору, потянул калитку на себя. Распахнулась с легким скрипом. Один из мертвяков мгновенно встrepенулся, развернулся всем телом, но не точно на звук, а градусов на сорок пять промахнулся. И теперь таращился на ближний к нему угол дома, что стоял за забором, до Карата от этого места метров двадцать.

Около минуты простоял стараясь даже дышать через раз. И вообще не шевелился. До насторожившегося мертвяка не более полусотни метров, он уже не краем поля зрения человека задевает, а чуть ли не прямо уставился, но никак не реагирует.

Медленно развел руки в стороны. Зомби чуть повернул голову в нужном направлении и больше ничего. А теперь можно попробовать резко опустить.

Вот тут мертвяк дернулся всерьез. Рванул с места, как спортсмен, намеревающийся установить новый мировой рекорд. Будь нога у Карата здоровой, все равно пришлось бы нелегко, а сейчас даже думать не стоит устраивать гонки наперегонки.

Вслед за первым мертвяком почти сразу с места сорвался второй, мчась за ним с отставанием в десяток метров. Оба тошнотворно заурчали,

впервые за все время изменив молчанию.

Карат не стал убегать вдаль по улице: это не входило в изначальные планы, к тому же на ровной местности у мертвяков преимущество, а он со своей нездоровой ногой наоборот подставится.

Поэтому просто шагнул в калитку, прикрыл за собой, задвинул массивную щеколду. Пусть преграда и деревянная, и не сказать чтобы основательная, но все же затруднения создаст.

Мертвяк со всей дури врезался в препятствие, хлипковатые штакетины затрещали, в щели сверкнул не сказать чтобы совсем уж мутный взгляд. Не покойнику принадлежит, но и на человеческий похож мало. С ним явно что-то не то: слишком много неприглядной черноты, в которой не просматривается радужка; и неестественно набрякшие выпирающие из желтоватой роговицы сосуды больше похожие на разветвленные побеги красного коралла, чем на сеть капилляров.

Карат не планировал начинать смертный бой прямо здесь, но уж очень велико было искушение. Не замахаясь вбил острый конец лома в щель между штакетин, четко угодив в нерадостно хлюпнувший глаз. Но угол удара вышел неудачным, достать до глубин черепной коробки не удалось. Тварь, омерзительно заурчав, отшатнулась, и, не обращая внимание на проблемы со здоровьем, начала неистово трясти калитку. Вторая, подбежав, присоединилась. Силы у них было столько, что или щеколда вот-вот не выдержит, или петли — ни то ни другое не продержится и десять секунд. Будто зацепили стальным тросом и машиной тянут, нормальным людям такая мощь и не снилась.

Карат, сильно прихрамывая на бегу, промчался до границы соседского участка и перебрался через забор. Очень вовремя, потому как в этот же миг калитка пала, и твари продолжили преследование. Новая преграда их не задержала. Они даже ничего не стали ломать, поступив достаточно разумно: не стали повторять путь дичи, сходу заскочили на низенький сарайчик и спрыгнули с его крыши на другой стороне, то есть уже на участке соседа.

Было очевидно, что на следующем заборе Карата догонят, а перспектива схлестнуться на открытой местности сразу с двумя ловкачами его не устраивала. Мысль забраться в дом или хозяйственную постройку отбросил. Не факт, что сумеет сходу вырубить одного на пороге, после чего как-нибудь разделается с оставшимся. Твари носятся как лошади, сметут сходу не дав возможности ударить дважды.

Поэтому частично повторил трюк прытких мертвяков — забрался на сарай используя поленницу сложенных возле него дров и установленный на

крепких ножках мангал. Многострадальной ноге при этом досталось так, что не удержался, вскрикнул, но не замедлился ни на миг — скорость, это жизнь. Все, он теперь король горы занявший стратегически важную крышу.

А что же наша шустрая парочка?

Парочка налетела на поленницу с таким энтузиазмом, что дрова рассыпались. Но их это ничуть не смутило: синхронно подпрыгнули и ухватились за край крыши немытыми пальцами с выпирающими суставами и уродливо разросшимися массивными ногтями. Карат, успев достать из обвязки топор, припал на колено, ударил, жестоко искалечив ладонь первого мертвяка. Тот, не удержавшись, завалился, зато второй вынес тело наверх, присел в позе жабы изготавившейся к прыжку.

И тут же полетел вслед за приятелем после сильнейшего удара в лоб.

Карат, стряхнув с лезвия капли темной, почти черной крови, плюнул вслед, и счел нужным озвучить приглашение:

— Есть еще желающие? Забирайтесь, я жду.

Желание у мертвяков, похоже, осталось, но пыл заметно уменьшился. Один, разбрызгивая кровь из обрубков пальцев, злобно смотрел снизу вверх на Карата, непрерывно при этом урча, второй ползал на карачках, ошеломленно тряся головой. Нормальный человек после такого удара должен был если не лапы склеить, то надолго вырубиться, но этот, похоже, вот-вот встанет.

Так и оказалось — гад начал подниматься. Карат мысленно похвалил себя за то, что не стал устраивать сражение в дверных проходах. В удар бы точно не вырубил, вон какие они тугие. Навалились бы и загрызли даже обычными зубами, хрен бы что он против них сделал.

Мертвяки начали обходить сарай: один пошел влево, другой вправо. Умные твари, решили зажать с двух сторон, проконтролировать обе будет непросто. Карат застыл посреди крыши, сжимая в одной руке топор, в другой ломик. Не такая уж большая площадка, надо постараться защитить весь периметр, а не одно направление.

Может твари и умные, но синхронизировать свои действия не догадались. А ведь что в этом такого сложного? Хотя бы тем же урчанием можно сигналы подавать, оно с их стороны не смолкало ни на секунду. Или, возможно, удар по голове был не таким уж и неудачным, и теперь один из зомби сильно тормозил. Как бы там ни было, первым на дело пошел второй. В край крыши вцепились две руки, одна из которых была покалеченной. Карат врезал по уцелевшей с такой силой, что лезвие топора пробило рубероид и засело в досках, отсеченные пальцы и капли крови разлетелись мрачноватым салютом.

На двух искалеченных лапках мертвяк не удержался и в очередной раз сверзился. В этот же миг на другой край крыши заскочил второй, но рывка не хватило — вместо того, чтобы быстро вскочить, урод лежал на брюхе свесив ноги вниз, и походил на наполовину выбравшегося из воды неповоротливого моржа. Карат, не став выдергивать топор, крутанулся всем телом и, не обращая внимание на чуть ли не взревевшую от боли ногу, врезал самым кончиком ломика в область виска.

Омерзительно хрустнуло, тварь, захлебнувшись собственным урчанием, завалилась на бок. Засучила ногами, пытаясь их подобрать под себя, найти опору, подняться, броситься на обидчика. Но где там, конечности оставались свесившимися, а на воздух не обопрешься. Карат, примерившись, врезал еще раз, на этот раз по затылку, после чего от лопнувшего спорового мешка отлетело несколько ошметков. Мертвяк захрипел, дернулся, и, не удержавшись, полетел вниз.

Карат, посмотрев вслед, убедился, что вставать тварь не торопится. Валяется на животе, дергает ногами будто пытается станцевать в положении лежа, а выше пояса движения вообще не наблюдается.

Самое время глянуть, как там поживает второй.

Второй все никак не мог осознать простой факт, что не ту добычу выбрал. Решил схитрить, перебравшись через забор и зайдя с соседского участка. Наверное, полагал, что Карат такой маневр не заметит.

Очень трудно не заметить окровавленного субъекта, у которого нет одного глаза, а на обеих руках в сумме осталось не более четырех пальцев и который, зацепившись кое-как за край крыши, болтается там урчащим мешком, стараясь не сорваться в третий раз.

Карат не стал добивать ему последние пальцы. В таком случае он вряд ли сможет забраться наверх. Так и будет караулить внизу, голодный и полный злобы, драться даже с покалеченным на открытой местности категорически не хотелось.

Встав посреди крыши, занес ломик для размашистого удара. Замер. Он готов, давай уже, забирайся, сволочь бегающая.

Мертвяк неловко закинул одно плечо, затем второе, потянул тело наверх, отчаянно цепляясь за край изувеченными пятернями. В тот самый миг когда он, наконец, добился равновесного состояния и начал было поднимать себя, Карат врезал ему с боку так, что урчание мгновенно стихло, отчетливо хрустнула кость и лязгнули зубы, тварь распласталась на рубероиде, и не оказала ни малейшего сопротивления против последующей серии жесточайших ударов. Череп не выдержал, лопнул, из зияющего пролома потекла омерзительного вида жижа.

Карат, прекратив избиение, вытер со лба трудовой пот, одновременно оглядываясь. А ну как на шум кровавейшего избиения кто-то заявится. Вроде бы все тихо.

Прекрасно. Самое время заняться тем, ради чего он все это и затеял.

Глава 14

Еще вчера одна мысль о том, чтобы покопаться в потрохах зомби, могла очистить желудок получше чем убойная доза раствора марганцовки. Но если вспомнить все, то тогда даже звали Карата иначе. А теперь он уже не Игорь, а другой человек, и этот человек ни разу не скривившись достал складной нож и быстро выпотрошил споровый мешок, разрезав его перед этим по «долькам».

Пусто. Вообще пусто. Лишь черная гадость похожая на свалившуюся паутину. Шуст ее тогда выбросил безжалостно, значит, ничего полезного в этой субстанции нет.

Плохо. Очень плохо. Ведь Карат очень рассчитывал хотя бы на один споран.

Впрочем, не все потеряно. Есть еще один заряженный, и на затылке у него тоже бугрится споровый мешок. Не повезло здесь, повезет там.

Посмотрев вниз Карат узрел неприятное зрелище: огромный лохматый котяра сидел возле все еще подрагивающего тела и ожесточенно пытался что-то разжевать. Споровый мешок мертвяка, пострадавший в бою, сейчас выглядел окончательно распотрошенным, что навевало на нехорошие мысли.

— Ты что там жрешь, скотина?! — чуть не заорал Карат.

Кот поднял голову на шум и заодно дал ответ — меж острых зубов зажата зеленоватая виноградина так необходимого Карату спорана. Проглотить целиком не смог, вот и пытался разгрызть.

— А ну отдал назад! Ах ты падаль серая!

Карат начал спускаться с крыши намереваясь устроить разборку за украденный трофей, но кот был не из тупых, быстро осознал, что человек вряд ли собирается его погладить за наглую кражу и потому, не бросив добычу, стремительно умчался за угол.

Только и оставалось, что погрозить ему кулаком, после чего заняться осмотром разгромленного оружием и кошачьими когтями спорового мешка. Увы, по закону подлости там более ничего не оказалось. Серая сволочь слямзила единственный споран, Карат остался ни с чем.

Живот режет неутихающая боль; все время подташнивает; цветопередача какая-то странная, неестественная; и временами начинает кружиться голова. Все симптомы намекают на то, что самое время как следует приложиться к фляжке с живчиком.

Нечего и мечтать догнать прыткого кота — даже со здоровой ногой такой номер не выгорит. Придется смириться с потерей и поискать новые варианты. То есть опять вступать в схватку с непредсказуемым исходом. Правда, теперь у него есть некоторый опыт. Твари быстры и живучи, но если не напороться на лотерейщика или кого-нибудь похуже, можно поступить также, как он делал сейчас: занять господствующую высоту и безответно осыпать мертвяков градом смертоносных ударов.

Краем глаза заметив движение на соседнем участке Карат обернулся, и чуть не застонал от жалости к самому себе. Вот ведь засада! Стоило лишь подумать о сильных тварях, и на тебе — одна из них тут как тут. Очень похожа на того самого лотерейщика: уродливо раздувшиеся челюсти; массивные уплощенные когти на скрюченных узловатых пальцах; на голове уцелели отдельные клочья сальных волос. Ни клочка одежды не осталось; от прежней жизни сохранился лишь один ботинок; омерзительно-сероватая кожа бугрится несимметрично разросшимися мускулами. Чудище, похоже, увидело человека только что и пребывало в стадии оценки перспективности добычи. То есть просто стояло на раме теплицы не пытаясь атаковать. Их разделяло метров двадцать пять и высокий дощатый забор. Пустяковая преграда для быстрого и ловкого существа способного голыми руками срывать крыши с легковых машин.

Карат рванул что было сил в направлении дома за которым минуту назад скрылся кот. Повторять маневр серого он не собирался, не хватит прыти, чтобы уйти от такого преследователя. Для начала надо успеть влететь в открытую дверь и там, используя сложность планировки, попробовать хоть немного оторваться.

Быстро. Быстро. Еще быстрее. Не думать о стреляющей боли в ноге и не оглядываться, это приведет к фатальной потере времени. Когда за тобой охотится столь непростой хищник, каждая миллисекунда на вес золота.

За спиной оглушительно треснули доски сокрушаемого забора. Мертвяк не стал через него перепрыгивать, просто разломал, для него это пустяк.

Заскакивая в дом Карат успел дернуть дверную створку, прикрыв ее за собой. Хоть какое-то, но препятствие. Вторая из крепкого дерева, закрывается в нужную сторону. Присел за ней, вбил ломик в паркетную щель, подпер. Не бог весть что, но может тварь не в удар все разнесет, а повозиться, потеряет несколько бесценных секунд.

Заскочив в комнату на противоположной стороне дома услышал, как мертвяк ворвался в прихожую и действительно замедлился, не сумев сходу справиться с преградой. Раскрыл окно, заскочил на подоконник,

ударившись при этом раной так, что в очередной раз не удержался от крика, выпрыгнул на улицу, сильно припадая на пострадавшую ногу помчался к калитке.

Только-только успел за нее выскочить, как мертвяк разнес стеклопакет и шумно приземлился на цветник под окнами. Все, шансов ноль, их разделяет несколько шагов, укрыться здесь негде. Добраться до калитки соседнего дома он фатально не успевает.

Зарывав загнанным зверем, Карат встал поудобнее, занося топор для удара. Если и суждено остаться на этой улице грудой обглоданных костей, уйдет красиво, огрызаясь до последнего.

Мертвяк одним прыжком перемахнул через сетчатый забор. В этот же миг справа донесся дикий вопль, невольно на него обернувшись, Карат увидел все того же кота. Выгнувшись дугой возле простенькой лавки он, вытаращившись на тварь, завывал с удивительной громкостью.

Да что этот котяра о себе возомнил? Решил, что на дворе март месяц и перед ним парочка симпатичных кошечек?

Лотерейщик, тоже обернувшись, обрадовано заурчал, и, потеряв всякий интерес к Карату, помчался в сторону серого. Кот, тут же умолкнув, ловко вскарабкался на дерево, оттуда уже перескочив через забор. Следом прыгнул мертвяк, пропав из виду. Но можно было слышать, как он мчится дальше, по пути сминая плодоносящие кусты и разбрасывая подвернувшиеся под ноги предметы.

Все это Карат выслушивал уже на ходу. Неизвестно, как долго мертвяк будет увлечен котом, зато известно, что произойдет в том случае, когда он слопают серого или устанет за ним носиться без толку. Тут же вернется за двуногой дичью.

Бежать назад, к велосипеду? До него метров четыреста, причем придется не один раз перебираться через заборы. Слишком далеко, вряд ли ему дадут такую фору. Значит, что? Значит, можно попробовать повернуть вчерашний трюк, устроив для твари западню. Нет ни заводских труб, ни тяжелого лома, зато рядом возвышается громадина элеватора, и там тоже должны быть удобные железные лестницы. Вот на одну из них и заберется. Тварь там потеряет преимущества в скорости и напоре, что немного уравнивает шансы.

Выскочив из-за угла, Карат нос к носу столкнулся с ковыляющим на шум мертвяком. Тот, резко остановившись, заурчал на все лады, кинулся наперерез.

На всплеске адреналина легко увернувшись от протянутых рук, Карат, пригнувшись на бегу, рубанул мертвяка под колено, отчего тот начал

заваливаться.

— В очередь, скотина, ты на меня не первый! — задорно крикнул уже удаляясь.

Ловко получилось, остается надеяться, что и с лотерейщиком все пройдет как по маслу. А это еще что такое?! На пути к вождеденному элеватору вздымается высокая бетонная стена с витками колючей проволоки поверху. Видимо — ограждение ценного промышленного объекта. Быстро через такую перебраться не получится, и вообще не хочется этим заниматься. И так весь покалеченный, не хватало в придачу ко всему добавку от ржавых шипов заработать. Вон, слева метрах в пятидесяти ворота. Они закрыты, зато калитка проходной нараспашку. Придется сделать пусть и маленький, но крюк.

До калитки оставался десяток шагов, когда позади победно заурчали. Обернувшись, Карат увидел, что тварь, отвлекшаяся на кота, вернулась, и как раз перескакивает через высокий кирпичный забор.

Она нагонит его секунд за пятнадцать-двадцать. Ему ни за что не добраться до лестницы. Придется устраивать бой на невыгодной позиции.

Впрочем, мизерный резерв времени еще есть, надо потратить его на подбор этой самой позиции.

И без того мчался как ветер, а тут ухитрился напрямчь неведомые резервы организма, влетел в калитку выпущенным из рогатки камнем, захлопнул створку за собой, задвинул тяжелый засов. Листовой металл, причем не самый тонкий, сходу такой не разнесешь. И вообще, это не податливая жесть дешевой машины, тут когти уже не рулят, требуется инструмент посерьезнее.

Куда дальше? Рядом трансформаторная будка, но выглядит она столь убого, что Карат морально не готов выбрать ее в качестве склепа для своих обглоданных костей. За асфальтовой площадкой тянется ангар с парочкой выкрашенных красным ворот, причем ближайшие приоткрыты.

Решено — ему туда. Здание тоже обшарпано, но это уже не склеп, а целый мавзолей. Сойдет, хватит уже носом крутить.

За спиной зазвенела потревоженная «колючка», напоровшаяся на нее тварь недовольно заурчала. Не стала связываться с железной калиткой, решила перемахнуть, а преграда оказалась высокой и с нехорошим сюрпризом. Это хорошо — дополнительная задержка.

Влетев в ангар Карат обнаружил там не первой молодости грузовик, а под стеной, слева от ворот, стояла массивная компрессорная тележка. Веса в ней, небось, страшно подумать сколько, но налетел на нее без раздумий, уперся плечом, с криком сорвал с места, подкатил под створку сам

поражаясь невесть откуда взявшейся несуразно огромной силище.

Вот что можно от себя ожидать, если ситуация заставит.

Подпирать изнутри ворота, открывающиеся наружу — верх глупости. Но Карата трудно отнести к совсем уж безмозглым, все это он затеял из-за петли троса, что привязан к куце му фаркопу тележки. Накинуть ее на полосу засова и порядок, теперь створку распахнуть настезь не получится.

Зачем он устроил возню с тросом, вместо того, чтобы просто задвинуть засов? Тварь, даже если не сумеет разгромить ворота, легко заберется другим путем, ведь под потолком ангара есть несколько узких пыльных окошек, а лазают она прекрасно. То есть он просто подарит себе несколько секунд жизни, но ничего более. Шансов в открытом бою у него никаких.

А вот если лотерейщик будет рваться в узкую щель, ставя себя в стесненное положение, могут возникнуть самые разные варианты. Хотя какое-то преимущество.

С той стороны в ворота ударили с такой силой, что взметнулось облако пыли. Затем тварь с дикой силой рванула створку на себя и та, слегка поддавшись, остановилась — трос вытянулся в струну. Еще рывок, еще. Компрессорная тележка очень неохотно поддаваясь, смещаясь на сантиметры. Не стой она боком, лотерейщик бы добился своего куда быстрее, ведь колеса ему сейчас не помогали, а наоборот, мешали, тянул их волоком.

Вот уже щель разрослась примерно на двадцать сантиметров, вот еще шире. Все, уже примеряется лезть, пора начинать портить мертвяку настроение. Карат, тщательно примерившись, ударил топором по пальцам твари, что ухватились за край створки. Угол неудачный, но отсек пару кончиков, еще один крепко зацепил. Лотерейщик бешено заурчал, рванул внутрь, выбросив вперед непострадавшую руку. Когти остановились перед лицом Карата, совсем чуть-чуть не дотянулся. А тот ударил еще раз, с выдохом, с размахом. Лезвие рассекло ладонь будто деревяшку, превратив ее в кровавую клешню.

Монстр дернулся назад, но собственный энтузиазм сыграл с ним дурную шутку. Пытаясь дотянуться до лакомой добычи, он на совесть зафиксировал себя в слишком узкой для его немаленького тела щели и вырваться из нее мгновенно не смог. А Карат, нанося все новые и новые удары, заставлял мертвяка суетиться, из-за чего тот совершал ошибки, теряя время.

Рука, которой тварь пыталась упираться о натянутый трос, повисла, подрубленная в локте. Со второй тоже все было плохо, как и с плечом, на

которое Карат сделал основную ставку. Он, правда, пытался рассечь шею, но положение для ударов было неудачным, вот и приходилось бить чуть ближе.

Еще удар, еще и еще. Треск костей, урчание мертвяка переходит в тонкий нестерпимо противный визг. Лотерейщик, наконец, выдирает себя из капкана чуть приоткрытых ворот, и, не удержавшись, заваливается на спину. Карат теперь не может продолжать разборку его плеча и, присев, с силой опускает лезвие топора на стопу, где из порванного носка грязного ботинка торчат когтистые пальцы. Хорошо прилетело, кровь хлестнула во все стороны. Мертвяк отдернул ногу и ухитрился отползти на пару шагов лежа при этом на спине. Будто дополнительные конечности из лопаток отрастил, так сильно стремился убраться подальше от такой казалось бы доступной добычи.

— А ну стоять! Я с тобой еще не закончил!

Карат не стал повторять ошибку противника — не полез в щель. Прикрыл ворота, ослабив до отказа натянутый трос, скинул петлю с засова, с силой толкнул створку от себя, заставив широко распахнуться. На асфальте полным-полно кровавых пятен, но самого мертвяка уже нет. Судя по темным полоскам он убрался за стену, оставив калитку не захлопнутой.

Умный, раз сумел с засовом справиться.

Помахивая топором, Карат, прихрамывая, понесся следом. Тварь покалечена как следует, передние лапки у нее совсем плохи, одна задняя тоже серьезно пострадала. Вон сколько крови теряет, вряд ли это полезно для их мертвячьего здоровья.

Выскочил на дорогу, оглянулся по сторонам. Лотерейщик, сволочь, успел скрыться в застройке. Видимо нога пострадала не так уж сильно, сохранил скорость. Вместо него в поле зрения попал кое-кто другой. Тот самый мертвяк, которого Карат так мастерски покалечил по пути к элеватору, не расстался с мечтой набить брюхо не подпорченной заразой человечины. Видимо топор сильно повредил связки и мышцы, идти на своих двоих зомби не мог, зато ползал весьма проворно.

Завидев Карата, мертвяк довольно заурчал. Это не лотерейщик, совсем тупой, раз не понимает, что здесь ему обломятся лишь неприятности. Приблизившись, ударил топором сверху вниз одновременно приседая. Лезвие с хрустом проломило голову, зомби перестал урчать и ползти, лишь ноги продолжали дергаться, будто отплясывая бездарный танец. Не первый раз такое за ними замечает, видимо это у них общая привычка.

Обернувшись по сторонам, убедился, что видимой опасности нет. Достал нож, занялся разделкой спорового мешка. Но не успел сделать

первый разрез, как рядом треснул негромкий выстрел, пуля, задев ворот засаленного окровавленного пиджака, в который был облачен зомби, ударила в асфальт чуть дальше, оставив белесую выбоину. По траектории было понятно, что прилетела она со стороны той самой жилой застройки, куда минуту назад умчался лотерейщик. Вряд ли за это время он успел обзавестись винтовкой, и вообще твари с оружием до сих пор не встречались. Значит, Карат обзавелся еще одним противником, причем очень опасным — человеком.

Бежать назад нельзя — стена не позволяет. Только вдоль нее, на виду у стрелка. Если он такой мазила, что не попал в стоящего на месте, по движущемуся тем более должен промахиваться.

Карат рванул назад, к калитке. За ней он скроется с глаз стрелка и помчится дальше. Или попробует подловить гада, из-за которого не смог добраться до вождельных споранов.

Выстрел, пуля бьет в бетонную стену. Карат успел заметить, что эффект от попадания мизерный. Скорее всего — мелкашка, но не надо ее не уважать за детский калибр и мягкость свинца. При желании с таким оружием можно завалить серьезного зверя, а уж человека — вообще плевое дело.

Еще выстрел, пуля проносится в волосах на затылке и бьет все в ту же стену. Невидимый душегуб почти достал Карата, еще пара сантиметров, и дело швах.

До калитки уже рукой подать, ну же, давай, он медленно стреляет, у него остался последний шанс. Промажь, скотина! Промажь!

Выстрела не последовало. Вместо этого послышался душераздирающий крик и почти сразу вслед за ним довольно заурчали. Утробно, очень громко, простые мертвяки шумят куда скромнее. Вот лотерейщик — запросто. У него очень похожий голосок.

И именно туда он умчался после тесного знакомства с топором Карата.

Дернулся куст сирени, росший за забором из сетки-рабицы, дважды гулко бабахнул дробовик. Опять закричали. С мукой, ужасом, безнадежностью. А тварь при этом помалкивала.

Очень может быть, что рот занят.

Карат, резко затормозив в шаге от калитки, не раздумывая помчался к месту событий. Если он правильно просчитал ситуацию, стрелку сейчас не до него. Рискованно, конечно, вот так, сломя голову нестись на винтовку во вражеских руках и опасного мертвяка. Скорее всего, это даже не риск, а несусветная глупость. Но Карат вдруг отчетливо понял, что истерзанный организм прямо-таки умоляет дать ему то, что можно взять лишь от

поверженных тварей. Если он сейчас тупо помчится прочь, бросив все, закончит плохо. В дело брошены последние резервы, тело вот-вот начнет отказывать всерьез. А прикончить нового развитого зараженного не так просто даже для здорового и полного энергии человека.

Проблему придется решать прямо сейчас, это его единственный шанс.

Выскочил к углу участка, ухватился за верх забора, вскарабкался, непрерывно поглядывая в сторону сирени. Там уже все стихло, довольное урчание доносится из-за угла, и никого при этом не видно. Спрыгнул вниз, сдержав крик от вспышки боли, вскинул топор, не приближаясь к дому начал его обходить по дуге.

Мертвяк укрывался за углом и был сильно занят тем, что зубами рвал мясо с шеи лежащего неподвижно человека. Добыча ни из простых: в камуфляжных штанах и куртке из плотной кожи, обшитой неряшливыми лоскутами зеленой ткани; удобные наколенники и налокотники; высокие берцы; голову защищала пластиковая каска утыканная искусственными веточками. Видно, что стрелок серьезно относился к своему делу. Впрочем, это его не спасло — в чудовищной ране уже обнажился хребет.

Мертвяк, почуяв Карата, поднял голову, угрожающе заурчал. Да, тот самый изрядно искалеченный лотерейщик. Руки применять не мог, вот и пришлось зубами поработать. Видимо стрелок не смотрел за спину, и вообще не ожидал, что на шум так быстро заявится опасная тварь. Удачное совпадение, что монстр выбрал для бегства именно это направление и не успел далеко удалиться.

Скорее всего вообще не думал удаляться. Залег в зарослях, надеясь напасть на дерзкого преследователя из засады. Надеялся, что Карат за ним погонится. Но на шум появился стрелок, увлекся охотой на себе подобного, и тварь изменила планы. Не так уж обиделась на человека, чтобы игнорировать легкодоступную добычу.

Оскалив зубы, Карат сжал топор и, подволакивая истерзанную ногу, ринулся на мертвяка. Не став принимать бой, лотерейщик с угрожающим рычанием отскочил на пару шагов, потом еще и еще, и, приняв окончательно решение, одним прыжком перемахнул через забор, оказавшись на соседнем участке, где продолжил отступление в прежнем неспешном темпе.

Пригрозив ему топором, Карат прошел мимо тела, направившись к тому самому кусту сирени. Именно здесь изначально залег стрелок, и здесь же началась схватка, завершившаяся его гибелью. Поднял с земли брошенную возле маленького рюкзака винтовку, осмотрел. Так и есть — мелкашка. Простенькая однозарядная система надежная как молоток. На

ствол накручен цилиндр кустарного глушителя выкрашенный зелеными и серыми пятнами, затвор отведен в крайнее положение. Видимо лотерейщик подловил добычу в тот момент когда та перезаряжала оружие.

Вернулся к телу, присел над ним, перевернул на спину. Посмотрел на залитое кровью лицо молодого человека лет двадцати пяти, вряд ли больше. Не набрался жизненного опыта, подставился глупо, без малейшего повода. У Карата и брать-то нечего. Или хотел заграбастать добычу из спорового мешка того зарубленного мертвяка? Но ведь не факт, что там получится хоть чем-нибудь разжиться, да и с таким снаряжением можно отстреливать подобную дичь пачками. Глушитель, конечно, не гасит звук полностью, но шума с ним куда меньше, особенно это касается дальних дистанций. С учетом смешного патрона охота получается чуть ли не бесшумная, на весь город не прогремишь.

В самодельной открытой кобуре торчал обрез двустволки-горизонталки с обмотанной синей изолентой рукоятью. Достал, переломил. Оба капсюля пробитые, оказавшись в зубах лотерейщика парень не сумел вытащить оружие, но сумел спустить курки. Не похоже, что это сильно навредило мертвяку, да и стрелял, скорее всего, лишь бы куда-нибудь, в состоянии сильнейшей паники. Орал он нечеловечески, сохранившие ясный рассудок такие звуки издавать не могут.

Тщательно обшарил карманы и рюкзак. Найдя фляжку живчика, поспешно отвинтил пробку, отпил хорошенько, потом еще раз. В животе мгновенно потеплело, терзающая боль начала стихать, и тошнота перестала подступать к горлу.

Отлично. Жизнь налаживается.

Не удержавшись, отхлебнул еще, после чего с сожалением завинтил фляжку. Живчик, если честно, так себе. Чем-то жженым отдает и с крепким алкоголем в нем явный перебор. У Шуста был куда вкуснее.

На соседнем участке затрещали кусты и Карат еще раз погрозил топором. Лотерейщик, скотина, никуда не уходит. Или мечтает завалить еще одного человека, или просто ждет, когда опасный тип уберется и можно будет без риска полакомиться оставшимся мясом. Самое хреновое, что помешать этому невозможно. Закопать — долго и без толку, легко раскопают; закрыть в доме или сарае — так же легко вломятся.

И вообще, он ничем не обязан этой скотине. Наоборот, должен радоваться, что несостоявшейся убийца скоро окажется в зубах твари.

Четырнадцать патронов для винтовки и всего один для обреза. Радость от того, что обзавелся таким арсеналом, слегка поутихла. Серьезный бой не светит, боеприпасов почти нет. Даже одиночная тварь вроде того же

лотерейщика все еще смертельно опасна. Череп у развитых тварей сильно меняется, плюс щитки расти начинают, для мягкой малокалиберной пули это нешуточная проблема.

Но ощущение приятной тяжести на плече и поясе вселяло уверенность. Плюс живчик действует, недуги все меньше и меньше дают о себе знать. И внезапно налетел столь дикий аппетит, что Карат, не выдержав, вскрыл найденную в рюкзаке банку тушенки, и начал жадно давиться крупными кусками сомнительного мяса и жира. Гадость явная, такая даже подогретая не ахти, а уж холодная просто тошнотворна, но его это не останавливало, слопал всю, до доньшка. Хотелось еще, но волевым усилием остановил себя: сидит возле свежего трупа; несколько раз за последний час находился на волоске от смерти; по соседнему участку бродит разозленный лотерейщик. В общем, если решил прямо сейчас устроить плотный обед, заниматься этим следует в куда более безопасном месте. У тварей отличный слух, чудо, что они еще не набежали отовсюду на звуки пальбы. Тихое оружие, оборудованное к тому же глушителем, смягчает проблему, но полностью ее не устраняет. Скорее всего те мертвяки, которые были поблизости, уже заявили, найдя здесь свою смерть, но никто не даст гарантию, что не набегут дальние.

Пора уходить из этого поселка. Слишком много приключений.
Осталось последнее дело.

* * *

Мертвяк, который ползком пытался догнать обидчика, так и лежал у стены. Присев, Карат поработал ножом, выпотрошив споровый мешок. Пусто, лишь черная бесполезная субстанция. Значит, надо радоваться тому, что его едва не подстрелили. Не собери он трофеи с поверженного противника, остался бы без живчика.

И, скорее всего, на этом его биография завершилась. Не дотянуть ему до вечера без этой животворной гадости.

Со стороны места гибели стрелка донеслось довольное урчание. Лотерейщик добрался до сладкого мяса и радуется. Вот ведь скотина...

А это еще что такое? В пяти шагах сидел тот самый котяра и внимательно смотрел на Карата. Тот, конечно, был зол на животину, оставившую его без очень нужного трофея, но этих своенравных созданий он уважал с детства, так что не стал срывать с плеча винтовку. Если бы под горячую руку сразу попал, могло случиться всякое, но сейчас гнев уже

изрядно остыл. К тому же, если вспомнить подробности, так именно серый выручил его в пяти секундах от знакомства с клыками и когтями лотерейщика. Очень вовремя отвлек на себя.

Кот, поймав взгляд Карата, опустил голову, на асфальт выпала виноградина спорана. Чуть отойдя, сел, уставился на человека. А тот, подняв отданное, внимательно изучил. Глубокие борозды от зубов, серый, похоже, остервенело грыз украденное. И частично это ему удалось, откололось процентов пять массы, если верить глазам.

— Тебе что, тоже эта дурь для выживания нужна? — удивился Карат.

Зверь, само собой, ничего не ответил. Только продолжал смотреть не отрываясь, и взгляд у него был странноватый.

Слишком умный для животного.

Глава 15

Равномерно крутились педали, велосипед ехал по дороге, где, судя по отсутствию следов, давно не было никакого транспорта. Асфальт дрянной, растрескавшийся, во многих местах по краям его пробили зеленеющие растения. А местами и не по краям. Видимо Карата занесло на тот самый стаб — стабильную территорию, где не бывает перезагрузок, или они случаются с такой редкостью, что за всю жизнь ни разу не столкнешься.

Впрочем, как он уже успел неоднократно убедиться, длинной жизнью здесь похвастать непросто.

На крупных стабах иммунные устраивают постоянные поселения, где можно перевести дух и получить помощь. Не бесплатно, конечно, но для начала Карату достаточно просто информации. Люди не умеют ее ценить, часто отдавая бесплатно. А там, вникнув в здешние реалии, он уже не будет подставляться по незнанию.

Глядишь, и проживет подольше.

У него есть пусть не особо серьезное, но оружие. Есть неполная фляжка живчика и один изгрызенный котом споран. На пару дней должно хватить, что очень радует, потому как эта отдающая затхлостью гадость — главное, что здесь надо человеку.

Удивительно, но несколько глотков волшебного пойла быстро вернули ему прекрасное самочувствие. Нога, из-за которой он хромал все сильнее и сильнее, почти перестала болеть. Даже когда отдирает от раны присохший тампон выдержал экзекуцию без закусывания губ и душераздирающего зубовного скрежета. А ведь перед этим даже простое прикосновение чуть ли не до обморока доводило. Мир за какие-то несколько минут наполнился прежними красками, в ушах перестали отдаваться гулкие удары пульса, руки больше не дрожали, и вообще он чувствовал себя как никогда прекрасно несмотря на все пережитые злоключения.

Невероятный напиток. Даже странно, что еще вчера он испытывал непреодолимое отвращение при одной мысли о том, что придется всю жизнь употреблять продукт создаваемый с использованием частей тел ходячих мертвяков.

Впереди показался трактор с прицепом. Не первая встреченная на дороге техника, но этот перегородил ее от обочины до обочины, встал косо. Будто начал разворот, и почему-то не закончил. Придется спешиваться, объезжать препятствие по вымахавшей высоко траве будет неудобно.

До преграды оставалось метров тридцать, когда интуиция подала сигнал тревоги. Что-то нечисто, но что? Тень выдает притаившегося за кузовом человека, или что-то на него похожее. Не та ситуация, чтобы начинать с этим разбираться, драпать надо, и побыстрее.

Карат попытался развернуться на узкой дороге, но маневр не удался — под колесами зашуршала высокая трава, несмотря на все усилия ног велосипед начал терять скорость.

— Стоять! Стоять тебе говорят! — крикнули за спиной в две глотки и тут же зловеще лязгнул металл. — Стрелять буду!

Вынужденный обернуться Карат увидел двух мужчин в полицейской форме: седого, в годах, и молодого, на вид чуть менее тридцатника. Один целился в него из пистолета, второй поспешно доставал свое оружие из поясной кобуры.

— Стоять! И руки подними!

Вздыхнув, оставил в покое велосипед, поднял руки, не сильно в этом усердствуя, как можно спокойнее произнес:

— Мужики, я тут новенький, у меня брать нечего, и вообще — плохая примета.

— Что?! Руки держать высоко! Снял ружье с плеча и бросил!

— Так мне руки держать или ружье снимать?

— Ружье сними и руки сразу наверх! А что у тебя там?! На поясе?! Обрез?! Настоящий?!

— Что за вопрос?! Зачем мне игрушечный таскать?!

— Во наглый! — изумился тот, который помоложе.

— Обрез тоже брось! — скомандовал старший.

Карат подчинился и последовал новый приказ:

— Нож с пояса бросай туда же! И рюкзак! Бегом!

Снимая ножны с длинным ножом, который прихватил у того же убитого, покачал головой:

— Нельзя рюкзак бросать. Там кот сидит, ему это не понравится.

— Зачем тебе в рюкзаке кот?!

— А куда мне его девать? Для котов сиденья на велосипеде не предусмотрены.

— Логично, — чуть сбавив тон, признал старший. — На два шага вправо отошел и кладет рюкзак на землю. Только медленно, не вздумай дернуться, стреляем сразу.

— Хорошо-хорошо, спокойнее, я не бешеный, я простой мирный новичок.

— Давай уже... мирный.

Едва рюкзак коснулся асфальта, из него высунулся кот, недобро уставился на полицейских.

— Ого какая морда! — удивился молодой. — Это что, мейн-кун^[6]?

— Не знаю, — буркнул Карат. — Я в кошачьих породах не разбираюсь. Руки можно опустить?

— Нельзя. Стой так. Егорыч, я ему браслеты нацеплю?

— Давай. Я прикрываю.

— Да вы что?! — изумился Карат. — Вы еще скажите, что меня арестовываете!

— Задерживаем, — поправил его старший. — Имеем полное право. За один твой арсенал уже надолго закрывать можно.

— А вдруг у меня разрешение есть?

— С разрешением в чехлах перевозят. И вообще, где ты видел разрешения на обрезы, умник?

На запястьях защелкнулись наручники, а Егорыч, присев, потрогал обрезанную двустволку дулом пистолета и покачал головой:

— Такое ружье испоганил...

— Это не я.

— Ну да, — осклабился молодой. — И конечно, обрез не твой. Враги подкинули, да?

— Нет, с трупа снял.

— С трупа?! Что за труп?! Где?! — наперебой загалдели оба.

— Да откуда вы тут такие вылупились на мою бедную голову? — не успевал удивляться Карат. — Мало, что ли, здесь трупов валяется? С час назад повезло нарваться на не самый бедный, прибарахлился с него чуток, теперь стаб ищу.

— Ты под чем?

— Я под жизнью, не надо из меня наркошу лепить.

— А документы у тебя есть?

— Были. Потерял вчера, много чего случилось, бумага не выдержала.

Егорыч пошел в обход прицепа, скомандовав:

— За мной оба.

— А это куда? — молодой указал на брошенное барахло.

— Пусть пока полежит здесь, ветром не сдует.

За прицепом укрывались две легковые машины, ни на одной из них не было опознавательных знаков полиции, что Карата даже слегка удивило. Странная парочка слегка выбивается из образа.

При виде их из одного автомобиля выбрался усатый мужчина лет сорока и взволнованно залепетал:

— Ну что там? Вы нашли дорогу? Ей совсем плохо, надо срочно ехать. Старший покачал головой:

— С дорогой дело темное, но зато вот, аборигена поймали, он с парой стволов куда-то ехал.

Усач уставился на Карата с непонятной неприязнью, злобно прошипел:

— Так это он?

Молодой покачал головой:

— Не знаем. Но у этого мелкашка, а там калибр побольше был.

— Это ты стрелял?! — не обращая внимания на слова полицейского, почти выкрикнул усатый.

— Что за наезды на ровном месте? — осведомился Карат. — Я здесь ни разу никуда не выстрелил, так что срочно остывай. И вообще, если вы его сейчас выставите понятым, то я начну кричать что и обрез не мой, и я не я. Раз уж вы ерундой страдаете, то почему бы и мне не пострадать?

Усатый рывком распахнул дверцу:

— Вот! Посмотри какие наезды!

На заднем сиденье полулежала женщина средних лет. Лицо ее было мертвенно бледным, верхняя часть груди грубо перемотана чуть ли не километром бинта через который проступало кровавое пятно.

— Видел?! Кто это сделал?! Твои дружки?! Или сам?!

— Тихо, не надо орать, сказал же, что я тут вообще не при делах, да и дружками не успел обзавестись. Вам, я так думаю, тоже в стаб надо. И срочно. Похоже, ей хорошо прилетело, тут без доктора не обойтись.

— А мы, по-твоему, куда ее везем?! То есть везли.

Карат пожал плечами:

— Говорю же, я не в курсе местной географии. Если перестанете чепуху молоть и подскажите, где здесь стаб с докторами, буду признателен.

— О каком стабе ты все время говоришь? — спросил старший.

Подозрения Карата, наконец, оформились окончательно, но все же он счел необходимым уточнить кое-что принципиальное:

— Вы в туман густой случайно не попадали недавно?

— Еще как попадали, — ответил молодой. — Из-за него и заблудились.

— Дайте догадаюсь. Выехали из тумана, и вскоре оказалось, что дорога какая-то не такая. То есть вы впервые ее увидели.

— Верно. Сами не поняли, как свернуть ухитрились. Будто леший завел не туда. Откуда узнал?

— А чего это ты тему тумана поднял? — не дал ответить Егорыч.

— Потому что я как и вы в него попал. Только не сегодня, а вчера. И с

тех пор кручусь здесь.

— Что значит крутишься?

— Тут в двух словах не описать.

— А ты попробуй.

— Не будет дороги знакомой и доктора, к которому вы ехали, тоже не будет. И вы и я попали по крупному. Не знаю подробностей, но это что-то вроде другого мира. Здесь очень опасно. Меня уже несколько раз чуть не убили. Да по мне, думаю, заметно.

— Ну то, что тебя отделали как следует, хорошо заметно, — признал Егорыч. — А вот о других мирах ты будешь говорить не здесь. И может даже не у нас.

— Ага, ну конечно, вы меня еще в дурдом отвезите...

— Надо будет — отвезем. Ехать надо, ты точно должен дорогу знать, показывай.

— Навигатор в машине есть?

— Есть, но не показывает положение, — ответил молодой.

— Надо же, какая странная неожиданность. И дайте угадаю: все ваши мобильники внезапно перестали ловить сигнал.

— Откуда знаешь?! — вскинулся усатый.

— Рация есть? — спросил Карат, глядя на старшего полицейского.

Тот покачал головой.

— Не страшно, потому что она тоже здесь ничего не поймает. Смиритесь уже, это другой мир. Мобильной связи вроде бы нет вообще, насчет раций точно не знаю, но со своими вы бы по ним точно не связались. Хватит ерундой страдать, забудьте о протоколах и переделанных стволах. Снимайте браслеты, я ваш единственный шанс.

— Ага, прям вот так взяли и сняли, — буркнул Егорыч.

— Ну-ну, давайте, продолжайте в том же духе и недолго протянете. Еще и меня с собой прихватите ни за что ни про что.

— Угрожаешь?

— Кто ранил женщину?

— Это мы у тебя должны спросить.

Вмешался усатый:

— Мы просто ехали по дороге и на повороте в машину кто-то выстрелил. Два раза. Одна пуля просто стекла пробила, а вот вторая...

— Кто мог это сделать? — спросил Егорыч.

Карат пожал плечами:

— Да кто угодно. Я тут второй день и вообще не в теме по раскладам. Час назад самого чуть не пристрелили из той самой мелкашки. Нарвался в

поселке у элеватора.

— Кто это был?

— Какой-то хрен в самодельном маскировочном костюме. Обрез тоже у него забрал.

— Не складывается твоя история. Он с винтовкой и обрезом, ты пустой. Как так вышло?

— Повезло.

— А что за труп случился там?

— Так это его труп и был. Пока я от пуль уворачивался, сзади к нему серьезный мертвяк подкрался и в шею вгрызся.

— Мертвяк?!

— Так вы что, еще не видели бродячих? Ну да, вы же свежие, откуда вам знать... В общем, тут все сложно. Все, кто сюда попадают, заражаются какой-то непонятной бациллой. На большинство она действует хреново, превращая людей во что-то вроде зомби. Ну они не мертвые вроде, но с виду по ним так не скажешь. Чтобы жить, они много мясного кушают, в том числе друг дружку и иммунных. Иммунные, это те, кому повезло. Они тоже заражены, но не превращаются в тварей. Хотя у них своих проблем полно, но это все же обычные люди. Если мертвяк зрелый и много питался, он нехорошо изменяется, становится быстрым, сильным, очень опасным. Вот такой кадр и приласкал того типа с мелкашкой.

— Глаза нормальные, но явно под чем-то, — глубокомысленно заметил молодой.

Егорыч кивнул:

— Тут и правда без забористой дури не обошлось. Так где, говоришь, твои документы?

Карат покачал головой:

— Я уже рассказывал.

— А ты повтори.

— В библиотеке оставил. В залог. Книжку брал почитать.

— Ясно, у нас тут нарисовался несмешной клоун.

— Ну а кем мне еще быть в вашем цирке для дебилов?

— Звать как? Имя? Фамилия?

— Забудьте о старых именах. Здесь их вспоминать — плохая примета. Я теперь просто Карат.

— Ну что же Карат, сейчас ты с нами прокатишься...

Глава 16

В машине Карат больше помалкивал, стараясь не развивать тему о других мирах, голодающих мертвяках, ударных беспилотниках и прочих здешних реалиях. Все эти люди на диком взводе, и прекрасно понимают, что вокруг творится какая-то чертовщина, но все еще стараются цепляться за старое, простое и понятное, а шокирующие новости, к тому же почти бездоказательные, встречают в штыки. Расскажи ему вчера ранним утром такое, ни за что бы не поверил и счет рассказчика вруном или параноиком.

Нарваться с такой кампанией на неприятности — проще чем высморкаться. Взяли, и ни с того ни с сего решили объехать трактор, после чего направиться к оставленному за спиной поселку с элеватором. Якобы ради поисков медицинской помощи, а на самом деле, как предполагал Карат, исключительно ради того чтобы проверить его показания.

На носу висела одна очевидная для Карата, и совсем неочевидная для новичков проблема. Как он понял из скудных отрывков полученной от Шуста и прочих информации, иммунитет против загадочной заразы — дело нечастое. То есть встречается он у единиц, а основная масса неизбежно превращается в плотоядных зараженных. Как этому помешать, и существуют ли вообще методы противодействия — Карат не знал. В его случае всеобщее перерождение произошло очень быстро. По истечении нескольких ночных часов, которые провел без сознания из-за удара по голове и последствий перезагрузки, все окружающие превратились в медленно бредущих или даже ползающих мертвяков. Чем далее, тем чаще встречались те, которые обрели способность делать короткие быстрые рывки. Полноценно бегающих практически не встречалось, зато пожаловали отдельные высокоразвитые твари из старожилов привлеченные мясным изобилием свежего кластера.

Именно в первый день скорее всего гибнет большая часть иммунных новичков, их массово губит незнание новых реалий. А тупые свежие мертвяки быстро становятся жертвами крутых тварей, или достигают следующей ступеньки найдя себе для этого обильную пищу. Кластер постепенно вымирает, остаются единичные сильные хищники подъедающие последние крохи, залетных неудачников и друг дружку. Все как в том поселке, куда они сейчас возвращаются: груды костей там и сям, полное отсутствие медлительных пустышей и несколько опасных зараженных на весь район. Остальные или оказались в чьем-то ненасытном

брюхе, или ушли искать богатый стаб. Неплохое место, чтобы поохотиться ради споранов и горошин, для заработка незабываемых приключений на мягкие части тела тоже сгодится.

Трех подвижных мертвяков Карат там успокоил навеки. Но остался как минимум один недобитый лотерейщик. Послабее того, который его едва не прикончил в городе, но все равно чертовски опасен. Он изрядно покалечен, но это не сильно утешает. Ведь надо помнить, что тварь получила доступ к сытной и обильной пище, горячо любимой всеми зараженными — свежей плоти иммунного человека.

Как быстро лотерейщик сможет восстановиться? Прошло уже больше часа, вроде бы срок небольшой. Но кто знает, на что способна форсированная регенерация тварей? Карат вот после пары глотков живчика становится другим человеком. Сейчас, глядя на свое отражение в зеркале заднего вида, прекрасно видит, что вчерашние жестокие ссадины основательно засохли и короста местами начала отслаиваться, обнажая здоровую розоватую кожу. Слишком быстро затянулось, никогда прежде подобными темпами заживления он похвастать не мог.

Нога вон, тоже почти не болит. А ведь ей досталось очень прилично, плюс рана должна была набраться грязи в той мутной воде и от железяки, которая слишком долго в ней проторчала. Но ни малейшего намека на воспаление, края, как он сегодня убедился, чистые, не припухшие, и вроде бы даже срастись успели безо всяких швов.

Мертвяки меняются, но иммунные тоже не остаются прежними. Как жаль, что он так быстро расстался с болтуном Шустом. Слишком много вопросов, на которые очень трудно найти ответ самостоятельно, а тот информацию не зажимал.

Вот один из не самых важных вопросов, но интригующий. Что с этим котом не так? Почему он жевал тот споран? И почему потом его отдал? Нуждается в том же, в чем и Карат, и в связи с этим намекает, что надо с ним временами делиться животворящим нектаром? Непомерно разумное поведение для животного. Или он тоже по своему иммунный и это сказывается на мыслительной деятельности?

Звери, по крайней мере некоторые, могут заражаться с печальными последствиями. Шуст успел рассказать о том периодически обновляющемся зоопарке. Так почему коту нельзя меняться? Вон какой здоровый, в нем не меньше десятка килограмм. Это явно ненормально. Разве что он и правда представитель гигантской породы.

Кстати, это единственный экземпляр из кошачьего племени, которого он встретил за все время. Один раз вдали на невысоком пригорке вроде бы

промчалась пара собак, но в этом Карат не уверен. Ни коз, ни коров, ни прочей живности. Лишь птицы, насекомые и парочка ящериц.

Машина подпрыгнула на очередной колдобине. Покосившись в окно, Карат узнал место и с насмешкой произнес:

— Сейчас пойдет нормальный асфальт. Прямо посреди чистого поля начнется новый. А позади останется с буграми, трещинами, с кустами проросшими у обочин и кое-где посредине. Но вы все равно сделаете вид, что так и должно быть. Вам же удобнее ничего не замечать.

— Ты опять за свое взялся? — устало протянул Егорыч.

— Ну а чего я должен отказываться от любимой темы? Тем более, если все сказанное — правда. Давайте уже, оглянитесь и честно ответьте сами себе, что вы домой уже не попадете и больницу тоже не увидите.

— Посмотрим, что ты в поселке запоешь, — хмыкнул молодой и, объехав здоровенный провал в асфальте, придавил газ.

Машина пошла быстро и ровно, без ударов, шины заработали почти бесшумно. Даже с завязанными глазами легко может понять, что стаб остался позади.

— В поселке много что можно увидеть, — добавил Карат. — Держите свои стволы наготове. Толку от них немного, но мало ли что, вдруг и помогут.

— Без тебя знаем, что и как нам держать, — заявил молодой, но без каких-либо наездов.

Похоже, неожиданно изменившееся качество асфальта заставило его призадуматься над правотой задержанного.

* * *

Не сворачивая доехали до той самой стены, возле которой Карат пережил массу незабываемых приключений. Издалека увидев, что тело мертвяка осталось нетронутым, не сдержал довольной ухмылки.

— Живем, служивые. Тут не так уж много здесь тварей, раз дохлятина осталась не оприходованная.

— Дохлятина? Это ты его убил? — со странными нотками уточнил Егорыч.

— Именно я. Делаю чистосердечное признание. Могу даже подпись поставить, только напечатайте на чистой бумажке. Но для начала давайте все выйдем и посмотрим на место преступления, заодно и расколете меня по свежим следам.

Кот, выскочив из машины, уселся в трех шагах от тела и начал тщательно умываться. А Карат, дождавшись, когда усатый подойдет от своей машины, заговорил:

— Итак, вы видите жертву моего гнусного злодейства. Официально заявляю, что убил ее своими руками без помощи сообщников, в качестве орудия преступления выступил топор. Покойник здесь валяется уже больше часа. Заметьте — поселок немаленький, до вечерней темноты еще далеко, но ни оравы зевак, ни взволнованного участкового мы не наблюдаем. А ведь без них такое зрелище не обходится. Вы, само собой, сейчас скажете, что в силу стечения обстоятельств по этой заезженной дороге никто в последнее время не проехал, и пешеходов тут тоже не было. А также жители прилегающих домов не смотрели в окна, вахтер элеватора решил поспать где-нибудь за стеной, а остальные работники объявили забастовку. Но посмотрите внимательно на этого гражданина. Вам не кажется, что он выглядит как-то не совсем обычно? Выше пояса мы наблюдаем замызганный пиджак и рубашку в несвежем состоянии, ниже пояса вообще никакого тряпья нет. Можно предположить, что перед нами опустившееся лицо без определенного места жительства, но вы часто видели бомжей разгуливающих по улицам с голым задом, и к тому же у этого зада знатные проблемы с гигиеной.

— Может перестанешь ерничать... — серьезно произнес Егорыч, приседая перед телом.

— Не я первый это начал. Хотите серьезный разговор, так воспринимайте все то, что говорю, всерьез.

— Давай уже, говори... послушаем твои байки.

— Зараженные полностью теряют человеческий облик, у них исчезает всякая необходимость в гигиене. При этом организмы функционируют так же, как и наши. То есть, если пища потребляется, отходы жизнедеятельности должны выводиться. Но даже просто спустить штаны — для них проблема. Да и зачем оно им надо? Они выше таких мелочей, не отвлекаются. В итоге все это добро валится сами понимаете куда. Если набирается приличная тяжесть, а она со временем набирается неизбежно, пояс с ремнем не выдерживают. Выпутавшись из свалившихся брюк, тварь продолжает разгуливать уже налегке. Вот как эта.

— Подол рубахи обгажен, — брезгливо скривившись, произнес молодой полицейский.

Карат, присев рядом с Егорычем, указал на голову твари:

— Вот еще кое-что. Вы когда-нибудь видели, чтобы затылок превращался в такое?

— Похоже на опухоль, — предположил Егорыч.

— Может и так, — согласился Карат. — Местные называют это новообразование споровым мешком. Это и правда похоже на мешок, внутри него сейчас пусто и сухо. Можете потрогать, он не кусается. Если пойдете туда, то вон за теми кустами сирени найдете свежие кости человека у которого я позаимствовал винтовку и обрез. Он слишком увлекся стрельбой по мне, и одна из таких тварей, — кивок в сторону мертвеца. — Только куда более опасная, подкралась сзади и пустила в дело зубы. Там клыки немногим хуже тигриных, перехватила артерию с первого раза. Посмотрите на этого покойничка. Видите его ногти? Будто маленькие штыковые лопаты. Если бы я его сегодня не убил, он мог расти дальше и дальше. Ногти постепенно превращаются в когти, старые зубы выпадают, зато появляются новые, хорошо приспособленные для разделки живого мяса. В нормальных челюстях им не разместиться, так что челюсти тоже увеличиваются. И пищеварительная система становится другой, быстро усваивает большие объемы мясной пищи. Возрастает скорость, реакция, интеллект, сила, появляются усовершенствования в виде прочных пластин защищающих важные органы, кости укрупняются, становятся гораздо крепче. Все эти изменения приводят к тому, что со временем зараженный перестает походить на человека. Самые опасные из этих тварей теряют сходство с нами. Я таких пока что не видел, и очень этому рад, потому что пережить встречу с ними не каждому удастся. Здесь, в поселке, есть одна тварь, послабее чем самые крутые. Я сумел ее неплохо потрепать, но не знаю насколько серьезно этим озадачил. Может прямо сейчас смотрит на нас из зарослей и планирует, как именно будет убивать. Ей надо много мяса, она очень прожорливая. Сойдут и незараженные, твари в этом отношении всеядны, но иммунные, или не успевшие заболеть — для них деликатес. Так что не считайте ворон, разинув рот, я бы на вашем месте отсюда свалил, и побыстрее.

— Бред, — молодой сокрушенно покачал головой.

— Ну если жить неохота, можете прогуляться по поселку, — предложил Карат. — Посмотрите на парочку трупов ничем не отличающихся от этого и россыпи не таких уж старых костей, оставшиеся от жителей. Долго искать не придется, они там повсюду валяются.

— Обойдемся без прогулки... я тебе верю, — изменившимся голосом заявил Егорыч.

— Что?! — поразился напарник.

— Что слышал...

— Да ты сдурел, что ли?! Кому ты веришь?!

— А ты видел указатель на въезде и перед поворотом? На сколько мы успели уехать? Двадцать километров? Тридцать? Да я тут жизнь почти прожил и таких названий что-то не припомню. Может ты мне подскажешь, куда это нас занесло?

Усатый покачал головой:

— Что-то знакомое, но не наши края.

— Дела чудные и без покойников изгаженных, а уж с ними... Карат, или как тебя там: можешь рассказать все еще раз, подробно?

— Да у меня уже язык опух рассказывать одно и то же по десятому кругу.

— А ты давай, с самого начала. По порядку, с мелочами, не перебегая вперед и не отвлекаясь на то, что сейчас делается. Просто минута за минутой опиши все, что здесь видел. Без шуточек, все серьезно объясняй, а то верю тебе только я, да и то не во всем.

* * *

— Егорыч, ты точно уверен? — еще раз уточнил молодой. — Последний раз спрашиваю.

Тот, чуть помедлив, кивнул:

— Жизненный опыт подсказывает, что так будет лучше для всех.

Вздохнув, младший полицейский заработал ключом. Браслеты распахнулись, Карат, удовлетворенно потирая освободившиеся руки, поблагодарил:

— Большое спасибо за понимание.

— Зачем вы его освободили?! — вскрикнул усач, в очередной раз появившись из машины, где он почти непрерывно хлопотал возле раненой.

— Лишняя пара рук нам при таких делах не помешает. Свободных рук. Опасные времена, опасные места — пояснил Егорыч.

— Так может вы этого бандита еще и вооружите?! — чуть не взорвался усатый.

— Стоящая идея, — поддержал его Карат.

Полицейский покачал головой:

— Перебьешься.

— Ну и какой вам толк тогда от моей пары рук? Я вам не звезда боевиков, черепа голыми кулаками прошибать не обучен.

— Давай-давай, Егорыч, — начал подзуживать молодой полицейский. — Только скажи, и я ему свой пистолет отдам. Его руки, само

собой, нужнее.

— Да уймись хотя бы ты, и без того тошно на душе. Не то время, чтобы шутки шутить. Карат, ты ведь не просто так катался. Ты куда-то шел, с какой-то целью. Поделишься?

— Нечем делиться.

— А если подумать?

— Видели тот участок с покореженным асфальтом и ржавым трактором посреди дороги? Там, где мы встретились.

— Ну?

— Как я понимаю, у местных такое называется — стаб. Это от стабильность. Вся здешняя территория разбита на многоугольники, вроде пчелиных сот. Только соты по форме и размеру одинаковые, а здесь все по разному. Но это уже так, мелочи, принцип вы поняли.

— Мелочи нам тоже интересны.

— Учтите, что я лишь пытаюсь пересказать то, что подслушивал там и сям со вчерашнего дня. Лучше быть проще, а то совсем запутаюсь. В общем, единичная ячейка называется кластер. Ваш кластер перезагрузился в тот момент, когда вы в нем находились, потому и попали сюда. Пройдет время, он опять перезагрузится, и еще кто-нибудь попадет. Вроде ловушки действует. Если б вы хотя бы метр до него не доехали, все бы прошло без вас. Просто не повезло.

Молодой в очередной раз покачал головой:

— Будь этот так, все бы о таком знали. Массовую пропажу людей не скрыть. И не только людей, наша машина тоже сюда попала, и не только наша. Да вон: дома, дороги, элеватор. Тут за мужика сбежавшего к любовнице пачку бумаги переводить приходится, а уж за такое самосвала пачек не хватит.

Карат не стал усложнять разговор введением заумных понятий вроде мультиверсума и бесконечной множественности миров. Ограничился более простой версией:

— Есть мнение, что мы уже не совсем мы, а копии нас. И сами это не осознаем. Неодушевленные предметы тоже скопированы. То есть нет никакого исчезновения, никто о нас не знает. Раз за разом копируется определенный участок земной поверхности со всем, что на нем в тот момент находится. Таким образом обеспечивается периодическое пополнение каждого нестабильного кластера. Основная часть людей быстро подъедается старыми зараженными, они ведь не готовы к такому переплету, все происходит неожиданно. Самые везучие иммунные выживают, а везучие заболевшие со временем при хорошей кормежке

становятся развитыми тварями.

— При чем тут тот асфальт и трактор ржавый? — не понял Егорыч.

— Есть кластеры, которые не перезагружаются никогда, или делают это так редко, что на памяти ныне живущих такого не случилось. То есть они стабильные — стабы. Все что в них оказалось, лежит десятилетиями или даже больше. Дома постепенно разрушаются, асфальт приходит в негодность, техника ржавеет. Все как у нас в заброшенных местах, только без бичей собирающих металлолом. Если на дороге начинаются сплошные колдобины и свежих следов человека нет, то это, скорее всего, стаб. Если ты что-то оставил на стабе, оно не пропадет при перезагрузке. Стабильность посреди дурдома.

— А если человек останется на перезагружаемом участке? — спросил Егорыч. — Вернется домой?

— Я тоже таким интересовался.

— И что ответили?

— Подробности не знаю, но с человеком, вроде бы, такой номер не проходит. Остается здесь, причем перезагрузка для нас — опасно. Лучше под нее не попадать, потом проблем не оберешься. И, если я ничего не путаю, где-то западнее этих мест имеются крупные стабы, на которых постоянно ошиваются местные. Там ведь можно строить дома, убежища от тварей, поля возделывать, хотя не вижу в этом особого смысла. Все это не исчезнет спустя месяц-другой, никаких перезагрузок нет.

— А там есть больницы?! — резко оживился усатый.

Карат пожал плечами:

— Без понятия. Но какая-то медицина, думаю, быть должна. Куда же они без нее.

— Врачи всегда в цене, во все времена, — кивнул Егорыч. — Ты дорогу к этим стабам знаешь?

— Откуда?

— Ну мало ли... Сам говорил, что общался со знающими.

— Не по этому вопросу. Тупо еду на запад, другой информации пока нет. Если вижу признаки стаба, оглядываюсь, петли выписываю. Но пока что крупных стабильных участков не встречал. Обычно они менее километра, тот, где на вас наткнулся, самый крупный, но он пустой.

— Ты уверен?

— Тыкался и влево и вправо где было можно, и почти везде быстро начинались возделанные поля. И четкая граница с сорняками, которые поднялись на давно брошенных угодьях. Похоже, этот стаб просто вытянут вдоль дороги, а по ширине там всего ничего получается.

— Понятно...

— Не вижу другого способа. Надо просто ехать на запад и поглядывать по сторонам, рано или поздно должны кого-нибудь найти.

— Ты говорил, что заражаются почти все. Так?

— Не знаю точно. Нет полной информации. Но в моем кластере других новичков не видел вообще. Или не повезло наткнуться, или и правда с количеством дела плохи.

— А нас тут четверо, и никто не похож на этих твоих мертвяков.

— Или удача на вашей стороне, или зараза еще дремлет. Как вообще самочувствие?

— У меня после твоих рассказов совсем плохое. Способ не заразиться есть?

— Если и есть, я ничего не знаю.

— Плохой из тебя кладезь информации.

— Не спорю.

— Ну, значит, так получается, что так или иначе нам надо на запад двигаться. Наша пострадавшая плохо выглядит, ей бы к врачу побыстрее. Ну и насчет себя по месту решим, уж там должны найтись знающие люди.

— С бензином у вас как?

— Да есть пока.

— Заправки не работают, разве что из баков сливать, брошенных машин на свежих кластерах хватает.

— И с обесточенной заправки свое получить можно, было бы желание, — полицейский запнулся, болезненно поморщился, потер виски, чуть изменившимся голосом продолжил: — Не пропадем. Ладно, вот, держи, Карат, свой обрез, а то и правда зачем ты нужен без оружия.

— Ну ты вообще даешь!.. — охнул молодой.

Карат, не обращая внимания на его шумную недоверчивость, возмущился:

— И что я с ним делать буду? Там всего один патрон, да и тот мутно выглядит, очень похож на самодельный. Застрелиться дал, что ли?

— Тоже идея, — равнодушным голосом одобрил Егорыч. — Но хочу заметить, что у нас стволов всего ничего. Винтовку твою себе возьму, стреляю я хорошо, а вот ты — неизвестно. Так что пусть лучше у меня побудет. Машину водить умеешь?

— А я разве не рассказывал, что во все это дело вляпался не на своих двоих?

Егорыч открыл было рот, да так и замер глядя в одну точку. Ожил после безобразно затянувшейся паузы, ответил совсем уж севшим голосом:

— Рассказывал, но проверить не мешает. В общем, ты садишься во вторую машину и везешь эту пару. Муж беспокоится очень, сам видишь, скорости от него никакой не будет, внимательности еще меньше, зачем он такой нужен за рулем. Пусть лучше сзади сидит. А ты держишься за нами. Не прижимаешься, но и не отстаешь. Если напасть какая или еще что, сразу сигналишь.

— Твари вроде слышат далеко. Они на звук и запах идут.

— Фарами, значит, сигналить будешь.

— Светло еще.

— Мы заметим. Да и вечереть начинает, до темноты всего ничего осталось. Ночью эти субчики как? Опаснее становятся?

Карат покачал головой:

— Да хоть об стену убивайте, не знаю. Одну ночь я провалился под мостом, вторую прятался в доме. Без понятия.

— Плохо Карат. Плохо. Ничего ты не знаешь. Ну да деваться нам некуда, надо ехать.

Глава 17

Черный закат Карат не увидел. Хотя таращился на запад в оба глаза. И вовсе не потому, что строго придерживались этого направления. После стаба, по которому ему пришлось ехать вот уже третий раз, выбрали на шикарное четырехполосное шоссе по которому понеслись с ветерком. Но недолго, потому как оно резко развернулось на юг. Пришлось съезжать на дорогу попроще, вскоре она завела их на очередной стаб.

И это оказался всем стабам стаб. Трудно подобрать цензурные слова для его описания. Хуже всего, что поначалу он не выглядел совсем уж кошмарным. Ну подумаешь, асфальт на последнем издыхании. Видали уже такое, как-нибудь прорвемся.

Не прорвались.

Чуть дальше пришлось пробираться чуть ли не по болоту, по неизвестной причине асфальтированное покрытие на этом участке расплзлось по всей округе, такая же судьба ждала и гравийное основание дороги. Полицейские тут же сели по днище, пришлось их выдергивать, благо длина троса позволила проделать это относительно безопасно.

Вот тогда-то, возясь в грязи, Карат как следует налюбовался нормальным с виду закатом: никакой черноты, ни единого темного пятнышка.

Нечего и мечтать проскочить по такой жестокой пародии на дорогу, пришлось возвращаться, искать альтернативу. Уже в сгущающейся темноте нашли удобный с виду вариант. Но эта трасса была очень узкая и в плохом состоянии, быстро ехать невозможно. С двух сторон ее поджимали заросли, местами они даже сверху нависали, прямо из этих дебрей под колеса выскочил прыткий мертвяк, Карат с трудом успел его объехать. Массивные ногти проскрежетали по стеклам, но справиться с ними не смогли, слабоваты еще. Тварь некоторое время мчалась следом, но затем отстала.

Уже изрядно поднадоевшее зрелище, чуть ли не каждые пять минут сталкиваются. Шум моторов разносится далеко и мертвяки возбуждаются не на шутку торопясь успеть перехватить источник раздражающих звуков. Если первый такой случай потряс полицейских настолько, что спустя километр они остановились и начали взахлеб делиться впечатлениями, то далее не проявляли никакой реакции. Просто объезжали по возможности, а если задевали, даже не притормаживали.

Карату столь экстремальная езда не нравилась. На велосипеде куда

безопаснее. Шум от него никудышный, за все время он ни единого случая не вспомнил, чтобы вот так кто-то выскочил под колеса.

А еще из головы не выходили воспоминания об «уазике» с оторванной дверцей. И тот рубер, который так удачно подставился под бросок лома, стоял перед глазами. Такой если выскочит перед бампером, сбить его не получится. И вообще ничего не получится. Порвет металл будто бумагу — настоящая машина смерти. И ничего они ему не сделают со своим смехотворным оружием. Тут даже с приличными стволами не факт, что выгорит: слишком быстрый, слишком защищенный, слишком мало уязвимых мест.

И ладно, если это будет всего лишь рубер. Ведь есть еще какие-то непонятные элитники о которых вообще думать страшно.

На этом список потенциальных проблем не исчерпывается. К примеру, Карату очень не понравились усиливающиеся изменения в поведении Егорыча. Поначалу он был типичным ментом, но потом в один миг безоглядно принял правила здешней игры. Ненормально быстро принял, без морального сопротивления, без каких-либо оговорок. Его молодой коллега все еще сомневался и не очень-то доверял много знающему задержанному, который при всех своих познаниях зачастую не мог ответить на элементарные вопросы о здешней обстановке.

Но Егорыч снизошел до того, что отдал Карату часть изъятого оружия. Сделал это почти сразу после избавления от наручников. Засыпал кучей вопросов не задав при этом самые важные. Ну, к примеру, очевидный: как убивать мертвяков? Уж таким он должен был поинтересоваться в первую очередь. Но никакого намека, полностью проигнорировал тему. Даже не спросил, что будет, если зараженный цапнет тебя зубами, а ведь это должно волновать если не в первую, так во вторую очередь.

И с голосом у него что-то ненормальное бывает, а еще виски иногда трет и взгляд у него в такие моменты становится потерянным.

Карат подозревал, что Егорыч недолго будет оставаться самим собой. С ним что-то не так. И есть стойкое подозрение, что он быстро или медленно перерождается и вскоре может попытаться отхватить пару вкусных кусков от младшего напарника или кого-нибудь другого. В общем, с ним рядом надо держаться настороже.

Хотя здесь и без потенциальных зараженных надо настороже держаться.

В ближнем свете фар промелькнуло что-то темное, взмывшее над дорогой в длинном прыжке. Миг, и на крышу впереди идущей машины обрушился сгусток ожившей тьмы. В свете фар промелькнула скрюченная

лапа испещренная сеткой выпирающих жил, с неестественно бугрящимися мышцами, с тупыми шипами в районе запястий. Пронзительно взвизгнули тормоза, вслед за этим взревел мотор на максимальных оборотах, тут же заглох. Складывалось впечатление, что водитель жал педали без разбора. Автомобиль сильно занесло, он развернулся посреди дороги, его разорванная крыша отогнулась в сторону жестянкой вскрытой консервной банки. Треснул пистолетный выстрел, неистово урчащая тварь ворвалась внутрь скрывшись из виду.

Дальнейшее Карат не видел. Вдавлив педаль газа до пола, он, объехав изувеченный полицейский автомобиль, рванул прямо на максимальной возможной скорости. Антон, с которым он так не подружился, но хотя бы имя узнал, ничего не заметил, и даже на близкий выстрел не отреагировал. Но когда колесо на всей скорости поймало небольшую ямку, требовательно произнес с заднего сиденья:

- Потихе гони.
- Это не в наших интересах.
- Что? Ты о чем?
- Жить очень хочется. А раз так, надо быстро сматываться.
- Я не понял?.. А где они?! Где полицейские?! Стой! Стой тебе говорю! Они отстали!
- Забудь, нет уже твоих полицейских.
- Где они?!
- На дне желудка...
- Как?!
- Как-как... лови макак. Сам не видел, что ли? Их только что перехватили.
- Но я не смотрел! Что там случилось?!
- А хрен его знает. Тварь прямо в лоб на них сиганула. Здоровая, будто лось, лапа чуть ли не полтора метра. Стекло сразу вдавила, а крышу дернула так, что та оторвалась будто картонная. Кто-то выстрелить успел, но против такого пистолет вообще не играет. Царство небесное нашим служивым.
- Но как же так...
- А очень просто, тут такое бывает, начинай привыкать.
- Но может...
- Не может, а так и есть. Все, забудь, спеклись наши. И мы спечемся, если не свалим подальше. Я так думаю, что бегают такой мертвяк получше чем все кого мы до этого видели.
- И ты говоришь об этом так спокойно?!

— Я вообще по жизни спокойный. А здесь лучше не волноваться по любому поводу, потому что заниматься этим придется круглые сутки. Вредно жить в обстановке нескончаемого стресса. Даже лошадь от волнения дохнет, а она побольше нас.

— Может они отбились? Ты же говорил, что кто-то стрелял.

— Ни одного варианта. От такой твари я пока что вижу одно спасение — засесть на хорошей высоте и успеть кончить ее до того, как она до тебя доберется. Если добралась, заказывай гроб. Ты стрелять умеешь?

— Ну... в принципе да.

— Понятно... Стрелять нам особо не из чего, так что, выражаясь приличными словами, будем спасаться бегством. И молиться, чтобы такая туша не приземлилась нам на крышу.

— До твоего стаба еще далеко?

— Ты только проснулся или как? Я ведь уже раз пятьсот говорил, что не знаю где этот стаб, или стабы. И вообще не факт, что они есть на этом свете.

— Лиле совсем плохо. Она не может долго ждать.

— Ничего не могу поделать. И вообще, мы, походу, едем не туда.

— Заблудились?

— Дорога кучу поворотов успела сделать, а компаса у нас нет. Поди пойми, где теперь этот запад, он может быть в любой стороне.

— А звезды?

— Ну давай, астроном, посмотри в окно. Вот приоткрой и глянь как следует. Не пожалеешь. Или пожалеешь очень крупно. Там тебя ждут сюрпризы.

Прошлой ночью Карату было столь нехорошо, что изучить небеса не догадался. А ведь там было на что взглянуть. Никаких признаков хоровода планет, что в общем-то еще можно как-то объяснить, да и в глаза не сильно бросалось. Со звездами все куда сложнее. Их не больше сотни, но небо при этом не выглядит пустынным, потому как некоторые из далеких светил достигли угрожающих размеров — будто горошины разных цветов, а парочка так вообще чуть ли не мелкие вишни. Света давали столько, что видимость лучше чем во время полнолуния. И все это добро неравномерно рассеяно меж светящимися туманными сгустками зловещего вида. К атмосферным облакам они явно не относятся — что-то очень неблизкое, космическое.

— Ну как, астроном, насмотрелся? — не без злорадства поинтересовался Карат, когда Антон начал закрывать окно.

— Ч... ч-что это такое?!

— Я тебе не Галилео Галилей, ответить не могу. Одно лишь скажу точно — мы очень далеко от родного дома. Правда, я это и без звезд понимал.

— Господи...

— Да ладно тебе, не пугайся понапрасну. Радоваться надо.

— Чему?!

— Да хотя бы тому, что звезды здесь пусть и странные, но не торопятся тебя съесть.

— Это не смешно.

— А я и не шучу. Неужели не рад этому? Ну так порадуйся тому, что звезды здесь вообще есть. Значит, мы в понятной и привычной вселенной... ну или не совсем понятной. А то я уже думал что нас занесло туда, куча даже черти дорогу не знают.

— Лиля? Эй?! Лиля?! Лилечка!

— Да спит она, не буди.

— Как-то странно она спит! Так не спят!

— Мы ее минут двадцать назад смотрели на остановке. Вроде бодрая была. Ты пульс потрогай.

— Да трогаю я! Трогаю! Нет у нее пульса! Нет! О! Вроде появился! Да! Точно! Бьется сердце! Бьется! Но... ты... Лиля!!!

За спиной послышался душераздирающий крик и почти сразу вслед за этим приглушенное урчание. Затылок Карата моментально оледенел, он ударил по тормозам не выжав сцепление, отчего двигатель моментально заглох, неуправляемая машина пошла юзом по ровной чистой дороге. Не дождавшись полной остановки распахнул дверь, выскочил, не удержавшись прокатился по асфальту больно приложившись коленом. Хвостатый спутник проделал это куда элегантнее и, развернувшись, выгнул спину, начал душераздирающе шипеть вытаращившись на остановившийся автомобиль.

Вскочив, Карат в три прыжка донесся до задней двери, раскрыл, ухватил Антона, выдернул его будто репку из грядки. Тот, завалившись на пятую точку, вскрикнул и недоуменно поинтересовался:

— Ты спятил?!

Карат захлопнул дверь, отскочил, вытащил обрез:

— Я нормален. А вот твоя Лиля не очень. Это уже не она.

— Да у тебя точно крыша поехала! Она только что очнулась, когда я пульс нащупывал!

— И поэтому ты так заорал?

— Это не я, это она кричала. Ей больно.

— Нет Антон, она не проснулась. Она другой стала. Совсем другой. Ей уже не больно, не переживай насчет этого.

Дверца щелкнула, медленно распахнулась, из тьмы салона свесились две руки, дальше потянулось все прочее. Лиля с удивительной для раненой бодростью выползала на асфальт издавая при этом все те же тошнотворные урчащие звуки.

Блин, ну что за невезение, будто специально кто-то подстраивает. Всего лишь второй раз он здесь сталкивается с женщинами: одна Ляля, другая Лиля. Очень похоже, созвучнее не бывает.

И обе быстро превратились в тварей.

— Лилечка, стой! Милая, куда же ты!

Карат успел ухватить Антона за плечи, не дал ему вырваться, прокричал чуть ли не в ухо:

— Да хватит уже! Уймись! Ты посмотри как следует, глаза разуй: разве это Лиля?! Твоя Лиля?! Все, завязывай! Пора приходить в себя! Больше нет никакой Лили!

— П-пусти! Лилечка!!! — не своим голосом на всю округу заорал Антон.

Где-то не так уж и вдалеке его крик подхватило неведомое создание, издав урчание, по силе сопоставимое с ревом чертовски оголодавшего динозавра. При этом звуке Карат мгновенно вспомнил, что в обрезе у него всего лишь один патрон, да и тот сомнительный, а на Антона вряд ли можно рассчитывать даже в детсадовской драке за право очередности пользования горшком.

— Все! Докричался, балбес тупой! Тебя слышали! Можешь оставаться здесь, с твоей бесценной Лилечкой, а я сваливаю! Не хватало еще подохнуть из-за идиота!

— Постой!

— Что еще?!

— Надо ее с собой забрать.

— Совсем спятил?!

— Я не могу ее оставить! Ну Карат, давай же, сам говоришь, что надо спешить!

— Если за пять секунд засунешь ее в багажник, то вперед!

— Нож дай!

— Зачем?!

— Просто дай мне нож! Я быстро!

— Нет у меня ножа. Полицаи забрали все, и почти ничего назад не отдали. Жмоты. Топор есть в багажнике, им по голове дать, и мигом

отмучается.

— Нет! Никаких топоров! Не вздумай!

Антон ринулся к машине, распахнул переднюю пассажирскую дверь, сунулся в бардачок. Карат, пока тот не видит, хотел было от души пнуть то, во что превратилась Лиля, в голову, но передумал. Не по человечески как-то, хоть Антон и зарывается, но все же неправильно относиться к ней как к привычным мертвякам. Ведь только что она живая была, заботились о ней, и вдруг на тебе. Она его жена, ему с ней и разбираться. Так сказать — семейное. Поэтому просто отошел на несколько шагов, заставляя ее ползать за собой. Видимо перенесенное до перерождения ранение каким-то образом сказалось на физических возможностях, тварь получилась ослабленной. Он таких уже встречал не один раз, они самые безобидные. Некоторые даже ногами не могут двигать, подволакивают, тащат за собой руками перебирая.

Антон выбрался из машины сжимая в руке откромсанные черные ленты ремней безопасности.

— Карат, помоги. Свяжем руки, потом ноги и в машину.

— Глазам своим не верю! Ты из какого дурдома сбежал?!

— Да помоги же, время идет! Давай, один я не справлюсь!

По хорошему надо было плюнуть на бессмысленную возню, забраться в машину и дать по газам так, чтобы шины завизжали. И пусть эта ненормальная парочка остается тут тет-а-тет. Но вместо этого Карат зачем-то помог заломить руки упирающейся мертвячке, связать их на совесть, затягивая узлы со всей дури несмотря на слезные протесты Антона. Ноги кое-как перехватили под коленками, сильно торопясь, ведь тварь, подавшая голосок, уже, наверное, близко.

— В багажник ее.

— Карат, нельзя ее в багажник! Она ранена, ей плохо и!..

— Заткнись! Да за что мне все это?! Ты в своем уме?! Кататься с зомби в салоне?!

— Прошу тебя! Только не в багажник!

— Черт с тобой! Тогда тащим назад и сиди там с ней. И не подставляйся, а то вмиг лицо отгрызет.

На водительское сиденье запрыгивал будто в седло мотоцикла, удивившись тому, что кот уже сидит на пассажирском и не проявляет признаков сильного волнения. А ведь шипел на Лилю как на злую собаку. Машина тронулась, начала набирать скорость. Быстрее, быстрее, еще быстрее. Заднее стекло разлетелось от мощнейшего удара. Кирпич в него попал, или кто-то тяжелой кувалдой двинул — Карат не знал, но был почти

уверен, что тут обошлось без инструментов. Он мгновенно передумал переключать скорость, страхась даже на короткий миг изменить динамику разгоняющегося автомобиля.

По газам, ходу, быстрее отсюда, как можно быстрее. Машина ревела, будто реактивный лайнер на взлете, обороты зашкаливали. Для мотора и сцепления это не полезно, но плевать на то и другое, сейчас о себе надо думать, а не о технике. Сзади дико выл Антон, он что-то успел разглядеть в разбитом заднем стекле и увиденное крайне негативно сказалось на его и без того расшатанном душевном спокойствии.

Кот, вновь возбудившись, зашипел так, что едва уши не заложило. Скорее по наитию, чем сознательно, Карат вывернул руль, тут же вернув его в прежнее положение. Машина совершила резкое перестроение, сзади опять с силой стукнули, но уже по металлу.

Скорость росла, мелкие выбоины под колесами перестали ощущаться. Прошло пять секунд. Десять. Ничего не происходило.

— Глянь, далеко там эта тварь! — крикнул Карат.

— Она огромная! — донеслось сзади, тут же послышался дикий крик и сразу же обиженные слова: — Лилечка, ну ты чего?! Зачем?!

— Да посмотри ты уже назад! Как далеко эта тварь?! Не молчи, подкаблучник хренов!

— Не вижу я ничего! Не вижу! И меня Лилечка чуть не укусила!

— Привыкай, такая теперь у вас любовь.

— Не шути так, Карат!

— Да какие тут могут быть шутки?! Ты так и не понял куда попал?!

Рискнул, наконец, переключить передачу. Мотор тут же перестал реветь ошпаренным мамонтом, теперь можно общаться и нормальным голосом.

— Карат надо остановиться и выйти. Мы плохо Лилечку связали.

— Держи ее руками и зубами. Да чем угодно держи, хоть глазами. Останавливаться нельзя, эта тварь где-то рядом.

Куда хуже то, что такая же образина, или даже похуже, может оказаться впереди. Карат уже понял, что ночные гонки тут куда опаснее дневных, ведь к демаскирующему шуму двигателя добавляется далеко бьющий свет фар. При отсутствии прочих источников искусственного освещения — штука очень заметная. Они сейчас настоящий магнит для самых разных тварей. По хорошему надо остановиться и дождаться рассвета, но надо быть не в своем уме чтобы сделать это рядом с местом где их машину едва не разнесли по запчастям.

Дальше, как можно дальше отсюда, без остановок. Надо убраться

километров на пять минимум, а там уже можно думать обо всем остальном. Карат наездился до тошноты, лучше пешком пойдет, в автомобильном транспорте он очень серьезно разочаровался.

Выскочили из леса. Впереди открытое место, угадываются очертания сложной развязки, мелькнули указатели с незнакомыми названиями. А далеко справа по кронам растущих вдоль обочины деревьев бьют лучи света. Там перпендикулярная дорога, и по ней тоже кто-то едет. Может такие же всего пугающиеся беглецы, а может уверенные в себе ребята. Из тех, которые катаются с крупнокалиберными пулеметами в кузове и прижигают губы ни в чем не виноватым пленникам. А вот и яркие точки фар мелькнули. Не понять, что за машины, но их там как минимум две.

— Стой! Карат! Да стой ты! Там люди!

— Засохни... — процедил тот, погасил фары, поехал дальше сильно сбавив скорость. Как он успел увидеть, дорога широкая, препятствий нет, а метрах в ста пятидесяти за развязкой ее опять прикрывают лесополосы. Вот там можно опять врубить свет, дать по газам и поискать новое направление, потому как его могли заметить, и кто знает, что у этих неизвестных на уме. А ну как затеют погоню?

— Да ты что?! Там же люди! Они нам помогут! Лиле срочно помочь надо!

— Да достал ты уже со своей Лилей! Ей теперь только лопата поможет!

Вывернул руль, уведя машину в малозаметный поворот.

— Да куда же ты?! Не слышишь, что я говорю?!

— Это ты меня не слышишь! Запарил уже орать в уши! Не помнишь, что я рассказывал?! Простыми словами не догоняешь, так может тебе заумную лекцию прочитать?! Это я быстро, тут хватит нескольких фраз. Извини, что я без костюма и не при галстуке, но должен заметить, что днем в данном регионе на машинах не самые лучшие представители рода человеческого катаются. И, думаю, ночью в этом вопросе кардинальных положительных сдвигов ожидать не приходится. Тут не только пострадавшие от неизвестного заболевания опасны, тут таких как мы надо остерегаться не меньше. А может и больше.

По затылку несильно стукнули, тут же заорали уже с откровенно истерическими нотками:

— Стой! Да стой тебе говорят! Нам назад надо! Назад! К ним! Это моя машина, я к ним хочу! К ним! Поворачивай!

На голову обрушился град непрекращающихся ударов. Неопасные, но взбесить могут даже святого. Затормозил так, что Антон с мертвячкой

уткнулись в передние сиденья. Распахнув дверцу, Карат выскочил наружу, вытащил обрез, навел на выбирающегося спутника:

— А ну стоять! Башку тебе снести, что ли?! Ты совсем страх потерял?! На кого руку поднял, слизь?!

Тот упал на колени с такой быстротой, что они с костяным стуком врезались в асфальт. Заломил руки, и без всякой агрессии, давясь слезами, пролепетал:

— Карат... но я должен... Должен... Давай вернемся... прошу тебя... умоляю...

Смотреть, как взрослый мужик плачет навзрыд, было не то что неприятно — вот-вот затошнит. Медленно опустив обрез, Карат тяжело вздохнул:

— Ты ведь не хуже меня понимаешь, что ей никто не поможет...

— Карат... я... но я должен. Просто должен и все... Не хочешь сам, отпусти меня... Я ее довезу... я должен... мы доедем, мы обязательно доедем. Там люди, нам надо к ним...

То, что спутник далеко не уедет, Карат понимал прекрасно. И то, что помощи не дождется — тоже очевидно даже ребенку. Но так же не вызывает сомнения то, что всякие аргументы сейчас бессильны. Антон сделал окончательный выбор, и от своего не отступит. Даже самый слабый человек под давлением обстоятельств может вбить что-нибудь в голову с такой силой, что всемером не выковырять.

По человечески надо его сейчас оглушить и связать по рукам и ногам. Потом сделать доброе дело для Лили — размозжить ей голову. Оставить труп на дороге, повезти Антона дальше. Глядишь, придет в себя, обдумает все без истерики.

Нет, не обдумает. У него уже нет других мыслей, и вообще, Карат ему не хозяин.

— Хрен с тобой, это твоя жизнь, неволить не стану.

— Спасибо... спасибо Карат...

— Если вдруг доберешься до людей раньше, чем до тебя доберутся твари, обо мне помалкивай. Не видел никого и все.

— Понял, — вытирая остатки слез уже почти нормальным голосом ответил Антон.

— Скорость держи, не замедляйся без надобности, особенно если кусты и деревья по обочинам. Дорогу знаешь назад?

— Да. Ты свернул вроде бы всего один раз.

— Та дорога, где фары светили, была перпендикулярна той, по которой мы проехали. Наверху мост, они по нему прошли, а мы низом. Развязка

рабочая, заедешь легко, может и догонишь. Все, удачи, ключи в замке.

— Ну так я поехал? Можно?

Карат, пригнувшись, заглянул в салон:

— Кот, ты со мной?

Серый, не раздумывая, убрался с пассажирского сиденья, перешел через водительское, мягко прыгнул на асфальт, уселся у ног, посмотрел вверх философским взглядом много чего осмыслившего мудреца. Карат, жадно вздохнув и мысленно прокляв свою невесть откуда взявшуюся мягкотелость, переломил обрез, вытащил единственный патрон, протянул и то и другое Антону.

— Держи. Будешь с оружием.

— А ты?

— Там всего один патрон, особо не разгуляешься. А тебе пригодится. Если запрыгнет кто на машину, может собьешь на асфальт. Ну или сам застрелишься.

Антон не стал благодарить. И прощаться не стал. Кивнул едва заметно, забрался в машину, торопливо развернулся, помчался назад. Хороший водитель, зря полицейские не доверяли ему в этом вопросе.

Только вряд ли его спасет умение держаться за баранку.

Карат, вздохнув третий раз, пожаловался внимательно слушающему коту:

— Я ему не только обрез отдал. Топор тоже в машине остался. Ну не лох ли я после такого?

Кот, ничего не ответив, начал тщательно вылизывать кончик передней лапы.

Карат, посмотрев вслед удаляющимся огням, развернулся спиной к исчезающей во мраке машине, зашагал по темной дороге. Он не знал, вела ли она на так нужный ему запад. Но точно знал, что оставаться на месте, где только что шумел двигатель автомобиля, нельзя.

У тварей отличный слух.

Глава 18

Проснувшись, Карат не сразу понял где находится. Уж очень странным это место показалось изнутри. Но муть первого мига после пробуждения быстро сошла на нет. Он вспомнил, что не меньше часа шагал сперва по одной дороге, потом по другой, свернув на нее ради запутывания следов. Уж очень опасался, что Антон кому-нибудь о нем проболтается и нагрянут неприятные ребята. Затем ему пришлось остановиться: мост через неширокий канал оказался разрушенным; перед свалившимся в воду пролетом лежала на брюхе ржавая туша бронетранспортера. Боевая машина по всей видимости сгорела, колес не осталось вообще, только рассыпающиеся обрезки ржавого металлокорда на их месте. Убежище так себе, но за неимением лучшего сойдет. Спать хотелось невероятно, вот и полез через гостеприимно распахнутый люк отрубавшись почти мгновенно.

В свете пробивающихся через бойницы рассветных лучей разглядел унылую обстановку: ржавчина, ржавчина, и еще раз ржавчина. Здесь выгорело абсолютно все, будто машину жгли долго и с усердием. Впрочем, эти бронированные коробки только с виду такие грозные, а как доходит до часа расплаты, именно так и заканчивают, оставляя на память о себе печально выглядящую скорлупу.

Кот, добротнo гревший бок, тоже поднялся, посмотрел по сторонам, затем уставился на Карата и с намеком мяукнул. А тому оставалось лишь вздохнуть:

— Ну и чем я могу тебе помочь, серый? Сам не прочь мамон набить. Вот только наш рюкзак остался в машине с топором вместе. Лоханулс я по полной, признаю честно. А как не лохануться после того, как прокатился с мертвячкой и этим ненормальным? У меня ведь тоже нервы не железные, вот и начал тупить. Так что давай выбиратьс я. Осмотримс я, может тут хоть водичка чистая найдетс я. А там, глядишь, и перекусить организуетс я.

Забравшись на ржавый остов некогда грозной машины, огляделс я. Дорога очень узкая, выложена бетонными плитами. Видно, что сделали ее давно; стыки в печальном состоянии, в них вовсю буйствует зелень; все что только могло перекоситьс я, перекосилос я; вдали видны рухнувшие на покрытие деревья. Засохли уже, но никто даже не подумал убирать эти преграды.

Все ясно — стаб. Большой или маленький — неизвестно, но явно

древний. Деревья не первый год лежат, да и бронетехника выглядит плачевно.

А вот с мостом, что некогда был перекинут через канал, не все так однозначно. Очень похоже на следы грамотного подрыва, сами они так не падают.

Спрыгнув, подошел к краю, взглянул на покрытую сплошным слоем ряски воду, и не удивился, увидев торчащую из нее заднюю часть еще одного бронетранспортера. Все нараспашку, ржавчины хватает, но и краска местами уцелела, следов огня на ней не видно. И, судя по присохшему мусору, обвившему торчащий обрубок антенны, тут случаются если не половодья, то приличные подъемы уровня.

Кстати, техника незнакомая. Явно что-то иностранное, с отечественными бронетранспортерами Карат знаком не понаслышке, узнает даже в сгоревшем состоянии.

— Кот, я тут подумал... А как к тебе, собственно, обращаться? А то я все кот да кот. Это все равно, как если бы ты называл меня человеком. В принципе терпимо, но немного не то, сам понимать должен. Шипишь ты здорово, может коброй будешь? Не, это как-то не по мужски получается. А давай будешь Грандом^[7]? У меня, и не только у меня, это слово прочно ассоциируется с чем-то немаленьким, а уж в чем тебе не откажешь, так это в габаритах. Ну так как? Согласен? Или хочешь быть банальным Васькой отечественного разлива?

Кот ничего не ответил, и Карат постановил:

— Молчание — знак согласия, так что отныне нарекаю тебя Грандом. А теперь Гранд, нам надо подумать над дальнейшим маршрутом. Если верить здешнему Солнцу, мы последний отрезок двигались правильно, почти четко на запад. Но дальше какие-то хулиганы поломали мост, а лезть в грязную воду мне не хочется. Думаю ты, как истинный кот, тоже не в восторге от купания, так что в этом мы солидарны. Оставаться на месте — плохой вариант. Ну чем мы тут заниматься будем? Вижу лишь одно, в чем здесь можно преуспеть — в ловле лягушек. Болото то еще. В общем, предлагаю шагать вдоль канала пока не найдем место, где можно переправиться не замочив ноги. Согласен? Вижу, что возражений нет. Значит, вперед.

* * *

Чем хороши все встреченные Каратом стабы — мертвяков на них нет

вообще. Логично, ведь свежей пищи там не дождешься, а картина медленного разрушения наследия цивилизации им неинтересна. В общем, совсем расслабляться на таких кластерах не стоит, но некоторые вольности можно себе позволить.

И потому шагал Карат без долгих остановок со сканированием местности всем набором органов чувств. Но и не лез на открытые участки, использовал для скрытного продвижения заросли деревьев, кустов и даже высокого бурьяна. Заболоченный канал тоже выручал, местами из него вымахивали стены непроглядного тростника, в такие моменты хотя бы с одного направления Карат был надежно защищен от самого пристального взгляда.

Чем стабы плохи — на них нет ничего заслуживающего внимания. Разве что любители побродить в местах вроде черныбыльской зоны отчуждения будут в восторге от здешних красот. Разрушающиеся здания и сооружения; перекосившиеся столбы линий передач с провисшими проводами; местами касающимися земли; зелень, пробивающаяся сквозь вздыбившийся асфальт; ржавые остовы машин на спущенных шинах. Если ты голоден, даже не мечтай отыскать здесь банку консервов. Свежего завоза, увы, нет. Но если даже случится чудо, и такой трофеей подвернется, не торопись его вскрывать. Подумай, сколько лет прошло с тех пор, как эту жестянку закатали. Разве мало здесь факторов риска, что ты намереваешься прибавить к их раздутому списку опасность отравления?

Но именно стабы сейчас более всего интересовали Карата. Ведь именно на них где-то существуют поселения местных. Такие как Шуст в них приходят, торгуют чем-то имеющим спрос, делают свои дела. Карат тоже там устроится, дай только добратся.

Поэтому на каждом стабе он удваивал внимание, стараясь заметить следы постоянного пребывания людей. Здесь попалась подозрительная тропка, но, внимательно ее изучив, пришел к выводу, что ее создали копыта диких кабанов или одичавших свиней. В общем — ложная тревога.

Вдоль канала пришлось шагать километра три, и все это время тянулся стаб. Приличные размеры. А это что такое? Там, впереди? Похоже на давно заброшенный дачный поселок, или село. Но уж больно странное. Деревья стоят с почерневшей листвой, будто сажеей присыпанные, такого же цвета все остальное. Даже трава похожа на антрацит, так же холодно поблескивает.

Канал здесь заканчивался, его будто обрезали. Дальше тянется неестественная чернота. Граница ровная, будто под линейчку: с этой стороны нормальная зелень, а уже через сантиметр беспросветный мрак.

Чертовщина какая-то, даже наступать на нее не хочется. Но если он не хочет возвращаться назад три километра, ему придется это сделать.

— Ну Гранд, давай лучше на руки. Не знаю, что с этой травой не так, что если это какая-то отравка, не надо таскать ее на лапах. Я вас, усатых чистоплюев, знаю — потом все начнете вылизывать, наглотаетесь яда и коньки отбросите.

Кот плелся за ним будто послушная собачонка, не жалуясь на бескормицу и прочие невзгоды. Вот и сейчас не стал сопротивляться, покорно устроился на руках.

— Ох и тяжелый ты Гранд. Случится голод, я точно не умру потому что ты меня по дружески выручишь. Ну пошли.

Трава, сминаемая подошвой, издавала звук раздавливаемого тончайшего стекла. Будто по электрическим лампочкам идет. Шаг, еще шаг, еще. Вроде все нормально, просто непривычно. А потом небо вдруг поменялось с землей местами, Карат ткнулся лицом в черную поросль, замычал — гадко хрустящие стебли полезли в рот. Ничего не соображая раскинул руки, зажмурил крепко глаза, выждал паузу, раскрыл. Вот теперь прекрасно различает где верх, а где низ, но вестибулярный аппарат взбесился до такой степени, что нечего и думать двигаться дальше на своих двоих. Упадешь — сто процентов. Тело будто вдребезги пьяное, а мозг при этом абсолютно трезв.

Разворачиваться? Дудки вам, ведь до нормальной зелени рукой подать, раз уж он вляпался непонятно во что, отступать и терять время на обход канала с другой стороны не станет.

Дальше пробирался ползком, то и дело зажимывая глаза, это хоть на пару секунд помогало, иначе через каждые полметра будешь заваливаться то на один бок, то на другой. Еще и ведет из стороны в сторону, сбивает с направления. Всего ничего надо было преодолеть, не больше полусотни метров, но когда Карат вывалился на зеленую траву, ощущал себя загнанной непосильной работой лошадью — по его внутренним ощущениям не меньше трех часов таскал в гору сверх всякой меры груженные повозки.

Тяжел конский труд.

Кое-как сел, сокрушенно потряс головой. Рядом увидел Гранда, тот интенсивно вылизывался, знакомство с черной травой ему не понравилось.

— Вот же глупый кот. Я тебя предупреждал, нельзя такое делать.

Хотя вряд ли тут дело в яде. Карат столкнулся с чем-то необъяснимым, загадкой.

Впрочем, здесь он через шаг на такое натывается, эка невидаль.

— Ты как котяра, идти готов? Ну так пошли. Сил нет, но и сидеть рядом с таким мраком — не по мне.

* * *

Прямой и удобный путь на запад чернота преградила через пару километров. Пришлось разворачиваться к югу, север отпадал, потому что там мог продолжаться тот же «стеклянный» кластер, через краешек которого Карату пришлось перебираться. Так и шагал вдоль границы, пока очередной ее излом не позволил вернуться на прежнее направление.

По ходу движения убедился, что чернота абсолютно необитаема. Ни птицы, ни бабочки — ничего не заметил. Яд там, или что-то другое, но жизнь такие места игнорирует.

Жаль нет Шуста. Он ничего про «стеклянные кластеры» не рассказывал.

Заросли дикой травы сменились колосющимся полем. Гранд тут же поймал мышку и с довольным урчанием умял ее целиком, после чего сделал вид, что ничего подобного не было. Это на случай, если Карат вздумает ему это припомнить при дележке тушенки или чего повкуснее. Тот не обиделся, даже жадной тварью не обозвал. Не до такой степени оголодал, чтобы на мелких грызунов облизываться.

За полем обнаружилась дорога. Асфальт не сказать чтобы немецкого качества, но и древним стабом здесь не пахнет. И заметно, что пользовались ею недавно. Опасное при нынешней жизни место, но Карат прошел по ней немного, заинтересовавшись брошенной машиной.

Оказалось, что он не первый, кто проявил интерес к этому автомобилю. Дверцы и багажник распахнуты, по асфальту рассыпаны банки и пакеты. Причем не с ерундой ненужной, а с продуктами. Кто-то вытащил из машины все что там было, распотрошил и разбросал. Может самое хорошее приватизировал, а может просто так, безо всякого умысла нахулиганил.

Карат подобрал три банки: со сгущенкой, с зеленым горошком и со сладкой кукурузой. Не самая лучшая еда, но живот уже судорогами сводит, надо хоть что-нибудь закинуть в опустевшую прорву.

Консервного ножа в машине не оказалось. И простого тоже. Да там даже инструмента никакого не нашлось. О чем вообще думал хозяин? Как бы он поступил, пробей на трассе колесо?

Пришлось воспользоваться технологиями каменного века. А так как

камней здесь тоже не было, Карат прибегнул к помощи асфальта. Положил на него банку с кукурузой, плавно придавливая начал водить ею из стороны в сторону. Быстро подобрал правильный ритм и амплитуду, дело пошло весело и без напряжения. Ну разве что приходилось все время с опаской оглядываться. Да и прислушиваться, а ну как машина вдали загудит. На этот случай за спиной густые кусты, уйдет и заляжет, его там в упор не разглядеть.

Консервную жесть изготавливают из мягкого металла, так что закраина перетерлась быстро. Аккуратно приподнял при помощи палочки, еще одной палочкой прижал отваливающуюся крышку, перевернул. Все, кушать подано.

Кот сильно крутил носом, но все же начал жевать. Правда с такой неохотой, будто делал величайшее в его жизни одолжение. А когда дело дошло до сгущенки посмотрел на Карата с укоризной. Дескать, такие вещи надо употреблять в первую очередь, а не пичкать тошнотворным мусором уважаемое с древних времен животное.

С пополнившимся брюхом шагать стало веселее. Хотя дорога вела на юг, Карат пока что ее придерживался. Очень удобно, что по одной стороне густые заросли, в случае появления машины можно быстро скрыться. До сих пор значительная часть встреч с человеком заканчивалась членовредительством, это научило осторожности при обращении с себе подобными. Пока что мертвяки не смогли нанести Карату ни одной травмы, всем случившимся бедам он обязан себе подобным, и потому опасался их больше всего.

Дорога асфальтированная, а не какая-нибудь тонкая грунтовка зажатая между неоглядными пашнями. Где-то впереди должны быть деревни, села, а может и города. Там куда опаснее чем в поле, но зато можно разжиться нужными предметами. Ведь Карат вообще пустой, даже топора не осталось. Палка, выломанная по дороге — слабое оружие против даже недоразвитых зараженных. А еще ему очень нужен велосипед, он вчера успел убедиться, что это самый оптимальный транспорт.

* * *

Если бы Карат не шел пешком, а крутил педали, он бы ничего не заметил. Скорость не позволила, да и внимание в первую очередь направлено вперед, а по бокам особо не смотришь.

Глядя вперед такое трудно не пропустить. Только в упор,

поравнявшись и оглянувшись налево увидишь, что неделю, а может месяц назад, прямо через траву, добротнo вымахавшую на обочине, проехал автомобиль. Дороги там не было никакой, даже намек на нее не просматривается — целина. Вот зачем сворачивать с асфальта и ломиться через бурьян и далее сквозь редкий кустарник? К тому же не всякая машина на это способна, потому как мешает крутой съезд и коварно сырой кювет. Карат на своем «уазике» мог бы такое проделать, полноценный джип тоже способен пройти через топкую грязь, а вот сверкающие паркетники и прочие полноприводные недоделки рисковали остаться здесь надолго.

Нельзя сказать, что времени завались и не жалко его тратить на исследования странностей чужого поведения, но интуиция подсказывала, что это тот случай, когда не будет лишним сделать несколько шагов. Отметины в кювете показывали, что не так давно через него переехали, но обратных следов не наблюдалось. К тому же по дороге Карат обследовал уже парочку автомобилей, но пока что ничем не разжился. Так что ему мешает задержаться ради еще одного?

Машина обнаружилась среди кустов. Может ее местами и можно было заметить с дороги, но на фоне листвы она вообще не выделялась. Дело в том, что владелец выкрасил своего четырехколесного друга в полноценную камуфляжную «цифру», среди зелени зарослей даже самый наметанный взгляд мог скользнуть мимо, а уж на скорости и подавно.

Вот как полезно ходить пешком — можно много чего неприметного найти.

Солидный «лендровер» с полным набором фанатика экстрима: шнорхель, силовой бампер с роскошным кенгурятником, шеренга фонарей на крыше, лебедка. Такую машину берут не для городских покатушек, хозяин скорее всего был на «ты» с тяжелыми трассами самого жуткого бездорожья, или хотя бы пытался походить на такого.

У подобных людей в автомобиле могут найтись самые неожиданные предметы. Особенно если хозяин не просто за хлебом и кефиром поехал, а с какой-то нестандартной целью покинул дом, после чего устроил убежище в зарослях.

Впрочем, последнее уже из области даже не догадок, а натяжек. Карат уже не раз замечал машины на разных расстояниях от обочин. Среди них хватало разбитых, уткнувшихся в заграждения и деревья, некоторые даже сгорели. А еще помнился тот, самый первый поздний вечер, когда его «уазик» пострадал от столкновения с джипом. Складывается впечатление, что на первой стадии заражения люди сохраняют человеческий облик, но с

адекватным восприятием реальности начинаются проблемы. Отсюда повышенная опасность аварии, ведь за рулем нужно быстро и правильно реагировать на все изменения дорожной обстановки.

Некоторые машины Карат уже осматривал, но ничего особо интересного не находил. Одну даже использовал как средство передвижения до печальной встречи с беспилотником. Но на эту почему-то сразу начал облизываться. Уж очень интересно выглядела, и обстановка, в которой ее обнаружил, весьма интригующая.

Лендровер сильно перекошен на левый бок, дверца водителя распахнута, но все остальные плотно захлопнуты. Подойдя, склонился, принюхался. Трупного запаха нет, и вообще не уловил никакой вони. Машина выглядит свежей, вряд ли стоит тут больше месяца. А скорее и пары недель не прошло. Хотя все зависит от погодных условий, точно сказать невозможно.

Распахнул дверцу пошире, заглянул. Салон пустой, если не считать завала из сумок на заднем сиденье. И ключ торчит в замке зажигания. Повернул его, приборная панель осветилась, и первое, что бросилось в глаза — нулевой уровень горючего. Бросили заведенной и урчала тут, пока не опустошила бак? Может и так. Аккумулятор не сдох, что тоже намекает на недолгий срок. Крови нет, как и нет каких-либо следов борьбы. Водитель просто заехал сюда, открыл дверь и куда-то ушел.

Обратился в зараженного? Очень может быть. Дверцы машин они точно открывать умеют, Карат этой ночью убедился.

Уйти-то он ушел, вот только вещички оставил. Кое-что на заднем сиденье не могло не привлечь самое пристальное внимание человека, оказавшегося в положении загнанного зверя, так что Карат чуть ли не рычал расстегивая характерного вида чехол.

Есть! Выигрыш в миллион! Он теперь при стволе! Дробовик, двенадцатый калибр, помповый. «Моссберг» с полноценным прикладом, а не пистолетным обрезком. О! Да тут и патроны есть! Их много! Живем!

Через пару минут ружье было осмотрено и признано пригодным к стрельбе. После некоторых раздумий зарядил три патрона с картечью и три пулевых, чередуя их через одного. Неизвестно, какие эффективнее против самых опасных тварей. Если не сработает один, останется шанс угомонить другим.

На этом список подарков не исчерпался. Карату достался компактный рюкзак, который, похоже, был создан именно под такую ситуацию. В многочисленных отделениях и кармашках гармонично расположились полезнейшие в нынешних реалиях предметы: богатая аптечка, накидка от

дождя, компактный цельнометаллический топорик, малогабаритный бинокль, бутыл с водой, набор долго хранящихся продуктов, мультитул и многое другое, список вышел внушительным. Весило все это не так уж и мало, но возбудившаяся жаба категорически настаивала на том, что забрать надо все.

Под парой одеял нашлась вещь, которая намекала, что хозяин машины был тем еще оригиналом. Ну а как еще назвать человека, который катается с японским мечом на заднем сиденье? Не полноценная самурайская катана, но что-то из этой области: узкий чуть изогнутый клинок; черная рукоять характерной формы; и того же цвета массивные ножны.

Карат предпочел бы вульгарный топор. Пусть даже самый простенький, дешевка из дешевок, с какого-нибудь пожарного щита или трухлявого сарая. Но отказываться от находки не стал: крутанул в руке пару раз; оценил ухватистость; счел годным к использованию. Выбросить всегда успеет, а пока что это лучший вариант из имеющихся.

Среди пакетов с консервами и прочими продуктами нашел несколько пачек винтовочных патронов. К дробовику они не подходили никаким боком, разве что вкладыши использовать, но их он не нашел, хотя осмотрел все внимательно.

Зачем возить боеприпасы, которые не подходят для твоего оружия? Напрашивался простой вывод, что помимо недурственного дробовика имеется и винтовка. Очень удобная штука для работы издали, да и на короткой дистанции лишней не будет, ведь против такого патрона череп даже прилично развитой твари не устоит. Их уже больше ста лет используют, и до сих пор всех все устраивает, причем не только охотников, но и военных.

Карат чуть ли не до винтика обыскал машину, затем описал несколько расширяющихся по спирали кругов, вытапывая высоко вымахавшую траву. Но ни винтовки, ни чего-либо другого не нашел. Если, конечно, не считать трофеем давно выброшенный пластиковый флакон непонятно от чего — этикетка облезла.

Пришлось смириться с печальной мыслью, что винтовка ему не обломится. Или хозяин, дурея от подступающего необратимого безумия, забыл ее прихватить из дому; или, находясь в непростом психологическом состоянии, вышел из машины, повесил ствол на плечо, и пошел куда-то. Вот где его теперь искать? Да и толку? Скорее всего, выронил давно и, возможно, прямо сейчас благоухает изгаженными штанами и пытается перегрызть чью-то вкусную шею.

Слив из одной бутылки с водой около трети, заполнил

высвободившееся место найденной в машине водкой, достал споран, вчера обгрызенный Грандом, просунул в горлышко, начал взбалтывать. Прошло минут семь, прежде чем от виноградины ничего не осталось. Полученный напиток был мутным, в нем плавали неприглядные зеленоватые хлопья.

Слив воду еще из другой бутылки и сделав из куса бинта примитивный фильтр, процедил раствор, получив относительно чистый на вид напиток. Оценил на вкус, сделав небольшой глоток. В животе моментально потеплело, неприятное ощущение, похожее на изжогу, отступило. Видимо это было не настоящее недомогание, а намек от организма, что нужно принять очередную дозу гадости.

Кот очень внимательно следил за манипуляциями Карата, а когда тот попробовал получившийся напиток, сделал такой жалобный вид, будто вот-вот горько расплатится. Тот трофейным ножом обрезал доньшко у опустевшей бутылки, поставил на вытопанную траву, чуть налил:

— Держи Гранд, угощайся. Не валерьянка, но я почему-то думаю, что тебе понравится.

Серый с интересом принялся, фыркнул, но не стал более крутить носом, начал лакать с завидным энтузиазмом.

— С водкой я, похоже, слегка переборщил. Или даже не слегка. На будущее учту. Ведь у нас это не последние трофеи, не так ли? Лакай-лакай, не отниму, не надо на меня так коситься. Перекусить не желаешь? Все равно мы все отсюда не унесем, консервов в этой машине на голодную роту. Предлагаю устроить дегустацию тушенки, это стоящая тема. Не то что тот зеленый горошек. У меня от него живот бурчит так, что мертвяки за километр слышат. Тут кроме тушенки еще есть...

Карат осекся — уши уловили звук приближающегося мотора.

— Гранд, шухер!

Кот в ответ только уши поджал, продолжая лакать. Ну да чего ему бояться, в такой траве его точно не заметят. А вот Карату лучше укрыться за ближайшим кустом. И увидеть непросто, и через переплетение ветвей сможет поглядывать на дорогу.

Машина прошла на скорости, а поле зрения у Карата в этих зарослях ограничено. Так что детали рассмотреть не сумел. Белый седан неустановленной марки, вроде бы водитель не один был, но поклясться в этом нельзя. Два случая встречи с транспортом тех, кто здесь уже далеко не первый день, подсказывали, что ездить можно только на том, что хорошо защищено, в том числе и серьезным оружием. А это был типичный городской автомобиль безо всяких наваренных решеток, шипов и тем более пулеметных турелей.

Новички? Не исключено. И ехали они с той стороны, куда шел Карат. В принципе ему там делать нечего, он только что сказочно обогатился, нет смысла заниматься дальнейшими поисками ценного имущества. Все еще не хватает велосипеда, но его можно поискать в другом месте, или на своих двоих доберется до вожаемого стаба.

И, добравшись, в первую очередь вымоется как следует. Должна же там быть баня, или что-то другое. С тех пор как поехал на ту злосчастную буровую ни разу не видел горячей воды. По простому чаю уже скучать начал, а за тарелку супа готов убить.

Дождавшись, когда шум машины стихнет, сообщил коту о своих ближайших планах:

— Сейчас как следует наварю тушняка, и двинем через поля на запад. Возражения есть? Нет? Ну значит так и поступим.

Глава 19

Карат сейчас не абы кто — он человек с ружьем. Но тяжесть на плече не превратила его в недоумка, искренне считающего, что весь презренный мир обязан дрожать при виде такого крутого представителя человеческого рода. Засев на краю кукурузного поля он внимательно следил за дорогой, которая начиналась в полусотне метров за шеренгой болеющих пирамидальных тополей. До них примерно столько же и, судя по всему, как раз перед ними тянулась граница между кластерами и следующий являлся стабом. Деревья старые, сохнут, дорога широкая, шоссейная, но выглядит скверно: мусора на ней много; крупные ветки там и сям валяются; единственный знак ржавый и невозможно понять, что именно он обозначает.

Поначалу Карата насторожили следы на перегнивающей листве и прочем мусоре, засыпавшим асфальт. Там издали можно было разглядеть накатанную колею. Выглядела она так, будто здесь недавно проехало не меньше сотни машин. Вряд ли так и было, скорее всего дело в том, что дорогой пользовались регулярно.

Пока он занимался рассматриванием подозрительной колеи, уши уловили странный звук. Будто мотор работает, но не настоящий, а игрушечный, смешных размеров. Еще три дня назад он бы стал озираться, пытаясь засечь источник шума, но с тех пор Карат изменился настолько, что даже имя у него другое.

Новый Карат вертеть головой не стал. Вместо этого припал к земле и не шевелился до тех пор, пока непонятный звук не затих вдаль. Но перед этим достиг максимальной громкости, и можно было поспорить, что его источник пронесся над землей. Невысоко, приблизительно на уровне верхушек тополей, и это явно не та крестообразная громадина, что в первый день оставила Карата без машины. Это что-то куда более мелкое и непонятное.

И, очень может быть — смертельно опасное.

Карат не стал выбираться из укрытия, наоборот, выбрал место, где кукурузные стебли росли чуть погуще. Там нарвал листьев, краешками прилепил к куску скотча, получившегося «зеленого осьминога» пристроил на макушку. Хоть какая-то дополнительная маскировка. Полежит с полчаса, посмотрит, может еще что-нибудь увидит и услышит, а там уже думать будет.

Кот, глядя на его приготовления, вообще скрылся с глаз. Или запрятался подальше в поле, или где-то там же ловит грызунов, это у него любимое занятие.

Чуть ли не банку отменной тушенки умял, а все равно голодный. Вот ведь прорва ненасытная.

Ждать пришлось минут десять, только после этого вдали послышалось хоровое урчание нескольких двигателей. И, судя по звуку, далеко не малолитражки шли. Карат еще сильнее вжался в рыхлую землю, постарался не дышать и даже не думать. Кто их знает, чокнутых местных, на что они способны. Если Шуст мог носиться как наскипидаренный, кто-то другой, возможно, умеет читать мысли на расстоянии.

Лишь бы через кукурузу не смогли углядеть, а то вдруг в Улье не только телепаты имеются, а и люди-рентгены.

Вот и машины показались. Ба! Да это же военная колонна. Не похожи на партизан с пулеметами в слегка переделанных грузовиках. Первым идет что-то, похожее на «хамви^[8]», в полуоткрытой башенке торчит стрелок. Далее следует что-то неузнаваемое. Габаритами с ту же «буханку», даже формой схожа, разве что более угловатая, какие-то рамы наверху, на них закреплены антенны и непонятные штуки разного размера и форм. Конусовидная фиговина крутится непрерывно, вроде решетки локаторной. Дальше тащится бронированный грузовик, за ним простой, закрытый зеленым тентом, а замыкает колонну точь-в-точь такая же машина, что идет первой, даже морда у пулеметчика один в один.

Нет, не «хамви» это, их Карату видеть доводилось. Пусть и мельком, и было это давно, но все еще помнит. Может какая-то новая модель? Может и так, но с иголочки не выглядят — потасканные в меру.

Машины ушли, а вопросы остались.

Похоже на обычную армейскую колонну, но без каких-либо знаков принадлежности. То есть ни номеров, ни гербов, ни символики какой-либо. В паре мест вроде бы что-то замазано, но сделано это столь тщательно, что поклясться в этом Карат не мог.

Армия? Может стоило выйти на дорогу и встретить с букетом цветов? Ну да, разбежался встречать, как же. Короткий местный опыт подсказывает, что такое почти наверняка поймут неправильно и поприветствуют пулеметной очередью.

Нет, не зная с чем имеешь дело, лучше не нарываться.

Полежал еще минут десять, но больше ничего не дождался. Машины умчались на восток, нигде ничего не жужжит. Пора переходить через эту дорогу пока еще кто-нибудь не приехал.

И приглядеться к этому стабу повнимательнее. Тут такие серьезные люди катаются, может это что-то вроде местной армии? Ведь должен же кто-то охранять поселение.

* * *

У Карата была еда, вода, небольшой запас важнейшего в новой жизни напитка и оружие. Острой необходимости приближаться к опасным местам нет. Но кое-чего все же не хватало — велосипеда. На колесах можно перемещаться куда быстрее и не так опасно, как на машине. И что с того, что по бездорожью он не везде пройдет? Надо будет, всегда можно перенести через препятствие, протащить по густой траве сотню-другую метров. Достаточно узкой тропинки, или хотя бы жесткой почвы пастбища без высокой растительности, чтобы проехать без заминки.

Кот, кстати, тоже только за, по глазам видно. Хотя и не мог высказать свои пожелания вслух, но при каждой остановке принимал удобную позу и начинал дремать, а иногда и засыпать успевал. Эти создания большую часть жизни проводят в глубокой отключке, перспектива шагать с утра до вечера — не для него. Того и гляди бросит неугомонного человека, и останется Карат один. А это плохо, он уже привык к серому. Смешно сказать, но чувствовал себя с ним куда более защищенным. Вот вспомнить хотя бы то, что произошло пару часов назад, когда чуть не напоролся на целую стаю зараженных — не менее двух десятков тварей шагали куда-то с целеустремленным видом. Не самые опасные, но бегать умеют, на открытой местности не факт, что даже автомат спасет, а уж с ружьем горя не оберешься. Кот учуял тварей первым, замер уставившись в сторону угрозы, угрожающе прошипел. И стало понятно, что ломиться дальше нельзя, надо перед этим осмотреться с повышенной внимательностью. Если подобное случится на ночлеге, даже такого негромкого звука под ухом может хватить, чтобы Карат проснулся и успел отреагировать на угрозу.

Кот, конечно, не собака, но это если говорить об обычных котах. Гранда к ним отнести трудно.

Очередная петля замысловатого маршрута, по которому он исследовал стаб, привела к границе. Далее шел активный кластер, это легко понять по состоянию домов небольшого городка или пригорода: зданий выше пяти этажей вроде бы нет; вдалеке виднеются трубы промзоны; все стекла целые; улицы чистые; следов заброшенности не видать; Люди на глаза не попались, но складывалось впечатление, что еще вчера-позавчера здесь

кипела жизнь.

Кусок населенного пункта или целиком его сюда занесло — Карат не знал. Да и какая, впрочем, разница. Судя по отсутствию неповоротливых пустышей этот кластер появился здесь не только что. Сколько прошло с момента перезагрузки? Неделя? Месяц? В любом случае слабые твари успели смениться опасными, причем в неизвестных количествах. Может тут лотерейщики стаями бегают, или даже завелись чудища вроде того, которое легко расправилось с полицейскими, напав на их машину двигающуюся с немаленькой скоростью.

Машины здесь точно есть, но они Карата вообще не интересовали. Даже попадись ему броневик с полным баком, все равно бы не соблазнился. Если от тварей он может быть и спасет, то как быть с людьми? Сидя в грохочущей железной коробке ты не услышишь приближение колонны с крупнокалиберными пулеметами. Да и посерьезнее игрушки тоже найтись могут. Ничего понять не успеешь, а уже запекаешься заживо.

Нет, в топку автомобилю и прочее грохочущее на всю округу железо, велосипед в этом плане куда безопаснее. Хотя, конечно, и с ним тоже нарваться можно — не панацея от всех бед.

Живчика, кстати, не так уж много осталось. Карат не знал какова его личная потребность в этой гадости, и потому не мог точно сказать когда он закончится. Может на пару дней хватит, может больше.

А может и меньше.

С другой стороны, у него нет оружия для тихой охоты. Стрельбой из ружья переполошишь всю округу, твари слышат прекрасно. Городок этот немаленький, опасно провоцировать его нынешних обитателей. Решено, он просто доберется по зарослям до промзоны, там осторожно осмотрится, попробует разжиться хорошим топором. Будет возможность, прибьет одну-две несильные твари, не будет — просто уйдет так же тихо, как пришел. Лучше заниматься добычей споранов в местах, где домов поменьше, а, следовательно, и населения. Мертвяков там изначально не должно быть много, ну а до финиша, где тебя ждет превращение в могучую тварь, доходят далеко не все.

Бетонное ограждение с колючей проволокой поверху, не переберешься. И стена тянется чуть ли не на километр. Если продвинуться вдоль нее дальше, окажешься на открытом месте, а Карат не любил рисковать без острой необходимости.

А что там за грузовик? Он вроде бы не припаркован, как показалось издали, а врезался в эту самую стену. Пусть и по касательной, но удар помял его добротнo. Надо сходить, проверить, вдруг пролом образовался.

Все равно риска не избежать, ведь надо выбираться на открытое место, но это будет уже в самом конце, не более полусотни метров придется маячить у всех на виду.

Пролома не было, плита не бумага — выдержала. А вот стык не стерпел надругательство, разошелся. Толстяк бы там застрял, но Карат с лишним весом не дружил, пролез без проблем. Сразу же помчался к промышленному зданию, присел за углом, чуть высунулся. Тишина и спокойствие, только одинокая ворона лениво поклевывает грудину от разодранного на части тела. Почти голые кости, но кое-что на них осталось, не дочиста объединенные.

Кот начал царапаться о ткань рюкзака в который Карат его посадил перед забегом в город. Не нравится ему там. Вытащить? Он, в принципе, умеет о себе позаботиться, если Карата схарчат, не пропадет. А вот в мешке за спиной окажется в ловушке.

— Ладно Гранд, уговорил. Но только не высывайся.

Взъерошенный от неаккуратного обращения котяра, оказавшись на земле, недоуменно огляделся и начал безмятежно вылизываться. Похоже, он тоже не чувствует ничего нехорошего.

За следующим углом обнаружилась железная лестница ведущая на крышу. Подумав немного, Карат тихо произнес:

— Не хочешь в рюкзаке сидеть, оставайся внизу. Я скоро.

Разговаривал он скорее не с котом, а с собой. Человек — существо социальное, ему не по себе становится, если долго не слышит ничьих голосов. Так что пусть хотя бы свой звучит.

Обзор с крыши открывался прекрасный — здание господствовало над всеми прочими, лишь пятиэтажки могли с ним поспорить, но они начинались метрах в трехстах, если не дальше. Карат достал бинокль и начал изучать окрестности. Брошенные где попало машины; сгоревший магазин с уцелевшей вывеской; разбросанные кости и относительно целые скелеты там и сям. А это что такое?! Бодрый мертвяк, а рядом с ним еще один. Стоят у подъезда, покачиваются с пяток на носки в своей обычной манере. Одежду не растеряли, один счастливчик даже штаны сохранил. На второй, впрочем, короткая юбка, ей с гигиеной куда проще. Неопасны, если не вступать в открытый бой, но надо запомнить где стоят.

Вдали на узкой улице заметил еще парочку таких же. Стоят на месте, также перекатываются с носков на пятки. Судя по всему, они не сойдут с позиции, пока не будут чем-нибудь раздражены: что-то услышат, увидят, унюхают. А до тех пор берегут силы.

Тварей вроде лотерейщика или покруче нет, все походят на тех,

которых он успешно убивал возле элеватора. Но это не значит, что можно расслабиться. Отсюда далеко не весь городок может разглядеть, к тому же бинокль — не рентгеновский аппарат, что творится за преградами понять невозможно.

Развернулся в другую сторону от застройки и почти сразу без помощи бинокля заметил что-то неладное. За промзоной тянулись ряды гаражей и возле углового стояли сразу три твари. Точнее, две стояли, а одна скреблась в металлические ворота. Что ее там заинтересовало? Шум ветра в вентиляционной трубе? И почему эта группа пасется именно там, вдали от жилых кварталов? Ведь самое бесперспективное место в плане добычи.

Кстати, два других тоже не сказать чтобы стояли просто так. В бинокль разглядел, что с носков на пятки они не переминаются, и вообще выглядят возбужденными. Один вдруг стронулся с места, подошел к воротам, попытался оттянуть створку, уцепившись за проушину предназначенную для висячего замка. Успеха не достиг и отошел на прежнее место.

Твари определенно стремились попасть внутрь, но ворота из листового металла не давали им ни единого шанса. Что же их так заинтересовало?

Как Карат уже заметил, их интересуется только одно — еда. Желательно двуногая и незараженная.

В гараже укрылся человек? Возможно. Если так, то он в западне. И раз до сих пор из нее не выбрался, дело плохо. Нет у него возможности разделаться с тройкой таких тварей. Пусть они не такие уж и сильные, но даже один на один могут покровсать своими толстенными ногтями, да и зубы у них тоже ничего. На открытой местности Карат и на одиночку не рискнет выходить без надежного топора на длинном топорнице.

Он наблюдал за гаражом около получаса, и за это время ничего не изменилось. Твари никуда не уходили, вели себя так же беспокойно, и время от времени предпринимали безуспешные попытки вломиться внутрь.

Там может сидеть кто-то вроде Шуста, то есть адекватный и не скупой на полезные ответы. А может и кто-то похуже — злой и жадный на информацию. Но даже в таком случае он должен быть благодарен тому, кто решит ему помочь. Карату много не надо, пусть расскажет как добраться до нормального стаба, где можно осесть хотя бы ненадолго и начать вдумчиво вытягиваться в новую жизнь.

Если этот тип не может разделаться с тройкой далеко не самых опасных зараженных, с оружием дела у него не очень хорошо. То есть автоматной очередью он вряд ли отблагодарит.

А вот арбалетным болтом или ножом в бок — запросто.

И что теперь делать? Ходить наугад и всех избегать? Он уже в бомжа начал превращаться, а дальше станет одичалым бродягой, шарахающимся от любого шороха. Даже если в итоге найдет тот самый стаб, побоится подходить к людям. Неправильно это.

Единственный встреченный здесь одиночка был нормальным и выручил Карата здорово. Ну а то, что потом бросил, так за это злиться бессмысленно — разумный поступок в непростой ситуации, он просто сберег себе жизнь. Эгоистично, но по местным меркам оправдано. Шуст Карату ничем не обязан, чтобы ради него убиваться о сильную тварь.

В гараже, скорее всего, тоже не толпа. Уж кучей они бы что-нибудь придумали, а не сидели за воротами. Там такой же одиночка, как и Шуст.

С другой стороны, это лишь предположения.

Так почему бы не сходить, и не проверить?

Глава 20

Тройка тварей неотрывно сверлила ворота голодными взглядами и приближение Карата проигнорировала. Кот, поначалу бодро семенивший бок о бок, начал запинаться, отставать, поглядывать с недоумением. Дескать, а не спятил ли ты окончательно, мил человек? Вали-ка отсюда, пока с тебя мясо не ободрали, и не забудь тушенку эвакуировать, уж очень она вкусная.

Топора у Карата не было. Да и не та ситуация, где он может выручить. Даже если забраться на крышу гаражей, ее не получится контролировать по всему периметру, как он делал на том сарайчике. Рубанет по башке одного, а другие заберутся в других местах. Двоих одновременно он вряд ли осилит: слишком быстрые, слишком сильные, слишком живучие. К тому же нога, которая с утра вообще не болела, теперь начала давать о себе знать, жалуется на долгую прогулку. Ей покой нужен, но какой тут может быть покой. В общем, бегун из него сейчас не первоклассный, быстро догонят.

Кстати, насчет крыши — отличная идея. Хотя какая-то фора будет, ведь если останется на земле, они помчатся на него безо всяких препятствий.

Свернул в проход, дошел до его конца, там начал искать возможность забраться наверх. Высоковато, и лестниц не видать. Зато кто-то оставил машину у стены, с ее крыши он легко дотянется до края.

— Кот, тебя туда брать?

Тот не ответил, и Карат, сочтя молчание согласием, ухватил его под брюхо, закинул на крышу, вскарабкался следом. Еще раз проверил ружье. Пять патронов в магазине, один в стволе. Все с картечью, пулевые убрал. Твари не из сильных, черепа у них если и крепче человеческих, то ненамного, так что не надо перебарщивать.

Пули могут пригодиться против тех, для кого картечь или тем более дробь — легкая щекотка.

Тихо подкрался к самому краю, посмотрел вниз. Мертвяки так и стояли у ворот не сводя с них глаз. Не видели Карата, не слышали, и даже запах не почуяли. Все внимание сосредоточено на гараже, уже не урчат, а чуть ли не поскуливают от бессилия.

Поднял ружье, прижал приклад к плечу, прицелился в ближайшего, метя в шею, потянул за спусковой крючок. Бабах! Есть! Падает, нелепо взмахнув руками, будто взлететь хотел.

Минус один.

Оставшиеся твари потеряли интерес к гаражным воротам, сорвались с места, кинулись на Карата. И тут их ждал жестокий облом — он стоял на недостижимой высоте. Прыгнули обе, но зацепилась лишь одна, да и то кончиками пальцев. И тут же полетела вниз — рой картечин, не успев разлететься, проломил макушку черепа и полетел дальше превращая мозги в кровавую кашу.

Если то, что располагается у них в головах все еще можно называть мозгами.

Третья, поняв, что здесь ей не забраться, огорченно заурчала и бросилась бежать вдоль стены. Не убегала, опасность ситуации не оценила, искала возможность легко и быстро оказаться наверху. Карат достал ее в спину, но та, упав, начала проворно подниматься. Прицелившись, добил следующим выстрелом, прыгнул вниз, нога на такой трюк отреагировала вспышкой боли, не удержался от вскрика и громкого ругательства.

Сильно хромая, дошел до ворот гаража, с которого только что снял осаду, легонько постучал прикладом, и, перезаряжая ружье, произнес:

— Добрый день, к вам гости.

В ответ тишина.

— Я всех тут успокоил. Открывай, я знаю, что ты там. Сейчас новые набежать могут на выстрелы, и кто знает, кто среди них окажется. Очень может быть, что такие, которые и ворота вынести могут, и крышу разобрать. Ты точно уверен, что не впустить своего спасителя — умная идея?

— Помолчи уже, — глухо донеслось изнутри. — Дай до засова добраться. И ствол убери.

— Может мне ружье вообще на улице оставить?

— Да хоть в задницу себе засунь, только в меня им не тычь, не люблю.

— Насчет первого — я сразу пас. Не для меня такие необычные радости. Насчет не тычь — уже повесил его за спину.

Заскрежетал металл, двери, вделанные в створку, дернулись.

— Тяни на себя.

— Э! Ты тоже оружие опусти! — потребовал Карат.

— Да будь у меня оружие, сидел бы я здесь, что ли?

Карат потянул дверь на себя и увидел, что за ней, присев на колени, устроился седой до последнего волоска мужик лет сорока пяти в грязных камуфляжных брюках и черной засаленной майке. В руках он держал взведенный арбалет, но стрелять не торопился.

Карат покачал головой:

— Вот и верь после этого людям.

Опустив оружие, седой сумрачно произнес:

— А я и себе не всегда верю. Забирайся, ты и правда нашумел как гаубичный дивизион, весь кластер тебя слышал. И дверь закрой, засов там.

Карат послушался. Стало темно, но ненадолго. Зажегся крохотный фонарик, в его свете разглядел, как новый знакомый опираясь на обрезок доски неловко пробирается в угол помещения, где была навалена груда тряпья. Расположившись на ней, тяжело дыша, проинформировал:

— Если прикончить хочешь, учти, что нет у меня ничего ценного. Даром патрон переведешь.

— И у меня никаких сокровищ нет, так что ты тоже это имей ввиду.

— Патроны у тебя точно водятся, а они всегда в цене будут.

— А у тебя есть арбалет.

— Да он самопальный, стоит ерунду, из-за такого смешно валить. Ты кто будешь?

— Карат.

— А я Рыбак. Вот и познакомились.

— Рыбак? Любитель удочкой помахать?

— Раньше любил, до Улья. Но не в этом дело. Сюда попав дошел до того, что смердел как разлагающийся боров. Долго сам бродил, не до мытья было. Не вытерпел, разделся, полез в озеро, начал песком оттираться. А это стаб был, рыбы полно, вся непуганая, в ноги тыкалась. Жрать хотелось, аж плакал, не повезло разжиться по дороге. В общем, начал ловить карасей руками, а крестный мой будущий на это дело из кустов смотрел, ну и давай ржать как конь.

— И окрестил тебя, значит.

— Ну да. Он хороший был, с юмором мужик, ему слово, а он в ответ два и сразу смеется. Ему рубер потом голову оторвал, говорят, на смех прибежал. Что нашлось, ребята по-человечески сожгли, а вот голова сгинула. Без меня это случилось... А ты всех кого видишь выручаешь?

— Ты первый.

— Понятно. Весьма благодарен, но с такой привычкой проживешь ты недолго.

— Твари так и не пришли до сих пор. А ведь рядом были, я видел с крыши. Не слышали стрельбу?

— Еще как слышали, не сомневайся. Но мы же не шумим больше, а они долго на звук одиночный не бегут. Останавливаются, круги начинают наворачивать. И чем тупее, тем быстрее останавливаются. А там и забывают все, стоят, раскачиваются, ждут, когда кто-нибудь опять нашумит. А ты разве сам не знаешь?

— Я новенький. Не знаю.
— Если ты новенький, то я конь водоплавающий с бугра высокого.
— Сказал же: я новенький, всего лишь третий день здесь.
— А прикинут как бывалый.
— Повезло с кластерами. И с крестным тоже повезло. Хотя и не очень.
— Понятно.
— Какие у тебя проблемы?
— Топтун порвал.
— Это кто такой?
— Да как бы тебе сказать, чтобы без громкого мата... Кого вообще из ходячих знаешь?

— Лотерейщика, рубера, пустышей, бегунов видел. Примерно представляю, что всех тварей вы грубо разделяете по тому, что с них можно получить.

— Ага — практичный подход и легко запомнить.

— Согласен.

— Топтун споровик, он вроде лотерейщика, только чуть похуже. Ну как похуже... Та еще сволочь: сильнее, быстрее, убить трудно. В горошника он переходит, то есть в кусача. Кости у него при этом меняются, из пяток выпирают, он ими стучит по твердому когда бегают, вот и прозвали так. Если слышишь этот цокот, сразу знай, что хана приближается. Даже один, это уже хреновое дело, а по одному они редко попадают, не любят веселиться без коллектива. Я приготовиться успел, достал его нормально, но и он не сразу свалился, отомстить успел.

— Оклемаешься?

— Да вроде должен. Нога плохая, но бочину неглубоко порвал, ребра целые, я их уже заштопал кое-как. Крови потерял много, тут все ею провоняло. А еще эти увязались, может свита топтуна, а может и приبلудные. Я ведь из ствола его добивал, грохот знатный, далеко слышать. Кровь свежую хорошо чуют, примчались тут же, не дали даже добычу собрать.

— Прибеднялся, а сам богатый.

— С чего это вдруг я стал богатым?

— Ствол есть.

— Могу подогнать, — Рыбак вытащил из тряпья револьвер. — Патрон «Магнум», бьет хорошо. Только патронов не осталось вообще, последние в топтуна ушли. Дерут за такие в три шкуры у ксеров, на здешних кластерах найти трудно, в продаже на стабах почти нет, боеприпас не отечественный. Не идти же за тридевять земель только ради них. Возьмешь?

— Просто так?

— Выручил меня, за такое заплатить не грех.

— Я бесплатно.

— Не хочу тебя грабить. Новый ты, совсем зеленый, таких беречь полагается. Примета плохая, если навредишь даже в малости.

— Не все такие суеверные.

— Это ты в точку попал, тут хватает уродов, которые ни в Бога, ни в черта не верят. Когда у человека не остается ничего святого, в лютого зверя превращается. Потому многие звереют. Живца у меня почти не осталось, скоро подохну.

— Живчика?

— Ага. Как его только у нас не обзывают: живчик, живец, живун, жмак, смак, нектар. По-разному извращаются, но смысл один, с одного слова все понимают о чем речь. Нам он как бензин для авто, трудно с чем-то перепутать. Я потрепан, мне много надо, сам понимаешь. Или не знаешь о таком? О регенерации?

— Догадывался. У меня есть грамм четыреста, может чуть меньше. Могу выручить.

— Научен делать?

— Развел как смог, гадость на вкус, но вроде идет хорошо.

— Да его хоть с мочой разводи, только спирт не забывай добавлять, а то неделю растворяться будет, вода горох почти не берет.

— Спирта не было, я его водкой.

— Да хоть пивом, без разницы, лишь бы не безалкогольное. Если поделишься, то этот ствол твой. И арбалет тоже забирай. Они куда дороже стоят, внакладе не останешься.

— Останешься без ничего.

— А нахрена дохлому барахло?

— Разумно.

— Я о том же.

— Сколько живчика надо принимать в день?

— У всех по разному, и при разных случаях разные дозы. Если порвали, как меня, и банки не хватит, а если все нормально и сильно напрягаться не пришлось, то и двести грамм с лихвой сутки закроют. При спокойной житухе, когда и шкура целая, и усталости нет, литра на неделю должно хватать. То есть два спорана.

За спиной послышался тихий царапающий звук. Рыбак, вострепнувшись, еле слышно произнес:

— А это еще что за дела? Первый раз слышу, чтобы они так тихо себя

вели.

— Спокойно, это не мертвяки.

Карат, развернувшись к двери, отодвинул засов, приоткрыл. В щель прошмыгнул Гранд, уверенно направился в угол, соседствующий с тем, который занимал Рыбак, уселся там возле стопки шин.

— Это что, кот реальный?

— Да. Его Грандом зовут.

— Твой?

— Привязался ко мне по пути.

— Он при тебе вроде собаки, что ли?

— Ты базар фильтруй. Он не тупой. Если поймет, к кем ты его сравнил, врагами станете.

Рыбак хрипло рассмеялся:

— Ну да, такое он точно не простит. Во дает! Уже мышшь поймал! Сходу! Ловкий, уважают таких. Карат, для новичка ты совсем чудной.

— Ты еще не все обо мне знаешь.

— Того что знаю, хватает.

— Мне кое-что надо от тебя.

— Сказал же уже, не из богатых я.

— Дело не в богатствах. Я должен попасть в нормальный стаб. Как понимаю, вся местная жизнь вертится вокруг них.

— Стабы разные бывают.

— Не надо притворяться, ты прекрасно знаешь, что я говорю о населенном стабе.

— Да уж тут трудно не понять. Я себя помню, в самом начале, как впервые туда попал. Тот еще шок. Столько людей и никто не торопится тебя схарчить или пристрелить. И баня с вениками березовыми.

— За баню я бы многое отдал...

— Вот и я о том же.

— За живчик объяснишь как добратся?

— И хочется объяснить, и... Карат, давай говорить начистоту: мне тоже надо туда попасть. Не меньше чем тебе надо.

— И что предлагаешь?

— Я тебе помогаю, а ты мне. То есть идем вместе.

— И сколько тебе тут валяться придется?

— Я уже почти полгода как в Улей попал, втянулся, у меня реген завышен. Будет еда и живец, завтра встану. Хромать, конечно, придется, но шагать смогу. Так что долго ждать не придется. Как тебе такой срок?

— Если так, то нормально.

— Ты там всех завалил?

— Трое было.

— Два бегуна и спидер. Бегуны не чахлые, но все равно пустых среди них куда больше, чем полных. Вот в спидере почти всегда один-два спорана, а если привалить трех-четырёх, в одном точно будет аж три.

— То есть выпотрошив эту троицу, я хоть что-нибудь, но получу?

— Если не совсем неудачник, то да. Спидер тот еще урод, чуть не догнал, ему бы одну букву убрать из названия, и было бы нормально. Но охотиться на них выгодно, это да, ведь по части споранов — основной поставщик. Жаль, гороха в них нет никогда. Появляется только если до лотерейщиков дорастают, да и там очень редко. Топтуна я привалил недалеко, там спораны точно есть, а может и горох, но ты это место сам не найдешь. Да и стремно туда идти, на шумел сильно, крови лужу оставил, а они на такой запах сбегаются как шалавы на шелест баксов.

— Водка есть, или что-нибудь спиртное?

— Не ношу, бухать за стабом себе дороже, лучше не держать такой соблазн под рукой.

— А живчик как тогда делаешь?

— На козьем молоке.

— Можно так?

— Да гоню я, шутка, какое тут может быть козье молоко. Зато бухло везде найти можно, зачем его с собой таскать.

— У меня в аптечке есть пузырек со спиртом. Хватит его?

— Грамм тридцать медицинского на пол-литра воды с лихвой. С водой проблем нет, тут початая упаковка минералки, гараж богатый, выручила.

— У меня и своей немного есть. Пожевать хочешь?

— А что есть?

— Тушняк.

— Давай. Тема нормальная, мясное регенерации на пользу идет. Хотя тушняк тушняку рознь, некоторый рядом с мясом не лежал.

— Этот нормальный.

— Да я хоть какой смолочу. Просто разговор поддерживаю, отвык от голоса человеческого, хоть волком вой.

— На вопросы мои отвечать будешь, так что будут тебе разговоры.

— Как скажешь. Только сильно не напрягай. Я вот поговорил, и сразу в сон потянуло. Худо мне, крови потерял много. Заменителя у тебя, я так понимаю, нет.

— Физраствор?

— Ну да.

— Откуда он у меня возьмется.

— Полезная вещь для серьезных случаев. Коновалы в стабах капельницу ставят, живца туда маленько добавляют, вообще благодать получается, куда быстрее поднимаешься. Можно и самому сделать. Дистиллированная вода, чистая соль, и не напортачить с концентрацией. Я не умею, но есть мастера. Там вешалка, на ней разное тряпье осталось. Хозяин жлоб был, ничего не выбрасывал, спасибо ему за жадность. Стели на пол и падай до утра. Я отрубаясь, глаза слипаются.

— А поесть?

— Вот ведь... забыл совсем, заболтался. Давай, уговорил, пожую, силы нужны, без них не встать.

— Сам открыть банку сможешь?

— Легко.

— С котом поделись, а то он на тебя нехорошо смотреть будет.

— Я не жлоб. Да и кот у тебя интересный. Где взял?

— Говорю же — приبلудился.

— Редкий зверь.

— Это кот-то редкий зверь?!

— Здесь, Карат все не так, как дома. Здесь простое бывает редким, и наоборот. Не все животные переносятся нормально. Некоторые тоже перерождаются, другие от заразы здешнейдохнут. А кот для зараженных — лучшее лакомство. Почему-то любят его до безумия. Из наших кто свежую тушку находит, таскает с собой пока вонять не начнет. Вот помчится на тебя крутой рубер, а ты в него котом запускаешь. Он может внимания не обратить, а может остановиться, начать рвать и жрать. Хоть и ненадолго, но отвлечется. Ну а ты время не упускай. Такой вот способ есть у нашего брата.

— Когда мы с Грандом встретились, он от меня лотерейщика отвлек. Все как ты сказал, урод на меня внимание не обращал, умчался за ним.

— Ну да, кот для них куда интереснее.

— Держи. Ложка есть?

— А кто без весла из дома выходит? Конечно есть. Полезный кот, повезло тебе с ним. Иди, выпотроши добычу пока тихо. Там уже прикинь по запасам, что у нас выйдет. Живца у тебя мало, у меня тоже. Надо еще одну дозу железно, а лучше полторы. Тогда на ноги встану и пойдем к ближайшему стабу, я дорогу хорошо знаю. И с дверью осторожно. Если ее резко потянуть, скрипит на весь околоток. А ты тут перед этим нашумел как цыганская свадьба, кто-нибудь обязательно поблизости крутится после такого.

Выходил Карат с опаской. Сперва приоткрыл дверь, постоял минуты три, прислушиваясь к уличным звукам. Но кроме робкого пения птиц ничего не уловил.

Твари никуда не делись, валялись там где их успокоила картечь. Настало время не самой приятной работы. Хотя и не имеет ничего общего с разделкой забитой свиньи, но все равно чистой ее не назовешь, до сих пор притрагиваться противно.

Первый мертвяк оказался пустым, другой подарил один споран, а с третьего досталось аж два. Если все пустить на живчик, получится полтора литра — три дозы. Рыбак говорил, что ему достаточно полторы, так что еще и запас останется. Значит, одной проблемой меньше.

Правда, флакончик со спиртом совсем скромный. По тридцать грамм на дозу может не хватить. Но Рыбак прав — алкоголем здесь при желании можно по макушку залиться. Чуть ли не в каждом доме есть, а уж про магазины лучше промолчать.

Вот только чем ближе к стабу, тем актуальнее проблема наличности. Споранов у Карата нет, а на них завязана вся финансовая система. Есть винтовочные патроны, они ему не нужны, но неизвестно, по какой цене их можно продать. Вдруг копейки?

Хотя ему сейчас особо ничего не надо. Баню, отдохнуть денек-другой, послушать опытных людей, найти занятие на будущее. Не такой длинный список, чтобы разориться.

Не удержавшись, забрался на ту же гаражную крышу, достал бинокль. Высота здесь всего ничего, но хоть какой-то обзор есть. Как ни крутился, не разглядел ни одной твари. Или недавние выстрелы вообще проигнорировали, или на открытых местах мертвяков нет. Возле пятиэтажек заметил магазин, который с промзоны было не разглядеть. Приличных размеров, там, если понадобится, можно разжиться и едой и ставшим жизненно необходимым спиртным. Плохо, что по пути придется выбираться на открытые места, но это не так уж и страшно. Карат ведь не в кустах все время живет, часто маячит открытый со всех сторон, и обычно это сходит с рук.

В рюкзаке пока хватает еды, с водой тоже проблем нет, но магазин надо запомнить на будущее, может пригодиться.

Трофеи собрал, осмотрелся, опасности не заметил. Пора возвращаться.

Глава 21

— Чем это ты там мигаешь? Красным?

Вопрос, раздавшийся в темноте гаража, застал Карата врасплох. Рыбак спал беспробудно и без храпа, если не светить фонариком, может сложиться впечатление, что здесь никого нет.

— Разбираюсь с прибором ночного видения.

— Никогда не видел такого прикинутого новичка.

— Нашел в брошенной машине. Ружье оттуда же.

— Богатая машина.

— Хозяин был запасливым и непростым. Похоже, на иммунитет ему не повезло.

— С этим делом мало кому везет.

— Я заметил. Сколько таких как мы? Выживших? Один процент или меньше?

— По-разному. От перезагрузки зависит.

— Это как?

— Никто не знает, Улей большой, и везде по разному в разных случаях. Иногда кластер почти сразу наполняется пустышами, в считанные часы, иммунных в таких быстрых кластерах почти не бывает. Сплошная мертвая зона. Обычно там через несколько часов перерождение заканчивается, и первые бегуны появляются тоже быстро, даже суток не проходит. Но чаще всего это дело растягивается на день-два или чуть больше. Народ превращается медленно. Болеют, разные глупости начинают творить по мере отмирания разума, потом перерождаться начинают. Не одновременно, с единичных случаев, а уж потом массово. Иммунных при такой задержке побольше выходит, но не сказать, чтобы толпы. Такие кластеры называют просто — стандарт, стандартные. Есть еще тянучки, там по названию понятно, что все затягивается.

— Надолго?

— Говорят, местами до недели доходит. Там самые смешные случаи случаются. Переносится, допустим, поселок, в нем жители на работу выходят, больница работает, менты принимают сунувшихся за хабаром рейдеров, закрывают, протоколы строчат за незаконное хранение и ношение. Я однажды видел такого беднягу, помер за решеткой, никто не выпустил, все менты переродились и ушли по мясным делам. Еще бывают заклинившие кластеры, это когда перезагрузка одна за другой идет, там

вообще дурдом полный. Два-три дня и все по новой начинается, и так может месяцами тянуться, а то и годами. Очень веселые места, от разного народа там не протолкнуться, ну и тварей там хватает, жратвы ведь море, сплошным потоком сыплется.

— Что за рейдеры?

— Долгая тема.

— А ты куда-то торопишься?

— Ага. В цирк. Давно клоунов не видел. Вот ты чем здесь занимаешься? Четко можешь сказать?

— Сказал уже — стаб ищу.

— Это не занятие, это цель твоего путешествия. И она у нас совпадает. Значит мы ничем не занимаемся и просто идем. То есть мы оба просто рейдеры. Понял?

— Не очень.

— Вообще-то все, кто бродят за пределами обитаемых стабов — рейдеры. Те, кто тупо собирают оружие, патроны и прочий прилетевший на перезагрузке хабар — рейдеры-сталкеры. Народ, который занимается охотой на зараженных ради потрохов — рейдеры-трейсеры. Крутые парни, устраивающие засады на внешников — рейдеры-стронги. Те, кто торгуют между стабами — просто барыги, некоторым из них приставку «рейдер» давать запаadlo, но как ни крути, а они ее заслуживают. Вот кто ее точно не заслуживает, так это муры. Грязь человеческая. Валят нашего брата исподтишка, трупы обирают, с внешниками снюхаться могут. Шакалы Улья. Живут паскудно и недолго, вони от каждого на десяток честных рейдеров. Если на вопрос, кто ты есть по жизни, не можешь сказать четко: «Я сталкер», или «Я рейдер-трейсер», то ты просто рейдер. По сути все мы такие, потому что задумал, допустим, поохотиться, а по пути подвернулся прилетевший хабар. И что тогда говорить о себе? Что ты рейдер-сталкер-трейсер? Проще надо быть. Но люди любят словесную шелуху, да и прихвастнуть тем, что ты четкий стронг, хотят многие. А как это сделать, если на всех одно название? Вот и отделяют одно от другого.

— Все, кого я здесь видел, говорили на русском. За мелким исключением. А у тебя почему-то почти все термины иностранные или непонятные.

— Это потому, что все славянское в загоне, вот и лезет прилипчивая иностранщина из разных щелей. От молодежи словесный понос идет. Раньше не было никаких рейдеров, а были честные хваты. Только старая школа вымерла, а у новой свои словечки, им бывшее не в кайф. Если услышишь, что кто-то сказал о себе «я хват», скорее всего этот тип

реальный динозавр.

— Вот теперь понял.

— Рейдеры и по одному бродят, и группами, и даже отрядами, шарят по кластерам, тащат в стабы все что нашли или у внешников отобрали, там спускают хабар в ноль и опять идут на дело. Жизнь по замкнутому кругу движется почти у всех.

— Весело, наверное, на этих стабах.

— Не везде. Есть строгие, там за тот же спек могут шлепнуть, особенно если много таскаешь. То есть строго с наркотой. Есть попроще. Вообще, чем ближе к Внешке, тем проще порядки. Не везде, конечно, но в основном так. На некоторых стабах порядки до того простые, что надо со стволом под рукой спать ложиться и дверь поленом подпирать, а то прирежут и хрен кто будет искать виноватых.

— Мы пойдем к какому?

— Без строгаха, но и беспредела там нет. Раньше всякое случалось, но сейчас порядок навели. А прибор твой — полный хлам, — неожиданно сменил тему Рыбак. — В темноте зараженные видят не хуже нас, свет замечают издали.

— Светится он слабо.

— Все равно видно.

— Это только если включить подсветку.

— Знаю. Фонарь инфракрасный. Без подсветки ты обычно почти слепой, толку от такого прибора мало. Дешевка, его даже толкнуть трудно будет. Разве что совсем за копейки. Не нужен он никому, для серьезных дел другие применяют.

— Ты как? В смысле как самочувствие?

— Хреново, но жизнь потихоньку возвращается. Что со спорами?

— Три взял.

— Неплохо. Хлебну еще, и опять на боковую. Во сне регенерация ускоряется.

— Регенерация у всех ускоренная?

— Да. И у иммунных, и у зараженных. У тварей, конечно, круче, но и нашему брату грех жаловаться. Нам еда нужна и живец, тогда раны быстро затягиваются, а и им одной еды хватает. То есть выжить проще, но я в гробу видал такую жизнь.

— Завтра точно сможешь ходить?

— Должен. Но в случае чего хрен от кого убеги. Ты бы пошарил по гаражам, может велосипедов пару найдешь. Их любят хранить в таких местах.

- Сесть на велосипед сможешь?
- Попробую.
- Закрыто все, если ломать — много шума. Опасно.
- Этот открыт был, другие тоже могут открытыми остаться.

Посмотреть надо.

- Утром посмотрю. В темноте опасно маячить.
- В темноте твари такие же слепые, как и ты.
- Зато слышат хорошо, и запахи чуют. А от меня разит на всю округу.

Не просто так о бане мечтаю. Меня унюхают, а я их нет.

- Это да, верно подметил.
- И элитники ночью выползают.
- С чего ты это взял?
- Да по пути встретился с ментами. Прямо как ты только что рассказывал, браслеты нацепили сходу, кучу грехов припаяли.
- Ну да, ты же при ружье.
- Тогда его еще не было, мелкашку таскал с глушителем.
- Винтовка с глушаком? Статья по любому, вот и приняли тебя.
- Я чуть язык об зубы не стер, пытался им втолковать, что они

вляпались по полной.

- Поверили?
 - Пришлось. Один из них, похоже, менялся уже, чудил понемногу.
- Обрез мне вернул, хоть и с одним патроном, а топор не отдал.
- Может и не чудил, мало ли что на уме.
 - Чудил. По нему видно было.
 - Тебе виднее.
 - Их элитник убил. На скорости залетел на крышу машины.

Здоровенный.

- Может просто рубер?
- Рубера я видел, он поменьше.
- Карат, никто не может точно сказать по одному виду, что вот — рубер закончился, и начался слабый элитник. Границы расплывчатые.
- Тогда это был всем руберам рубер.
- Может и так. Место запомнил? Я в смысле, что забрать хабар можно, они ведь небось со своими стволами были.
- Приблизительно. Темно там, и ехали долго, не факт, что найду.
- Вы что, по темноте гнали?
- Да.
- С фарами?
- Я был против.

— Повезло, что башку не оторвали. Тут и днем ездить стремно.

— Но ездят.

— Ездят, но не такие дешевые рейдеры, как мы с тобой. Или ездят недолго.

— Днем я целый конвой видел. С бронированными машинами, на армейцев похожие.

— Далеко? — резко насторожился Рыбак.

— Не очень.

— Что за техника?

— Два грузовика: один с тентом, второй вроде бронированного кунга; потом что-то непонятное, похожее на машину связи или РЭБ^[9]; и пара «хамви» или что-то очень на них похожее. С открытыми пулеметными башнями, похоже на «эм-два^[10]».

— Говоришь, на «хамвики» похоже?

— Вживую я их видел пару раз и давно, причем первый был далеко, а второй сгоревший. Эти были похожи, но вроде не они. Или какая-то модификация, которую встречать не доводилось. И еще что-то пролетело перед этим в ту же сторону. Не рассмотрел, но по звуку мелкое. Думаю, что дрон.

— Вот тут ты Карат в самую точку попал. Правильно обозвал. Дронами у нас называют все то, что без пилотов летает: и боевое, с пулеметами и ракетами; и просто разведывательное.

— Одним словом? Хотя что-то у вас просто и однозначно.

— Это жизнь наша, относительно населенные области разделены зонами черноты и нехороших кластеров, где-то одни термины в ходу, где-то другие. Люди перемещаются, делятся словечками, вот и множатся варианты. Привыкай, тебе на этом языке придется до смерти говорить.

— Что это за ребята были? Дорога там накатанная, часто катаются. Может проще к ним выйти, чем до стаба на своих двоих добираться?

— Выйти, конечно, можно. И даже руками помахать. Вот только грохнут нас сразу, а потом долго будут смеяться.

— Я почему-то тоже об этом подумал и выбираться не стал.

— Потому ты со мной говоришь, а не гниешь на обочине.

— Кто это? Банда? Муры?

— Муры — просто слизь гниlostная, твои знакомцы куда опаснее — внешники.

— Мне это ни о чем не говорит.

— Мы сейчас под самой Удавкой, почти на границе Улья. За Удавкой

все черное, хода нет. Зона, где мы сейчас торчим, называется просто: Внешка. На ней есть крупные стабы, где обосновались внешники. Это народ из миров вроде моего и твоего, их умники нашли путь сюда и могут выбираться обратно.

— Гм... А что мешает с ними договориться, чтобы и вам этот путь показали?

— Очень многое мешает. Не нужны мы им там, зараженные. Сами они вечно на дезинфекции и не снимают респираторы. Если не беречь дыхательные пути, быстро заразишься, а иммунных среди них так же немного, как и везде. Не факт, что наша зараза может развиваться вне Улья, но никто не станет рисковать своим миром открывая дорогу таким как мы.

— Логично, но все равно не вижу смысла воевать. Не пробовали договориться?

— Ты не все знаешь.

— Ну так раскрой тему полностью.

— Мы для них не люди. И даже не животные. Мы просто хабар.

— Как это?

— Вот нам, Карат, нужно кое-что от зараженных, без их споровых мешков вымрем за несколько дней. Но мы ведь тоже зараженные, просто по своему, и в нас тоже есть полезные вещи. Для внешников полезные. К примеру, из твоих яиц получится сыворотка убивающая раковые клетки. Не все разновидности, но согласись — дело полезное, за такое многие готовы хорошо заплатить. Однако имеется досадный нюанс — если тебя попросить по хорошему расстаться со своими бубенчиками, ты, я так подозреваю, вряд ли согласишься.

— Ты прав.

— Яйца, яичники, надпочечники, поджелудочная и щитовидная железы, печень и прочее: в нас хватает того, что очень нужно внешникам. Тела иммунных просто клад для их медицины. Как ты сказал? Попробовать с ними договориться? Не слышал сказку про то как голодный кот подружился с жирной мышкой? Так вот — она короткая. Мы, Карат, потрошим тварей, чтобы не загнуться от споровой ломки. Нас потрошат внешники и съедают твари. И мы и твари стараемся валить внешников при любой возможности: мы, потому что мстим за друзей, и не прочь прибрать к рукам их технику и стволы; а твари... Твари в любое время суток хотят жрать, а на костях внешников такое же мясо. Мы с тобой попали туда, где все подъедают всех. Такое вот интересное место.

— Пролезть в их стабы никто не смог?

— Мечтаешь выбраться отсюда?

— Три дня здесь, и не могу сказать, что понравилось.

— Ага. Тут тебе не курорт с девочками в бикини. Но если каким-то образом пролезешь в один из миров внешников, принесешь с собой эту заразу. Если она сможет там развиваться, получится один вымерший кластер, который не перезагружается. Только ты и твари, никакого подвоза свежей жратвы и патронов. Быстро начнешь об Улье скучать.

— В один из миров внешников? Они что, разные бывают?

— Да там куча всяких. Мы их различаем по калибрам оружия и барахлу. Есть наши, на русском или около того говорят, машины родные, всем знакомые, у них можно разжиться «пятеркой» и «семеркой», в смысле знакомыми патронами; есть американцы или им подобные, со своими стволами, калибрами и техникой вроде «хамвиков» и «страйкеров^[11]»; есть вообще ни на кого не похожие, оружие у них свое, иногда совсем странное, такое только в фантастических фильмах можно увидеть. Внешники — самый опасный враг и для рейдеров, и для тех кто почти не выбирается из стабов. Хватает ребят, которым хлеба не давай, а позволю прикончить внешнего, уж очень злые на них.

— Стронги?

— Ага. Но на любого крутого стронга найдется пара танков или дронов, а уж группы снайперов — большая тема во многих местах. На нас охотятся будто на диких зверей и потрошат ради запчастей, какие тут могут быть разговоры. У тебя тушняк остался?

— Да.

— Подгони банку, я вообще пустой, а на отлежке надо жевать много.

— Всего три осталось. Тут магазин недалеко, можно заглянуть.

— Не горит. Ты утром лучше пройдишь по гаражам, если тихо все будет. Poiщи велосипеды, это важнее.

— Я так и хотел.

— Если хоть что-то не так, хоть намек, хоть звук необычный, сразу уходи. Без обид, но ты новенький, не втянулся еще, мало что знаешь, не высовывайся лишний раз.

— Не спорю. Так может лучше прямо сейчас сходить?

— Нечего ночью шастать.

— Сам говорил, что тварям без разницы.

— Ага, им все равно. Зато местность остывает, контрастность тепловых аномалий возрастает. Это значит, что разведывательный дрон способен засечь твою нагретую тушку издали и после этого здесь могут появиться серьезные ребята при броне, и патронов у них хоть задницей кушай. Возьмут нас тут за яйца, и не просто возьмут. Сам же говорил, что

неподалеку у них дорога накатанная, а за своими трассами они с воздуха следят день и ночь. Боятся.

— Крупных тварей высматривают?

— Твари для них не так опасны, как стронги. Хотя бывают всякие...

— Элита?

— Элита тут не самое страшное.

— А что самое?

— Забудь. Лучше промолчать, о таком можно только на стабах говорить, да и то не на всех. Тема очень скользкая, приметами обросла.

— Суеверия?

— Ага. За некоторые неправильно сказанные слова можно пулю от своих же словить. Внешники не бессмертные, и у них полно вещей, которые всем очень интересны: оружие, патроны, крутая техника, снаряжение. Дальше продолжать?

— Я уже понял, что ваши ребята на них засады устраивают.

— Ага, стронги частенько им кровь пускают. Дело непростое, не все на такое пойти могут, но хватает отмороженных. Если увидишь где битую броню и машины, знай, что скорее всего внешники там нарвались.

— Видел сгоревший бронетранспортер. Даже два.

— А я видел танки с которых башни сорвало.

— Детонация боекомплекта.

— Или так, или хорошую плюху словил. Здесь есть стабы со своими мини-армиями. Пусть со снабжением у них не очень, но силенок хватает даже на приличный конвой. Пушки, противотанковые ракеты и все такое.

— Не пойму, как при таких делах населенные стабы вообще существуют. Если внешники узнают их местоположение, легко раскатают авиацией и артиллерией, а потом спокойно выпотрошат трупы. Мы ведь для них такая ценность, а там, получается, в одном месте собрана куча иммунных.

— Ага. Бывает и такое, — чавкая холодной тушенкой, подтвердил Рыбак. — Вот только не все так просто. Здесь мы возле Удавки, то есть на Внешке. Та самая полоса, где располагаются удаленные от края мира базы внешников. Далеко от них они забираются редко, и уж точно не на постоянной основе. Ведь они не могут снимать респираторы, любой выход-вход требует дезинфекции. Это дико неудобно. Как водолазы привязаны к своим кораблям, так внешники к базам. Нырнули, быстро сделали дело, вынырнули. Они ведь не смертники, подставляться под заразу боятся. Устроить разовый массовый рейд против сильно засветившегося стаба могут, но только если он не сильно далеко. Километров за пятьсот от

Удавки проще марсианина встретить, чем внешника.

— Какого такого марсианина?

— Да шучу я так, не возбуждайся. Марсиан тут нет. Наверное. Тут и без них разного хватает. Ладно, молчу. Плохая тема.

— Я тут нарвался на одних ребят. С виду крутые, но вроде без гнили, с ними можно было иметь дело. Вот только почти сразу после этого на них напали другие, и это вряд ли были внешники. Никаких респираторов или противогазов ни у одного. Я попался, посадили в кузов грузовика возле парня который, скорее всего, был внешником. Вроде бы с него респиратор сорвали. Возможно, англичанин или американец, сказал мне пару слов по-английски. Но не исключено, что русский, а на иностранном высказался, чтобы эти не поняли. Они не из интеллектуалов были, там у каждого на роже написано про образование в полтора класса, да и те в бурсе при детской колонии. Ребята, на которых они напали, опасались какого-то Хвата. А ты говорил, что это старое название рейдеров.

— Хват?! — чуть не подпрыгнул Рыбак.

— Ну да. Мы нарвались на растяжку, было высказано предположение, что он в этом замешан.

— Хват не ставит растяжки, он у муров центральной бугор, при нем большая шайка разного отребья. Еще погоняла слышал какие?

— Эти, к которым я в машину попал, Рауля вспоминали. Он вроде у них за главного.

— Рауль — правая рука Хвата. — Ублюдок тот еще, за его башку многие стабы готовы заплатить жемчугом, не говоря уже о горохе.

— То есть я попал к мурам?

— Да. И не могу понять, как живым ушел. Им плевать на то, что ты новый. Им вообще на все плевать. Они маму внешникам сдадут и будут при этом торговаться за каждый патрон.

— Я понял — человеческая грязь.

— Не оскорбляй грязь.

— Я не понял другое. Если они с внешниками тесную дружбу водят, то почему взяли одного из них? Да еще респиратор сорвали, без него ему почти наверняка хана.

— Я тебе рассказывал сказку о дружбе кота и мышки?

— Помню — она короткая.

— Вот так и у них. Сегодня они внешникам толкнули пару контейнеров с нашими потрохами, а завтра те их на органы пустили.

— Интересные у них отношения.

— Ага, у кошки с собакой лучше. К тому же внешники — не едины.

Есть куча миров, с которых они работают. Некоторые договариваются, заодно действуют, другие игнорируют друг друга. А случается, что даже до серьезных замесов доходит, когда что-то поделить не могут.

— То есть этот Хват или Рауль работает с одними, а этот пленный внешник был из других?

— Скорее всего — так. Ты наверное с «А-четыре» пришел?

— Слышал как такое говорили.

— Это известная зона, она тянется восточнее нас. Стиснута почти сплошной чернотой с запада и востока, узостей неудобных много, хватает вкусных для всех кластеров, концентрация тварей не запредельная. Сразу несколько видов внешников по ней работают; стронги работают по внешникам; а Хват и по стронгам, и вообще по всем подряд.

— Те, к которым я попал, были стронгами?

— А я почему знаю? Погоняла их помнишь?

— Старшего Расистом звали.

— Не припомню такого. Кто угодно могли быть. Говорю же, там много вкусных кластеров на любой вкус. Народа на «А-четыре» хватает, всех знать невозможно. Ладно, я на боковую. С тобой так можно до утра проболтать, а мне отоспаться надо.

* * *

Карат, забравшись на уже ставшую привычной крышу, поднес к глазам бинокль, уставился в сторону магазина. Почти сразу засек парочку мертвяков. Стояли они на парковке между машинами, вчера их там не было. Будто мысли прочитали и перекрыли путь для потенциального мародера.

Впрочем, особой нужды в посещении магазина не было, так что пускай стоят.

Другие твари в поле зрения не попали. Спокойный с виду городок, ружье придавало уверенности, нога почти перестала беспокоить — рана прилично зарубцевалась. Карат был почти уверен, что может обойти здесь каждый дом и никто ему не помешает. Лишь бы патронов хватило.

А смысл? Разве что велосипеды поискать, в гаражах с ними вышел печальный облом, открытых раз-два и обчелся, и ничего хорошего в них нет. Сколько это займет времени? И сколько бесценных патронов будет при этом израсходовано? А вдруг нападет тварь, которой нипочем ни картечь, ни пули?

Глупо погибать ради призрачной надежды разжиться парой велосипедов.

Спустился с крыши, зашел в гараж. Рыбак, подсвечивая маленьким фонариком, вскрывал банку тушенки которую Карат, уходя, оставил перед его лежбищем. Кот, сидя рядом, с интересом наблюдал за его манипуляциями твердо настроившись получить причитающуюся долю.

— Проснулся? Как нога?

— Уже лучше. Нашел велосипеды?

— Нет.

— Хреново. Значит, поступим немного по-другому.

— Это как?

— Да есть один вариант... Ты ел?

— Да.

— Собирайся тогда, сейчас и пойдем.

— Да мне собраться недолго, только смокинг погладить.

— Ага, так и живи, чтобы не было долгих сборов. У рейдеров иначе никак. Как у тебя с патронами?

— Почти восемьдесят штук. Но половина дробовые, бестолковые.

— В упор и таким нормально можно валить. Это если по мелочи пустой стрелять и чахлым бегунам. Слушай, а может мы тебя перекрестим?

— Чего это?

— Ниндзей будешь. Другое на ум не приходит на тебя глядя.

Карат приспособил ножны с мечом за спину, где они не путались в ногах, Рыбака это позабавило.

— А куда мне его приткнуть? Меч неплохой, жалко бросать. Хотя топор, конечно, лучше.

— Может научишься махать, встречались мне такие умельцы, очень ловко с этим делом у них было. С ним куда быстрее чем с топором. Потренируйся выхватывать для начала.

— Сдурел? Я скальп себе сниму в лучшем случае.

— А что не так?

— Да неудобно ведь, он длинный и выходит туго. От пояса нормально, а от спины уже не выйдет, как ни тужься.

— Понял.

— А ты чем отмахиваешься, когда дело до рукопашной доходит?

Рыбак из-под тряпья вытащил что-то вроде остройшей кирки с рукоятью из металлической трубы.

— Вот, у нас это «клюв» называется. Удобная штука, даже серьезной твари можно башку пробить, если попасть между щитками. И засадить

намертво трудно, легко выдергивается.

— Надо себе такой завести.

— В стабе тебе какой хочешь сделают, умельцев хватает. Ну так что?

Пошли?

— Ты не доел еще.

— На ходу дожую.

— В какую хоть сторону идти? Ровно на запад?

— Ты странным голосом это спросил. Какой-то подвох?

— Просто там магазин, а возле него два бегуна или спидера, я их не различаю.

— Резкой границы нет. От бегуна ты смыться сможешь, от спидера вряд ли, бегают долго, быстро и упорно. И ногти у него серьезные, чуть ли не как у лотерейщика. Обойдем их. Связываться с ними нам ни к чему. С такой ногой будет трудно уйти, если что-то пойдет наперекосяк.

Глава 22

Рыбак хромал так, что больно было смотреть. Из-за этого передвигались очень медленно, будто неспешно прогуливались. По отдельным намекам нового спутника Карат предполагал, что у него есть некий план увеличить скорость, надо лишь добраться до определенной точки. Время от времени тот доставал компас и корректировал направление. Шли не ровно на запад, а на северо-запад. То есть отклонялись от прямой, направляясь к цели, известной лишь Рыбаку. Карат было попытался выяснить, в чем дело, но в ответ его попросили меньше молотить языком на ходу, это может привести к нехорошим последствиям.

Ну и верно, здесь все внимание надо направлять на обстановку, а не рассеивать его на игры в вопросы и ответы.

Двигались по возможности скрытно. В этом помогали лесополосы, зелень дачных участков, один раз удачно подвернулся лесной массив по которому прошли около двух километров. Под впечатлением ночных разговоров Карат начал опасаться невидимых снайперов и взглядов с небес. Даже против тварей его дробовик не панацея от всех бед, а уж против людей и подавно. Противник с автоматом легко сможет подстрелить его с безопасного расстояния где не достанут ни картечь, ни пули. А уж врагов с винтовками даже не увидит — завалят за несколько сотен метров с замаскированной лежки.

Забравшись в дренажную трубу, проложенную под железнодорожной насыпью, Рыбак, не оборачиваясь, предупредил:

— Сейчас будет поле, за ним большущий сад яблоневого. Через поле придется бегом мчаться, долго маячить у всех на виду опасно.

— Ты бегать не можешь.

— Ну поскачу козой одноногой, надо же как-то выкручиваться.

— Давай арбалет понесу.

— Не дам. Даже если тебе руки по плечи оторвет, не отдавай никому свое последнее оружие. Даже другу лучшему. Нельзя.

— Как знаешь.

Рыбак пару минут просидел у выхода, осматривая открывшуюся местность в выдавший виды бинокль. Затем метров триста-четыре мчались через овсяное поле оставляя заметный след из вытоптаных колосьев. Пронесло — никто не выстрелил и не заурчал плотоядно. Под сенью яблонь перевели дух. Точнее, переводил Рыбак, было видно, что

бросок его вымотал, он и без того сильно устал, ранение сказывалось, не отошел еще.

— Сейчас, Карат, идем до конца сада, там дорога будет, вдоль нее лесополоса тянется. Не совсем по пути, но будем ее придерживать пока лес на западе не появится. Густой лес, дремучий, там стаб мелкий, одичало все давно. В лесу совсем хорошо будет, так и доберемся до места.

— Что за место?

— Увидишь, тебе понравится.

Карат, шагавший впереди, заметил среди деревьев нечто непонятное, но не выглядевшее угрожающим. Круг, ограниченный кольцом из воткнутой в землю жердей, посреди него располагались невысокие кучки непонятного мусора. Впрочем, приглядевшись, кое-что опознал: обугленные деревяшки, обгорелые обрывки ткани и кости, с виду свежие. Вот и рука со скрюченными пальцами, а в скверно выглядевшей комке тряпья поблескивает добротной отполированной пряжкой ремня. На ней ни пятнышка грязи, что на общем фоне смотрится странно.

— Рыбак, тут какая-то арена непонятная. И кто-то на ней круто подгорел.

— Постой, не лезь.

Карат замер, а спутник, ковыляя, приблизился к хлипкой ограде, прошелся вокруг, остановился возле яблони на стволе которой кто-то вырезал перевернутый четырехконечный крест и несколько больших латинских букв под ним — S-T-I-K-S-UM.

— Сатанисты шалят? — предположил Карат.

— Сатанисты у нас не выживают. Климат не для них. Здесь похуже ребятаки веселились, мы их называем килдингами.

— Впервые слышу.

— Ага, я тоже о них не знал пока сюда не попал. Они себя называют Дети Стикса. Твой лучший друг может оказаться одним из них. Улыбаться будет, всегда помогать, последним спораном поделится, а потом заведет в такой вот тихий уголок и...

— Жертвоприношения?

— Вроде того. Обычно прибивают вверх ногами к перевернутому кресту и выпускают на тебя зараженного. Он слегка объедает, то, что остается, бензином обливают и спичку кидают. Примерно как здесь. У них разные ритуалы, но этот самый любимый.

— А смысл?

— Да секта, говорю же. Нормальному человеку этих уродов не понять. Воруют народ и кончают на кластерах, которые граничат с мертвыми или

недалеко от них.

— Что значит мертвыми?

— Мертвые кластеры. Такой если увидишь, поймешь сразу.

— Это где все черное и хрустит как стекло?

— Видел, значит.

— Я через него еле прополз.

— Ага, новеньких там вставляет знатно. Да и неновым тоже худо. Случай был, один бывалый рейдер погорел на крысятничестве, так его там на пару часов привязали.

— И что?

— Не помер, но умом тронулся. Обычно помирают, долго там никто не выдерживает. Чем ближе к Удавке, тем таких кластеров больше. А за ней все черное, дальше никому хода нет, конец мира.

— Вроде Удавка рядом, а я только раз натыкался. Правда, тянулся он далеко.

— Это могли два быть, а может и три или четыре. Они часто соседствуют. Хотя не знаю, как там границу проводят, ведь вроде не перезагружаются вообще. Как замороженные стоят, ничего там не меняется никогда. Если кусок мяса кинешь, так и будет лежать неделю свежий и влажный, а потом почернеет резко, стеклянным как все станет. Здесь вроде полосы, где мертвых кластеров мало, а полезных много. Народ крутится и наш, и внешники. На юг пойти, так там сплошная черная зона, через нее никак не пройти. И пару стабов внешники возле границы застолбили, при обходе черноты новички к ним по любому попадают. Самое хлебное место у этих уродов, мясо само приходит.

— А что на севере?

— Тоже черная полоса, но в ней проходы есть, через некоторые можно проскочить. Только за ними тоже ничего хорошего, там на атомитов можно нарваться.

— Что за атомиты?

— Лучше тебе не знать. Замяли тему. Они дальние рейды могут устраивать, не хватало беду накликасть.

— Ты слишком суеверен.

— И ты таким станешь, как хлебнешь сполна медку Улья. Для нас лучше всего — шагать четко на запад, почти не уклоняясь. Черноты чем дальше, тем меньше становится, во все стороны дороги открываются. Есть где разгуляться.

— А чего же не остался там?

— Да сорвался, достало все. Здесь ты просто мясо, а там мясо, из

которого надо последний споран вытащить. Чуть задолжал где и поимеют за твои же деньги. И все это с улыбочками, заверениями, что ты их лучший клиент и даже карту дадут дисконтную, чтобы потом ты подставлял зад со скидкой. Сплошной капитализм, а в Улье он куда уродливее чем тот, к которому ты привык. Ладно, замяли тему, двигаемся дальше. Смешно получилось, умудрились заболтаться в таком месте.

— Что тут смешного?

— Ты когда-нибудь видел, чтобы черти в церкви спокойно обсуждали цены на дрова для котлов, а поп их при этом ладаном окуривал? Вот мы сейчас как те самые черти, ведь нормальные рейдеры из таких мест без оглядки уходят. Нехорошо тут.

* * *

В лесу наткнулись на непонятно как туда забредшего пустыша. С едой у него там, очевидно, все было совсем плохо, так что мертвяк обессилел и передвигался ползком. При виде пары людей он, правда, резко оживился и даже попытался подняться на ноги, но безуспешно. Рыбак, обходя его, смачно плюнул, метко угодив в голову, а тот в ответ заурчал с просительными нотками, будто слезно уговаривая стать его завтраком. Пытался преследовать, шурша прошлогодней листвой и треща палыми ветками, но быстро отстал.

На опушке Рыбак остановился, достал бинокль, начал оглядывать открывшиеся виды. Карат занялся тем же. Впереди тянулся заросший кустами овраг, выходящий к широкой реке или длинному озеру, берега утопали в тростнике и камыше; чуть левее виднеется одинокий домик нежилого вида, из-за него выглядывает край длинного дощатого причала. Если переплыть на другую сторону, уткнешься в лес, тянущийся в обе стороны неизвестно насколько.

— На севере коровы объединены, — заметил Рыбак.

Карат, уставившись в указанную сторону, разглядел крупные костяки и черепа там и сям валяющиеся по пастбищу.

— Коровы не перерождаются?

— Нет. Только те, кто мясом не брезгуют, этим делом страдают. Да и то по-разному. Мелочь вроде котов остается сама собой, или помирает быстро. Ходячей заразе размер подавай, все что меньше пятнадцати кило ей неинтересно. Самое поганое, когда роддом сюда попадает. Мамаши и персонал перерождаются, а детки нет, они ведь мелкие совсем, вес не тот.

Представляешь картину?

— Не хочу представлять...

— Да кто же такое хочет... Коров, лошадок, коз и овец твари подъедают быстро. Они для зараженных самое любимое лакомство.

— Я думал, что мы для них на первом месте.

— Нет, говорю же: коровы, козы, овцы, лошади. Травоядные в общем. Допустим, если слон попадет, то на него тоже много охотников будет, он ведь мясо не жалуется. Свины им не так интересны, они тоже могут перерождаться, хоть и не так массово как люди. Потом только мы идем, ну а после нас все остальное. То есть другие ходячие, которые послабее. Кто поумнее могут консервы открывать или хотя бы мясо в магазинах лопать. Даже тухлое у них не пропадет, они не такие уж и брезгливые.

— Получается, тут кто-то неплохо перекусил, — сказал Карат. — Столько всего вкусного было.

— Ага. Лопнуть можно.

— Похоже, целое стадо порвали. Вряд ли это сделала одна тварь.

— Скорее всего так, тут ведь столько мяса, что хватит пару матерых элитников вырастить. Как-то очко играет выходить при таких делах.

— А нам куда надо?

— Да вон, егерей домишко. Сколько я тут был, у причала всегда пара лодок стоит. Бери да плыви, эта река загиб чуть дальше на запад делает, а потом в другую можно попасть. В общем, на полста километров легко поднимемся. Я уже два раза так делал.

— Значит, обе лодки ты уже должен был забрать.

— Карат, ты привыкай уже давай, здесь тебе не дом родной. Забрал я лодку или две, ну и что с этого? Кластер перезагрузился и они опять на месте. Сожги этот дом, через месяц он снова появится и отличий не будет, или будут, но вряд ли заметишь. Такие здесь законы.

— Никак не могу привыкнуть...

— Да, первое время всем тяжело. А кости некоторые очень даже свежие на вид. Не нравится мне это. Крутые твари умные, сразу всех коров не валят, лопают по одной, свежина ведь вкуснее. Далеко остальные уйти не могут, по мере надобности догоняют их, устраивают непрерывное объедение.

— Как пастухи при стаде...

— Ага, верно подмечено. Что же теперь делать... Стремно выходить, но уж очень удобно лодкой. Нам там потом всего ничего до стаба нужного останется. Рискнем?

— Тебе виднее, я тут новенький.

— Да будь у меня нормальная нога... Ладно, летим туда на всех парусах. Если там ничего не изменилось, будет две лодки. Одна казанка весельная, весла стоят у стены, под навесом, вторая с мотором, бензин в баке всегда есть. Но сходу ее не завести, там чуток повозиться придется. Так что ты хватай весла, а я сразу туда, если успею, замок надо будет клювом раскурочить. Садимся, отталкиваемся, отходим от берега на веслах, там заводимся и ходу.

— Шумно будет.

— Ага, мотор не из тихих. Но в воде даже руберы барахтаются еле-еле. Не любят ее твари, плавают очень плохо и медленно. На остров за тобой приплыть могут, а вот гоняться по фарватеру вряд ли станут. Главное к берегу не приближаться, а то еще запрыгнет кто. На открытой воде можно почти не бояться, мотор от любой гадины унесет, даже элитной.

— А внешники? Мы же у всех на виду.

— Это да, на виду, но дорог по берегам почти нет. Будет пара опасных мостов, на подходе к ним надо глушиться, потом за весла и камышами красться. Я два раза ходил, и все тихо прошло. И это... если меня вдруг привалят наглухо, а сам останешься, так и двигай на запад. Объяснить, как добраться до ближайшего стаба, сейчас не получится, но дальше будут другие приличные стабы, может и добредешь. Ладно, вроде все пережевали, ходу.

* * *

До домика Карат домчался первым, далеко обогнав Рыбака. Тот совсем сдал, уже не скакал, сил на такое не было. И не просто сильно припадал на одну ногу, как делал перед тем садом, а тащился с чуть увеличенной скоростью. Лицо при этом перекосило от муки, рана доставала неимоверно.

Весла оказались на месте — под навесом, как и было сказано. Двери сорваны с петель, валяются за порогом, и жирные мухи на входе нехорошо выются, но Карату некогда выяснять, что именно здесь произошло. Он не опер и не следователь, он просто за лодкой пришел.

Обе лодки болтаются у причала, весла отправились в моторную. Цепь, удерживающая ее на месте, закрыта на дешевый висячий замок. Его можно сбить парой-другой ударов обуха тяжелого топора, но такого инструмента у Карата нет. Есть клюв у Рыбака, но ему еще топать около ста метров. Надо было выпросить у него оружие, обошлись бы без лишних задержек.

— Карат! Лодку! Отчаливай! Догоню! — не своим голосом заорал

Рыбак.

— Спятил?! А замок я пальцами разломаю?!

— Да хоть чем! Бегом!

Карат скосил взгляд налево, заметив, что это направление чем-то нервирует спутника. То, что он там увидел, тоже его разволновало. По полю, усеянному останками несчастных коров, мчалась тварь походившая на бесхвостое кенгуру. Такие же вывернутые коленки и манера передвигаться скачками. Ничего человеческого в ней не было — гора несимметрично бугрящихся мышц на исковерканном скелете высотой не менее двух метров. Голова, похоже, почти целиком состоит из пары челюстей, которые запросто перекусят не самое тонкое бревно.

Скорость просто потрясающая, на велосипеде от такой обrazyны можно уйти лишь с горы скатившись и при этом до дыма в подошвах крутя педали.

Кот, опытным взглядом оценив картину, зашипел, выгибаясь дугой. Карат вскинул дробовик, но тут же опустил. Напрасный перевод патронов, ведь до цели отсюда метров триста, а для его оружия даже треть такой дистанции — уже сложности с попаданиями.

— Рыбак! Ходу! Бегом! Рви!

— В лодку! Карат, в лодку! Отчаливай!

Прикинув скорость твари, понял, что на принесенный клюв надеяться глупо. Потеряют время, а его и так нет, в лучшем случае они успеют отойти от берега на десяток метров. Прикладом поработать? Плевать, что для ружья это вредно, но не факт, что удастся быстро сбить. Патроны здесь — большая ценность, но это не тот случай когда надо их экономить. Первый был с картечью, и замок устоял, а в ногу больно отскочила щепка или срикошетивший свинец. Второй, пулевой, справился. Лодка освободилась, можно было отчаливать. Но Карат не торопился, сомневаясь, что Рыбак со своей ногой способен плавать с дивной скоростью. Этот монстр легко догонит на мелководье, без помощи товарищ не уйдет.

Уселся на лодочную скамью, закинул тяжеленного Гранда на нос, взялся за весло, упер лопасть в дно, чтобы не отнесло, и все это время ухитрялся почти неотрывно следить за Рыбаком.

Спутник творил невозможное. Бежал почти не хромя, но тварь мчалась в разы быстрее. Вот он уже на берегу, вот подошвы дробно застучали по доскам причала.

— Отчаливай!!!

Карат начал отталкиваться веслом, Рыбак, неловко прыгнув с разбега, толчком тела прибавил лодке чуть скорости и закричал:

— Не успеем! Брось весло, стреляй! Лодку на себя беру! Стреляй!!!

Послушавшись, Карат прижал приклад к плечу. Тварь неслась к причалу с явным намерением достать их в прыжке, отойти на безопасную дистанцию они и правда не успеют.

— Да стреляй ты!!! Подохнем оба!!!

— Ша! Приткнись! Я лучше знаю!

— Стреляй!!!

Причал затрясся под ударами лап, заурчавшая образина вышла на финишную прямую, подбираясь перед прыжком. Над гипертрофированном челюстном аппарате блестела парочка на удивление умных глаз, колючий взгляд монстра уперся в Карата, определив в нем самого опасного. Носа вообще не видно, лишь одинокое отверстие похожее на рваную рану в окружении угловатых костяных щитков. Вот в него он и прицелился, плавно потянув за спуск.

Бабах! Тварь дернулась, сбилась с ритма разгона, но не остановилась, рванула дальше, преодолевая последние метры. Бабах! Второй патрон был с пулей, и попала она удачно — в верхнюю часть головы. На этот раз монстр не удержался, сверзился в воду по другую сторону причала. Но, не теряя ни секунды, тут же врезался всем телом в старые доски, взмахнул лапами, легко сокрушая их в щепки. Преграда его почти не задержала, он помчался дальше. Но теперь скорость сильно замедлилась, воды здесь уже по пояс, тормозит.

Карат выстрелил еще раз, заставив тварь дернуться от картечи. Но не остановил ни на миг. Все — у него последняя пуля, лодку и монстра разделяет не более десятка метров, перезарядиться не успеет.

А глубина быстро увеличивается, вода уже до груди достает, жуткий монстр тормозит все заметнее и заметнее. Оставшаяся пуля выбила осколки из зубов. Тварь от удара ушла в воду с головой, тут же вскочила, заурчала с силой взревевшего двигателя тяжелого бульдозера.

— Стреляй!!! — продолжал орать Рыбак, суетливо работая веслом.

— Отстрелялся я! Пустой!

— Весло хватай! Ходу! Ходу!!!

Карат послушался, и лодка пошла заметно веселее, тварь начала отставать. И вот наступил момент когда она уже не могла доставать лапами до дна, глубина здесь быстро увеличивалась.

— Сейчас посмотрим, как плавает... — произнес он вслух, сам этого не заметив.

Плавала она плохо. Вообще никак. Такое впечатление, будто первый раз воду увидела. Растопылив когти молотила лапами, но лишь брызги

поднимала почти не сдвигаясь с места.

Карат, поняв, что опасности больше нет, прикинул открывшиеся перспективы, предложил:

— Можно чуть назад вернуться, попробую в голову прибить.

— Ходу отсюда, одна такая гадина стадо коров умять не могла, тут стая сработала, и она где-то рядом. Если хочешь посмотреть как элита плавает — без меня смотри.

Опытному спутнику стоит доверять. Кто знает, может новая тварь окажется из тех, которые бегать по воде умеют. Карат здесь уже ничему не удивляется.

Но все же удивился, когда Рыбак, отложив весло, трясущимися руками достал из кармана смятую пачку курева, достал белую палочку, высыпав при этом несколько, поднес к кончику указательный палец. Заструились дымок, и вот уже тлеющая сигарета во рту, и по губам спутника расплывается отрешенно-усталая улыбка.

— Пронесло нас, Карат. Круто пронесло. Еще маленько поживем, побарахтаемся.

— Это ты как?!

— Ты чего? Разве сам не понял как круто нас пронесло?

— Я о сигарете. Что за фокус? Как ты это сделал?

— Мне сейчас не до фокусов.

— Я о том же подумал.

— Просто награда Улья. Тут у всех такое есть.

— Все могут сигареты от пальца прикуривать?

— Нет, это мне так не повезло. Тут у каждого есть какой-нибудь дар. Необычный. Случается, кто-то становится дико сильным — хоть сам с виду хлюпик, а ломик в узел завязывает. У кого-то слух обостряется так, что комара за десяток шагов слышит. Другой может сделаться до того незаметным, что твари его в упор не будут замечать. Много всякого разного с людьми случается.

— Видел я одного, он бегать умел. Быстро. Километров под семьдесят в час.

— Круто. И ноги не отваливались?

— Нет. А почему ты говоришь, что тебе не повезло?

— А толку мне с бесплатной зажигалки? Из нее, конечно, можно оружие сделать, на дистанции жечь, но на это уйдет тонна гороха, а где же его столько взять.

— Горошинами из тварей развиваются такие умения?

— Ну да, горохом и жемчугом. Тут споранов не всегда хватает, а уж о

горохе лучше не заикайся. И за десять лет я из этого огонька ничего серьезного не сделаю. Невыгодный дар. Ты погляди, как наш уродец бесится, — Рыбак, ухмыльнувшись, указал в сторону причала.

Лодку сносило течением, и Карату пришлось развернуться, чтобы разглядеть тварь беснующуюся на мелководе. Обретя почву под ногами она метались из стороны в сторону, иногда останавливаясь, чтобы с урчанием бросить взгляд на удаляющуюся добычу.

— Это элита?

— Это? Нет, просто рубер.

— Видал я рубера, он куда проще был.

— Ну этот явно из крутых, на человека уже не похож.

— Да когда же я элитника увижу во всей красе, а то только пугают ими.

— Не накликай, не надо нам это.

— Рубер, которого я видел, был похож на человека. Но все же больше от обезьяны, урод тот еще.

— Говорю же, наш из самых крутых или около того. К тому же он мог получиться не из человека. Зверь какой-то, хрен теперь поймешь какой.

— На кенгуру похож.

— Да они на что угодно похожи, меняются так, что мать не узнает. Те, которые из людей вырастают, почти всегда с руками огромными. Длиннее ног они. А у этого короче, так что, скорее всего, и правда зверь.

— Скорее всего? Не точно?

— Мы с виду одинаково на людей похожи, но у каждого свой дар Улья. Этим и различаемся. А твари различаются обликом, трудно встретить двух одинаковых. Ну это я про самых развитых говорю, поначалу они мало от нас с тобой отличаются, даже походка похожа на человеческую, просто медленнее. Это потом раскачиваться начинают и переминаются с носков на пятки. Вот и получается, что с ними не угадаешь. То, что у этого руки мельче, еще не значит, что произошел от людей. Скорее всего, из зверя вырос, но точно тебе никто не скажет, надо каких-нибудь ученых впрягать для таких ответов, а где здесь ученым взяться? Только у внешников, да и то вряд ли. К тому же там, сам понимаешь, никто тебе ничего объяснять не будет.

— Большой зверь...

— Да пусть и маленький, нет разницы. Лишь бы изначальный размер подходил для заражения. Рубер всегда высокий, около пары метров самые мелкие, и неважно, из кого вырос, пусть даже из чахлого карлика. Элита уже два с половиной самая простая, а обычно больше.

— Насколько больше?

— Говорят, и пять по высоте бывают, а кто-то и про десять заикался. Ни дай Бог такую радость повстречать. Курнешь?

— Нет.

— И правильно. С этим делом нашему брату лучше сразу завязывать. Табак твари чуют издали, выдает, зараза. Но здесь вода, здесь можно маленько себя побаловать.

— Все плавают так же плохо, как этот? Или элита лучше?

— Элита во всем лучше, на то она и элита. Всякие твари бывают. Но о таких, чтобы моторку обгоняли, не слыхал. Кстати, пора заводиться.

Карат, задрав низ штанины, сообщил:

— Картечину словил, от замка отскочила. Даже не болит почти, но как-то вытащить надо.

— Скальпель у меня есть, вытащим как в больничке у хирурга, не переживай. Только отплыть отсюда надо, до сих пор дрожь бьет. Ты как? В штаны не навалил?

— Не успел.

— А я вот почти нашел на это время, уже трусы натянулись. Никогда так быстро не бегал, и это с ногой покалеченной.

Карат, голова которого была занята нерадостными перспективами предстоящей операции безо всякого наркоза, еще раз обернулся в сторону удаляющейся избушки егерей. Тварь, успев выбраться на берег, деловито направлялась к полю усыпанному костями коров. На людей она более не обращала внимания, смирилась с потерей.

Других монстров видно не было, и Карат с досадой произнес:

— Зря тебя послушался.

— Ты чего?

— Никто больше не появился, в воде был шанс забить этого гада, голова у него не такая уж непробиваемая, слабину можно поискать.

— Ага. Только учти, что элита бывает такая хитрая, что тебе и в кошмарном сне не снилось. Может прямо сейчас смотрит на нас из густых зарослей и облизывается метровым языком. Но себя не показывает. Зато подойди к берегу и увидишь ее во всей красе. Ты же об этом так мечтал, то-то обрадуешься. Жаль только, что недолго любоваться будешь.

— А как узнать, что тебе Улей подарил? Ну в смысле, пальцем сигареты поджигать и прочее.

— Ты из новых, у тебя еще могло не проявиться. Жди.

— Я здесь уже четвертый день.

— Вообще в неделю все укладываются, не слышал, чтобы кто-то

больше ждал. Только не у всех дар понятный, многим приходится к знахарям идти.

— Что за знахари?

— Это те, у кого дар знахаря. Видят в человеке всякое, в том числе и новое, подсказать могут, как правильно умения развивать. Это не те знахари, которые у нас, в старой жизни, а знахари Улья. Их Улей этим одарил.

— Да я и сам понял.

— Бывает, безо всяких знахарей все происходит даже у тех, с кем не все понятно. Но это надо перепугаться сильно, дикий стресс испытать. В общем, нужна дикая встряска. Тогда в тебе как бы выключатель щелкает, организм мобилизует все что можно и нельзя, сразу узнаешь о себе последние новости.

Мотор загудел, за лодкой вспенилась вода, скорость резко увеличилась. Перекрикивая поднявшийся гул, Рыбак заявил:

— Ну теперь быстро дойдем куда надо, а оттуда уже недалеко останется.

Глава 23

Берега были однообразными и ни разу за все время Карат не замечал ничего опасного. Почти непрерывно по обе стороны стеной тянулись непроглядные заросли тростника и рогоза, за ними поднимался лиственный лес. Если возникали серьезные прорехи в водной растительности, за ними все равно не просматривалось ничего кроме деревьев. И никаких признаков человека, если не считать часто встречающегося в захламленных коряжниках пластикового мусора и стеклянных бутылок, а однажды заметили одинокую приспущенную надувную лодку, болтающуюся в заливе под глинистым обрывом.

Шли и правда быстро. Вот только недолго — мотор начал нехорошо кашлять, работать с перебоями. Рыбак кинулся было над ним суетиться, и тут он вообще заглох.

— Ну блин! Приплыли, мать его!

— Бобик сдох? — напрягся Карат.

— Живехонек он, но толку не будет — в баке как в пустыне. Я про горючку забыл с такими делами. Там, у егерей, канистру надо было взять. Я думал на тебя весла нагрузить, а ее на себя. Но тот рубер все планы спутал, вот же урод...

— Плыть еще долго?

— Считай, только начали.

— Может бензин где-то рядом найти можно? Обычно это не проблема, брошенных машин полно.

— Мотор двухтактный, к нему еще масло надо.

— Обязательно?

— А хрен его знает, что за движок. Может потерпит чуток, а может сразу заклинит. Не надо так рисковать.

— В принципе из машины можно и масло слить.

— А то я не знаю про слив из картера. Под нее еще залезть как-то надо.

— Придумать все можно.

— Можно, кто же спорит. Деревня тут скоро будет. Мелкая вроде, но дорога к ней есть, а значит и машины могут быть. Нам любой бензин и любое масло сойдет, мотору долго тарахтеть не придется, пусть хоть сгорит потом. Твоя нога как?

— Да норма, она даже не болит, сам удивляюсь.

— Когда я резал тебя, дергался.

— А ты бы не дергался когда тебя режут? Что с твоей лапой? Работает?

— Пока сижу — норма, что будет когда встану — не знаю. У тебя с едой как?

— Осталась одна банка тушенки, и воды полная бутылка в запасе.

— Одной банки мало, незапасливый ты.

— Я-то запасливый, просто кто-то много жрет.

— Ты о своем кошаке?

— Кот тут почти не при делах.

— Да ладно тебе бурчать, я ведь подранен, мне много надо. Значит, глянем заодно и насчет чего бы пожевать. Но если движение там какое, не подходим даже близко. Любая деревня — опасное место. Там коровы, козы, птица всякая, для тварей сплошной деликатес. В общем, ты в оба поглядывай.

* * *

Деревня оказалась не из крупных — всего-то одиннадцать дворов выстроившихся в линию параллельную реке. От каждого дома отходили роскошные полосы огородов, за ними начинался густой лиственный лес. Может где-то за прикрытием зелени тянутся и другие улицы, на удалении от этой половинчатой и единственной, но Карату в это слабо верилось.

Имелся один причал, возле него болталась лодка. И лодочный гараж через три двора виднелся. Рыбак сразу указал на него:

— Там точно катер серьезный, размеры ворот оцени.

— Согласен.

— Должно и масло найтись, и бензин. И что-то я этот сарай не припомню, а ведь два раза мимо ходил.

— Не обращал внимания, тебе это не нужно было.

— Должен был обратить. Хотя в Улье всякое бывает, кластеры не такие уж неизменные. Вот бензина в баке оба раза хватало, чтобы чуть дальше деревни уйти. А теперь не хватило. Кластеры загружаются не всегда одинаковые, мелких изменений всегда хватает, просто они не всегда в глаза бросаются.

— Там, за домом, вроде трактор стоит. Передок виден.

— Дорога вдоль домов идет, отсюда не разглядеть. Может и правда трактор. Да только на кой он нам, дизель ведь, бензином не разжиться.

Магазина здесь точно нет, так что предлагаю заглянуть в тот дом, что у сарая. Там заберем пожевать, у деревенских всегда найдется, потом поищем горючку и сваливаем. Как тебе такой план?

— Приемлемо.

— Тогда я на веслах, а ты покарауль с ружьем. За сараем кусты вымахали, не просматриваются они. И растут на самом уступе берега. Мало ли, вдруг засел кто и захочет прыгнуть.

— Что-то пробежало вдоль берега. Только что. Вроде кошки, но точно не кошка.

— Да видел я. По-моему норка, а может и куница, хрен их поймешь. Она нас точно не съест, мелочь перерождаться не умеет. Все, помолчи уже, болтаешь много, ничего из-за тебя не слышно.

К причалу Рыбак почему-то не пошел, ткнул лодку в дно в нескольких метрах от него. Под берегом здесь было мелко как в луже, и Карат, выбираясь, промочил левую ногу. Поднялся по склону, обошел кусты стороной, убедился, что за ними никто не прячется. Зато дальше, возле того самого трактора, который теперь был виден во всей красе, усмотрел одиночного бегуна. Тот, не изменяя стандартным привычкам, стоял на месте ритмично переминаясь с носков на пятки.

Жестом подозвал Рыбака, молча указал. Тот еле слышно произнес:

— Споровик из мелких. Они редко поодиночке бывают.

— Начнем шуметь, он тут же прибежит. А сарай закрыт, без шума его не открыть.

— Я его по-тихому сниму. А ты рядом будь, если бегун не один, придется валить остальных вручную, арбалет долго перезаряжать.

С этими словами Рыбак прошел несколько шагов, встал, грудью облокотившись о дощатый забор, начал целиться. До мертвяка от этой позиции не меньше трех десятков метров, а Карат помнил, что даже с куда меньшей дистанции Шуст промахнулся. Но советовать спутнику подкрасться поближе не стал: ему виднее, да и нечего под руку говорить.

Рыбак, с шумом выдохнув воздух, на миг окаменел, а затем резко стукнул арбалет, росчерк улетающего болта врезал точно в голову, мертвяк перестал раскачиваться, простоял неподвижно около пары секунд, затем завалился как подкошенный.

И тут же из-за трактора выскочил второй, начал нервно крутить головой, непрерывно подпрыгивая и приседая на месте. Возбуждился дико, пытаясь понять, откуда прилетела смерть. Рыбак присел за забором, спешно возясь с арбалетом, а Карат застыл изваянием, прикинувшись деталью пейзажа. Пару раз готов был биться об заклад, что взгляд

зараженного упирался прямо в него, но, тем не менее, за этим ничего не последовало.

Должно быть со зрением у бегуна совсем плохо.

Рыбак поднялся, вновь навалился на штакетник, и это движение мертвяк засек. Сорвался с места, понесся напрямую. Легко перепрыгнул через первый забор, сделанный из сетки на металлических столбиках, помчался по ровному двору. Вот до него десять метров, пять, сейчас схватит Рыбака за уши и шею свернет.

Вновь стукнул арбалет, мертвяк, сбившись с ритма, неловко рванул в сторону, крутнулся на пятке, не удержался, завалился, при этом громко стукнувшись башкой о потемневшие доски второго забора. Карат едва успел увидеть, что болт угодил прямо между глаз, разворотив переносицу.

Рыбак, вновь присев, занялся арбалетом, довольно произнеся:

— Тихо сработали, причем обычными болтами. Там еще есть кто?

— Нет, но за трактором не увидишь.

— Были бы, уже давно крутились над тушкой первого. Они всегда волноваться начинают когда кому-то из них прилетает не пойми откуда. Плюс второй урчал, когда к нам бежал, а для них это сигнал, все кто слышат на него сбегаются. Похоже, теперь будет тихо. Успокоили всех кто здесь есть. Прикрывай, надо болты собрать, на кустах такие не растут, штучная работа.

Пока Рыбак, достав немалых размеров охотничий нож, занимался мясницкой работой, Карат вертелся во все стороны, стараясь заметить опасность прежде чем она оскалит зубы на расстоянии вытянутой руки. Но все тихо, ничего живого не видеть.

Коту надоело сидеть в лодке, выпрыгнул, пришел с важным видом и начал прямо возле ноги Карата копать ямку в песке с очевидными намерениями.

— Подальше место найти не мог? — возмутился тот.

Кот вопрос проигнорировал, но Рыбак не смолчал:

— Ты чего это?

— Да это я Гранду. Ему приспичило, и он чуть ли не на голове вопрос решает.

— Это он, наверное, уважение тебе выказывает.

— Нихрена себе уважение. Нашел способ.

— Ну как может. Он ведь кот, выбор способов невелик. Пошли ко второму.

В мертвяке, который нашел смерть возле трактора, обнаружился споран, что Рыбака обрадовало:

— У мелких бегунов нечасто попадаетея, в этом плане они почти что пустыши. Все отличие, что шустрее и есть споровый мешок.

— У пустышей его вообще нет?

— У развитых джамперов, ну то есть тех, которые рывки делать умеют, бывает что-то вроде бородавки мясистой на затылке. Вот из нее потом и вырастает мешок. Ну что, давай в дом, у меня все, надо пожрать поискать.

— Может хоть к реке сходишь, руки помоешь?

— Не будь таким чистюлей и дольше проживешь. К нам зараза не пристаёт, так что здоровью не навредим. А вот терять время в месте, где тебя могут на харч пустить, для здоровья не полезно.

— В домах мертвяки бывают?

— Редко. Они стены не любят, им простор подавай.

— А если запрет кто-то?

— И такое бывает, так что не расслабляйся.

В доме Рыбак уверенно направился к кухне, предупредив:

— Холодильник не вздумай открывать.

— Знаю.

— Открывал небось? — понимающе хохотнул спутник и, будто движимый безошибочным чутьем, заглянул в щель меж шкафом и стеной, достал оттуда увесистую бутыл с мутным содержимым. Открыл, неслабо отхлебнул, крикнул:

— А самогончика у деревенских ничего — натурпродукт. Навернeshь?

— Воздержусь.

— Сильно правильный, или в полной завязке?

— Еще не определился. Тут крупы какие-то, нам варить их негде. И еще сахара пачка.

— Сахар берем, сойдет на безрыбье. А вот и конфетки. Совсем подсохшие, но лишними не будут. Карат, тут совсем некрутой дом, давай другие посмотрим. Есть охота, аж кишки плачут.

Пришлось обойти еще три двора, прежде чем рюкзак Рыбака потяжелел от припасов. Свой Карат оставил в лодке, чтобы не мешал при стрельбе. Дома осматривали бегло, может где-то что-то и пропустили. Жаль, что с холодильниками такая беда, уж там-то точно можно неплохо пожитья. Сейчас открывать их противопоказано, при долгом отсутствии электричества все что могло испортиться начало дико вонять и матерая плесень разрослась. Даже если там консервы лежат, хвататься за обросшую смердящую банку не хочется. Кластер не из самых новых, это было понятно по встретившемуся скелету. Его успели обглодать дочиста, и часть

костей растащили. Как показывает опыт, быстро такое не делается.

В одном из сараев Карат нашел тяжелый топор. Прихватил, вещь в хозяйстве нужная. Больше ничем разжиться не получилось.

Топор пригодился почти сразу. Лодочный сарай был заперт, пришлось вламываться. Внутри не оказалось обещанного Рыбаком катера, зато было много полезных вещей. Карат, жадничая, прихватил ломик, пусть в лодке валяется на всякий случай, а его спутник нашел неполную канистру бензина. Плеснул на пол, изучил, что-то ему не понравилось, залил туда содержимое пластикового флакона который обнаружился здесь же.

Пока он возился с топливом, заявился кот. Положил на порог придушенную упитанную мышь, сел рядом с гордым видом, хвастаясь своей неповторимой ловкостью и удачливостью.

Издали прилетел отрывистый раскат. Карат, насторожившись, произнес:

— Взорвалось что-то.

— А может просто гром.

— Не гром.

— Откуда знаешь?

— Взрыв. Что-то тяжелое.

— Разбираешься?

— Знакомый звук.

— Тут, бывает, по часу и два так грохочет.

— Местное непонятное явление?

— Да чего там непонятного, кто-то кого-то мочит артиллерией или чем-то вроде нее. Газет тут нет, если как-то сам не узнаешь, так и не поймешь в чем дело было.

— Внешники?

— Не только у них тяжелое оружие есть. Хватает серьезно настроенных ребят которые и на армейцев охотиться могут. Ценная дичь, ведь оружия и патронов у внешников полно, да и техника на высоте. К тому же для многих это дело принципа, никому не понравится, когда тебя за мясную скотину держат.

— Я за все время ни одного самолета или хотя бы следа от него не видел. Не повезло, или внешники не применяют ничего кроме беспилотников?

— Применяют. Еще как применяют. Только чем выше поднимаешься, тем тяжелее проходить границы кластеров. Мутно при этом даже на небольшой высоте становится, а дальше можно вообще вырубиться. Прикинь скорость самолета — там, если залетел в зону мелких кластеров,

за десять секунд можно столько же границ словить. Поплывешь от нескончаемой мути и разобьешься нахрен. И опять же, на скорости можно не заметить как влетишь в черноту. Мертвый кластер любую технику легко гробит, ведь управлять ты даже велосипедом вряд ли сможешь, с электричеством там тоже беды начинаются, пусть и не мгновенно.

— Но ты только что сам говорил, что они авиацию применяют.

— Ага. На широких проверенных маршрутах, где нет риска в черноту вляпаться, можно даже штурмовик увидеть. Низко ходят, круто кладут, та еще смерть с небес. Но вообще у них тут вертолеты на первом месте, потом идут поршневые самолеты, тихоходные, причем мало их. Вертолеты и беспилотники это то, на чем внешники и держатся. Только у них есть серьезная авиация. Плюс по своим или пустым стабам установлены радиомаяки, а на бортах аппаратура привязки. Что-то вроде продвинутой навигации, только не спутниковой. Внешники разные, работает это только в тех районах, где они одного вида. Но если достанется карманный приемник-навигатор, радуйся — полезнейшая вещь. Если придется податься в другие места, всегда успеешь выгодно продать. Вроде все, мы теперь при горючке, пора сваливать.

Рыбак поднес палец к доске, на которую перед этим плескал бензин. Древесина тут же вспыхнула, пламя потянулось к стеллажам вдоль стены, от дыма защипало в глазах.

— Зачем? — спросил Карат.

Рыбак, медленно отступая, не сводил замороженного взгляда с пламени и ответил рассеянно:

— Не знаю. Просто захотелось.

Отходили на веслах, возиться с бензобаком Рыбак начал уже на удалении от берега. Сарай тем временем объяло пламенем, горел он на удивление мощно. А потом огонь заревел, взметнулось раскаленное облако жадно накинувшееся на остатки крыши.

Спутник покачал головой:

— Надо же, пропустил. Вот ведь разиня.

— О чем ты?

— Да, похоже, там еще одна канистра была. Вон как занялось весело. Ну все Карат, сейчас помчимся как люди, с ветерком и песнями.

Глава 24

Мотор далее вел себя будто паинька. Стучал хорошо, если случались перебои, то единичные. Мимо пролетали однообразно-зеленые берега, иногда приходилось огибать такие же скучные острова. Никаких признаков недавнего присутствия людей или хотя бы зверей, лишь птицы летают, но в основном мелкие, за все время около десятка диких уток встретилось, и одна цапля на глаза попалась.

Иногда проходили мимо деревень. В основном мелкие, иногда вообще заброшенные, но встречались и серьезные. В одной из них на шум мотора выскочила тройка бегунов, некоторое время преследовала по берегу, но потом осталась позади. В другой на причал выскочила тварь посерьезнее, вроде лотерейщика, проводила лодку пристальным взглядом, но гнаться не стала, ума хватило догадаться о бесперспективности такого занятия.

В какой-то момент водоем начал меняться. И раньше у берегов встречались завалы из коряг и упавших деревьев, но не так уж и часто. Однако сейчас они тянулись почти сплошными полосами, часто возникали прямо посередине, их приходилось оплывать.

Рыбак, заглушив двигатель, предупредил:

— Дальше на веслах пойдем.

— До конца?

— Зачем до конца? У тебя что, руки казенные? Мост тут нехороший, узкое место, может кто-то ехать, а то и остановится, а звук мотора издали слышно.

— Мы на этой реке что бельмо, увидят и без звука.

— Вдоль самого берега пойдем. Заболочен он, в тростнике весь, проток много, в том числе и совсем узких. Тростник там высокий, почти не будем на глаза показываться.

— Уключины скрипят.

— Не так уж и громко.

— Тварям хватит.

— Да говорю же, болото там, нет к берегу подходов. А в воде они не противники, видел уже. Не мрачней. Что, накатывает, да?

— О чем ты вообще?

— Да на меня, как попал сюда, накатывало через день. Всего пугаться начинал. Хоть в петлю лезь. Потом кое-как втянулся.

— В петлю я не полезу. Туман впереди. И он мне не нравится.

— Где?!

— Да вон, вдоль того берега полосками идет. Утро давно прошло, вечер еще не наступил, странный какой-то туман.

— Вот ведь блин! Попали! Сушим весла.

— Что не так?

— Кисляк это.

— Кисляк?

— Ты перезагрузку видел? Туман кислый нюхал? Вот это он и есть. Нельзя нам туда, под раздачу попадем. Откат — хреновое дело.

— Это так называется, когда при перезагрузке остаешься на кластере?

— Ага. Если повезет, после отката всего лишь дураком останешься. Хватает наивных, которые лезут под кисляк. Особенно среди новичков.

— В чем смысл?

— В том, что они идиоты. Думают, что домой попадут. Некоторым недоумкам без толку объяснять, что Улей — билет в один конец. Говори не говори, все равно лезут. Потом ходят, слюни пускают, улыбаются как дешевые клоуны. Ну это до первой твари... Даже мертвяки от перезагрузки уходят, никому нельзя под откат попадать, это закон. Вроде светлеть начинает, тебе не кажется?

— Да, чище стало, через туман уже тростник просвечивает, а только что непроглядной стеной стоял.

— Еще минуту подождем, а то вдруг глаза врут. Кисляк до перезагрузки густеет, потом резко рассеиваться начинает. Где быстрее, где часами держится, особенно в низинах, никогда не угадаешь сколько простоит, но прежней силы в нем уже не будет.

— Этот точно рассеивается, уже почти все можно рассмотреть.

— Согласен, пора двигать дальше.

— Не опасно? Туман через реку наискосок идет, метров через триста в него попадем.

— Перезагрузка прошла, только кислым надышимся, но от этого еще никто не помер. Болтаться тут нельзя, народа на Внешке много, перспективные дела быстро просекают. Будь нога в порядке, можно было высадиться, глядишь, что-нибудь и урвали, но сейчас нам это не светит. Так что тупо уходим, не рискуем.

Уключины скрипели не так уж и сильно, но как только попали в полосу тумана мнение Карата изменилось. Тишина тут стояла оглушающая, и ритмичный звук казался громовым набатом. Рыбака, видно, тоже проняло, остановился, пробурчал:

— Вытаскивай весла. Капну маленько бензина. В нем масло есть, он

испарится, а оно останется. Хоть какая-то смазка получится.

Не помогло, так и шли под аккомпанемент душераздирающего скрипа. Никаких звуков более не было: ни рыбы не плескались, ни лягушки не квакали. Видимо перезагрузка всерьез ударила по самочувствию речных обитателей. Туман рассеивался, но все еще оставался густым, так что видимость оставалась ограниченной.

Из дымки вынырнула громада моста. Рыбак указал влево, подсказывая, какой стороной надо обогнуть массивную бетонную опору. Здесь стоячее болото заканчивалось, лодка попала в струю приличного течения, скорость ощутимо возросла. На другой стороне начинаются заросли высокого тростника, наверняка там можно будет найти укрытие, но до этого придется преодолеть почти сотню метров чистой воды.

— Мама, смотри, лодочка! — донеслось сверху.

Задрав голову Карат увидел маленькую девочку припавшую к перилам. Глядя сквозь прутья, она указывала прямо на них.

Белое платьице, такого же цвета бантики, никакого страха в глазах. Он едва челюсть не отвесил от столь неуместно мирного зрелища.

— Мама! Мама! У них там котик!

Рядом показалась молодая женщина в цветастом сарафане. Уставившись вниз она ласково и негромко объяснила ребенку:

— Дяди рыбаки, они ловят рыбку.

— И отдают котикку?

— Ну конечно отдают, ведь все котики очень любят рыбку.

Лодка нырнула под мост, мама с ребенком скрылась из виду, а до Карата донеслись отголоски другого голоса, будто кто-то громко говорит сам с собой — собеседника не слышно вообще:

— А когда его дадут? Это что, до остановки пешком добираться? Да что у вас за троллейбусы, без электричества сто шагов проехать не могут.

— Свежий народ, — прокомментировал Рыбак. — Свет пропал, троллейбус остановился, никто ничего не понял.

— Они только что попали? — Карат задал вопрос на который уже знал ответ.

— Ага. Та самая перезагрузка, из-за которой мы только что весла сушили.

— Еще не знают ничего...

— Не знают. Только удивляются, что свет пропал и телефоны не работают. Если скажем, что сейчас начнется, не поверят. Еще и упекут в обезьянник.

— Надо было ружье припрятать. И арбалет тоже. Городская черта, да и

сезон не охотничий, могут стукнуть ментам.

— И как же они стукнут? Света нет, связи тоже. Голубиной почтой вызовут?

— Ну а вдруг патруль рядом.

— Патрули тут только у внешников.

— Я не о внешниках, о ментах.

— Да я понял, просто прикалываюсь. Забудь. Еще километр, и начнется новый кластер. Погоня тут не имеет смысла. Да и кто ее собирать начнет ради пары типов в лодке при ружье и арбалете? Тут вот-вот такое веселье начнется, что обо всем позабудут.

— Дети тоже заражаются?

— Если не совсем дошкольного возраста, то да. У подростков все как у взрослых. Только зараженный ребенок недолго бродит.

— Это почему?

— Когда зараженные подъедают других зараженных, бродячих детей кончают в первую очередь. Они ведь мелкие, слабые, легкая добыча.

— А с иммунными как?

— Все плохо по тем же причинам. Вот ты сейчас видел маму с дочкой. Допустим, мама переродится, а дочка останется иммунной. Как думаешь, дите долго протянет?

— Ей лет шесть если не меньше. Без шансов.

— Верно, шансов нет. Даже если эта пара пристроится к мужикам головастым, те тоже не все иммунные, быстро пойдет потеха, где ребенок или ценное мясо, или обуза. Редко кому из мелких везет, для такого должны все звезды сойтись.

— А почему никто не пробует как-то организовать? Собрать народ, сходу окружить кластер, фильтровать тех, кто перенесся, зараженных валить на ранней стадии, не допускать их развития до опасных разновидностей.

— Ты как себе это представляешь? У нас тут нет государств. Хотя подальше от Удавки встречаются объединения стабов. Не Франция по размерам, но приличные территории держать ухитряются. Только даже у себя они перезагрузившихся не фильтруют.

— Не хватает сил?

— А откуда их взять, если нас тут горстка, а кластеры перезагружаются раз за разом? Я пока эти слова произносил, по Улью их могло четыре десятка обновиться, а может и вся сотня. Да и дело тут не в силах, а в принципе нашего существования.

— Что за принцип?

— Вот ты сам подумай, что будет, если зараженным вообще не давать развиваться? Я отвечу — не будет споранов, а без них мы передохнем быстро.

— Посадить их в загоны, пусть друг друга жрут, сильнейших валить, вырезать спораны.

— В неволе от них полезного выхлопа почти нет. Не растут, не дают почти ничего. Есть мнение, что им не только зараженное мясо требуется, а и свежее. Но кое-где пробовали коровами кормить, то же самое выходило. Говорят, паразит, который контролирует зараженных, сильно против такого обращения. Ему свобода и простор нужны. Но это только байки, за что купил, за то и продаю.

— Хреново...

— Девчушку ту жалеешь?

— А ты разве нет?

— Жалко, конечно, я же не совсем урод. А что делать? Вернуться и сказать ее мамке, чтобы лезла в лодку к чумазым пованивающим мужикам, потому как там вот-вот начнется конец света с ходячими зомби и чудовищами? Как думаешь, что она скажет на такое?

— Что-нибудь плохое...

— Вот-вот. Сами под раздачу попадем, и ничем никому не поможем. Так что не забивай голову, она и без этого пухнет. Тут о себе думать надо в самую первую очередь, и во вторую и в третью тоже. Сильно добрые не живут долго, Улей есть Улей.

— Понимаю.

— Все, убираем весла. Пора мотору поработать.

— А долго еще осталось?

— До вечера доберемся. Только не до стаба. Просто дальше сушей придется, водного пути нет. Или есть, но я о нем не знаю.

— На берегу будет где переночевать?

— Там карьер, а при нем рудоуправление. Серьезных бродячих ни разу рядом не видел. Может не работает там никто, а может работают в одну смену и перезагрузки попадают в ночь, когда никого не бывает.

— Я на тихом заводе вдали от всего на рубера нарвался.

— Бывает всякое, но говорю же — я там ни разу не нарывался. И человек, который мне этот путь показал, тоже ни разу не вляпался.

Мотор загудел, разговоры стихли.

Последний отрезок пути быстро превратился в пытку. С большой реки свернули в узкую протоку, где течения не было вообще, а борта то и дело терлись о густую поросль тростника. Дальше стало еще хуже, потому что мелело на глазах, то и дело чиркали днищем по дну, двигатель пришлось заглушить, шли на веслах. Иногда вставали, начинали отталкиваться ими будто шестами, потому что растительность поджимала с двух сторон, места для гребли не оставалось.

По суше можно передвигаться куда эффективнее, но Карат не предлагал сменить способ передвижения по очень простой причине — суши не было. Густой тростник с одной и другой стороны, иногда через прорехи в нем можно было разглядеть темную поверхность стоячей воды, почти на всей площади затянутой густой ряской. А дальше та же непроглядная поросль, но по ее виду понятно, что за ней твердой земли не найдешь.

Затем ситуация начала быстро улучшаться: протока расширилась, стала глубже. Рыбак вновь завел двигатель, пошли с ветерком, пугая разлетающихся с их пути птиц.

А потом лодка дернулась с такой силой, что Карат едва в ней удержался и успел ухватить за хвост взыввшего кота, который улетел с лавки будто получив пинка и неминуемо бы шлепнулся в воду впереди по курсу. Двигатель как-то нехорошо взревел, но привычные буруны за кормой не поднялись, и вообще, лодка встала будто вкопанная: никакого движения, лишь вибрация сотрясает.

Рыбак заглушил мотор, злобно выругался и почти спокойно пояснил:

— Все, приехали к чертям на танцы. Винт оторвало.

— Ты сильно гнал.

— Гонят самогон, да и кто знал?! Всегда так гоняли здесь, и ничего не случилось. Вот что это за винт такой?! Где его защита?! Я вообще-то бывший сибиряк, по каким только перекатам в молодые годы не гонял, и никогда такой ерунды не случилось. Бракоделы криворукие...

— Далеко еще?

— Фигня осталась, но теперь веслами придется. Хорошо, если за пару часов доберемся. Засветло уже никак не успеть, а это плохо.

— Может сушей?

— А где она, эта суша? Я вот не знаю. Сплошные болота в обе стороны. Бобровый рай. Хватай весла. А кота ты ловко поймал. Видал, как он летел? С ревом, будто ракета, очень не хотелось купаться. Гы-гы-гы!

Вожденный твердый берег увидели уже в глубоких сумерках. К тому времени руки свинцом наливались устав грести и толкать, Карат уже думал, что придется заночевать на воде, к великой радости кишмя кишящих комаров. А еще гроза приближалась, сверкало, отдаленные раскаты грома доносились, надо срочно найти убежище от дождя.

Подробности в сгущающемся мраке разглядеть непросто, но кое-что получилось. Вон труба какая-то к небесам тянется, а вон башня квадратная, явно технического назначения, и от нее тянется наклонная галерея, где, наверняка, проложена транспортерная лента. Тут не просто карьер, а серьезное обогатительное оборудование, хотя точно Карат сказать не мог, разбирался в вопросе слишком слабо, да и темнота скрывала подробности. В общем, понятно, что объект не самый простенький, где три обшарпанных вагончика и два старых самосвала при ржавом погрузчике.

Куда ни глянь, хватает зелени, так что есть где укрыться даже днем, а уж ночью тебя каждый кустик замаскирует не хуже шапки-невидимки. Карату в последнее время начали нравиться местности где нет обширных открытых пространств.

— Заночуем прямо там, на комбинате этом, — предложил Рыбак.

— Условия нормальные?

— Не буду врать, что там пятизвездочный отель, и веселых девок вызвать тоже не получится, но кабинет с кожаным диваном имеется. Там сетки москитные на окнах, без духоты и комаров выспимся, в баре всегда найдется выпить, зараженных ни разу не видел. Не грузись, все нормально будет.

— А до стаба отсюда далеко?

— Вот ведь какой любопытный...

— Информация — жизнь.

— С этим в Улье не поспоришь. Нет, до стаба уже недалеко. В километрах не знаю, но не больше тридцатки, если по прямой. Строго на запад чесать надо, пока не увидишь вышку огромную. Она такая одна, вроде старой телевизионной, ее издали засечь можно. Ориентир из тех, какие трудно пропустить. Добираешься до нее и потом так же строго на север движешься, вот километров через пять и будет наш стаб. Там всего один поселок, древний как египетские пирамиды, но местами его кое-как облагородили. В общем, теперь мы не заблудимся.

— Достало уже бродить, хочется на месте посидеть.

— Не нравится такая житуха? А что ты вообще от паршивого стаба ждешь? Убогая окраина Внешки, ничего приличного в таких местах не найти. Первый стаб, держится на том, что ближе другого нет. Дыра дырой, нечего там ловить кроме триппера, но к иммунным зараза не пристаёт, так что и тут облом.

— Вообще ничего не пристаёт?

— Почти ничего. И это не только заразы касается. Я вот раньше постоянно желудком маялся, язва доставала. А теперь могу укус стаканами глушить, и ничего мне за это не будет кроме изжоги.

— Ты тоже в стаб рвешься вообще-то. Так зачем же тебе такая дыра?

— Я там ногу подлечить хотел, а теперь даже не знаю... — Рыбак чуть замялся, будто что-то обдумывая, и продолжил гораздо бодрее: — Нога и сама заживает, так зачем тратиться лишний раз? Тем более хорошее лечение в дешевом стабе не найдешь. Так что подамся, наверное, куда-нибудь подальше. Что-то достала меня эта Внешка, сыт ею по самые гланды, сам не знаю, зачем вообще сюда понесло. У нашего брата такое случается, прокисшая моча в голову бьет, крышу рвет, вот и несемся одни одинешеньки непонятно куда и зачем. И вообще, если долго на одном месте сидеть, трясучку подцепишь, так что моча, может быть, не просто так бьет, а напоминает о том кто мы есть.

— Трясучку?

— Мы вообще-то почти не болеем, но трясучка — особое дело. От нее вроде бы никто еще не умер, но штука несимпатичная. Может со мной махнешь? Зачем нам этот дешевый стаб, дальше покруче будут.

— Мне знахарь нужен. И чем быстрее, тем лучше.

— А, ну это да, это ты правильно мыслишь.

— И осмотреться надо, дух перевести.

— Держись меня, всегда расскажу что и как, не придется осматриваться. Стаб там чахлый, гнилой, по краю Внешки ничего приличного не бывает. Ну и правильно, ведь сегодня он есть, а завтра разнесут. Тут долго ничего не стоит, ведь никакой стабильности, поганые места, нет смысла серьезную жизнь налаживать. Нам дальше надо забираться. Там кластеры крупнее, мелочи дешевой среди них мало, не мельтешат границы через шаг, чернота не стесняет, народ не такой дикий. Не рай конечно, но всегда можно выбрать спокойное местечко, работу подыскать хлебную. Допустим, заделаться поставщиком споранов для ксеров и тех, кто вокруг них трется. Прилепись к такой братии и всегда при делах будешь, при бабках, при уголке где можно отсидеться. Человеком будешь, а не хрен знает кем.

— Чем дальше от Внешки, тем лучше?

— Не совсем. Все гораздо сложнее. Далеко вообще никто никогда не забирался. Там такое... Ладно, молчу, не к ночи о некоторых вещах говорить, тем более мы сейчас не на стабе. Весло убирай, сам причалю. Ружье наготове держи, а то мало ли, в Улье даже если в танк заберешься расслабляться нельзя.

Подходы к берегу оказались удобными, нос лодки навис над травой, выбрались не замочив ног. Кот насторожено уставился на темнеющую на фоне небес башню и занял позицию за спиной Карата, семена строго позади, будто конвоир. Тот не слишком из-за этого беспокоился, так как осторожное животное до этого не раз проявляло признаки беспокойства безо всякой причины. Кто знает, что на уме у серого? Может просто место новое чем-то не понравилось, или почуял запах ненавистной собаки.

Хотя насчет собаки не все так просто. Очень может быть, что Карату тоже стоит опасаться их запаха. Они ведь мясо уважают, а крупные зверюги перерождаются не хуже людей. Нарвешься на стаю каких-нибудь зараженных овчарок, и прощай.

Сверкнуло чуть ли не над головой, робко заколотили первые капли, кот огорченно мяукнул, водные процедуры его племя не уважает. Похоже, это только прелюдия, пугает перед солидным ливнем.

Рыбак подошел в дуплистой иве, зачем-то уставился на нее в упор, потом пощупал рукой кору.

— Ты чего? — не понял Карат.

— Тут гвоздь ржавый забит, я под ним зарубку сделал в прошлый раз.

— И что?

— Нет больше моей зарубки. Перезагрузился кластер.

— Давно зарубку делал?

— Да почти месяц назад.

— Я так понимаю, по местным меркам — прилично.

— Есть кластеры, которые раз в год грузятся. А то и в три года. Но на Внешке да, тут таких затяжных единицы. Быстро все крутится, народ толпами попадает, оттого и тянет сюда всякую шантрапу будто магнитом. Сейчас в стену уткнемся, а в ней будут ворота. В тот раз двери через проходную открыты были, хорошо если и сейчас так. Я и со здоровой ногой не полез бы через верх, а с такой плохой тем более.

— Вроде почти не хромаешь.

— Пару километров пройду, и опять инвалидом стану. Отлежаться мне бы надо, но где тут отлежишься с такой развеселой житухой.

— Ну до завтра полежишь на том диване, а там лучше будет.

— Нам потом пройти всего-то пару километров и надо. Деревня дальше будет, у крайнего дома всегда «Урал» стоит, ключи в кабине прямо на сиденье под тряпкой. По газам и ходу.

— На машине?

— Днем колесами нормально, хоть и не везде. Там можно, там один дикий кластер за другим и простора хватает. Ну в смысле, что сплошная природа, поселков нет, только мелочь деревенская очень редко, зеленка дорогу не подпирает. Народа попадает мало, серьезным тварям в таких местах неинтересно. Дороги мама не горюй, то грязь, то колдобина на колдобине, но «Уралу» это до одного места. До самой вышки с ветерком доедем. Можно и до стаба, но там у них посты мобильные на дорогах, и не только мобильные, никогда не знаешь, где именно стоят. Могут из РПГ [\[12\]](#) бабахнуть не разобравшись, нервные они, да и бардака хватает, стаб не из приличных.

Дверь через проходную оказалась незапертой и скрипучей настолько, что уключины оставленной лодки вспомнились с теплотой. Если неподалеку притаились твари, могли услышать. Спутнику этот шум тоже не понравился, он чуть слышно произнес:

— С этими перезагрузками никогда не угадаешь. Первый раз так же скрипела, потом вообще тихо было. Страшно становится от таких мелочей, а уж если по крупному что поменяется, так свихнуться можно. Давай быстрее, пока дождь не полил по настоящему. Нам бы главный цех обойти, там у них будет что-то вроде конторы. Нормально заночевать можно.

— Запах не чувствуешь?

— Какой?

— Да вроде мертвечиной потянуло.

— Ничего не чую. Может показалось?

— Может и так.

— Так показалось, или нет?!

— Да не знаю я. У калитки учуял на миг.

— Такой запашок — нехороший признак.

— Понимаю.

— Ладно, смотрим в оба. И без лишней спешки. Лучше промокнуть, чем подставиться.

Прошли через проходную, двигаться здесь пришлось медленно, чтобы ничего не задеть с грохотом. И так уже нашумели на всю округу.

Перед второй дверью, распахнутой настежь, Рыбак остановился, прошептал:

— Эта в прошлые разы закрыта была. Стой тут и ни звука. Я тихонько

проверю.

Подкрался к двери, всмотрелся в мрак, постоял с минуту. Затем сделал еще один шаг, застыл в проеме, склонился, заглянул за левый косяк, выпрямился, еще немного постоял и то же самое проделал с правым.

Попытался проделать.

Кто-то резко ухватил Рыбака и потащил наружу. Он вскрикнул, попытался отскочить, но не смог вырваться, упал, после чего навалившаяся тварь заурчала и начала зубами рвать шею. Дико взыв, рейдер извернулся, отшвырнул мертвяка ногами, заорал:

— Стреляй!!! Стреляй Карат!!!

Дробовик изрыгнул выхлоп пламени, уже вскочивший на ноги зараженный грохнулся на спину. Повело — далеко не из самых опасных. Краем глаза Карат засек следующего, развернулся, потянул за спусковой крючок. Но даже удар тяжелой пули не сбил тварь с ног. Лишь остановилась на миг, в традиционной манере нелепо размахивая руками. Передернул цевье, добавил картечи. Есть, утомонилась.

Подскочил к Рыбаку под хруст костей на которые наступал при каждом шаге. Ими здесь было усеяно все, это Карат успел разглядеть при свете пороховых вспышек.

Товарищ, подвывая, присел на колени, вскинул арбалет, обреченно произнес:

— Хана. Нарвались. Тут смена была, под перезагрузку попала. Все вокруг в их костях.

Сверху послышалось душераздирающее урчание очень непростой твари. Миг, и с крыши соскользнул сгусток тьмы, с костяным стуком ударил ногами по асфальту, распрямился, звонко цокая, будто вместо пяток у него приделаны конские копыта, понесся в сторону вахты.

— Твою мать!!! Топтун!!! В голову!!! В голову его!!! Она костяная, в слабину бей!!!

Где эта самая слабина в голове топтуна, Карат не знал, зато прекрасно знал, что в ружье осталось всего три патрона. Потому прижал приклад к плечу и терпеливо ждал момента, когда до твари останется не более десятка метров. В стволе пуля, пробивающая способность у нее приличная, на такой дистанции шансы повышены. Лишь бы попасть точно, вряд ли ему позволят сделать еще пару выстрелов.

Толчок приклада в плечо, топтун дернулся, взвился в воздух, вытянувшись всем телом, в таком виде брякнулся на асфальт, тут же начал подниматься, судорожно размахивая руками и теряя равновесие. Карат, надвигаясь на него, передернул цевье, почти не целясь вбил картечный

заряд, затем, помня, что остался последний патрон, чуть ли не в упор разрядил дробовик в макушку по наитию решив, что серьезной защиты здесь быть не должно.

Тварь, наконец, засучила ногами, засипела противно. Все — агония.

Рыбак, шатающейся походкой уходящий назад к вахте, заорал:

— Стая!!! Да твою же мать!!! Карат, стреляй!!!

По асфальту цокали окостеневшие пятки второй твари с целеустремленным видом несущейся напрямик на Карата. Магазин ружья пуст, перезарядить его он не успевает, времени нет вообще ни на что. Разве что влететь в проходную, закрыть за собой двери, выгадать хоть несколько секунд жизни, а там, глядишь, повезет, и свалит первым торопливо досланным патроном, или огорчит так, что пропадет охота связываться.

— Я пуст!!! Ходу!!! — заорал он не своим голосом, бросаясь назад.

Рыбак, похоже, свихнулся от страха. Вместо того, чтобы бежать сломя голову, он, усевшись в дверях, спешно вкладывал в арбалет болт, хотя перед этим тот был заряжен. А затем вскинул оружие, прижал к плечу, навел, казалось, прямо на Карата, и странно-спокойным голосом прокричал:

— Беги прямо, а то и тебя задену!

Карат очень сильно сомневался, что монстра можно остановить столь специфическим оружием, но постарался нестись по идеальной прямой, не хватало еще угодить под дружественный огонь. А Рыбак зачем-то перевел прицел пониже и упавшим голосом негромко произнес:

— Прости, братан...

Болт ударил в голень с такой силой, что Карату показалось будто он услышал треск своих ломающихся костей. Нет, чужие это, просто рухнул напрямик в зловонную россыпь останков здешних работников.

— Сука!!! — заорал он в бессильной злобе.

Это все, конец, сейчас его не станет. Кошмарный монстр в паре секунд от беззащитной добычи и уже оскаливает клыки. Закономерный финал биографии одного из многих неудачников Улья.

Но жажда жизни не отступала. Карат, закричав от боли в простреленной ноге, привстал на колено, ухватился за ствол ружья, начал замахиваться им, намереваясь врезать прикладом по костяной башке. И при этом прекрасно понимал, что фатально не успевает, ведь тварь уже здесь.

В этот миг слева зашипело, метнулось что-то длинное и хвостатое. Это Гранд, издавая какофонию омерзительных звуков, мчался к проходной. Но почему-то не к распахнутым дверям, а к стене.

Видимо для тварей оружие коты и правда невыносимое искушение. Моментально позабыв о Карате, она, с вожделением урча, ринулась за

новой целью.

Схватит она Гранда, или нет, но результат все равно один — быстро вернется за подстреленным человеком и довершит то, что не закончил предатель-рейдер, оказавшийся редкостной гадиной. Кот выгадал для него всего лишь несколько секунд жизни, этого не хватит даже для того, чтобы успеть зарядить в ружье хотя бы один патрон.

Бессилие. Полнейшее бессилие на пороге смерти. Карат, скривив лицо в зверской гримасе, заскрипел судорожно стиснутыми зубами с такой силой, что посыпалось крошево эмали.

И мир остановился. Стих стук окостенелых пяток по асфальту; замедлились до почти полной остановки крупные капли начавшегося, наконец, ливня; названный нестрашным на слух прозвищем монстр замер в позе легкоатлета разогнавшегося перед рекордным прыжком. Вытянувшаяся тушка Гранда застыла прямо в воздухе, отчаянно протягивая лапы к краю спасительной крыши. Поразительно, что кот сумел поднять себя на такую высоту.

Впрочем, самое поразительное вовсе не это, а то, что происходит с Каратом. Это нечто немыслимое, нереальное, пахнет отборным бредом.

Карат, каким-то краем сознания понимая, что это не бред, и что надо спешить, что времени почти нет, начал подниматься, преодолевая сопротивление ставшего странно плотным воздуха. Будто провалился в вязкое желе и пытается через него протиснуться.

Выпущенное из рук ружье зависло в воздухе, опускаясь на асфальт со скоростью улитки путешествующей по стенке аквариума. Меч, так и болтавшийся за спиной, с натугой пошел из ножен. Длины руки не хватило, чтобы его выхватить, зато хватило силы разорвать тонкие завязки наскоро устроенных креплений.

Замедленный взмах руки, и увлеченные инерцией ножны полетели в сторону. Ну как полетели... Так же зависли, как и ружье, все еще не добравшееся до асфальта.

Монстр не окаменел, он тоже двигался. Да и кот уже достиг края крыши, встретив его кончиками передних лап. Но до Карата им бесконечно далеко, он хоть и в желе барахтается, но в сравнении с ними реактивный. Шаг, еще шаг, еще. Нога не болит, и Карат вообще не ощущает тело, это тоже очень странно, но нет ни времени ни желания удивляться чудесам происходящего. У него появился шанс, надо его не упустить, а поразмыслить о случившемся можно будет потом.

Лапа топтуна вытянута, уродливые когти почти дотянулись до

кошачьего хвоста. Левая подмышка на виду, темнеет впадиной стиснутой по бокам буграми ненормально раздувшихся мышц. Именно в нее вонзается скошенное острие меча. Карат давит на рукоять всем телом, заставляя лезвие входить глубже и глубже. Туда, через всю грудь, поразив важнейшие для тварей органы. Они прекрасно защищены спереди и сзади, но с боков остались бреши.

Кончик меча уткнулся во что-то непробиваемое, но перед этим успел пройти долгий путь. Хватит этого или нет — Карат не знал, и потому в отчаянии попытался надавить сильнее. Ничего не получилось, и он напрягся так, будто танк пытается с места сдвинуть. Есть! Пошло! И в тот же миг перед глазами начало темнеть, рукоять выскользнула из повисших плетью рук, пошатнувшись, он невольно отступил назад и успел увидеть, как в мир вернулась нормальная скорость и асфальт быстро приближается к лицу.

А затем опустилась завеса беспросветного мрака.

Глава 25

Пробуждение было не из тех когда открываешь глаза и обнаруживаешься себя лежащим на шелковой простыне рядом с шикарной женщиной, а через колышущиеся занавески пробиваются ласковые солнечные лучи, и ветер шелестит листьями пальм за окном.

Карат лежал в холодной луже, которая быстро разрасталась на россыпи зловонных костей. Над головой сверкали молнии, почти непрерывно грохотал гром, лило так, будто попал под перезагрузку Ниагарского водопада. Ногу терзала столь нестерпимая боль, что хотелось взвыть на всю округу. Но приходилось помалкивать, потому как рядом слышалось хорошо знакомое урчание которое твари издают при виде вкусной пищи.

Неужели он не прикончил второго топтуна и тот теперь доедает Гранда, оценивающе поглядывая на Карата? Да нет, вроде урчание совсем уж скромное, не сравнить с тем, что издавали цокающие пятками твари. Да и кошачий вой доносится, значит серый еще жив.

Боль терзала не только ногу — все тело побывало в лапах изощренного садиста, не обделившего своим жестоким вниманием ни единого клочка кожи, ни единой косточки. Поворачивая голову едва не потерял сознание, шею будто колючей проволокой обмотали и затянули потуже. Наконец, разглядел источник зловещего урчания. Женщина в юбке и блузке, еще не потерявшая человеческий облик, стояла возле проходной жадно протягивая руки вверх. Там, на самом краю крыши, примостился орущий кот. Тварь была настолько увлечена попытками добраться до лакомства, что даже не обращала внимания на Карата.

Ну да, явно не из матерых. Бегун или что-то в этом роде. Бегунья. Дождь намочил волосы и одежду, при свете вспышек молний казалось, что перед ним нормальная девица с достойной фигурой. Но нет, это уже не человек, а монстр, дерганные движения выдают. Не слишком умный, будь покруче, уже бы забрался на крышу или проигнорировал недоступную цель, плотно занявшись лежащим без чувств человеком.

Рука, потянувшаяся за ружьем, замерла. Пусть Карату и крепко досталось, но из ума он не выжил. И вообще, резко поднабрался опыта, пусть и негативного. Не надо торопиться нашуметь. Ведь выстрел — очень громкое дело. И плевать, что до этого он высадил шесть патронов. Да, твари, которые слышали, уже в курсе, что здесь можно пожить, но

дело вовсе не в них.

Дело в человеке.

Рыбак не успел уйти далеко. Он услышит выстрел и поймет, что топтун не убил Карата, что тот каким-то загадочным образом избежал смерти и продолжает барахтаться в кровавом меде Улья. Вдруг у него возникнет соблазн вернуться и завершить начатое? Ведь сильной твари, скорее всего, уже нет, а Карат выжил, но, очень может быть, получил серьезные ранения в рукопашной схватке. После его смерти можно забрать ружье и патроны — ценящиеся здесь предметы.

Маловероятно, что эта гадина решится на такое. Кишка тонка. Скорее всего, мчится со всех ног прочь отсюда не разбирая дороги. А может даже подышает в кустах от полученных ран, ведь шея — опасное место. Но Карат не будет стрелять. Не надо идти на риск если есть возможность его избежать.

Неподвижная туша топтуна валялась в двух шагах, и Карат сомневался, что у него хватит сил вытащить меч. В свете молний видно, что он ухитрился пробить тварь насквозь, кончик лезвия выглядывал с другого бока. Странно, ведь казалось, что засело наглухо где-то посередине.

Стянул рюкзак, вытащил цельнометаллический топорик удерживавшийся на шнуре обвязки. Поднялся, сильно припадая на простреленную ногу, приблизился к мертвяку, от души размахнулся и ударил под набрякшую выпуклость спорового мешка. Тварь взвизгнула, рухнула на мгновенно подогнувшиеся колени, неуклюже завалилась на бок.

Дело сделано.

Мокрый кот тут же спрыгнул с крыши, уселся под козырьком, истошно взвыл, жалуясь на злую затейницу-судьбу и мокрую погоду. Карат, чувствуя, что искать удобное помещение нет сил, с трудом переступил через серого спутника, вошел во мрак проходной, навалился спиной на стену, сполз на пол согнув колени. Несколько минут провел без малейшего движения тупо таращась в темноту, затем со стоном поднялся, направился назад, на улицу. Очень не хочется совершать какие-либо телодвижения, но приходится, ведь ему очень нужен рюкзак.

Вернулся под крышу, из рюкзака первым делом достал компактный плащ-дождевик. Надо было раньше о нем вспомнить, но и сейчас пригодится. Из него Карат устроил укрытие где можно пользоваться маленьким фонариком без опаски, что кто-нибудь заметит отблески света в окнах проходной.

Удивительно, но арбалетный болт вообще не торчал в ране. Он едва-едва углубился в голень и не выпал только потому, что застрял в штанине.

Или оружие не такое уж мощное, или сказался тупой наконечник в форме вытянутой свинцовой сливы. Пробивающая способность у такого куда ниже чем у стального, вот и не справился с костью. Возможно, Карат заработал солидную трещину, или даже не одну, но перелома, который вывел бы его из строя на долгое время, не было.

Ушиб — да, знатный получился. Наконечник от нагрузки сильно деформировался, а свинец хоть и мягкий, но все же металл. Опухоль грандиозная, смотреть страшно, а уж болит так, что слезы лезут. Помазал йодом, наложил тугую повязку и на этом с медпомощью было покончено.

Помня, что лучшая медицина в этом безумном мире добывается не в аптеке, сделал пару глотков живчика, и коту маленько плеснул, ему ведь надо стресс залечивать.

— Спасибо Гранд. Выручил. Не забуду.

Кот лакал взахлеб и ничего на это не ответил, а вот появление ножа и банки в руках не пропустил, уставился с вожделением.

— Дам. Дам говорю, не надо меня гипнотизировать. Но и не надо на обед в шесть блюд рассчитывать, остались мы с тобой без ничего. Последняя банка, почти всю тушенку этот уродец умял, чтоб он от гангрены сгнил. Все то, что в деревне нашли, у него осталось, смылся с рюкзаком.

Отсутствие еды — невеликая беда, в обычных кластерах любой давности ее можно найти без труда. Главное, чтобы с ногой не было проблем. Если кость повреждена сильнее, чем кажется, Карату будет очень непросто преодолеть последние километры: тридцать строго на запад, а потом еще пять на север от телевизионной вышки. Медленно ковыляющий калека — рождественский подарок для тварей.

Надо постараться забыть про боль и как следует поспать. Сон — хорошее лекарство. Но как тут заснешь, если где-то неподалеку находится человек который едва не скормил тебя тварям. И вот ведь сволочь, сделал это, скорее всего, зря. Карат помнил, как тот рубер погнался за прытким Шустом, оставив более доступную добычу на потом. Если топтун такой же продуманный, он бы, наверное, проигнорировал подстреленного Карата, первым делом попытавшись достать Рыбака. Два человека куда лучше одного.

Или Рыбак об этом не подумал, или цеплялся за соломинку призрачного шанса. Как он тогда говорил? В Улье первым делом надо думать о себе, вторым и третьим тоже о себе. И вот результат его вероломного эгоизма — Карат скрипит зубами от боли в зашибленной кости и не может нормально передвигаться. Даже ночевать приходится на

холодном полу первого попавшегося укрытия. Нет ни сил ни желания искать под дождем упомянутое предателем конторское здание с мягким кожаным диваном в начальственном кабинете.

Помимо Рыбака, который может вернуться в любой момент, есть и другие опасности. Пять тварей убиты, причем две из них весьма крутые, пострашнее лотерейщика, который в первый день едва до разрыва сердца Карата не довёл. Кто знает, а вдруг это не все? Может прямо сейчас новые мертвяки подбираются к проходной и вот-вот послышится их возбужденное урчание.

В общем, сон в таких условиях не шел. А шли дурные мысли в голову. И не только дурные.

Второй топтун погиб не совсем обычно. Мягко говоря. Карат на какие-то мгновения сумел ускориться в сотни раз, мир вокруг него почти остановился. Он двигался куда быстрее летящей стрелы, хотя для него казалось, что все происходит очень медленно, через силу. Видимо именно из-за этого ускорения у него теперь невыносимо ломит все тело, реагируя душераздирающей болью на любое движение. Сухожилия, суставы, мышечные волокна: человеческий организм неприспособлен к столь запредельным перегрузкам. То есть все это время он провел в состоянии схожим с тем которое тело испытывает при падении с опасной высоты на твердую поверхность. Тот самый кратчайший миг когда встречаешься с землей, отшибая мясо и ломая кости.

За такое надругательство надо собой приходится расплачиваться. И хорошо, если живчик сумеет быстро справиться с последствиями. Так хреново Карат еще никогда в жизни себя не чувствовал.

Ему не раз доводилось оказываться в сложных ситуациях как здесь, так и на Земле. Но никогда прежде ход времени не замедлялся. Ничего подобного не наблюдалось. И вообще, у него не было ни намека на необычайные способности. Так откуда это и почему проснулось именно сейчас?

Ответ очевиден даже для свежееиспеченной жертвы Улья. Карат не забыл рассказы о том, что у иммунных просыпаются необычайные способности. Помнил и то, как быстро улепетывал Шуст от рубера, и как гадюка по прозвищу Рыбак прикуривал от пальца.

У некоторых новичков способности проявляются сами собой спустя определенный срок, другие узнают о себе много нового в критических ситуациях, третьи нуждаются в услугах знахарей — особых людей умеющих определять суть происходящих с тобой изменений.

У Карата второй случай — он попал в безвыходную ситуацию, но не

сдался, напряг все резервы организма, даже те, о которых до этого вообще не подозревал. И в нем проснулось что-то новое, невероятное. То, чем Улей одаряет иммунных взамен отнятого родного дома.

Его сверхъестественная способность — невероятная скорость реакции и движений. Почти остановка времени. На какой-то срок он сумел разогнать себя до состояния при котором даже самая быстрая тварь на его фоне смотрелась безногой черепахой. Но за это приходится расплачиваться, теперь тело страдает так, что того и гляди рассыплется на кусочки. В этот раз цена его устроила, ведь он выжил, спасся в ситуации из которой не было выхода. Но не будь кота, оставшийся бегун мог обгрызть до костей его бесчувственное тело, так что ему очень крупно повезло с серым спутником.

При всех своих минусах — очень полезное умение. Теперь остается понять каким образом его можно активировать в нужный момент. И как бороться с травмирующими побочными эффектами. Превращаться в стонущую развалину после каждого применения не хочется.

И терять сознание тоже не хочется — в Улье это может закончиться очень плохо.

В общем, крути не крути, а придется обращаться к здешним знахарям. Сам Карат ничего не понимает в свалившемся на голову умении, требуется консультация специалистов.

Бесплатно ему никто ничего объяснять не будет. А с наличкой у него негусто. Можно, конечно, ограбить пару банков, благо ни охраны, ни сигнализации там не будет. Вот только даже полный самосвал бумажных денег и золота не заинтересует местных обитателей. Им нужны совершенно другие вещи. Какие? В первую очередь кое-что особенное, добываемое из туш развитых тварей.

Пять свежих мертвяков валяются в нескольких шагах от него. Из них два не самые простые. Сил нет выбираться под проливной дождь и потрошить их споровые мешки, но утром Карат обязательно этим займется.

Он не заявится в стаб с пустыми руками.

Глава 26

Утро встретило солнечными лучами, пробивающимися через окна, и дикой слабостью охватившей тело. Карат с трудом поднялся, тут же закашлялся с такой натугой, что невыносимо заболело в груди. Хлебнул живчика, слегка отпустило, но все равно состояние не из приятных.

Распухшая голень выглядела неприглядно, но, меня повязку, убедился, что рана уже подсохла. Никак не может привыкнуть, что повреждения здесь зарастают на глазах. Болит до слез, но уже не так невыносимо как поначалу. Терпимо.

Кот с намеком задел ногу хвостом, пришлось и ему плеснуть. Понюхал, попробовал, поднял голову, уставился с молчаливым укором. В глазах отчетливо читалось, что намекал он не насчет попить, а насчет брюхо набить. Но с этим Карат помочь не мог, осталась лишь начатая плитка шоколада, вряд ли серый будет в диком восторге от сладкого лакомства.

Все же отломил дольку, предложил. И, странное дело, кот начал жевать. Без урчания и мурлыканья, будто через силу наворачивает перловку на маргарине, то есть не рад предложенному. Умная зверюга, понимает, что брюхо можно набивать и не в удовольствие. Видимо непростая жизнь научила хватать все, что предлагают.

Покончив с остатками шоколада, Карат взвалил на спину рюкзак, подошел к двери, приоткрыл, начал изучать прилегающую территорию. При свете Солнца (если так можно называть местное светило) прекрасно видно, что здесь на каждом шагу валяются скелеты или отдельные кости. Пованивает изрядно, даже странно, что вчера этот запах не ощущался вообще. Точнее один раз Карат его засек на крыльце проходной, но тогда и сам не был уверен, что ему не померещилось.

Поверженные твари валялись там где их застигла смерть. Глядя на дело своих рук Карат с трудом верил, что это ему удалось. Если три бегуна выглядели относительно прилично, не растеряв человеческий облик, топтуны пугали до слабости в коленках. Тела их исковерканы далеко зашедшими изменениями: руки непропорционально вытянутые; уродливо раздуты суставы длинных пальцев, что заканчиваются уплощенными когтями; от одежды не осталось и следа; кожа темная, испещренная сетью тонких морщин. Нормальные челюсти не могут стать пристанищем для нового зубного аппарата и потому жутко вспучились, подались вперед,

обросли буграми мышц и канатами связок. Лоб низкий, за ним тянется голый череп лишь местами покрытый пучками грязных волос. Над затылком пристроился выпуклый гребень под которым укрывается споровый мешок.

В общем, даже издали такую тварь не перепутаешь с себе подобным. Изменения не такие разительные как у давешнего рубера, но и незначительными их не назовешь. Из человеческой оболочки развилось нечто совершенно иное: уродливое, пугающее, враждебное. И, как ни странно, полезное.

Карат вытащил нож.

Девять споранов — уже отличные трофеи, и помимо них один из топтунов одарил Карата горошиной. Сколько она может стоять в ближайшем стабе, он не представлял, но уж точно не копейки. К тому же у него есть четыре пачки винтовочных патронов, а это тоже валюта. В общем, к знахарям он заявится не бедным родственником. Хотя и не факт, что сможет оплатить их услуги, ведь понятия не имеет о расценках.

Покончив со сбором трофеев занялся осмотром велосипеда, который владелец оставил за проходной. Именно там, за углом, укрывался бегун, который вчера напал на Рыбака.

Жаль что не убил.

На вид двухколесная техника в порядке, только мокрая, не успела обсохнуть после ночного дождя. Но это не проблема.

Больше здесь делать нечего. Нет смысла искать конторское здание: кожаный диван Карату уже не нужен; наслаждаться напитками из бара он тоже не желает. Разве что еду поискать, но не факт, что она там есть.

Нет, еда может потерпеть. Хватит тут топтаться, это место чуть не стало его могилой. Душа рвется убратся отсюда подальше.

* * *

Крутить педали — не пешком топать. Одно плохо, сильно болит нога. Видимо берцовой кости досталось сильнее, чем кажется, так что не помешает показаться врачу, если таковой в стабе отыщется. Впрочем, Рыбак направлялся туда именно для поправки здоровья, а этот змей подколодный из опытных, знает, что именно там могут помочь в таком вопросе.

Как и рассказывал бывший спутник через пару километров пришлось проехать через деревню. Маленькая, просматривалась насквозь, но

никакого «Урала» Карат не заметил. Или Рыбак уже успел на нем укатить; или это не то место; или при перезагрузке кластера машина не появилась. Здесь ведь не всегда все совпадает до мелочей, случаются и различия.

Ночью как раз и навалились на такое различие, что всем различиям различие. Два раза Рыбак пользовался этим маршрутом, и обходилось без стычек с зараженными. И тут на тебе, сразу пятеро, причем парочка не из простых. Видимо за Каратом приглядывает очень серьезный ангел-хранитель, иначе как объяснить то, что он из самых непростых заварушек выбирается живым и относительно невредимым.

Если бы не боль в ноге и не слабость, что накатывала временами, Карат был бы счастлив. И почему он раньше не увлекался велосипедами? Отличный транспорт полезный для тела и приятный для души. К тому же от него минимум шума, что в нынешней жизни колоссальный плюс.

На грунтовке, по которой он двигался, были заметны свежие следы машины. Кто-то проехал здесь уже после дождя. Рыбак? Очень может быть. Он ведь едет туда же, куда и Карат, будет очень приятно, если встреча состоится. Этот гаденыш должен кровью заплатить за свое вероломство, ему это с рук не сойдет. Можно даже не убивать, а просто пару раз пальнуть картечью по ногам. Желательно целиться в колени. Если и выживет после такого, инвалидность обеспечена.

Хотя не факт. С этим иммунитетом и прочими медицинскими делами не все понятно. Может измененное здоровье иммунных не просто раны быстро залечивает, а и помогает справиться с самыми страшными травмами. Шрам от вырезанного в детстве аппендикса почти исчез, от него лишь едва заметное розоватое пятно осталось. Карат знает об этом мире далеко не все, так что можно лишь гадать каковы будут последствия серьезной травмы.

На околице следующей деревни за ним увязалась парочка на редкость шустрых бегунов. Наверное — те самые спидеры которые далее перерождаются до лотерейщиков. Он даже не прибавил ходу, скорости у них явно не хватало. Их урчание недолго раздавалось за спиной, отстали быстро.

Телевизионную вышку он заметил издали. Рыбак не соврал, такую громадину и правда тяжело пропустить. Очень высокая сама по себе, к тому же установлена на лысом холме господствующим над окружающей местностью. Компаса у Карата не было, но не надо много ума, чтобы сориентироваться по Солнцу, потому без труда определил где именно надо будет сворачивать на север.

Трудности возникли с дорогой, она отказывалась направляться туда,

куда ему требовалось, упрямо протягиваясь далее на запад. Карат наблюдал за следами проехавшей перед ним машины, надеясь, что она свернет в удобном месте. Но пришлось остановиться — грузовик, скорее всего ведомый ненавистным Рыбаком, явно направлялся в другую сторону.

Похоже, тот передумал посещать ближайший стаб. Как и намекал в разговоре, рванул сразу вдаль, к более спокойным и перспективным территориям.

Карату очень хотелось его догнать, но как? Скорость у того куда выше, к тому же рано или поздно он выскочит на асфальт или дорогу где регулярно ездят машины, и тогда след потеряется. А ведь Карату известно местоположение лишь одного обитаемого стаба, куда податься кроме него — он без понятия. Именно там намеревался получить информацию хотя бы о ближайшей географии.

Рыбак говорил, что дальше на западе обитаемых стабов куда больше, но сколько времени уйдет на поиски? И как далеко надо забираться?

Спросить не у кого...

В общем, как ни крути, а надо возвращаться к холму с вышкой и сворачивать от него строго на север. Пусть там вообще нет дорог, зато он приметил тропинку, что вьется по берегу крошечного ручья. Махнет по ней, а дальше видно будет.

* * *

Шум мотора послышался в самый неподходящий момент, когда Карат находился на открытом месте. Слева тянется поле с молодой порослью зерновых, справа вообще невспаханное, поросшее скудной травой. Далеко впереди темнеет лесополоса, но туда еще гнать и гнать.

Пришлось резко останавливаться и прятаться за чахлым кустом. Куртка у Карата камуфляжная, если специально не приглядываться, вряд ли заметят. Велосипед куда заметнее, даже уложенный на бок может выдать. Набросал на него пучков травы, чтобы хоть немного скрыть очертания, после чего вжался в землю — шум стал совсем уж опасным.

Сквозь переплетение жидковатых сеток разглядел машину — внушительных габаритов пикап приспособленный к реалиям Улья. Везде где только можно приделаны металлические сетки и решетки с шипами, в кузове установлен пулемет на турели, за ним стоит фигура в камуфляже, глаза скрыты за черными очками-консервами, нижняя часть лица замотана, макушку и лоб прикрывает бандана. Неплохая защита от встречного ветра.

Впрочем, машина едет небыстро, сильно доставать не должен.

Пикап проехал мимо, и Карат уже было вздохнул спокойно, но вдруг машина остановилась, начала медленно сдавать назад. Пулеметчик развернул свое громоздкое оружие, наставив ствол в сторону Карата и молодым задорным голосом прокричал:

— Эй! Ты! Поднял руки и вышел на дорогу! Считаю до трех, потом стреляю!

Дистанция метров семьдесят, для дробовика не запредельная. Можно попробовать достать. И что потом? А потом они могут отъехать подальше откуда расстреляют Карата без малейшего риска. Прятаться здесь негде, жидкий куст — единственное укрытие.

Поморщившись, начал подниматься, крикнул:

— Не считай, а то еще со счета собьешься! Выхожу я!

Со стороны пикапа не ответили, но и пулеметной очереди не последовало. Карат вышел на середину дороги, встал, вытянул руки вверх. С десятков секунд ничего не происходило: пулеметчик смотрел на него, он на пулеметчика, и все это в полной тишине.

Стоять надоело, крикнул:

— Руки опустить можно?! Затекают!

— Ты зачем там прятался?! Засаду устроил?!

— Засаду?! С этим мушкетом?! Я не такой уж псих! Всегда прячусь когда моторы слышу!

— На этой дороге наш мотор бояться не надо!

— А откуда мне знать где и кого бояться?! Я вообще-то первый раз на этой дороге!

— Зачем сюда пришел?!

— Мне в стаб надо! Говорят, он где-то здесь!

— Кто такой?!

— Карат!

— Карат?! А я думал, что тебя Ниндзя звать!

— Ты не первый, кто так ошибается.

— Зачетный меч, но топор лучше!

— У каждого оружия свои плюсы!

— Бывал у нас до этого?!

— Нет! Я новенький! С востока пришел!

— Тебя наши знают?! Кто-нибудь поручится может?!

— Вряд ли! Говорю же — я новенький!

— Давно попал?!

— Пятый день сегодня!

— Откуда про Кумарник узнал?!

— Что за Кумарник?! Не знаю я ничего про него!

— Это наш стаб!

— Не помню, чтобы его при мне так называли! Рассказали как найти, но название вроде не говорили!

— Кто рассказывал?!

— Рыбак!

— Что за Рыбак?!

— Ну прозвище такое!

— У тебя штанина в крови! Ранен?!

— Да! Этот Рыбак мне ночью стрелу в голень пустил!

— За что?!

— Шкуру свою спасал, тварям меня подставил!

— И что потом?! Ты грохнул его?!

— Не успел! Хотел здесь его догнать!

— Между собой все разборки за стабом! У нас буйных быстро успокаивают!

— Учту! Мне доктор нужен, с ногой плохо очень!

— А с поста передали, что педали быстро крутил!

— Быстрее к вам попасть хотел! Рвался всей душой!

— Ну ты почти попал! Через километр граница стаба, еще столько же по этой дороге и будет поселок!

— Так мне можно к вам?!

— Можем даже подбросить!

— У меня там ружье и велосипед!

— Велик можно на крышу, а с ружьем не баловать! Не направляй ни на кого! И стрелять у нас нельзя даже по пустым банкам!

— Понял! Так я в кусты?!

— Давай!

Карат не успел до обочины дойти, как пулеметчик прокричал:

— А что у тебя в рюкзаке шевелится?!

— Кот!

— Кот?!

— Ну да, кот! Поглядеть хочет, с кем это я лясы точу, вот и шевелится!

— Откуда у тебя кот?!

— Приблудился!

— Ну ты и чудак!

— Есть немного!

— Ружье сразу за спину повесь! Мы тут новым людям не очень-то

верим!

— Понял!

Пикап подъезжать не стал, и Карату пришлось толкать велосипед почти сотню метров. Крутить педали ради такой смешной дистанции не стал.

Пулеметчик указал на крышу:

— Забрасывай туда. Там шипы не дадут свалиться, мы так часто велики возим.

— Шипы, это хорошо. Только тебя они вообще не прикрывают.

Парень постучал по пулемету:

— Меня прикрывает этот дружок. Двенадцать и семь миллиметров, такой калибр даже элита уважает.

— Серьезная штука. Вы меня до поселка довезете?

— Можешь раньше выйти, а нам туда.

— Да зачем мне раньше выходить?

— Я о том же. Эй! Трогай, у нас все!

Взревел двигатель, машина начала набирать ход.

— Карат, ты держись крепче, чуть дальше в стаб заедем, там кочка на кочке пойдет, дорога никакая.

— Знаю. На стабы насмотрелся.

— Никогда не видел таких много повидавших новичков. Ты здесь точно пятый день?

— Да. Просто и правда насмотрелся всякого, другому и на пару лет хватит.

— Такое у нас бывает. Меня Балаболом зовут. Только не смейся.

— Ничего смешного.

— Ну да — не самое плохое погоняло. А Карат откуда? Кто-то окрестить успел?

— Да. Встретился один в самом начале.

— Рейдер?

— Как я понимаю, все мы рейдеры. Его Шустом звали.

— Это не тот Шуст, который у нас квасит уже третий день?

— Не знаю. Тот бегал быстро, а этот как?

— Без понятия, я его не видел, не в мою смену появился. Просто слышал, что он пьет будто бездонный.

— Вы тут по сменам дежурите?

— На посту сутки стоишь, сутки отдыхаешь. Один на бинокле, другие могут и подремать, все вскакивают только по тревоге. Вот ты, в куст забравшись, тревогу поднял. Нам по рации передали... ротозей.

— Почему ротозеи?

— Потому что делать это надо было заранее, а не тогда, когда мы уже мимо проехали. Будь у тебя гранатомет, мог бы разнести машину спокойно. И хрен был что тебе сделали, пост в лесополосе, до него с километр, и там ничего дальнобойного нет.

— Ты всегда первым встречным рассказываешь о системе вашей обороны?

— Блин... реальный косяк... Зато ты понял, откуда у меня такое погоняло.

Машина затряслась на ухабах оставшихся на месте разрушившейся дороги. Все — стаб пошел, разговаривать в такой обстановке невозможно, так что резко замолчали.

Карат, ухватившись за борт, следил за окрестностями. Лесополоса, где скрывался невидимый пост, лишь издали выглядела аккуратной. За годы дикости деревья и кусты разрослись, дебри те еще получились. Дальше тянулось поле, некогда возделываемое, но сейчас по нему так не скажешь, выглядело нетронутым. Унылым памятником работникам сельского хозяйства вдали ржавел остов комбайна, возле дороги тянулась линия покосившихся столбов, более признаков цивилизации не было.

Но где-то там, впереди, посреди всей этой заброшенности располагается обитаемое поселение. Только в стабе есть возможность ставить постоянные жилища. В других они исчезнут после первой же перезагрузки, как исчезла та зарубка на коре ивы, которую оставил Рыбак.

Чтоб ему разложиться заживо...

Здесь есть доктор. И есть знахарь. Информация тоже найдется. Он, наконец, попал туда, куда надо.

Глава 27

На очередном повороте дороги Карат успел разглядеть жизнерадостный знак «Осторожно мины!» и дальше показался поселок. Точнее, полоса укреплений вокруг него. Противотанковые ежи, бетонные надолбы, далее баррикада из ржавых машин, строительного мусора и потрепанных мешков с песком. По обе стороны от дороги устроены приземистые ДОТы^[13] не выглядевшие внушительно, сам путь перекрыт шлагбаумом, в данный момент поднятым.

Вдали, среди надолбов, разглядел неподвижную фигуру. Ссутулившийся человек без штанов, он на таких насмотрелся до тошноты. Зараженный стоит на окраине поселка и никто на него не реагирует? Вообще не шевелится, может это просто чучело?

Проехали без остановки. Балабол взмахом руки поприветствовал парочку мужчин в камуфляже, устроившихся на высокой площадке за баррикадой. Один вроде без оружия, второй с СВД^[14]. Внизу и в стороне установлен миномет, небрежно прикрытый брезентом почти до станины, возле него никого не видать. Поселение вовсе не выглядит неприступной крепостью, но понятно, что незамеченным сюда проникнуть непросто.

Показались обитаемые дома, с точки зрения непритязательного бродяги на удивление приличные. Хотя, если говорить точнее, приличными можно назвать лишь некоторые из них, а остальные превратились в жалкие руины или выглядели немногим лучше их. Кто-то не пожалел свезти сюда кучу строительных материалов и неплохо обустроиться местами, но на большей части поселка никто пальцем о палец не ударил. Оконные проемы без стекол, дверные без дверей, провалившиеся крыши, рассыпающиеся стены.

Обитаемые здания далеко не все можно назвать дорогими особняками. Даже самые лучшие смотрелись не блестяще. Здесь не гнались за красотой и роскошью, но уважали добротность и безопасность: крошечные окошки с металлическими ставнями; огневые точки на крышах; нижние этажи снаружи укреплены бетонными блоками и мешками с песком. Если бы Карата попросили как можно лаконичнее охарактеризовать условия жизни обитателей Кумарника, он бы ограничился одним словом — «цыганщина». То есть эти условия стойко ассоциировались с чем-то безвкусным, слепленным кое-как на скорую руку, не слишком чистым, шумным и перенаселенным.

Особого оживления на улице не наблюдалось. Куда-то быстрым шагом прошла немолодая женщина в джинсовом костюме и прикрытой косынкой головой, у крыльца неплохо по местным меркам обустроенного дома курили два подростка, всем своим видом показывая, что не просто дымят, а делают это ради того, чтобы казаться настоящими взрослыми. Вот, собственно, и все замеченные обитатели Кумарника.

Подъехали к большому одноэтажному дому с мелкими окошками, которым более подходило название бойницы. На крыльце, укрепленном мешками с песком, бетонными блоками и листами железа, стоял бородатый верзила в камуфляже и курил огромную толстую сигару. Остановившуюся машину он поприветствовал небрежным взмахом левой руки.

Карат, пользуясь тем, что мотор стих, обратился к Балаболу:

— Левее шлагбаума метрах в двухстах вроде бы мертвяк стоял. Очень похоже. Это чучело, или ваши его прозевали?

— Не, это реально бегун. Их специально привязывают на некоторых участках.

— Зачем?

— Так ведь удобно, расходов почти никаких, мяса много давать не надо, только чтобы быстро не загнулись. Нюх и слух у них четкие, если кто приближается, сразу урчать начинают. Это у них вроде сигнала, все ходячие его знают, как услышат, отовсюду сползаются.

— Так они у вас вместо сигнализации?

— Сигнализация тоже есть, но этот метод старый, проверенный, всем нравится. Тут у нас штаб самообороны, за главного Фарт, нормальный мужик, ты с ним перетри.

— Что перетереть?

— Ну насчет своих планов, да и все новые должны поздороваться с ним или его замом, порядок такой, а то мало ли. Фарт может что-то с тебя поиметь, но тебе это выгодно будет, никогда не обманывает, даже наоборот, больше чем барыги дать может. Хочет, чтобы сюда народ тянулся, развивает поселок.

— Грамотная тактика.

— Ну да, согласен, народ такое любит. С ним тебе так или иначе поговорить надо, говорю же — порядок такой. Если есть какой товар на продажу, предложи, не прогадаешь. С виду ты прикинутый, в рюкзаке ведь не только кот, что-то полезное быть должно.

— Понял, благодарю за совет. А где этого Фарта найти можно?

— Да вон, «гаваной» дымит на штабном крыльце. Он если в поселке, все время дымит, но на выездах не позволяет себе. Да и другим.

— Знаю, твари табак издали чуют.

— Ага. Давай велик помогу стащить, принимай.

Карат, оставив велосипед на обочине, подошел к крыльцу, облокотился о мешок с песком, кивнул:

— Здорово, Фарт. Я Карат.

— И тебе здоровья, Карат. Из новеньких?

— Ты один из немногих, которые это поняли сразу. Остальные не верят.

— Ну да, для новенького прикид у тебя необычный. Где меч взял?

— Нашел.

— А я-то думал, что в канцтоварах вместо сдачи дали. Я тебя тут никогда не видел. Впервые?

— Ну да. Новенький. Первый стаб.

— И сразу к нам?

— Куда подсказали, туда и пришел.

— Кто подсказал?

— Рыбак.

— Прозвище не редкое. Без него пришел?

— Расстались вчера, — не стал вдаваться в подробности Карат.

— Получается, ни в каких списках тебя нет?

— Впервые слышу про списки.

— Наслушаешься еще, особенно на западе. Ты по жизни кто? От тебя будут проблемы?

— Меня не тронь, я тоже тебя не трону. Чужого не возьму, свое не отдам.

— Нормальная позиция, пока ты здесь с нее не сходи. У нас тут разборки не любят.

— У меня есть враг. Если столкнусь с ним, придется разбираться.

— Из новых, а уже врагом обзавелся?

— Это дело недолгое.

— Тут я с тобой согласен на все сто. Но только учти: это твои личные разборки, мой поселок они затрагивать не должны никоим боком.

— Учту.

— Ты просто представиться подошел или какое-нибудь дело есть?

— Есть.

— Говори.

— С ногой у меня плохи дела, доктор нужен. И знахарь тоже нужен, я же из новых. Ну и помыться бы, побриться, да и от горячего не хочу отказался. В общем, мне надо остановиться на день-другой в нормальных

условиях. Есть место?

— Место для тебя найдется. А доктор нужен для швов и перевязок, все остальное наш знахарь тебе сделает. Вся высшая медицина на них завязана.

— Не знал.

— Дар у них такой, простым врачам до них как до Магадана раком. Баню тебе и правда надо, сейчас позвоню, узнаю, постой здесь.

Оставив дымящуюся сигару на перилах, Фарт зашел в дом, вернулся через минуту:

— Баню только что затопили, через пару часов подойдешь, все будет. Белье чистое там есть, а если у тебя нет запасной одежды, поговори с Хмурым. Он эту баню держит, вроде магазина у него там же. И комнаты сдает он же, и накормить может, и даже женской лаской обеспечить. В общем, полный комплект услуг для рейдеров. Цены дерет, но здесь их все дерут, самый дальний стаб ведь, чего еще от нас ждать. Но даже если не шиковать, нормальное тряпье подобрать можно. Грязное у тебя там же постирают.

— Блин...

— Что-то не так?

— Да к знахарю грязным и вонючим идти не хочется.

— Чтец и не таких видел, так что не поморщится. Иди прямо сейчас, это по другую сторону улицы, третий дом, с флагом на крыше, дверь Чтеца с правого торца. И это... а есть что-нибудь на продажу? Понимаю, что из новых ты, но по тебе видно, что интересно побродил. Глядишь, и нарыл что-нибудь интересное.

— Потрохов вырезал маленько, но тут они, как я понимаю, сами по себе деньги.

— Верно. Я больше патронами интересуюсь, нам их много надо. Гранаты и взрывчатка тоже нужная тема. Если есть четкая наводка на то, где это можно достать, можем это обсудить. И тебе выгодно будет, и нам.

— Наводки нет, но патроны есть.

— К ружью?

— К ружью самому нужны. Но есть немного винтовочных, их могу отдать.

— Что за патрон? И сколько?

— К «Мосинске», четыре пачки. Восемьдесят штук.

— Это хорошая тема, они на «весло^[15]» и к пулемету идут.

— Сколько даешь?

— Цены у нас ломовые, больше тридцати пяти ты даже в базарный день не получишь. Я дам сорок, и если будут еще, неси. Винтовочные

всегда нужны.

— В смысле сорок споранов?

— Ну а что же еще? Они и правда наша главная валюта.

— Это получается, два винтовочных патрона — один споран. Везде такие цены?

— От стаба к стабу меняется. В некоторых можно патроны дешевле взять, в некоторых дороже продать. Многие барыги за счет этого живут. И учти, цены тут не сложат, наш стаб не из дешевых. Так что четыре десятка тебе разгуляться не хватит.

— Есть еще свои в запасе.

— Ну тогда гуляй смело. Все удовольствия твои, главное не стреляй даже в воздух, и за нож не хватайся. За такое у нас сходу наказать могут.

— Уже в курсе. Вот, держи свои патроны, — Карат ослабил завязки рюкзака, чем моментально воспользовался кот: выпрыгнув, тут же начал спешно копать ямку для известных надобностей.

Фарт удивился:

— Ну ничего себе зверюга! Откуда он у тебя?

— Приблудился.

— Продашь?

— Он вообще-то не совсем мой. Говорю же, приблудился. И не уверен, что пойдет к тебе. Привязались мы друг к другу.

— Жаль, котяра знатный. У меня тоже есть, но моему Рыжику до твоего леопарда ой как далеко. Этот в два раза больше, чуть ли не тигр. Что за порода?

— Без понятия. Говорю же — приблудился.

— Надерет моему Рыжику уши, сто процентов надерет. Мой толстяк тут обленился, раздобрел как жиртрест. Один приличный кот на весь стаб при паре кошек. Сам их топчет, конкурентов нет. Я и мокрого спорана на него против твоего серого не поставлю.

— Согласен — заведомо проигрышная ставка.

— Ладно, постой тут, спораны вынесу.

Завернув полученную плату в кампанию к остальным, Карат попрощался:

— Ладно, бывай.

— Давай, удачи. Если что, не забывай дорогу к нам.

Карат, постучав по невзрачной двери, потянул створку на себя, спросил:

— Чтец здесь?

— Здесь, — донесся приглушенный несерьезный голос. — Заходи, не заперто. Если по делу — садись.

За дверью обнаружилась скромных размеров комната обставленная скудной мебелью: у дальней стены узкая кровать за отдернутой ширмой, посредине стол, за ним три стула, в углу перекосившийся шкаф. Еще пара полка, вешалка из оленьих рогов и, собственно, все. Обстановка дешевой гостиницы.

Сам знахарь выглядел тоже несолидно. Парнишка лет девятнадцати в лучшем случае, а в худшем и до семнадцати не дотянул. Болезненно худой, мускулатуры ноль, кожа нездорово бледная, будто только что из склепа восстал. Глаза только выделяются: будто лазерные сверла, потрясающе умные, внимательные, с какой-то бесовской искоркой.

Карат, присаживаясь на свободный стул, заметил:

— Скромно живешь, Чтец.

— Человеку много не надо.

— Звать меня Карат, я к тебе и правда по делу.

— Знаю.

— Имя знаешь?

— Нет, но знаю, что ты новичок и кое-что хочешь у меня вывести насчет умений. Про ногу молчу, не надо быть знахарем, чтобы догадаться о травме.

— Как остальное понял?

— Я ведь знахарь, знать — моя работа.

— Интересная работенка.

— Не скучная.

— С ногой у меня и правда беда.

— Показывай.

Посмотрев на рану, Чтец спросил:

— Чем это тебя?

— А ты разве не знаешь? У тебя работа — все знать.

— Вот ответишь, и узнаю.

— Хитрое знахарство.

— Ага, хитрее не бывает. Так чем это тебя?

— Арбалет.

— Тупой болт?

— Тупее не бывает. Со свинцовым наконечником. Не знаю зачем такой

вообще нужен.

— Удобно на охоте в тех местах, где много зараженных. Наконечник подбирается экспансивный, такой при ударе деформируется, но не пробивает череп. Низшим зараженным сильного удара обычно хватает, они от сотрясения мозга теряют сознание. Пока валяются, рейдер должен успеть подойти и вскрыть споровый мешок. После этого они не поднимаются — уязвимое место.

— А смысл? Почему бы то же самое не проделать обычным болтом? Мозги пробьет, после такого они тоже не поднимаются.

— От тупого болта рана минимальная, нет обильного кровотечения. Твари ведь запах крови издали чувствуют. Тихий выстрел; удар тоже тихий; потеря сознания мгновенная, даже заурчать не успевает; крови или вообще нет, или проливается немного. Арбалеты охотников очень мощные, острый болт может пробить голову и полететь дальше. А там неизвестно куда попадет. Вдруг в застекленное окно? Даже если просто в стену каменную врежется, звук выйдет неслабым. Шуметь на охоте нельзя, вот потому и хитрят. Тот, кто это сделал, все еще жив.

Знахарь не спросил, а произнес это как утверждение. Но Карат уточнил:

— Это был вопрос?

— Нет. Это я так вижу. Но не факт, что правда, у нас видения по времени не всегда совпадают с реальностью. Иногда ближайшее будущее кажется прошлым, а бывает наоборот. Запутано все. Этого человека я вижу живым.

— А видишь, что с ногой?

— Конечно.

— Что, даже не потрогав?

— А зачем? Я же вижу и так. Да и грязная она у тебя, не хочется такую трогать.

— Ну уж извини, баня у Хмурого только через два часа готова будет. Так что с ногой?

— Трещина в кости и сколы мелкие. Повезло, в удачное место попало.

— Я бы воздержался от слова «везение»...

— Это не страшно, заживет само. Через три дня ты о ней забудешь, а через месяц даже шрама не останется. Солнцу подставляй иногда, а то белое пятно будет выделяться.

— Тогда другой вопрос. Я новенький, мне надо разобраться с теми делами, что с нами Улей делает. То есть вопрос о новых способностях.

— Ногу я посмотрел бесплатно, за помощь больным и раненым не

беру деньги. Но всего остального это не касается.

— Сколько?

— Обычно я беру пять споранов за такие ответы. Но если ты неплатежеспособен...

— Не знаю дорого это или нет, но я заплачу.

— Мои услуги здесь самые дешевые. Цена даже меньше чем в других стабах.

— А мне говорили, что тут все дороже.

— Я начинающий знахарь, мало что могу.

— Другие знахари в поселке есть?

— Нет.

— Значит, у тебя монополия, мог бы пользоваться ею без зазрения совести.

— Не вижу смысла грабить таких как ты, и без меня грабителей хватает.

— У меня проснулась кое-какая способность.

— Ничего не говори, просто посиди и не шевелись.

Чтец встал, подошел к Карату, провел ладонями возле лица, переместил их к вискам, потом далее к затылку. В голове при этом начало покалывать. Не сказать, что неприятное ощущение, но, несомненно, странное.

Повторил свои манипуляции несколько раз, постоял неподвижно, еще раз повторил, после чего вернулся на свое место, сел, подпер голову, приняв знаменитую позу мыслителя которую можно наблюдать у одноименной скульптуры Родена.

— Моя черепная коробка тебя сильно озадачила? — не удержался от вопроса Карат.

— Не то слово...

— И что же с ней не так?

— Все. Абсолютно все. Ты, говоришь, что у тебя проснулась какая-то способность?

— Да.

— И как это произошло?

За дверью утробно завывали с таким надрывом в голосе, будто случилась трагедия вселенского масштаба. Чтец, молниеносно схватив пистолет, до этого лежавший на столе и замаскированный газеткой, нервно осведомился:

— Это что еще такое?!

— Расслабься. Это кот мой, Грандом зовут.

— Кот?! А я думал к нам Годзилла забрела.

— Он чуток ее поменьше, но тоже не из мелких.

— А чего орет?

— Да сюда хочет, потерял меня, соскучился, подозревает, что я тут деликатесами объедаюсь без него.

— Так пусти, хочу глянуть.

Кот произвел на Чтеца впечатление:

— Ну ничего себе! Сколько же в нем килограмм?!

— Не взвешивал, но десять точно есть. А может и двенадцать.

— Откуда он у тебя?

— Отвечу как всем — приبلудился.

— Редкий зверь, твари их не любят. Точнее, как раз очень любят.

— Я в курсе. Он меня выручал пару раз за счет этого.

— Ходячие бросались на него, а не на тебя?

— Да.

— Так как твоя способность проснулась?

— Кота собирался схватить топтун. А я валялся с подбитой ногой и догадывался, что ненадолго его переживу. Сам не знаю, как получилось, но в голове будто щелкнуло и время остановилось. То есть не совсем остановилось, было видно, как очень медленно падают капли дождя. Но все остальное почти не двигалось. При этом сам я двигаться мог, но с трудом. Будто в смоле барахтался. В общем, свалил я в этом состоянии топтуна, но и сам упал. Накрыло, вырубился сам собой, никто мне ничего не сделал. Ну если не считать болта в ноге. Только это к делу не относится — совсем другая история.

— Я понял. Что ж, поздравляю — полезная способность. Те, у кого они есть, называются клокстопперами. Название такое, что язык сломаешь, не наше оно, но прижилось. Да и нечасто его услышишь, потому никому нет дела до его длины и заковыристости. На сколько ты ускорился?

— Без понятия. Хватило, чтобы пройти несколько шагов.

— Несколько шагов?!

— Ну да. Что-то не так?

— Сколько именно шагов ты сделал?

— Не знаю, не считал. Около десятка.

— Я слышал про одного легендарного клокстоппера который мог в состоянии сверхскорости пройти четыре шага. Чтобы этого добиться, он, наверное, не меньше ведра шаров смолотил за свою жизнь, плюс несколько жемчужин. Ты уверен, что ничего не путаешь?

— Я шаги не считал, но их явно было побольше четырех.

— Для новичка — фантастика.

— Может из-за того, что ситуация была тяжелой. Стресс и все такое. Я тогда дико перенапрягся.

— Перенапряжение тут ни при чем. Тебе повезло, твой дар со старта получился очень неплохо развитым.

— Ну хоть в чем-то свезло...

— Очень редкий и всеми ценимый дар Улья, так что тебе повезло дважды: бесполезный и сильный.

— Слава Улью...

— Но это не все твои странности. Что еще с тобой происходило? Я вижу в тебе пересечение множества линий вариативного развития возможностей. Никогда с таким не сталкивался. Даже не слышал, что такое бывает. С тобой случалось что-то необычное? Я знахарь, но не могу ничего понять, ты какой-то неправильный, запутанный. Так было необычное или нет?

— Я тут уже пять дней, и каждый из них был переполнен необычными вещами. Меня неоднократно пытались съесть, причем без шанса с моей стороны отбиться, меня взрывали ракетами и гранатами, в меня стреляли. Да я тут ни одной минуты не скучал, и это без телевизора или Интернета. И при всех этих непростых делах до сих пор живой, это самое странное.

— Карат, это все не то. Припомни, должно быть что-то связанное именно с дарами Улья. Что-то особенное, не такое как у всех.

— Не было такого. Разве что... Не уверен, но один раз кое-что случилось.

— Что именно?! Почему я из тебя слова клещами тяну?!

— Как могу, так и объясняю. В общем, в самом начале мне удалось разжиться жемчужиной. Не связано с дарами Улья то, что я ее потом слопал?

— Жемчужину съел?! У тебя была жемчужина?!

— Ну да. Достал из рубера.

— Редкий шанс, тебе очень повезло.

— Потом я попал к ребятам, на вид серьезным, но не совсем отмороженным. Было понятно, что эта жемчужина для них то еще искушение, пусть и грабить меня им не хотелось. Примета плохая, и сами не отморозки. Скорее всего стронги, у них потом стычка с мурами случилась. Так дело поставили, что я эту жемчужину сам проглотил. Ну и всякое искушение ограбить после этого пропало.

— Ты и правда везучий. Грабить новичка — плохая примета, но искушение и правда большое. Жемчуг очень редко встречается в руберах.

Добывать его из них не получится, шанс не больше пары процентов, а крутые твари толпами на пулеметы не лезут. Жемчуга хватает в элите, но там неясно, кто и что из кого добывать будет, это опасная дичь.

— Наслышан.

— Жемчужины стоят очень дорого. Очень. Да мы бы всем стабом вряд ли смогли бы у тебя ее выкупить, не так много здесь споранов для обмена, бедный поселок. Цвет какой?

— Черный.

— Максимальный риск развития осложнений, но все равно очень дорого.

— Про риск слышал, но ничего не понял.

— Жемчуг — сильное средство. Ничего сильнее его в Улье нет. Он может сделать тебя сильнее. Но может не сработать вообще, или изменит тебя в худшую сторону.

— То есть?

— Станешь похожим на зараженного. Обычно только внешне, но вроде бы отмечены случаи настоящего превращения. Человек становится монстром без души.

— Неплохо меня подставили...

— Не подставили. Несмотря на риск, никто не откажется от такого шанса. Жемчуг делает гораздо сильнее твой дар Улья, и бывает, что дополнительно наделяет тебя другим даром. Изначально у каждого из нас лишь один, и обычно он бесполезен. Иногда, очень редко, у тех, кто ухитряется долго здесь прожить, проявляется еще один. У старожиллов вроде бы может проснуться третий и четвертый. На такое уйдут десятилетия, протянуть столько непросто, сам должен понимать. Но в основном новый дар проявляется только после приема жемчуга. Если у тебя два дара, шанс, что хотя бы один окажется полезным, повысится. Три — тем более. И так далее.

— Понял. Математика простая.

— Те, у кого развит полезный дар, живут дольше.

— И это тоже понятно. Но непонятно, что со мной. У меня что — много этих подарков?

— Ты съел жемчужину до того, как дар проявился?

— Это случилось в первый день, а включился он этой ночью.

— Фантастика! Карат, да ты настоящий уникам!

— Мама моя так всегда говорила...

— Тут у нас легенда ходит о новичке, который наелся жемчуга прямо на старте. После этого он стал круче вареных яиц, нагнул базу внешников и

банду муров, которые им прислуживали, помахал всем ручкой и ушел в Главный Кластер.

— Что за кластер?

— Кластер из местных легенд. Он центральный, то есть расположен в самом центре Улья. Даже близко к нему не подобраться, там самые старые и крутые элитники, а еще полным-полно скребберов. Тот, кто доберется до Главного Кластера, получает власть над Улем. Он может мгновенно оказываться там где захочет, и даже выбираться во внешние миры. Его не трогают зараженные, и ему прислуживают скребберы.

— И дают все симпатичные девочки, которые на пути встретятся...

— Ну да, это же легенда. Вроде сказки.

— И я, получается, повторил ее. То есть начало сказки.

— Да, ты свежий под жемчугом. И с тобой явно что-то не так.

— А поконкретнее?

— Карат, я не знаю. Я вижу только то, что не могу объяснить словами. Я не понимаю тебя. Я даже не вижу проявившегося у тебя умения. Ты как черная дыра, ни о чем подобном даже не слышал. Я однажды видел человека с тремя умениями, причем два из них были прилично развиты, но ничего похожего на твой случай в нем не заметил. Тебе нужен другой знахарь, с большим опытом и развитым даром. Если в тебе есть дополнительные умения, я не смогу их раскрыть.

— У другого может получиться?

— Не уверен, ведь сама картина у тебя ясная. Просто сейчас в тебе что-то происходит. Оно только-только забурлило, ты ведь свежий. Может завтра или через неделю перестанет бурлить, успокоится и я что-нибудь смогу ясно рассмотреть. Но слишком поздно, меня здесь уже не будет.

— Уходишь?

— Да. Решил вот на запад податься. Через пару часов караван туда пойдет, уже договорился.

— Другие знахари здесь есть?

— Да что ты, тут же мелкий стаб на крайнем востоке, здесь даже для одного работы не хватает. Нас не так много, дар не из распространенных, обычно сидим в куда более населенных местах.

— Понял. Ну хоть скажи, что мне делать с тем даром который уже проявился.

— Не улавливаю смысл вопроса.

— Я понятия не имею, как этот режим включать. Ну то есть не могу ускоряться по своей воле. Ночью все само собой произошло, спонтанно. И не знаю, как правильно этим пользоваться. Как-то неудобно получается,

если буду падать в обморок каждый раз.

— А, вот ты о чем. Ну тут все просто, выключатель расположен в твоей голове.

— И как на него нажимать?

— Ушами шевелить можешь?

— Нет.

— Но вот попробовать это сделать можешь ведь? Есть же какая-то моторика, которая, по твоему мнению, способна в этом помочь?

— Попробовать могу, но ничего не получится.

— А тебе это и не надо. Просто с умениями то же самое. Для начала попробуй напрягать уши, при этом представляя, что как только они пошевелиются, у тебя включится ускоренный режим. Завяжи одно на другое, мозг сам потом разберется, что и как включать.

— Оригинальная методика...

— Методик полно, но эта мне нравится больше всего. Совсем простенькая, до каждого быстро доходит. И это... сейчас не торопись испытывать дар на всю катушку. Не сразу научишься с первого раза переходить в ускоренное состояние, но постепенно будет все легче и легче, так и дойдешь до стадии, когда одной мысли хватит. Голова быстро тренируется, она у нас умная. Сперва переходи в ускорение на совсем чуть-чуть, делай пару движений, стараясь не торопиться. Не ломись с силой, скорость у тебя такая, что ты травмируешь тело, может даже до переломов дойти. Организм надо приучить к этому режиму, постепенно, по чуть-чуть, по капельке наращивая темп. Старайся обходиться минимумом движений, рассчитывай каждый шаг. Никогда не переходи в режим ускорения при споровом голодании, может возникнуть состояние перенапряжения, тебе это точно не понравится. И при любой возможности принимай раствор бусин.

— Что за бусины?

— Общепринятое название — горох, но бусины мне больше нравится.

— У меня есть одна.

— Мало, но с чего-то же надо начинать. Налей треть рюмки уксусной эссенции, затем плесни воды до края, в полученный раствор брось бусину. Она быстро растворится, погаси кислоту обычной содой, процеди через пять-шесть слоев марли, чтобы хлопья остались на ней, они ядовитые. Потом пей.

— Гадость, небось, та еще.

— Ну да, не лимонад. Можешь в спиртном крепком растворить и также процедить, но на это уйдет около часа, а с уксусом в пять минут

уложишься.

— И каким образом будет развиваться умение?

— Механизм сосуществования нас с тем, что поселяется в теле, никому не известен. Но в твоём случае все просто: чем больше бусин тебе достанется, тем дольше ты сможешь удерживаться в состоянии ускорения. И негативных последствий будет меньше, то есть микротравм суставов, связок, сухожилий и прочего. Если приучишь свое тело как я объяснил, то со временем вообще забудешь о недомоганиях.

— А что по поводу обмороков?

— Не старайся высиживать в ускорении максимум. Как только почувствуешь, что «поплыл», что вокруг что-то не то начинается, мгновенно выходи. То есть пока за спиной расправленные крылья, и все легко, ничего не бойся, но как только тело начинает на слушаться, или с движением вокруг тебя что-то не так, или даже если в небе что-то вспыхнуло, сразу выходи. И выдержи потом приличную паузу, возвращаться в ускорение раз за разом нельзя. То есть можно, если делать это на совсем мелкие промежутки времени не доводя себя до близости к финишу. Понял?

— Перевариваю информацию...

— Быстро научишься, главное — не забывай про тренировки. И да, за все приходится платить. В состоянии ускорения организм тратит много энергии. Тебе придется усиленно питаться при использовании умения и не забывать принимать спортивный раствор. Его потребуется много, куда больше чем обычно.

— Сколько?

— Один споран на сутки в лучшем случае. В худших доходит до двух. Тебя это тоже касается, если будешь часто активировать новое умение. Не жди, когда начнется недомогание, при первых намеках на симптомы спорного голодания делай один-два глотка.

— Передозировка вредна.

— Только если хроническая. При этом у тебя сперва начнут желтеть ногти и роговица, а перед этим будут кровотечения из носа. Так что как только потечет, веди себя умеренно, до желтухи лучше дело не доводить, не говоря уже о том, что начнется дальше.

— А что начнется дальше?

— Ничего хорошего. Просто не доводи, если не хочешь стать похожим на зараженного.

— Предельно ясно, я все осознал. То есть может случиться то же, что и с теми бедолагами, кому не повезло с жемчугом?

— Примерно так. Разум сохранится, но тело изменится. Хотя и разум можно потерять, если дальше глушить раствор литрами.

— Да тут так и так не выживешь. Первый же, кто увидит, шлепнет. Поди пойми, человек ты или тварь, кто там разбираться будет.

— Некоторые живут с этим прекрасно. Но по диким стабам им ходить нельзя, а на спокойных надо следить за своим внешним видом. Только чистая одежда, только аккуратная прическа. Надо быть всегда с иголки, не выскакивать неожиданно из-за угла, а в темноте лучше вообще не показываться на улице. Ну, в общем, ты понял.

— Понял. Мертвяки всегда выглядят запущенными, в темноте чистоту одежды не оценишь, так что меры грамотные.

— Ты сам скоро все увидишь. Не держи патрон в стволе когда ты в поселке. И про предохранитель не забывай. Ты прямо посреди самого населенного стаба можешь в любой момент кваза увидеть. Пока сдернешь ружье с плеча, пока с предохранителя снимешь, пока взведешь, он успеет тебя обматерить в шесть этажей. Мигом поймешь, что обознался. Ведь если завалишь, проблем не оберешься.

— Вы их называете квазами?

— Да. Не знаю почему. Хочется верить, что это пошло от Квазимодо. Они, сам понимаешь, не красавчики с подиума. Помни, что мог стать одним из них, ведь тебе повезло с той жемчужиной, а им нет.

— Да уж, подстава так подстава.

— Говорю же, никто тебя не подставлял.

— Понял-понял, для вас это считается приемлемым риском. Ладно, пора расплачиваться. Надо еще Хмурого найти.

— Искать недолго, его дом через улицу и через один правее. Он там самый большой, ты не ошибешься. И баня к тому же на заднем дворе дымит, у него многие рейдеры моются. Был я там разок, парилка не понравилась: слабая, да и грязновато.

— Мне все равно к нему надо. Одежда у меня такая, что смотреть противно. Чистая нужна.

— Ребята ему свозят всякое добро, за это он дает им бесплатно посидеть у себя и выпить, так что у него полно всего, легко подберешь. И не надо свои спораны доставать, я не возьму.

— Это почему?

— Я тебе ничем не помог.

— А как по мне, так помог.

— Я лучше знаю, да и не в этом дело. Ты ведь очень необычный. Мы, знахари, должны учиться, как и все. Новая информация — тоже учеба.

Другим знахарям будет интересно узнать о таком как ты, я буду им рассказывать про тебя, а они взамен будут делиться своими секретами.

— То есть ты на мне информацией подогреешься?

— Да, для нас она куда важнее денег.

— Спасибо за честность, пять споранов на дороге не валяются, мне не помешают.

— Бывай, Карат. Может увидимся еще.

Глава 28

Кот, выбравшись на улицу, тут же шмыгнул в ближайшие кусты. Вид у него был предельно заинтересованный, будто учуял что-то невероятно важное, ждать его Карат не стал. Захочет — найдет, зверюга не из тех, которые теряются. А не захочет... Серый — вольная птица и ничем ему не обязан. Да, человек его подкармливал, и живчик давал, но и тот в долгу не оставался, не один раз шкурой рисковал спасая от верной смерти.

Полезный зверь, да и привязался к нему Карат. Будет печально, если кот уйдет на вольные хлеба, но ничего не поделаешь.

Перейдя на другую сторону улицы Карат направился к большому неряшливо выглядевшему дому, фасад которого украшала самодельная вывеска с единственным словом: «Хмурый». Графическое наполнение было чуть богаче. Среди простенько выполненных картинок угадывались несложные рисунки рекламно-информационного характера: пузатая бутылка и наполненный граненый стакан рядом с ней; жареная курица; почти не одетая бабенка с неестественно пышными формами и ядовито-красной улыбкой на пол лица. Баню никто рисовать не стал, но с заднего двора поднимался столб жидкого дыма и отчетливо тянуло сгорающими сосновыми дровами.

Дойти до двустворчатой двери, которая прикрывала вход в заведение, Карат не успел. Из узкого переулка меж домами вылетел окровавленный человек без штанов и в на совесть разорванной рубахе, завалился на дорогу, крепко стукнувшись лбом о жалкий фрагмент уцелевшего асфальта. Удар озадачил его настолько, что он не смог быстро вскочить несмотря на все старания.

Тем временем из того же переулка вышел крепкий мужичок лет тридцати с выбритой до блеска башкой и облаченный в ладно подогнанную форму неведомой армии. Что-то явно нерусское. Быстро, но без суеты приблизившись к поднимающемуся, нанес жесточайший удар ногой, отчего того отшвырнуло, он опять приложился об асфальт, на этот раз спиной и затылком.

«Камуфляжный», моментально обернувшись в сторону Карата, бросил исподлобья мрачный взгляд и угрожающе процедил:

— Ты как меня только что обозвал, урод?!

Карат его впервые видел, так что ни о каком общении с элементами оскорблений не могло быть и речи. Но ситуация из тех, где вызывать к

логике бессмысленно. Этот тип намерен как можно быстрее устроить драку, разговор ему неинтересен.

Собственно, драка уже идет, просто Карата пока что не пригласили.

«Приглашение» последовало тут же — непонятно за что ополчившийся противник налетел коршуном нанеся размашистый боковой удар. Карат даже не стал прикрываться, просто присел, пропустив руку над собой и провел четкий прямой в печень. Хорошо врезал, аж в предплечье отдалось. Но противник устоял на ногах, отскочил, поморщился, потер поврежденный бок, беззлобно произнес:

— За это я тебя в асфальт зарую. Не нравишься ты мне.

— Слышь, баклан пробитый, а что у тебя с этим глиномесом? — с деланным интересом поинтересовался Карат и указал на валяющееся тело. — Ночь любви не задалась? Сидеть теперь не можешь?

Большая часть подобной публики приходит в бешенство от таких слов, а потерявший голову противник — легкий соперник.

— Да ты шутник, — осклабился «камуфляжный» и ринулся в атаку.

Мощнейший удар ногой прошел выше всех похвал, Карат не ожидал от доселе ничем непримечательного драчуна такой прыти. Он намеревался уйти, но тут случилось неожиданное — в грудь будто толкнули невидимой ладонью, заставили пошатнуться, потерять равновесие. Карат бы сумел удержаться в стойке, но подвела поврежденная голень, сбила с ритма перемещения. Только и успел, что дернуться, разворачивая тело. И встретил массивную подошву берца вскользь, краем задело.

Все равно серьезно прилетело в бок, развернуло, едва устоял на ногах, и торопливо семеня к обочине в попытке восстановить равновесие, выдернул нож, взмахнул в сантиметрах перед скривившейся мордой. Агрессор отскочил, плюнул под ноги, выхватил финку, процедил:

— Ну сейчас проверим, кто тут писарь, а кто фуфло гонит.

Глядя, как ловко тот перебрасывает нож, Карат понял, что все куда хуже, чем представлялось изначально. Этот уродец не только ногами грамотно махать умеет, так еще и порежет на куски. В ножевом бою с таким ему не тягаться. К тому же нога подводит; какая-то ерунда с непонятно откуда взявшимися толчками в грудь, будто кто-то лупит невидимой ладонью; а за спиной висит рюкзак, ружье и ножны с мечом, что не прибавляет подвижности. Последние два предмета в такой ситуации будут весьма кстати, но вот пока их достанешь, пока взведешь или из ножен выхватишь, много нехорошего успеет произойти.

И что за ерунда с тем толчком в грудь? Померещится такое не могло, здесь явно какая-то чертовщина.

Острие ножа прошло перед глазами, едва отшатнуться успел. Тут же в ход пошла нога, но на этот раз Карат не замешкался, и не стал нагружать голень, отбил рукой, постаравшись при этом стукнуть на совесть. И опять вынужден был отступить, потому как в ближнем бою против такого противника ему несладко придется. В его планы не входит получить клинок в брюхо.

«Камуфляжный», ухмыляясь, сложил губы трубочкой, дунул, одновременно взмахнув обеими руками. Карата будто по лбу шлепнули: голова дернулась, он отшатнулся, невольно просеменил назад пару шагов, угрожающе взмахивая ножом в надежде зацепить то невидимое, что достало его уже второй раз.

— А ну стоять! Стоять сказано! Стреляю!

Откуда ни возьмись появился новый знакомый — Балабол. Замер в нескольких шагах, целясь из пистолета. К нему приближался Фарт, безо всякого оружия в руках, но с кобурой на поясе, и какой-то диковатого вида мужик с автоматом наизготовку.

Драчун, отступив, отсалютовал ножом будто шпагой и убрал в ножны на поясе. Карат сделал то же самое, но безо всякой картинности.

Фарт, подойдя, остановился, покачал головой:

— Для кого я говорил, что свое дерьмо оставляйте за поселком? Карат, это тебя касается.

— Я тут не при делах.

— А ножом махал в попытках почистить яблоко?

Мужик, валявшийся на асфальте, застонал, сплюнул кровью и срывающимся голосом произнес:

— Фарт, уймись! Этот чувак и правда не при делах.

— Он махач на перьях устроил.

— Да нихрена, не так все было. Я только вышел от Хмурого, и мне сходу в башню прилетело. Этот начал, я и дернуться не успел, бухой и на расслабоне, а он кинетик, с толку сбивает на раз, ловко этим делом пользуется. Этого он бы тоже замесил. Что у тебя за дела тут? Мы честно бухаем, нормально расслабляемся, это что за наезды такие?! Что за буйные кинетики на улицах?! Ты проблем хочешь?!

— Не быкуй, я тут тоже не при делах, это не наш, — Фарт указал на ухмыляющегося противника Карата. — Обзовись? Откуда? Кто такой?

— Я пялил твою маму, значит папа твой.

Окровавленный издал смешок:

— Что-то, Фарт, не вижу я у тебя серьезного порядка. С такими делами у тебя тут скоро не только морды чистить начнут.

— Разберусь, не каркай. Этого в подвал, там договорим. Карат, без обид? Тех, кто за ножи хватаются, у нас не любят. Я сходу не въехал.

— Да я не в претензии, проехали.

Уточнять то, что нож он выхватил первым, переведя тривиальный мордобой в поножовщину, Карат не стал. Парень сам нарвался, и вообще, он не настолько отупел, чтобы на себя стучать.

Поймал на миг взгляд нападавшего, тот косился куда-то вдаль и в глазах его было с трудом скрываемое торжество. Будто добился именно того, к чему стремился.

Да ну, бред. Нет ничего веселого в том, что тебя запрут в какой-то подвал. И, судя по нехорошему взгляду Фарта, скучно в том подвале не будет. Хорошо если отделается пересчитанными ребрами. Тут не милиции, не полиции, ни защитников прав человека, а вся власть у Фарта и его команды.

Впрочем, даже если этого типа сожгут заживо, Карат не будет сильно печалиться. Объявись Фарт минутой позже, и пришлось бы опять посещать знахаря. И это в лучшем случае.

Никогда еще не доводилось встречать человека столь ловко управляющегося с ножом.

* * *

Карат, дернувшись, стащил с плеча ружье, схватился уже было за цевье, намереваясь загнать патрон в ствол, но остановился после единственного слова:

— Расслабься.

Ну да, почему бы и не расслабиться, если это предлагает самый настоящий мертвяк. Дряблая синюшная кожа в мелкой сетке морщин, щеки отвисают будто у бульдога оскалившего зубы, плечи вздернуты, ссутулившийся. Очень похож на высокоразвитого бегуна, дальше начинаются совсем уж неприглядные превращения.

Карат, заходя к Хмурому, не ожидал что нос к носу столкнется с монстром. Пусть и не из самых опасных, но что он делает посреди отлично защищенного поселения? И откуда такая болтливость? Прежде от зараженных ничего кроме урчания не слышал.

Не опуская ружья поведал о своих сомнениях:

— Ты похож на разговорчивого мертвяка.

— Знаю, мне это уже не раз сообщали. Ствол убери. Ты новенький,

похоже? Я просто кваз, мы все такие красавчики, привыкай.

Карат, окончательно расслабившись, отправил ружье за плечо:

— Час назад я о вас знать не знал. Не думал, что так быстро повстречаю.

— Считай, повезло, нас немного, и под пули часто попадаем. Путают.

— А плюсы есть?

— Если ты решишь начистить мне табло, я тебе так морду уделаю, что самый страшный кваз в сравнении с тобой будет Ален Делоном.

— Сила прет?

— Угу, мы посильнее вас будем.

— Как мертвяки?

— Вроде того, но только мы не мертвяки. Чего надо?

— Хмурого ищу.

— Ты его уже нашел.

— Мне бы баню.

— Через час будет, топят. Дров не напасешься круглые сутки ее гонять.

— Одежда чистая есть?

— Тряпья полно на любой вкус.

— В общем, список такой: баня, тряпки, поспать на мягком, и хорошо бы горячего перекусить.

— Сделаем. Но учти, у меня тут все четко и строго, если начнешь кулаками махать, превращу в инвалида. Все разборки за моей дверью. Усек?

— Вполне.

— Дальше по коридору и налево общий зал. Сейчас там все печально, но вот-вот народ начнет подтягиваться. Найдется и горячая еда и выпить. Посуду не колотить, скатерти со столов не срывать, не хамить во весь голос, все мордобойные разборки строго на улице. И вход только в чистой одежде. Если хочешь пожевать прямо сейчас, тебе вынесут, и жуй на улице. Грязноват ты, а у нас не бич-хата. Крысятничать даже не пробуй, прибьют прямо в доме и будут в своем праве. Сурово с этим. Можешь ящик споранов поставить посреди зала, никто даже пальцем не притронется. Есть девочки, разные. Все, кого здесь увидишь, сдаются. Хочешь на час, хочешь на ночь. Плата вперед, не калечить, товарный вид не портить и без извращений всяких. Ну и сейчас с дамами никак, перед этим надо помыться. Иначе меня люди не поймут, скажут, что бичам их сдаю.

— Не груби.

— А я и не грублю. Это мне грубить начнут, если увидят, как ты, весь из себя красивый, в навозе и крови засохшей, лапашь моих дамочек. Они у

меня в белье французском, не для таких ягодки выросли.

— Я еще ни к кому не притронулся. Давай одежду подберу, до бани надо решить этот вопрос.

* * *

В баню Карат попал все же чуть раньше чем через обещанный час. Уболтал Хмурого в процессе выбора одежды. Тот, небось, при этом ободрал его как липку, вот и смягчилось жадное сердце редкостного по уродливости урода. Еще и пара банок пива бонусом досталась, и на том спасибо.

Пиво Карат цедил устроившись в парилке. Вроде как по неписанным банным правилам так делать не рекомендуется, но плевать. Пить очень хочется, и вообще расслабиться. Впервые за все время почувствовал себя чистым. Кусок мыла почти до конца перевел, чуть выданную мочалку не стер избавляясь от накопившейся грязи. Карат не из привередливых, но насчет гигиены у него пунктик. А какая могла быть гигиена все эти дни? Сплошной мрак.

Дверь парилки распахнулась, показался голый мужик лет сорока с пузом внушительных габаритов. В одной руке зажата откупоренная бутылка дорогого виски, в другой копеечный пластиковый стакан. На его лице можно было отчетливо разглядеть следы вчерашнего порока, руки заметно тряслись, но шагал почти уверенно.

— О! А я думал, что тут пусто. Ты вообще кто?

— Карат.

— А я Тощий. Смешное погоняло для меня, крестный подшутил, ха-ха. Выпьем?

Карат молча показал банку.

— Это у тебя, что? Лимонад для маленьких девочек?

— Скорее моча.

— Тоже тема, но лакай такое сам. Я хочу с тобой чокнуться за что-нибудь хорошее. Ну и похмелюсь заодно, я остро в этом нуждаюсь. Понимаешь, вечер трудным выдался. Но ты знаешь, ничуть не жалею. Приятно время провел, не скрою. Во всех отношениях приятно. Жаль только, что запомнил не все. А ты был вчера с нами? Что-то не припомню тебя.

— Был, но не здесь.

— А где?

— Далеко.

— Чем занимался?

— Пытался выжить.

— Нормальное занятие. Давай, значит, за то, чтобы мы, значит, всегда выживали. И за приятные вечера. Чтобы таких побольше выпадало в этой жизни.

Пластиковый стаканчик беззвучно соприкоснулся с алюминиевой банкой, Карат отпил, а Тощий осушил до дна, крикнул, занюхал потной рукой.

— Ох и бурда, годится только полы мыть. Слышь, давай за водкой сбегай, не будем травиться такой дрянью.

— Ты не вкурил? Я на пиве. Нужна водка, так сбегай сам. Или покричи, может шестерки сбегутся.

— Ты чего такой невежливый? Не видишь, болею я. Мог бы и сбегать, ноги молодые, не облезешь.

Карат постучал по свежей повязке на голени:

— А я, получается, лучусь здоровьем, мне только литру водки для полного счастья засосать и не хватает.

— Че с ногой?

— Много чего. Два осколка, картечина, стрела арбалетная.

— И все в одну ногу?

— В одну.

— Ты ее отрежь, несчастливая она у тебя. Давай еще по разу, за твоё здоровье.

Дверь распахнулась, заглянула взъерошенная голова с лицом украшенным дивных размеров синяком. Оценив открывшуюся картину, незнакомец голосом профессионального алкоголика с нотками изумления спросил:

— Пьете?!

Тощий, занюхав рукой вторую порцию, невозмутимо ответил:

— Нифель, а ты чего весь такой удивленный? Никогда не видел, как честные люди пьют? Или думал, что мы тут в говнобаки друг другу присовываем? И кто это тебе портрет синим цветом разукрасил?

— Да так... — неопределенно ответил Нифель.

— Пить будешь?

— Буду.

— Тащи тару.

— Щас.

Нифель появился через полминуты «всем телом»: тощий, весь какой-

то болезненно-неопрятный. И в облике что-то козлиное. А вместо стакана или кружки догадался приволочь половинку мыльницы, чем немного озадачил Тощего:

— Может ты еще вантуз принесешь вместо фужера? Я и туда налить могу.

— А что мне голым бежать за стаканом?

— А ты разве голым не бегал никогда?

— Да лей уже, сам предложил, я болтать с тобой не впрягался.

— Вот, знакомься, это кореш мой, Каратом зовут. А этот убогий хмырь просто Нифель. Давайте, накатим за знакомство.

Карат был не в восторге от того факта, что парилка стремительно превращается в рюмочную и потому поднялся:

— Ладно, с вами хорошо, но мне пора.

— Куда ты? — огорчился Тощий. — Мы еще не начали.

— Надо в брюхо что-нибудь закинуть.

— Это тоже тема. Ты все равно в дом идешь, скажи чтобы мне шашлык из свинины на мангал поставили, я скоро подтянусь.

— Сколько?

— Скажи Тощий просил, они сами знают.

Глава 29

Несмотря на уверения Хмурого о высшем уровне приличия его заведения, общий зал оказался помесью совдеповских времен столовки и хаты оккупированной неоднократно упоминавшимися бичами. Попытки облагородить на современный лад заметны, но вклад их в обстановку минимален. Полы не столько грязные, сколько затоптанные до дыр в линолеуме; стены ободранные, в подозрительных пятнах; из украшений на них только почти лысая голова молодого лося; столики дешевые, пластиковые, как и стулья; стойка бара из простых небрежно отполированных досок на которые за их историю много чего пролилось. Витал стойкий запах перегара и какой-то кислятины ассоциирующейся с некачественной едой и рвотной массой, а в тот момент, когда Карат открыл дверь, кто-то из посетителей громоподобно отрыгнул.

Все это он разглядывал прищурившись, свет от многочисленных ламп после сумрака коридора резанул по глазам. Скользнув взглядом по немногочисленным разношерстным посетителям, уставился в сторону стойки. Там на экране широченного телевизора устало месили друг дружку два боксера — черный и белый. Причем белый, похоже, уже серьезно плыл.

За стойкой скучал прыщавый парнишка лет четырнадцати-пятнадцати. Меню и карту вин Карат просить не стал, дабы не смешить собравшихся вопиющей наивностью, просто спросил, что у них есть съедобного и быстро доступного. Пообещали организовать жирный борщ и разогреть какие-то фирменные котлеты, которые неимоверно вкусные. Ну и салат нарежут, хлеб своей выпечки обеспечат. От предложения «ста грамм» Карат отказался. Он и пиво не допил, куда ему еще и водку?

Впрочем, в этом он был одинок, потому как все прочие посетители потребляли ее охотно.

Указал на телевизор:

— Что за боксеры? Неужели телевизор принимает?

Паренек покачал головой:

— Запись кто-то принес. Целая флешка разных боев. Электричество только от своего генератора, а телевизор тут нигде ничего не ловит. Если есть записи интересные, поговори с Хмурым, он может купить. Ну чтобы не фильмы, а передачи там разные, концерты. Да сам знать должен. Фильмы тоже может взять, но чтобы самые последние, которые только вышли.

Карат присел за свободный столик, неспешно допил пиво, потянулся за второй банкой. В этот миг дверь в зал распахнулась впуская очередного посетителя. С первого взгляда понятно, что пил он перед этим долго и вдумчиво, уж очень вид характерный. И одет по бессмертной алкоголической моде: треники с провисшими коленками; запятнанная майка; растоптанные шлепки на ногах; при этом одна ступня голая, на второй носок не первой свежести. Образ довершала не совсем обычная деталь — ковбойская шляпа на голове.

Щелкнув по ней пальцем, новый посетитель почти трезвым голосом изрек:

— Мне сказали, что здесь имеется вкусная водка. Прибыл убедиться лично, предъявите немедленно.

Кто-то заржал будто обделававшийся дебил, более никакой реакции не последовало. А Карат так и застыл, не успев открыть банку. Уставился на вошедшего не сводя глаз. Тем временем новый посетитель взял бутылку, которую молча поставил на стойку бармен, обернулся, и в свою очередь пораженно вытаращился на Карата.

Безмолвствовал он чуть ли не полминуты, потом покачал головой:

— Или мне пора завязывать, или я вижу то, что вижу. Карат, ты ли это?

Тот открыл, наконец, банку, отсалютовал ею и сделал солидный глоток.

Шуст, приблизившись не совсем твердой походкой, опрокинул по пути один стул, отодвинул второй, сел, или скорее упал на него, ловко отвинтил пробку, попытался накатить с горла и, скривившись, пожаловался:

— Убил бы того извращенца, который придумал дозаторы в горлышко вставлять. Эй! Человек! стакан мне! Что за отстойная тошнилочка, где дают бутылку, а стакан к ней зажимают?!

Стакан появился чуть ли не через микросекунду. Трясущейся рукой налив около трети, жадно выпил, скривился:

— Да нихрена она тут не вкусная. Гадость как везде. Карат, так это точно ты?

— Я.

— Слава тебе Господи, а то уж подумал, что до пушистой белки допил. Если имеется острое желание, двинь мне в морду. Только не в нос, он у меня срастается болезненно, не люблю я это.

— Желания нет.

— Это как? Ты типа всем все всегда прощаешь, или именно на меня не в обиде?

— Ты хочешь сказать, что я похож на обиженного?

— Не грузись, я ведь без задней мысли сказал. То есть ты вообще без претензий? Я ведь как-никак тебя бросил тогда.

— И что? Себя спасал, мне ничего не должен, нормальный ход, какие тут могут быть обиды.

— А ты изменился...

— Ну да. Когда в такой же ситуации тебя не просто бросают, а в ногу стреляют, чтобы не убежал далеко, очень многое начинаешь понимать иначе.

— Это кто тебя так кинул?

— Рыбак.

— Фишер^[16]?

— Нет, просто Рыбак.

— Тут Фишер есть. Пьян как последняя свинья, утром под крыльцом валялся в луже блевотины. Это точно не он? А то бы сходили и прирезали, идти недалеко.

— Как он выглядит?

— Как куча говна. И воняет от него так же. От тут уже неделю зависает, пропился до последней нитки.

— Нет, это точно не он. Мой Рыбак раньше этой ночи появиться здесь никак не мог.

— Плохо. Мне этот Фишер не нравится. Так бы и прибил суку. Ладно, раз ко мне претензий нет, меняем тему. Я все же твой крестный и мне до сих пор не по себе от того, что оставил тебя там. Да, в Улье иначе никак, но пойми, не все из старого можно вот так взять и забыть. В общем, я считаю себя твоим должником и потому буду вкусно угощать. Ты что заказал?

— Борщ, котлеты, ну и по мелочи.

— А я разве про жратву спрашивал?

— Мне пива хватит, банку добыю и на боковую.

— Да хрен ты угадал. Тут водка вкусная, для начала высосем по литру, потом задумаемся о дальнейшем времяпровождении. По бабам можно сходить, почему бы и нет. В принципе, даже идти никуда и не надо, у Хмурого есть. Страшные они, как моя жизнь, но после литра водки тебе не все ли равно будет.

— Ни водки, ни баб не будет. Без меня отрывайся.

— Это ты сказал не обдумав вопрос в свете глубокого понимания демографической ситуации?

— Ты сам-то сейчас понял, что спросил?

— Уж прости, язык не успевает за мыслями. Ладно, сформулируем чуть иначе. Вот скажи, много ли баб ты тут видел за все время?

— Одну. Одежду приносила, когда моего размера на витрине не оказалось. И еще одну на улице.

— То есть видел всего лишь парочку. А мужиков, я так думаю, встречал куда больше?

— Я прямо сейчас вижу семерых.

— И тебя это не удивляет?

— Меня тут почти все удивляет.

— Дети не выживают, первыми уходят. Потом съедают баб, мало кто из них приспособлен к реальной жизни. В итоге мы имеем ситуацию, где на десять свежих иммунных мужиков приходится одна фемина. Как правило — та еще крокодилица, но здесь она все равно на положении принцессы. Тем более тут стаб на самом краю мира, дальше нет ничего подобного. Кто от Внешки выходит, здесь первым делом оказывается. А между прочим гормоны у иммунных бурлят, что у подростка. Припечет тебя, на стену с воем полезешь. Тут у нас обычное дело, когда пустышку из свежих ловят, связывают, и всем кагалом имеют. Оральные ласки, как ты понимаешь, при такой любви категорически противопоказаны, и особой романтики от подружки не жди, но все остальное пожалуйста. И не надо кривиться, сам такое скоро делать начнешь, если и дальше будешь носом крутить. Ну так что, я закажу у Хвата отдельный кабинет и парочку лялек? Ну или одну можно, вертолетом разложим, оно дешевле выйдет и даже как-то по-дружески.

— Если они все такие же как та, которая одежду приносила, то я пас. Лучше и правда свежую мертвячку поймаю. Да можно и несвежую, все равно посимпатичнее будет.

— Экий ты у нас привередливый. Ну я посмотрю на тебя потом, если доживешь. А насчет вкусной водки, так понимаю, согласие полное?

Карат покачал головой.

— Крестник, ты брось из себя монаха корчить. Тут быстро свихнуться можно, если разрядку себе не давать. Для этого такие веселые стабы и держат. Тут же ничего кроме бухла и потасканных баб нет. Вообще ничего. Просто охрана, бабы и бухло. Полный список того, что надо в первую очередь. Мы приносим сюда хабар, спускаем его в ноль, даем нервишкам отдых от Улья. И нам хорошо, и местные при деле. За банкой пива сюда никто не приходит, смысла нет так мелочиться.

— Значит, я буду первым.

— Этой дурью долго страдать не будешь, станешь как все, даже не сомневайся.

— Посмотрим.

— Вот и увидишь. Как ты тогда отмазался? Удрать успел? Но как? Он ведь меня быстро оставил, хитрый зараза, все уразумел сходу. Так как?

— Я его убил.

— Тебе почему-то верю. Так ты точно выпить не хочешь?

— Точно.

— А я, если не возражаешь, еще бахну. И не раз. Тут, Карат, можно литрами заливаться, и похмелья почти не будет. Главное, не забывая живчик в организм доливать, он почти со всеми проблемами справляется. И кури хоть по три блока в день, лишь бы не перебраться с никотином, отравишься. Рак легких здесь никто никогда не видел. Та гадость, которая в нас сидит, спасает почти от всего. Сберегает свое вместилище. Вирус это, энергетический паразит, или грибница, или еще что... Всякое говорят про эту штуку, точный ответ я не знаю, и вряд ли кто знает. Давай выпьем за здоровье наших непонятных пассажиров. Стоит им что-то перепутать, и мы или копыта откинем, или будем бродить по кластерам и радостно урчать при виде вкусно пахнущей свежинки.

Перед Каратом поставили тарелку с аппетитного вида борщом и еще одну с котлетами. Понюхав последние, Шуст уточнил:

— Пацан, я прекрасно понимаю, что вы фарш из человечины крутите, но она хоть свежая?

— Это он так шутит, — без тени улыбки пояснил подросток. — Котлеты говяжьи, чуть-чуть курятины в фарш добавляем тушим с маслом, жарим в сухарях. Сейчас салат принесу.

Шуст, не церемонничая, ухватил раскритикованную котлету, откусил от нее чуть ли не половину и, сочно пережевывая, пожаловался:

— Который день заливаюсь, а кусок в горло не лезет. Но вот глянул на твои котлетки, и чего-то закинуть на зуб захотелось. А ты давно тут?

— Днем пришел.

— Нормально так пришел, четко в стаб попал. Не говори, что случайно получилось, небось помог кто-то, сам бы ты этот занюханный Жопосранск ни за что не нашел.

— Да разные люди по пути встречались. Кто-то помогал, кто-то наоборот. А некоторые помогали, а потом в ногу стреляли, под топтуна подставив.

— Ну раз рубера сделал, про топтуна даже не буду спрашивать. Ты, Карат, перспективный, я это сразу в тебе почую. Ну давай еще накатим, за твои богатые перспективы, и чтоб их не оборвал какой-нибудь элитник или что похуже.

— Что может быть хуже элитника?

— Нельзя о таком говорить. Примета плохая, — ответил Шуст приглушенным голосом.

— Да тут куда ни плюнь в плохую примету попадешь.

— Это ты верно подметил, сплошные суеверия. А что ты хотел, мы ведь почти в аду, тут без мистики никак. Ладно, я как бы должник твой, уболтал. Дай только накачу для храбрости, потом занюхаю свежим хлебцем и на ушко расскажу страшную сказку. Как раз дело к ночи, атмосферно получится.

За столом на другой стороне зала внезапно вспыхнула громкая перебранка. Дело стремительно дошло до хватания за грудки, но тут дверь распахнулась и на пороге появился Хмурый. Не разбирая кто прав, а кто виноват, он ухватил обоих нарушителей спокойствия за шкирки, легко потащил на выход небрежно при этом сообщив:

— Горячим ребятам требуется срочное охлаждение. Пейте и ешьте гости дорогие, они вернутся лучшими друзьями. Проверено.

Оба мужика не из мелких, килограмм девяносто минимум в каждом. Но Хмурый тащил их будто котят, с виду вообще не напрягался.

Карат покачал головой:

— Ну и силища у этого урода.

— Ага, на морду лица квазы не красавчики, но силой не обижены. Связываться с такими — себе дороже. Тут раз было, его шестеро хотели отделать. В итоге отделал их он, и еще вытащил за баню, там у него пруд у скважины, кидает туда всех, и называет эту процедуру охлаждением. В принципе так оно и есть, еще ни разу не видел, чтобы оттуда кто-то выбирался горячим и по новой начинал бурагозить.

— Так что там насчет тех, кто пострашнее элитников?

Шуст, воровато обернувшись, склонил голову, тихо произнес:

— Никогда о таком не заговаривай с незнакомыми людьми. Можно только если ты сидишь на жилом стабе, и он должен быть обязательно большим, и располагаться вдали от таких мест как Удавка. То есть Кумарник не подходит по всем пунктам, он небезопасен. Некоторые особо нервные за слово «скреббер», сказанное в неподобающем месте, могут чем-нибудь тяжелым по башке приголубить или пулю подарить.

— Знахарь местный упоминал это слово. И еще одни ребята, я в самом начале к ним попал.

— Смелые ребяташки, раз на Внешке о запретном болтают.

— Скорее не смелые, а обкурившиеся.

— И такое бывает.

— Так что там с этими скребберами?

— Слово нерусское, ни на что непохожее, откуда оно пришло, никто не знает. И что такое эти скребберы, тебе никто не скажет.

— Темнишь.

— Гадам буду, не темню. Вот ты смотрел фильмы Ридли Скотта? Ну это там, где зверюги с кислотой вместо крови из людей вылуплялись?

— «Чужой», «Чужие»?

— Ну да.

— Это все смотрели — классика.

— Если ты увидишь такую тварь, знай, что это скреббер.

— Они точь-в-точь так выглядят?

— Я разве такое говорил?

— Ну а как еще понимать твои слова?

— Понимай просто: если ты видишь что-то неопишное, что выглядит так, будто оно не с нашей планеты, страшное как смертный грех, это, скорее всего, скреббер. Они бывают самыми разными, иногда даже чем-то на нас похожими, но все равно с ними что-то не то. Их не спутаешь с зараженными, те, как бы ни менялись, все равно себя обликом выдают. Скребберы не такие, они совсем другие. Это как сравнивать летучую мышь с богомолем, даже хуже. И если ты увидел скреббера, приготовься умирать. Выжить почти нереально. Ну разве что он тебя проигнорирует. Мы им не всегда интересны, они не зараженные, на все подряд не кидаются. Но если кинулся, срочно пиши завещание.

— Их вообще убить нельзя?

— Такое бывает, но это чудо из чудес. Скребберы очень редкие, и меньше всего их возле Удавки. Если хочешь их повстречать, шагай прочь от Внешки и, забравшись в самое пекло, может и встретишь такую тварь. И старайся держаться ближе к мертвым кластерам, вроде как в таких районах шанс повидаться со скреббером повыше. Только все равно зараженные раньше сожрут, там территория матерой элиты, нет внешников, чтобы ее поголовье с воздуха прореживать.

— Скребберы — высшая форма эволюции зараженных?

— Вряд ли. В них нет ни спорангов, ни гороха. Есть только жемчуг, и только белый, а его из элиты не достать, там только черный и красный. Причем хрен найдешь споровый мешок, у них все не как у людей. Белую жемчужину ты не купишь ни за какие блага этого мира. Редкость та еще, легче Святой Грааль найти чем ее повидать. Янтаря нормального в скребберах тоже нет.

— Янтарь?

— Желтые и оранжевые нити в споровых мешках. Бывают только у

крутых зараженных.

— Дорогие?

— Не из дешевых.

— Хреново, я не знал про них. Оставил.

— Да, это хреново. Из них спек делают, это такая наркота и стимулятор. За наркоту кое-где можешь проблемы заиметь, но на разведенный стимулятор смотрят сквозь пальцы. Там все дело в дозе, стимулятор — та же наркота, если вмазать за раз несколько доз. Крутая штука, героин все равно что сахарная пудра в сравнении со спеком. Если видишь человека, который ведет себя как debil, изъясняется при помощи трех слов и многие из них сокращает, то он почти наверняка сидит на спеке. У них половина лексикона это «ну че ты» и все в таком роде.

— Я таких встречал. И про спек они упоминали.

— Все таких встречали, тут это модная тема. Не всем водяры хватает, некоторым подавай расслабон покруче, вот и подсаживаются. В скребберах нет нитей, там янтарь как каша, весь мешок заполняет. Это уже не тот янтарь, он куда интереснее. Тоже наркотик, но от него не тупеешь как от простого спека, и не взбесишься при хроническом передозе, и острое привыкание не вызывает. Лайт-спек называется. Это тебе и стимулятор самый лучший, и регенерацию дико ускоряет, в общем, много от него всякой пользы для нашего брата. Но и стоит он — мама не горюй. Да и редко кто продает. А чего это ты к знахарю ходил? Дар Улья раскрывать?

— И да и нет. Дар, плюс ногу показать подстреленную.

— Ну и как? Повезло с даром?

— Небесполезный.

— За это надо обязательно выпить. Причем не пива. Дар, это очень серьезно. Водка, только вкусная водка поможет. Эй! Человек! Чистый стакан моему крестнику! Карат, нос не криви и от водки не вороти, примета плохая, дар нормально обмывать надо, это тебе не шутка, он делает нас сильнее, выжить помогает. Пиво тут не играет, только сорок градусов и выше.

Водка была не из тех, что в сырых подвалах из ржавого чайника разливают, но и напиток не из тех, которые можно назвать вкусными. А Шуст почти не закусывал, и потреблял лошадиными дозами, но при этом не падал, и говорил почти нормальным голосом.

— Надо и себе к знахарю сходить. Есть сложный вопрос.

— К местному уже не сходишь.

— Это почему же?

— Он сегодня уехал. Мне повезло, успел застать.

— А чего это он уехал?

— Не знаю, он не сказал.

— Хреново... значит, пора и самому сваливать. Засиделся я в этой дыре.

— Что-то не так?

— А то, что знахари видят вещи, которые другие не замечают. Не все, не всегда, и вообще по разному, но что-то могут увидеть. Знаешь выражение «как крысы бегущие с корабля»?

— Его все знают.

— В Улье оно должно звучать так: «Как знахари сматывающиеся со стремного стаба».

— На вид стаб защищен не так уж плохо.

— Вот это как раз и хреново. Путаюсь слегка в словах, залился достойно, хоть бери и срочно трезвей... В общем, тут простая система обороны, и она всем понятная, в том числе и чужим. Людей у Фарта мало, но много самых разных мин. Не знаю где он их нарыл, но он все подступы перекрыты фугасками и всякими «монками^[17]». Плюс камеры дневные и ночные, плюс сигналки самые разные. Под штабом у него оборудован бункер, его подвалом называют. Там у Фарта кутузка для особо отличившихся и центр управления минным хозяйством. Все время кто-то дежурит. Чуть что заметят и сразу жмут на кнопки. Мин и разных фугасов столько под их управлением, что можно мотопехотный полк на орбиту отправить. Вся оборона на электронике и взрывчатке держится, стрелять тут особо никому.

— По твоим словам получается, что здесь еще надежнее чем я думал.

— Заметно очень, все на виду, а хорошая защита должна быть ненавязчивой, в глаза не бросаться. И болтать о ней никто не должен, а здесь у многих язык без привязи.

— Согласен, сталкивался с одним болтуном.

— Разросся Кумарник. Самый восточный стаб в этих краях. Любители побродить по Внешке в первую очередь на него выбирают. Кто в ноль хабар спускает, кто малую часть оставляет, кто просто дух переводит без загулов. А потом кто назад, к богатым кластерам, а кто, нахлебавшись Внешки по самые гланды, на запад подается.

— Ты только что говорил, что на западе эти непонятные скребберы и полно развитой элиты.

— Не совсем так, просто чем дальше от Удавки, тем больше шанс нарваться, но все меняется не резко. У нас тут круги настоящего ада: первый за Удавкой, там вообще никого нет, чернота сплошная. Второй круг

— Внешка, масса мелких кластеров, везде всегда что-то перезагружается, сплошная движуха. Третий за Внешкой идет, может скребберов там и побольше, чем на ней, но все равно редкое явление. Самый обитаемый круг. Даже если ухитришься на полторы тысячи километров от Внешки удалиться, все равно шанс встретить скреббера невелик. Немногим такое удастся, разве что специально задашься целью. Там опасность в другом — чем дальше, тем больше плотность высших зараженных. Можешь представить себе стаю элиты? А в четвертом круге нашего ада это запросто. Не говоря уже про всяких руберов и прочую шушеру. В общем, зараженные тебя схарчат быстрее, чем на скреббера наткнешься. Но до этих веселых мест далековато. Где тысяча километров от Внешки, а где-то и все две. Очень неравномерно. Эта зона называется где как, но в наших краях или просто Адом, или Пеклом, или Инферно, что, как ты понимаешь, одно и то же. Между Внешкой и этими чудными краями тянется относительно нормальная полоса третьего круга. Кластеры там побольше площадью, чем на Внешке, можно нормальные стабы окучивать. Обычные кластеры тоже крупные. Тут карликовых и близко нет, или встречаются очень нечасто. И там такое бывает, что можно вечно рассказывать. Ты даже представить не сможешь, на Внешке все не так.

— Например?

— Ну... Ну вот, допустим, ты в Москве бывал?

— Пару раз.

— Можешь еще побывать. Почти в Пекле есть кластер, куда она раз за разом подгружается. Целый мегаполис, с Кремлем, метро, аэропортами и прочим. Я вот думаю, несправедливо это.

— Почему?

— А не нравится мне Москва. Ей в Пекле самое место, а не восточнее.

— Многим она не нравится.

— Ну ты прикинь как все происходит: туча самого разного народа, там же миллионы; Кремль; министры-президенты в костюмах купленных за деньги, которых хватит выплатить пенсию старикам не самого последнего городка. Оцениваешь рамах? И вдруг бац, и все это оказывается на краю Пекла. Хрен знает сколько миллионов ничего не понимающего двуногого мяса.

— Теперь понятно, откуда в Пекле столько элиты.

— Ага. Москва — не единственный мегаполис, который оказывается поблизости или прямо там. Зона больших городов тянется примерно по границе Пекла, их будто специально туда закидывают. Очень богатые места, всякого добра прилетает много. Минус только один — у крупных

кластеров затянутые периоды перезагрузки. У некоторых несколько месяцев, у других годы. Ну и расплодившиеся твари само собой, тоже минус, ведь на такой богатой кормежке многие вырастают до элиты.

— А Москва как грузится?

— Четыре с половиной месяца.

— Не так уж и редко.

— Ох там небось и веселье в такой момент. Перерождаться ведь в медленных кластерах не сразу начинают. Суется, что-то понять пытаются, что-то сделать. Может даже с перепугу жмут со всей дури на большую красную кнопку в ядерном чемоданчике. Вот только все ракеты остались дома, ничего не взлетает. Да и куда им лететь? В Америку? Ну и где она теперь, эта Америка? Разве что отдельные города на далеких пиндосских кластерах. Во всем полный облом. Ха-ха! Давай еще по одной, что-то ты совсем нерадостный сидишь. Может не наелся? Заказать еще котлет? Не знаю из каких дворняжек их делают, но на вкус достойно.

Дверь распахнулась, на пороге показался давешний банный знакомый — Тощий. В одной руке он держал пустую бутылку, причем не из-под виски, а из-под водки, другая была занята еще одним банным знакомым — Нифелем. Разжиревший здоровяк волочил его за ногу, причем Нифель во время неаккуратной транспортировки безмятежно спал, выпустив изо рта струйку слюны.

Тощий, похоже, все это время провел в парилке. Он даже не удосужился одеться, появился в костюме Адама и с распаренной до кирпичной красноты мордой. Впрочем, вряд ли он осознавал, что ведет себя некультурно, в его глазах царила пустота космического вакуума без единой искорки разума.

Шуст, оценив внешность кадра, насмешливо произнес:

— Смотри не замерзни.

Тот, даже если расслышал за шумом телевизора, никак не отреагировал. Мозг все равно, что мертв. Шатаясь, направился вперед, опрокинул встретившийся на пути столик, упал всей тушей на второй, уничтожив его безвозвратно — не выдержали пластиковые ножки, разъехали в стороны.

В зал зашел Хмурый, невозмутимо ухватил оба тела, не напрягаясь потащил прочь никак не прокомментировав их дальнейшую судьбу.

— Тоже охлаждать будет? — спросил Карат.

Шуст покачал головой:

— Зачем? Четкие клиенты, не буянят, платят исправно, потребляют все что предложишь без нытья.

— Столу хана.

— Да что Хмурому этот стол? Он ничего не стоит, хлам, который летит сюда сплошным потоком. Привыкай уже к Улью, тут иная система ценностей.

— К такому не привыкнешь.

— Старайся. Ну давай уже, накатим по новой.

— Благодарю, но я пошел.

— Куда это ты без меня?!

— Спать.

— На том свете отоспишься, давай лучше нахреначимся в лютый хлам.

— Без меня оттягивайся. Устал я. Да и ноге покой надо дать.

— Вот зря ты это. Вечер еще не начался, как можно уходить?

— Для меня он уже закончился.

— Ну ты тогда это... не теряйся. Я завтра попробую протрезветь маленько, нормально пообщаемся. Да и темы есть для тебя и меня важные, перетрем. Найдешь меня?

— Я тут остановился, у Хмурого. Комнату снял. Сам меня и найдешь.

— Лады. И это... Точно все нормально? Без претензий?

— Если ты за того рубера до сих пор переживаешь, то все нормально. Претензий нет.

— Тогда завтра я буду тут как штык. Только не скажу во сколько. Протрезветь хоть чуток надо.

* * *

На улице успело стемнеть, и Карата передернуло от еще недавно привычного зрелища — горящих фонарей. Расставлены с умом, свет пробивается во многие переулки, не оставляя ни пятнышка непроглядного мрака в уголках где мог бы укрываться зараженный. Ему перед этим придется каким-то чудом пробраться незамеченным через все мины, ловушки и следящие камеры, но чудеса случаются, так про предосторожности нелишние.

Вдали, возле штаба Фарта, вообще будто ясный день, там сразу четыре прожектора работают. Пикап с пулеметом, на котором Карат приехал в Кумарник, стоит напротив крыльца, рядом с ним присоседилась укрепленная решетками с шипами «буханка» и здоровенный черный «джип» безо всяких переделок. Днем там такого скопления машин не наблюдалось.

Иллюминация не из тусклых, такую можно заметить издали, особенно если смотреть с воздуха. Почему здесь до сих пор не появились внешники? Ведь столько иммунных — гора добычи. Очевидно, неспроста игнорируют, стаб защищают не одни лишь мины. Не зря граница кругов местного ада проходит именно здесь, армейцам из других миров непросто работать в этой зоне, она на грани досягаемости. Полноценную воинскую операцию повернуть трудно, а все прочее при такой системе обороны может не сработать.

Чуть ли не над головой послышался душераздирающий то ли рев, то ли вой, перемежаемый шипением паровоза с простреленным котлом. Что-то прошмыгнуло по провалившейся крыше соседнего нежилого дома, прыгнуло, приземлилось неподалеку от Карата. Он успел разглядеть упитанного рыжего кота который с перепуганным видом драпал куда глаза глядят. Следом ловко приземлился Гранд, и, не переставая истошно завывать, понесся за улепетывающим противником.

— Постыдился бы, весовые категории несопоставимые, — беззлобно произнес Карат вслед.

Похоже, у местных кошек сегодня будет новый ухажер, а Рыжику, если переживет трепку, придется выживать партизаном на оккупированной территории. Да уж, серый будто в рай попал. Здесь круче него хвостатых нет, царем зверей станет.

Зажмурился, попытался шевельнуть ушами, представляя, что это действие ускорит его в сотни раз. Не успел толком сосредоточиться, как мир замер и стал безмолвным — разом стихло пение множества сверчков.

Моментально вышел из состояния ускорения и покачал головой. Странные дела, две прошлые попытки тоже были удачными, но заняли куда больше времени, и напрягаться пришлось куда сильнее. Неужели эти краткосрочные единичные тренировки привели к такому эффекту? Разница поразительная, у него ведь мгновенно все получилось, ни малейшей задержки.

А может все дело в алкоголе? Так сказать — допинг для раскрепощения сознания. В таком случае понятно, почему здешние рейдеры добравшись до безопасного места пьют за семерых. Хотя смешно думать, что дело только в этом. Все куда проще — мужики простейшим способом гасят круглосуточный стресс, который неизбежен у тех кто путешествует по кластерам. Карат тут всего пятый день, а такое впечатление, что пара месяцев уже прошло. За всю жизнь и десятой доли подобных приключений не испытал, а ведь у него случались нескучные периоды.

Попробовать еще раз поиграть с замедлением мира? Нет, лучше выждать паузу. Знахарь советовал не перенапрягаться с этим делом. И расходы живчика возрастут, и не привыкшему к таким нагрузкам телу во вред пойдет. Да и вырубаться нежелательно, ведь судя по стойкому амбре, здесь, прямо за дверью, постояльцы Хмурого традиционно справляли малую нужду. Будет неприятно, если придется валяться в таком месте.

Все, пора спать. Утром он попробует еще. Умение бесполезное, надо как следует его освоить.

Глава 30

Может у Хмурого собирался и не самый лучший контингент, но комната Карату понравилась. Точнее, крохотная каморка, но при этом чистая, не пропитанная вездесущим табачным дымом, с удобной в меру мягкой кроватью и белоснежным постельным бельем. Ему даже засыпать не хотелось, пытался подольше растянуть сладостный момент.

Такое впечатление, будто год кровати не видал. Чистый, сытый, самую капельку выпивший, нога почти не напоминает о себе. Полная благодать.

Разбудили его ударом приклада в лицо. Продрав глаза, ничего не смог сообразить от боли, шума в голове и кровавой пелены — бровь рассекли добротнo. Тут же схлопотал еще один привет тем же предметом, на этот раз по хрустнувшему ребрам.

— Руки! Руки давай! Руки сказано!

Кто-то ухватил за обе кисти, свел вместе. Миг, и что-то их перетянуло, жестоко, чуть ли не полностью перекрывая кровоток. Еще удар, на этот раз в другой бок, захват за шею, и вот уже тело летит с кровати, с грохотом приземляясь на скрипучий пол.

Только тут в глазах чуть прояснилось и Карат разглядел свои запястья перехваченные белым пластиковым хомутом. И скошенный срез автоматного компенсатора он тоже разглядел:

— Встал! Встать, сказано! Вышел в коридор! Чуть дернешься, оторву яйца и загоню внешникам!

Карат, сплюнув кровь, начал приподниматься, не удержавшись от замечания:

— Бизнес у тебя интересный.

— Кто тебе разрешил рот открывать?! — прошипели над головой, после чего пришлось опять растянуться на полу, задыхаясь от последствий жестокого удара в область почек.

Карат не понимал, что происходит и в чем суть свершающегося наезда, зато прекрасно понял, что любой намек на инициативу в этой ситуации вреден для организма. Надо помалкивать, слушать и смотреть, иначе так и будет вытирать полы на должности мальчика для битья.

Из соседней комнаты вытаскивали Тощего. Жирный был избит в кровь, но, судя по пьяному мычанию, не осознавал этого. Парочка темных фигур с лицами укрытыми балаклавами без церемоний спустила его с лестницы, на что он отреагировал громким звуком свойственным

тяжелоатлетам в моменты поднятия рекордного веса.

— Да этот боров обделался! — визгливо прокричали снизу.

— Ну и че?! — невозмутимо ответил на это один из «балаклав». — Волочите его к другим, он и такой сойдет.

Карат, продолжая ничего не понимать, поспешно спустился с лестницы не дожидаясь, когда ему в этом «помогут». Где-то неподалеку протрещала короткая автоматная очередь, потом еще одна, и в конце перестрелки щелкнул пистолетный выстрел.

На улице было уже не так светло как вечером. Прожектора возле штаба Фарта не горели, там вообще не было ни единого работающего фонаря, только метались лучи фар разворачивающейся большой машины.

Пригляделся. Нет, не машина это, а восьмиколесный бронетранспортер. «Страйкер», или что-то очень на него похожее, откровенно иностранное.

Внешники напали? И каким же образом они пробрались мимо мин и фугасов не перебудив при этом весь поселок? Ну мало ли каким, должны быть способы. У них и дроны, и техника крутая, может есть эффективные методы решения вопросов с несложными оборонительными системами.

Если это и правда внешники, то он попал по полной. От иммунных им много чего надо, выпотрошат как свинью и бросят ненужное, запаковав остальное в охлажденные контейнеры для перевозки трансплантируемых органов, или как-то иначе сохраняют. Он для них просто ценное сырье.

Только внешники какие-то странные. Карат их представлял иначе: единая униформа, знаки различия на ней, респираторы на лицах, одинаковое вооружение. А здесь он наблюдает совершенно противоположное: одеты кто во что горазд; вместо респираторов различные маски, «балаклавы», или просто платками замотаны. В руках чего только не увидишь: автоматы, винтовки самые разные, ручные пулеметы, охотничьи ружья и обрезы, пистолеты, один даже с топором пробежал мимо.

Это совершенно не похоже на регулярную армию. К тому же вспомнилась угроза насчет кастрации и последующего бизнеса с внешниками. Зачем торговать с теми к кому сам относишься? Какая-то нестыковка. Муры? Те самые предатели рода человеческого? Может и так, а это тоже неприятный вариант.

Из дома через улицу, где днем он встречался со знахарем, выводили избитого человека. Чтец и правда вовремя удрал, жаль, что Карат не догадался податься отсюда вместе с ним. Тут явно происходит нечто столь нечастое, что об этом ему никто ничего не рассказывал.

И вряд ли это непонятное событие из положительных. Хорошее так не

начинается.

Подвели к площади перед штабом. Здесь уже собрались десятки людей восседавших на коленях, а возле крыльца можно было разглядеть лежавшего человека под которым растеклась немаленькая темная лужа. Живым после такой кровопотери не останешься, так что к нему никто не проявлял интереса.

А вот к Карату и прочим проявляли:

— Сел! На колени сел! Бегом! И руки на макушку! Руки поднял и на голову ладони! Так и сидеть, гнида! Не вздумал дернуться, весь ливер отобьем!

Стараясь крутить только глазами, а не головой, осмотрел тех, кого сюда согнали. Разглядел несколько знакомых лиц, причем особого недоумения на них не прочитал. А вот страх отображался абсолютно на всех физиономиях.

Эти люди явно понимают, что происходит. А Карат знает лишь одно — он опять вляпался во что-то очень нехорошее.

Такая уж у него здешняя карма — каждый день в свежее дерьмо вляпываться.

Народ прибывал, причем не по своей воле. Поселок обшаривали толково. По обмолвкам типчиков с закрытыми лицами он узнал, что одного хитреца отыскивали в выгребной яме, где тот надеялся укрыться. Там же и пристрелили, побрезговав вытаскивать.

Место не сказать чтобы удобное, но надежное. Однако даже там спрятаться не удалось.

Иногда раздавались близкие выстрелы, но было понятно, что Кумарник взяли без боя, резко, внезапно, не дав защитникам собрать силы. Зашли не выдав себя; перегруппировались так, чтобы разрезать атакуемую площадь на простреливаемые с нескольких сторон участки; и теперь вычесывали их один за другим. Очень может быть, что самооборона сама сдала периметр, иначе как бы все прошло без сучка и задоринки.

А может и не виновата самооборона. Вон, тащат самого Фарта. Избит так, что смотреть страшно, но узнаваем. Он самый главный в здешней охране, и застигнут врасплох как и все. Вдруг кто-то из его креативных замов подсуетился? Ведь если верить Шусту, в защищенном подвале штаба располагается пост куда выводится вся информация с камер и систем наблюдения. И оттуда же можно активировать фугасы, коих в окрестностях поселка установлено огромное количество.

Кто-то сумел добраться до этого поста. Или люди, которые дежурили в ночную смену, сговорились с непонятными захватчиками.

Или произошло еще что-то, о чем Карат не может догадываться.

— Где Фарт? — послышался сбоку смутно знакомый голос.

Скосив взгляд, увидел, что среди укрывавших лица бродит тип, с которым ему сегодня пришлось подраться. При чем он не связан, на него вообще не обращают внимание. Он явно заодно с нападшими.

Синяк под глазом у этого урода просто эталонный. Даже в сумраке прекрасно видно. С первого взгляда понятно, что сидя в камере, которая располагалась где-то в подвале под штабом, он не скучал, но и не сказать чтобы радовался жизни.

— Жало, вот он, твой Фарт! — указал проходивший мимо плечистый тип с ручным пулеметом наперевес.

Побитый сиделец подошел к командиру самообороны, встал, сплюнул тому на голову, и язвительно поприветствовал:

— Здорово, Фарт. Как твоя жизнь? Слишком короткая? Ну так это бывает, когда головой не думаешь. Вот зачем было меня в подвал закрывать? Я ведь хороший человек, со всех сторон положительный. И тебе ведь внимательные люди сразу сказали, что с кинетиком дело имеешь. Не думаешь, совсем не думаешь. Замки в твоей живодерне механические, а для меня они не вопрос, давно уже не останавливают. Уж извини, но кончил я твоих вертухаев, некому было на кнопки нажимать.

Фарт, подняв залитое кровью лицо, смачно плюнул, но Жало успел уклониться и врезал в ответ ногой с такой силой, что Карату показалось будто он услышал треск костей.

— Фарт, я же говорил тебе, что за все сквитаюсь. Это был просто аванс, получка у тебя впереди, чуток подожди, не уходи никуда.

Карат на всякий случай опустил голову, пряча лицо. А то вдруг Жало заметит знакомую морду и решит, что он тоже достоин «вознаграждения».

В гробу он видал такие щедрые авансы.

Подъехала пара машин, очень похожих на ту, в которой днем Карата подвозили к поселку. Зажглись дополнительные фары, стало гораздо светлее. Людей еще приводили, но уже редко, основной наплыв остался в прошлом. Выискивали отдельных хитро спрятавшихся, почти все жители и гости поселка уже здесь.

Сотни две на коленях, и человек пятьдесят вокруг. Обидно, ведь нападающих в несколько раз меньше. И тем не менее операцию они провели чисто, Карату не верилось, что захватчики хоть какие-нибудь потери понесли, синяк запертого в подвале диверсанта не в счет. Пусть это и не регулярная армия, но сработали на пять с плюсом.

Загудел двигатель еще одной машины, на освещенное пространство

выехал грузовик с заниженными бортами. Они почти не скрывали груз — омерзительного вида монстра ужасающего размера. Должно быть в нем не меньше пары тонн, скорее даже все три. В нем уже не угадывалось ничего человеческого или звериного. Несимметричное тело, будто уродливая бугристая картофелина; четыре мощных конечности, по виду которых можно сказать лишь то, что они могут догнать автомобиль, а затем разорвать его напополам и наколоть водителя с пассажирами на длиннющие кривые шипы растущие из предплечий. И голова, будто собранная из частей. Нижнюю взяли от тираннозавра; среднюю от иссохшей мумии, глаза которой почему-то остались живыми; а верхнюю срезали с башни танка.

Кстати, помимо макушки башни с того танка срезали еще несколько листов брони, навешав их там и сям. И речь идет не о многочисленных костяных пластинах, кое-где идущих внахлест и теснящихся, а о самой настоящей стали — кто-то изготовил для твари подобие доспехов, таких же уродливых как она сама. Так что к ее неслабой природной защите добавилась рукотворная.

— Элита! Элитник! Жемчужник! — испуганно пронеслось по толпе пленников.

Да уж, против такого никакой лом не поможет, хоть привязывай к нему метлу, хоть не привязывай. Тут нужен гранатомет или что-то в этом роде.

Кто-то бахнул из ружья после чего послышался истеричный вопль:

— Молчать, твари! Молчать!

Карат и без указаний помалкивал. Дело совсем труба, это очевидно. Он попал к явным психам, потому что никто в здравом уме не станет возить с собой такое чудовище. Пусть даже оно сковано по рукам и ногам, а цепи закреплены на массивной раме сваренной вокруг кузова. Одного взгляда достаточно, чтобы понять — при желании тварь потратит немного времени на то, чтобы разнести свои оковы. Бугрящаяся уродливой мускулатурой туша излучает неодолимую мощь, страшно представить, что она может устроить, если окажется на воле.

Мясорубку — вот что.

Он-то знает, как сильны бывают мертвяки. А это элита — вершина эволюции зараженных. Возможно и не самая крутая гадина из своего класса, но все равно очень и очень впечатляет.

Интересно, каким образом ее смогли изловить и заковать? Что ни делай, такая охота будет посложнее ловли разъяренного тигра голыми руками.

Подъехала еще машина — «хамви» выкрашенный в радикально-

черный цвет. С пулеметным гнездом, где стрелка прикрывает решетка из арматуры, с пластинами ошетилившимися наваренными шипами там и сям. За ним плелся черный джип укрепленный так же серьезно, но без вооружения.

Из джипа вышла...

Карат невольно сглотнул слюну. До этого момента он искренне полагал, что всяких женщин навидался: красивых и страшных как атомные бомбы, потрясаяще умных и тупых как сибирские валенки, вопиюще сексуальных и фригидных как обломок антарктического айсберга. В общем, почти не сомневался, что в этом вопросе его ничем не удивишь.

И тем не менее сейчас он увидел то, что не вписывалось в привычные рамки. И вдвойне поразительно, что женщину даже не рассмотришь толком, ведь верхнюю часть ее лица скрывает изящная карнавальная маска: сложных очертаний, черная, с прерывистыми линиями блесток.

Вот как можно составить полное впечатление о женщине, если она прячет самое главное — мордашку?

Но Карату и кусочка хватило. Нет сомнения, что она красива той тонкой красотой, которая не особо ценится на разных гламурных шабашах, но зато выглядит безумно естественно, притягательно, ненавязчиво очаровательно и не отягощено тошнотворной мишурой. То есть в наличии полный набор для нормального мужика без тени вульгарности, а такое сочетание сражает наповал. Для этого вовсе не надо видеть все лицо, достаточно кусочков там и сям, а еще грации, которую не скроешь. Тело в обтягивающем черном платье тоже не спрятать, к нему никаких вопросов, там есть все что должно быть в нужных пропорциях и на правильных местах.

Нет, внешность — не то. Вовсе не в ней дело.

Карат видел красоток, на которых можно было бросить лишь один взгляд, после чего отворачиваться навсегда и проходить мимо. И видел дурнушек, к которым мужики липли как голодные мухи на мед, притягиваемые невидимым излучением их неистовой сексуальности. Видел...

Он много кого видел. Но такое с ним случилось впервые. Здесь в одном теле собрано все прекрасное, что должно быть в женщине, и собрано до невозможности гармонично. В ней всего по чуть-чуть, и кое-чего сверх всякой меры. Смертельная доза притягательности, пришлось приложить усилия чтобы не подняться с колен, не пройти к незнакомке, не снять дурацкую маску, после чего посмотреть в ее глаза.

Глаза... безумно хочется в них взглянуть...

Да что это с ним такое?! Будто прыщавый школьник терзаемый жесточайшим приступом неоперабельного спермотоксикоза.

Перед ним ведьма с лицом ангела. Околдовала с одного взгляда. Бред какой-то, так не бывает.

Но почему-то случилось именно с ним.

Нет, зря он так о ней подумал. Она не ведьма, она в худшем случае — ведьмочка. Нельзя называть это чудо так грубо.

Великие боги, как же не хочется отводить от нее взгляд...

На дурно выглядевшую старуху, вышедшую из той же машины, Карат смотреть не стал. Некогда, у него есть другой объект для любования. Но все же пришлось обратить внимание, когда эта безвкусно одетая карга с изуродованным неумеренным количеством косметики лицом приблизилась к открытому кузову грузовика, без тени страха протянула руку. Монстр зловеще оскалил клыки, выстроившиеся в несколько рядов, будто у акулы, зазвенел массивными цепями, пригнулся.

Ну все, бабка, сейчас смахнет тебе руку, а может и голову. И хлипкий намордник тебя не спасет, этот монстр легко порвет его одним движением мускулистых челюстей.

Вместо этого тварь понюхала протянутую ладонь, а потом случилось небывалое — лизнула, просунув через прутья намордника мясистый узкий язык покрытый уродливыми белесыми буграми.

Кто-то из пленников потрясенно выругался, и тут же схлопотал прикладом. А старуха, скривив ярко-красные губы в безобразной улыбке, удивительно сексуальным для ее возраста и внешности голосом произнесла:

— Уберите Юпитера с площади. Наш мальчик не любит яркий свет.

Потрепав монстра за подбородок, отошла на шаг, дождалась, когда грузовик скроется во мраке улицы, обернулась к девушке, которая так потрясла Карата:

— Аурелия, дитя мое, не стой, ты же знаешь, что должна осмотреть этих людей. Не медли мое золотце, пройдишь вокруг, никого не пропусти.

Девушка, развернувшись, направилась к пленникам. За ней тут же выстроился эскорт из тройки круто экипированных бойцов, чьи лица скрывались под масками тактических шлемов, а оружие было обвешено таким количеством разнообразных прибабасов, что очень походило на бластеры инопланетян из фантастических кинофильмов.

Карат даже не удивился, когда, пройдя мимо десятков пленников, Аурелия остановилась перед ним. Должно быть взглядом притянул, и это неудивительно, ведь так он еще ни на кого не смотрел.

Простояв над ним несколько мгновений, чуть присела, изогнувшись с таким изяществом, что он сглотнул очередную порцию слюны.

Блин, да он уже наглотался литра на три за эти минуты! Это какое-то наваждение!

Проклятая ночь! Прорежи маски темны, он не может разглядеть глаза Аурелии, лишь еле заметный блеск угадывается. Ну же! Сними! Сними маску! Не будь такой плохой. Губы девушки чуть дрогнули, и почти не шевелились когда она еле слышно с нотками испуга в голосе произнесла четыре слова:

— Освободи Юпитера. Ты сможешь.

Он чуть не застонал от наслаждения когда тонкие девичьи пальчики коснулись его щеки. Сладостный миг, но увы, слишком короткий. Вот они прошли выше, мимо глаза, по кончику брови, через лоб, коснулись скованных хомутом ладоней. И незаметно вложили удлинённый металлический предмет, который Карат на автоматизме припрятал в сжатом кулаке.

Так же изящно выпрямившись, Аурелия обернулась в сторону старухи:

— Сабина, я нашла.

— Стой там, детка моя, я уже иду к тебе.

К сожалению, девушка не вняла совету карги. Отступила на шаг, и так как поворачивать голову Карат не мог под угрозой удара прикладом, пришлось довольствоваться видом краешка ее платья.

Старуха, приблизившись, равнодушно пробубнила:

— Пусть он посмотрит на меня.

Миг, и голову резко задрали грубые руки, так что пришлось поневоле созерцать не самое приятное в жизни зрелище.

Старуха, глядя на него сверху вниз, улыбнулась столь красноречиво-похотливо, что его едва не стошнило. Мясистые губы приоткрылись, прежним вкрадчивым голосом, в котором животная эротика хлестала через край, произнесла:

— Надо же какой интересный красавчик. Милый, при этом без слащавости, и нет ни капли вульгарной мужиковатости, но чувствуется животная сила. Оригинальное сочетание, давно таких не видела, прям глаз не отвести. И как же тебя зовут, прелестный юноша?

Прекрасно понимая, что это не тот случай, когда можно играть в молчанку, с нескрываемой неприязнью выдавил из себя:

— Карат.

— Карат... Ты назвал себя Каратом... Нет, это неправильно, мне нужно другое, самое первое твоё имя, изначальное. Назови его.

— Игорь.

— Как давно ты потерял свое первое имя?

— Пять дней.

— Мальчик, тебе, наверное, было безумно трудно все эти дни?

— Не то слово...

— Люди, которые нас с тобой сейчас окружают, грубы, они живут одним коротким днем и не хотят помнить старое. Полностью отказываются от своих основ и потому почти все стараются забыть изначальные имена, у них так принято. Не будь таким как все, это неправильно. Такие как я и многие мои собратья помним все. Мы помним первобытную дикость Стикса, тот хаос, что царил здесь до нас и во времена начала начал. Мы — хранители главных тайн этого непростого мира. И мы — его единственная надежда. Мы знаем, что те, кто только начинают постигать величие Стикса, на особом счету у высших сил. Они огорчаются, когда молодые и наивные падают, не успев завершить первый шаг. Невежды богаты глупейшими суевериями, но даже в их суевериях есть место тому, что касается таких как ты. Ты слышал, что причинять зло новичкам — плохая примета?

— Доводилось.

— И это правда. Не надо испытывать терпение Стикса. Он не страдает излишним милосердием, но в своей беспощадности особо выделяет тех, которые идут ему наперекор. Не бойся, Карат, тебе не грозит ничего плохого. Ты здесь недавно, ты еще не завершил даже первый свой шаг. И Аурелия определила, что ты одарен, в тебе есть потенциал. Линия твоей жизни не оборвется сегодня, таким как ты нет места на нашем маленьком празднике. Стикс против твоего участия. Но помни, что ты не вечно будешь наивным новичком. Всегда помни кто ты есть и никогда не упускай свой шанс. Вот как сейчас. Тебе ведь повезло, но ты это пока не осознаешь. Возможно, именно сегодня ты ухватишься за тонкий лучик света истины, который приведет твое сердце ко мне или таким как я. Мы всегда будем рады тебя видеть, и хорошо, если ты начнешь об этом задумываться прямо сейчас.

Старуха коснулась его щеки. Впечатление ничем не похожее на то, что он испытал в тот сладостный момент, когда точно также поступила Аурелия.

Сабина, развернувшись, приказала:

— Этого в подвал, или еще куда-нибудь. Его не должно быть здесь, он не имеет права присутствовать на церемонии.

Ну хотя бы не прибили, и на том большое спасибо.

Вот только его сейчас уведут с площади и он не сможет смотреть на

Аурелию или хотя бы на кончик ее платья. Это плохо. Это чертовски плохо.
Он бы сейчас многое отдал за лишнюю минуту.

Ну почему все прекрасное так быстро заканчивается?!

Глава 31

Объем камеры был соизмерим с объемом стандартного гроба, причем гроб заметно выигрывал. Неглубокая ниша в стене из бетонных блоков перекрытая решетчатой дверью. Никакой мебели, вообще ничего, просто каменный мешок, сюда даже стул не поместить. Из украшений можно отметить примитивное граффити и непристойные надписи, оставленные прежними сидельцами. А еще в глаза бросаются подозрительные темные пятна, судя по всему появившиеся в результате продолжительных избиений все тех же коллег по заключению.

Лежать здесь не получится, можно только сидеть на корточках. Но Карат не сидел, он стоял, прислонившись к решетке и сжав ладонями ее прутья. Странное наваждение, вызванное мимолетным знакомством с Аурелией, почти сошло на нет, но оставило после себя разветвленные корни. О чем бы он сейчас ни думал, мысли рано или поздно возвращались к загадочной девушке.

И к ее словам. Четыре безумно сладких слова произнесенных персонально для него: «Освободи Юпитера. Ты сможешь».

Да будь у него хоть малейшая возможность, он бы этого Юпитера взасос поцеловал. Да он на что угодно готов пойти ради одного взгляда, ради снятой маски, ради мимолетного прикосновения. Вот только все это влажные мечты, он заперт в каменном мешке и выбраться не может. У него нет умения, которое демонстрировал Жало. Он не способен дотянуться до замка одной лишь силой воли и провернуть механизм.

Хотя пробовал. Напрягал уши, как советовал Чтец. Пару раз ускорился, но более ничего. Другие умения не проявлялись. Или знахарь что-то перепутал с его загадочностью, или всему свое время.

В узком коридоре, который тянулся на десяток метров от каменного мешка, зажегся свет. Показался один из той парочки, которая ошивалась в подвале. Они забрали Карата у верзилы, который привел его с площади подгоняя вниз по лестнице жесткими тычками винтовочного ствола. Как бы ни нахваливала новичка старуха, а почкам досталось знатно.

Охранник приблизился небрежно помахивая обрезами двустволки, улыбнулся вроде бы искренне, но Карат что-то успел уловить, отшатнулся, и сдвоенные стволы со звоном ударили по решетке, вместо того чтобы пройти по пальцам. Ничуть не огорчившись промахом, гад весело произнес:

— А ты ловкий. И Сабина глаз на тебя положила. Говорят, расцвела, как роза чайная при виде такого красавчика. Ну и как? Она тебе сильно понравилась?

— Ты лучше.

— Ха-ха! Ну да, с такой мордашкой и фигуркой ты, небось, моделью подрабатывал, а все они поголовно голубизной пропитаны, так что дело для тебя привычное. Но даже не думай на меня рассчитывать, тебя ждет совершенно другое. А именно — незабываемая ночь с нашей непревзойденной Сабиной. Ты ей точно понравился, ребята сказали, что чуть ли не облизала тебя у всех на глазах. И не надо так грозно хмуриться, ты же только что вытащил счастливый билет. Никто не знает сколько ей лет, некоторые говорят, что она здесь с самого начала времен, старее египетских пирамид и потому любит появляться на людях в образе мумии. И она всегда была той еще нимфоманкой, сколько ее помнят. Ты представляешь, какой богатый опыт накопила со времен фараонов? Тебя, красавец, ждет незабываемый трах. Только учти, она немного извращенка.

— Вроде тебя?

— Ну что ты, она куда извращеннее. Ты, главное, будь с ней покорным и ласковым, и язычком не забывай работать усиленно, глядишь, не отхлещет тебя по белой попке плеткой, что сделана из проволоки колючей. Она это запросто, без ума от вида крови.

За спиной болтуна мелькнула тень, это кто-то показался в коридоре. Тот мгновенно развернулся:

— Какого!..

Карат, не задумываясь о том, правильно или нет поступает, навалился на дверь, просунул стянутые руки через решетку, дотянулся, ухватился одной ладонью за обрез, другой за запястье, завернул руку к плечу, потащил к себе упирающееся вопящее тело, крепко прижал к железу.

И через плечо увидел, как по коридору несется Шуст. Не бежит, а именно несется на размытом круге в который превратились его бешено работающие ноги. Миг, и он всем телом ударил в вырывающегося тюремщика, перехватил свободную руку, и тут же послышались омерзительные частые звуки, короткий нож приятеля раз за разом входил в шею и грудь отчаянно заоравшего болтуна.

Карат поморщился, лезвие добралось до плеча и чувствительно прошло по его пальцам. Но хватку не ослабил, жертва все еще трепыхалась, причем с нечеловеческой силой. И пыталась вырваться. А то, что обрез держала за конец рукояти, сыграло роковую роль — до спусковых крючков не позволяли дотянуться.

Должно быть Шуст нанес не менее пятидесяти ударов прежде чем тело обмякло, и Карат, наконец его отпустив, отшатнулся, уперся спиной в холодный бетон, неописуемым голосом пожаловался:

- Ты мне пальцы пописал грязным ножом...
- Забудь, тут ни сифилиса, ни СПИД-а нет.
- Помню... в Улье опасные бациллы не выживают.
- Где ключ?
- Откуда я знаю?
- А я откуда?
- Ну так поищи. Тут где-то еще один бродит.
- Не бродит. Он в мониторной сидит. То есть уже лежит. Постой здесь, я ключ поищу.
- Обещаю, что никуда отсюда не уйду.

Шуст вернулся через пару минут с целой связкой ключей. Перебирая их один за другим он возбужденно рассказывал:

— Ты прикинь, я тут уже запарился лежки менять. У них два или три четких сенса, специально притащили. Ходят повсюду и сканируют, твари гнилые. Как ни ныкайся, а везде находят.

- Сенсы?
- Ну это типы с даром видеть живые объекты за преградами. И не только живые: технику, мины, датчики сигнализации. Всякое в общем. Нужные спецы, их на части рвут, очень полезно когда такой есть в команде. Ну это если охотой на тварей промышляешь.

- Кто это вообще такие?
- Ну я же сказал — сенсы. Вроде сканера, который видит...
- Да я не о том, — перебил Карат. — Кто все эти типы? Что им от нас надо?

- А ты разве не знал?!
- Откуда? Я же тут недавно.
- Да как ты вообще до сих пор живой?!
- Стечение обстоятельств.
- Я так и понял, потому как ты просто смертник, для таких и пять минут прожить — рекорд. Это килды, килдинги.

- Сектанты?
- Ты о них знаешь?! Так чего голову морочишь?!
- Да почти ничего не знаю, просто сталкивался разок с поляной, на которой они повеселились.

- Повеселились?
- Жертвоприношение устроили. Зачем им поселок?

— Ну ты сам и ответил — в жертву принесут.

— Целый поселок?!

— А что тут такого удивительного? Они не первый раз такой трюк проделывают. Хотя и нечасто. Но Фарт сам нарвался, слишком самоуверен. Плохое место, надо было западнее стаб выбирать. Выгоды тут много, согласен, но и до беды недалеко. Во, подошел!

Заскрежетал замок, дверь с душераздирающим скрипом распахнулась. Карат, сделав шаг в коридор, протянул стянутые все тем же хомутом ладони. Окровавленное лезвие короткого ножа вжикнуло по пластиковой полоске, руки освободились.

— Шмонай этого, а я за вторым, — сказал Шуст. — Как закончишь, подтягивайся, это по коридору до конца, потом направо. Увидишь.

Карат без тени брезгливости обыскал тело на предмет патронов, прихватил нож, проверил, заряжен ли обрез. Порядок, теперь он при оружии. Теперь снять скверно выглядевшую куртку, накинуть на себя, ему она нужнее чем покойнику. Не такая уж и грязная, повезло, что оказалась расстегнутой, почти все удары товарища пришлись в грудь и шею, основной поток крови хлынул вниз, на ткань не так много попало.

Шуст обнаружился в комнате обставленной по последнему слову техники. Никаких голых бетонных стен, обстановка обычного офиса в котором окна зачем-то заклеили картинками с роскошными видами природы. И десятки мониторов закрывающих целую стену. Некоторые погасшие, по другим идут линии помех, но многие выдают черно-белую картинку.

— Отсюда люди Фарта смотрели за Кумарником и окрестностями, — пояснил Шуст.

— Я догадался.

— Раньше Кумарник был той еще занюханной дырой. Да по одному названию все понятно. Если заглянул в него, и не разу не порезали, считай, что крупно в лотерею выиграл. Мордобой нескончаемый, наркота во всех видах, поножовщина и стрельба, муры людей прямо на улице воровали. Стремное место. Мосол тут порядок навел, быстро все поменял, грохнул самых непонятливых. Потом его элитник схарчил, корона на Фарта свалилась. А он торгаш, барыга, не по Сеньке шапка, так же быстро все просрал, вот и сдал килдингам. Ну не они, так внешники все равно бы эту лавочку рано или поздно прикрыли. Граница Внешки, что тут еще можно сказать, беспечным лохам здесь делать нечего. Там в углу за ящиком с инструментами рюкзак твой и меч.

— Откуда?

— Так я искал тебя в хате Хмурого, вот и прихватил. Чего добру пропадать.

— Это за что мне такая великая честь? Зачем искал?

— Крестник ты мой, не вечно же тебя бросать шакалам на растерзание. Веришь ли, дня не проходило, чтобы тебя не вспоминал.

— Скажи еще, что плакал горькими слезами.

— Ага, по ведру за вечер выливалось.

— Говорил же, я не в претензии за тот случай.

— Да класть на твои претензии, у меня свои тараканы в голове, не мешай их кормить.

— А ружье где?

— Ружье не видел. Наверное унесли, кто же хорошее оружие бросать будет.

— Плохо. Хорошее ружье было.

— Найдешь еще. Хотя вряд ли. Кончат нас здесь быстро, к гадалке не ходи.

— Оптимистично...

— Зато реально. Но попробуем уйти. Мы еще побарахтаемся, мы так просто не сдадимся.

Карат уставился на монитор, камера которого смотрела на площадь. Картинка черно-белая, качеством не блещет, да и затемнена сильно, несмотря на приличное освещение. Но можно было рассмотреть, что пленников согнали в тесную кучу окруженную выстроившимся в почти идеальный круг килдингами. Некоторые из них держали в руках зажженные факелы, другие сжимали оружие, направив на жертв.

— Вроде рты открываются, — заметил Карат. — Говорят что-то всей оравой. Звук нет?

— Если и есть, не знаю как включить.

— А камеру повернуть так, чтобы черная машина попала, можно?

— Сказал же — ничего не знаю. Смотри как есть, не трогай ничего, а то еще взорвешь нас со штабом месте. А это что такое?!

Сектанты начали долбить асфальт пневматическим перфоратором. Для этих целей подогнали компрессорную тележку. Рядом с ней лежали огромные металлические крюки, бухты троса и массивные блоки.

— Что-то совсем уж непонятное делают, — Шуст покачал головой. — Будто слона собрались привязывать посреди площади.

— Не знаю как насчет слона, но элитника они привезли. Живого.

— Что?! Элиту?! Живого?!

— Даже не поцарапанного. Сам разве не видел? У них грузовик туда,

дальше по улице уехал, там элита в кузове, ее в цепи заковали.

— Ты ничего не путаешь?!

— Таковую страшилую первый раз вижу, а уж я всяких успел навидаться.

— Как они смогли поймать элиту?!

— Без понятия, спроси у них.

— Ну да, само собой, прямо сейчас схожу и спрошу. Похоже, асфальт долбят, чтобы элитника контролировать. Нацепляют тросов и устроят крутую церемонию.

— Скормят людей твари?

— Что-то в этом роде. Ничего хорошего нашим сейчас не светит. Уходить надо, здесь будут искать в последнюю очередь, но все равно найдет. Мы долго не продержимся, забросают гранатами или взорвут нахрен, тут весь поселок в минных складах, взрывчатку можно не жалеть. И откуда они столько натаскали? Посадить бы Фарта голым задом на муравейник и поспрашивать, уж очень выгодная тема. Есть у меня одна умная мысль. Я посмотрел куда работающие камеры смотрят, заметил пару окон в линии их постов. Переберемся через баррикады и ходу.

— Там мертвяки привязаны, урчать начнут. И мины повсюду.

— Ну хоть какой-то шанс, другого не вижу. Ведь здесь нам вообще ничего хорошего не улыбается. Сенсы так и бродят, вон, смотри, кучка пошла куда-то. Видел? Среди них точно есть сенс. Эти гады никого не пропустят. Ну так что, ты со мной?

Карат, неотрывно уставившись на монитор, дающий изображение с площади перед штабом, едва заметно покачал головой:

— Нет.

— Жить перехотел?

— Дело у меня здесь. Важное.

— А оно подождать не может?

— Нет.

— Карат, ты учти, я ведь долго уговаривать не буду.

— Иди сам. Благодарю за помощь, выручил, не забуду.

— Но и помнить долго не будешь, потому как убьют недоумка прямо тут и сейчас. Да что ты вообще задумал? Какие вообще могут быть дела при здешних раскладах? Ксерокопию паспорта решил срочно сделать?

— Обломаю им жертвоприношение.

— Карат, братан, ты где такую забористую дурь достал?! Да их тут шесть десятков рыл, если не больше, ты всерьез думаешь на них рыпнуться?!

— Абсолютно серьезно. Сказал же, иди без меня. И быстро иди, тут

будет жарко.

— Да ты точно спятил...

— И да, не знаешь, где здесь можно мины найти? Сам ведь говорил, что они тут повсюду хранятся, а я вот ни одного места не знаю.

— По той стороне, где берлога Хмурого, третий дом от штаба. Он нежилой, но под ним есть подвал. Заперт он, но, думаю, замки там уже успели раскурочить, спрятавшихся везде ищут. Да и мины — ценное барахло, килдинги такое бросать не станут.

— Благодарю.

— Карат, последний раз предлагаю. Шансы невелики, но они есть. Выбрось дурь из головы, уходим вместе, хватит в героя играть. Герои тут долго не живут.

— Они нигде долго не живут.

— Вот! Первая здравая мысль! Осознал?!

— Я всегда это знал. Никакого героизма не будет, я воспалением мозга не страдаю.

— Молодец, так и надо. Ну так что, уходим?

— Выходим вместе и расходимся. У нас разные дороги.

— Псих ненормальный... Ну это твоя башка, тебе ее и терять. Пошли хоть до минного склада доведу, ну а там уже разбежимся.

Глава 32

Мина не такая уж и тяжелая, но неведомые конструкторы не все предусмотрели. А именно — ее совершенно не приспособили для переноски. Двумя руками тащить еще куда ни шло, но сейчас одна занята обрезом, повесить его на плечо нет возможности, за пояс тоже не заткнешь, потому как Карат в этот переплет попал прямо из постели, из одежды на нем в тот момент оставались лишь трусы. С убитого килдинга стащил кроссовки, маловатые по размеру, зато не бродить босиком; куртку тоже взял, не побрезговав кровью, но ее карманы не подходят для хранения громоздкого оружия. Штаны брать не стал, они изгажены не только в крови, так что вид у него несолидный. Можно, конечно, пробраться в дом Хмура за своим барахлом, но это лишние передвижения, лишний риск нарваться на поисковую команду.

Обидно будет помереть в трусах и заляпанной свежей кровью куртке, но он готов с этим смириться.

А ведь помирать, похоже, придется. То, что он задумал — даже самоубийством трудно назвать. Из петли еще достать могут и откачать, а вот из пасти элитной твари вытащить нереально.

Но он обещал это сделать. Пусть мысленно, но обещал. Человеку, которому не может отказать. Это очень похоже на умопомрачение, или на то, что волшебница Аурелия каким-то непостижимым образом подействовала на его рассудок, вызвав зависимость, схожую с наркотической.

Но ему эта зависимость нравится.

Грузовик с Юпитером отогнали метров на сто пятьдесят от площади. Здесь не горело ни одного окна или фонаря, но машина выдавала себя издали светом фар. Карату пришлось пробираться закоулками, кто бы ни сидел в кабине, он легко заметит мужика в куртке и трусах шагающего по освещенной улице.

Монстр, почуввав приближение человека, приглушенно заурчал — высказаться громче помешал намордник. Задергался, зазвенел цепями, всем телом потянулся к Карату. Тот, остановившись в паре шагов, положил обрез на землю, вытащил меч из прорези в обшлага куртки, тоже положил, крепко прижал к груди мину, скорчил зверскую гримасу, зловеще прошипел:

— Эта штука танк напополам разорвать может, от тебя тут только

мокрое пятно останется. Ну давай, попробуй меня тронуть. Давай, вперед, мне умереть не впадлу, вместе уйдем.

Шаг. Еще шаг. Монстр не из тупых, но интеллекта все же не хватает, чтобы осознать беспочвенность угроз почти голого человека. Ведь для срабатывания мины необходимо приложить усилие для Карата запредельное. Она ведь против танков предназначена, а не легких двуногих букашек. Но даже если бы он сумел это сделать, ничего бы не вышло. Ему не удалось найти взрыватель, без него она безобидна как плюшевая игрушка.

Но выглядит весьма грозно и Карат ведет себя убедительно. Тварь может помнить информацию из прежней жизни, да и с людьми волей-неволей доводилось общаться, знает, что они способны на самые изощренные пакости. На этом маловероятном допущении и строился безумный расчет Карата.

Странно, но расчет, похоже, сработал. Юпитер вновь зазвенел цепями, но на этот раз он уже не рвался навстречу человеку, а наоборот, пятился, стараясь держаться как можно дальше от безрассудного шахида в трусах и окровавленной куртке. А тот не унимался:

— Я тоже подохну, но я и так покойник, поселок они обложили крепко. В общем, подохнем оба, если мне так захочется. Что? Страшно? Не хочется подыхать в расцвете сил? А придется, если дернешься не в ту сторону, если не будешь милым паинькой. Даже больше скажу, я тебя сейчас избавлю от этих цепей и можешь валить куда хочешь, так что ты, урод, молиться на меня должен.

Заметил, что помимо цепей к ногам твари ведут толстые черные провода заканчивающиеся медными браслетами. Похоже, в случае неправильного поведения на них подают высокое напряжение, чем и удерживают тварь в узде.

Грузовик как следует приспособили для перевозки опаснейшего создания. От старого кузова осталась лишь часть, все остальное — крепкая сварная рама на которой размещены узлы крепления цепей. Концы этих пут тянутся к лебедочному механизму за кабиной, раскручивая его барабан можно менять степень свободы твари. Там же виднеется непонятный длинный короб, в который уходят провода. Скорее всего — устройство для организации электрошока при блоке аккумуляторов.

Карат сразу определил, что стальные браслеты с ног и рук не снять, скованы намертво при помощи расклепанных болтов. Но ведь не просто так Аурелия сунула ему в руку ключ, что-то он должен открывать, иначе все бессмысленно.

Потому, не сводя напряженного взгляда с чуть присмирившего Юпитера, подобрался к механизму где увидел массивный навесной замок фиксирующий стопор барабана в крайнем положении. Ничуть не удивился тому, что ключ подошел и легко провернулся. Все это заняло не меньше минуты, ему приходилось осторожничать, чтобы не выдать себя шумом, ведь в кабине явно кто-то есть. Ну и про Юпитера не стоит забывать, он ведь глаз не сводит, через щели намордника сочится слюна. Очень мечтает оставить от Карата кучку обглоданных косточек, дай только малейшую возможность.

Отошел от кабины, надвигаясь на тварь. Та попятилась, заскрипел лебедочный механизм, теперь ничто не мешало барабану разматывать цепи. Юпитер, осознав, что степень свободы резко возросла, мигом догадался в чем дело и потянул за путы уже сознательно, ловко работая скованными лапами.

Распахнулась дверь, вышел тот, кто скрывался в кабине. Его глаза не привыкли к темноте, но уши прекрасно слышали подозрительный скрип, вот и переполошился. Мрак развеял луч мощного фонаря осветивший Юпитера, старательно скидывающего себе под ноги все новые и новые метры разматывающихся цепей.

— Что за!..

Закончить фразу сектант не успел. Элитник небрежно взмахнул тяжелой цепью, метко ударил, слова застряли в горле, фонарик покатился по асфальту, остановился, его луч осветил лежащее тело с разmozженной верхушкой головы. Карат невольно попятился еще на пару шагов, Юпитер сумел оказать на него неслабое впечатление.

Элитник, перехватив одну из цепей двумя руками, с натугой дернул, еще раз, еще. Крепкий металл не поддавался. Намотал кусок на ступню, ухватился пониже, потянул спиной, распрямляясь с такой натугой, что послышался хруст суставов.

И резко дернулся когда одно из звеньев, наконец, не выдержало, с печальным звоном разогнулось.

Подобрав правильную тактику борьбы с оковами, Юпитер быстро справился с цепями которые держали ноги, руки и металлический обруч на поясе. Затем легко отломил рычаг от лебедочного механизма, с его помощью легко избавился от намордника, довольно заурчал, развернулся, нехорошо уставился на Карата.

Тот, подняв мину, предупредил:

— Даже не мечтай! Взорву нахрен, скотина неблагодарная!

Монстр еще секунды три таращился на Карата, затем, приняв какое-то

решение, потерял к нему интерес, спрыгнул на асфальт, подхватил тело сектанта, запрокинул повыше, шумно высосал содержимое его разбитой черепной коробки, после чего отбросил мертвеца будто надоевшую тряпичную куклу.

И одним прыжком без разбега долетел до края ближайшей крыши, ухватился, перескочил на нее, помчался дальше взбесившейся лошастью получившей способность скакать по домам. Потрясающая ловкость и скорость помноженные на силу и интеллект. Если Карат выживет, можно будет запомнить эту дату и отмечать как второй день рождения. То, что он пережил тесное общение с этим кошмарным порождением Улья — величайшее чудо. В такое невозможно поверить.

Но он это сделал. Юпитер свободен.

Все, он выполнил то, что мысленно пообещал Аурелии. И как не тянет пробраться к площади и бросить на лучшую во всех мирах девушку хотя бы один взгляд, пора начинать мыслить рационально. Ему надо уйти из поселка или хотя бы надежно затаиться. Чудо, что до сих пор не нарвался на поисковый отряд, хватит уже испытывать терпение удачи.

* * *

Высунулся из-за угла, замер, вглядываясь во мрак узкого переуллка между парой разрушающихся домов. Никого не видать, а на слух надежды мало. За спиной доносятся отголоски работы перфоратора, их перекрывает хоровое заунывное пение затеянное оравой сектантов. Вот почему на мониторах в подвале было видно, как у них иногда одновременно начинают открываться рты.

Нет, вроде бы здесь и правда безопасно. Никаких намеков на отблески света от фонарей поисковых групп. Скользнув за угол начал продвигаться дальше, держась вплотную к стене. Поравнялся с пустым дверным проемом, с той стороны что-то мелькнуло, но среагировать не успел — руки будто в стальные тиски попали, Карата затащили внутрь с неудержимой силой, зажали рот и прошипели в лицо:

— Тихо! Ни звука! Свои!

Грубая ладонь чуть отстранилась, позволив прошептать в ответ:

— Хмурый? — по голосу узнал хозяина здешнего «развлекательного комплекса».

— Он самый. Ты куда это на ночь глядя в одних трусах? В библиотеку?

— Вообще-то на мне куртка есть.

- Куртка грязноватая, в такой к своим лялькам не пущу.
- Да я лучше к крокодилам схожу, чем к твоим лялькам. Какую куртку давали, такую и взял. Меня резко выселили из твоей гостиницы. А за нее, между прочим, уплачено наперед.
- В жалобную книгу об этом напиши.
- Обязательно.
- Так куда крадешься?
- Да куда-нибудь.
- Ответ неясен.
- Подальше отсюда. Ты местный, может подскажешь, как от вас можно выбраться?
- Конечно подскажу. Тебе надо по главной улице мимо штаба и потом через шлагбаум. Не благодари.
- Вообще-то там орава килдингов при броне.
- Я в курсе, что выход перекрыт.
- Другого точно нет?
- Нет, мины везде, даже днем через полосу хрен прошмыгнешь, рванет так, что соплей не останется.
- Неужели ваша самооборона не предусмотрела такой вариант? Что за крепость с одним выходом?
- Есть пара мест, где самопальные ленточные заряды заложены. Если их подорвать, порвет все сигналки, получатся проходы через заграждения. Только я не знаю где они и как их можно активировать. Всем подряд такое не рассказывали. Так что можешь идти, в лучшем случае ногу оторвет, а потом на шум придут килдинги и добьют. Тут по другому надо действовать.
- Как?
- Как сказал — через шлагбаум.
- Сам знаешь, что их там орава.
- Знаю. Мы наведем шороху и свалим под шумок.
- Мы?
- Один я такое не потяну. Да и вдвоем вряд ли. Но попробовать надо, дело стоящее. Ведь как кончат наших, зачистят поселок в ноль. Свидетелей они никогда не оставляют. Да и меня будут искать до последнего. Квазы им очень интересны.
- Для чего?
- Да кончат, как и всех, но с затеями какими-нибудь. Не знаю в чем дело, просто слышал, что мы для них самая лакомая добыча.
- Меня они отпустили.
- Ага, только ненадолго. Или кончат позже, или с собой заберут,

чтобы к себе затянуть. Будешь потом вместе с ними хороводы водить.

— Скорее кончат. Я замешан в гибели парочки их них. Точнее уже трех. И еще кое-что сделал. Плохое.

— Так и будешь болтать или все же поможешь?

— Что ты задумал?

— Дорогу перекрывают «страйкер» и «шахид-мобиль». Если их убрать, дальше будет проще, у шлагбаума техники не видно.

— Ага, пошли уберем. Веник и совок надо не забыть взять.

— Да, легко там не будет, но попытаться стоит. Или давай уже, вали к ним лапки подняв, я тогда сам попробую прорваться.

— План есть?

— Покурить, или план действий?

— Действий.

— И то и другое имеется. Надо добраться до того «шахид-мобиля», который возле штаба стоит. Машина наша, и там никого нет. Пулемет заряжен, к нему всегда берут запасные ленты.

— «Страйкер» разнесет этот пикап одной очередью.

— Вот потому и нужна помощь. Военно-учетная специальность какая?

— «Сто три ноль шестьдесят один А».

— А по человечески?

— Гранатометчик.

— Шутишь?

— Я разве похож на клоуна?

— Вот так свезло! Так не бывает! Тебя мне только и не хватало!

— Рад слышать.

— Значит, учить тебя обращению с «мухой^[18]» не надо?

— А сам-то как думаешь?

— Значит «страйкер» на тебе, «муху» дам.

— У тебя лишних штанов случайно не найдется?

— Я сюда не босяков одевать пришел, так что штанами у меня не разживешься. Да ты не стесняйся, здесь все свои, сверкай трусами без комплексов. К тому же замерзнуть не успеешь, скорее всего быстро отмучаемся: или проскочим сходу, или обеим башки оторвут.

— Некрасиво получится, если помру без штанов.

— А не все ли тебе равно? Какая разница, одетым потом валяться или голым? Мне вот до одного места.

— А я вот эстет.

— Пошли уже... эстет хренов, хватит время тянуть. Под шумок могут и наши побежать на рывок, а если так и будем болтать, их всех там кончат.

И это... Можешь звать меня просто: Хмур. Так друзья зовут. Ты не друг мне, но раз помирать нам вместе, так лучше будет. Слух не режет.

* * *

Не успел Карат выкарабкаться из одной авантюры, как по уши вляпался в следующую. Не менее безумную, потому как нормальный человек не станет бросаться на вооруженную толпу.

А что ему остается? Если верить Хмуру (а оснований ему не верить нет) в лучшем случае Карата схватят и увезут с собой дабы нехорошими способами промывать мозги на предмет присоединения к ненавидимой всеми секте. Но это в лучшем, ведь в подвале штаба остались два трупа и его, скорее всего, назначат единственным виновником их смерти. Чудо, что до сих пор не обнаружили пропажу. А может и обнаружили, но лишний шум не подняли, просто разыскивают с куда большей тщательностью.

Имеется еще кое-что — сбежавший Юпитер. И тело сектанта с разбитой головой возле грузовика. Интересно, на кого это повесят?

В общем, нельзя ему попадаться.

Где-то истошно заорал кот. Или Гранд продолжает гонять рыжего соперника, или кто-то из них нарвался на освободившегося элитника. Жаль, если серому не повезло, но Карат ничем не может ему помочь, он сейчас сам в шаге от почти верной смерти.

Может план Хмура и не из лучших, но это хоть какой-то план. Килдинги не ждут нападения, если кто-то из местных до сих пор не схвачен, он ведет себя тише воды, лезть на рожон не станет, герои тут и правда долго не живут. Подрыв бронетранспортера и последующий прорыв на машине может стать для них сюрпризом на который не успеют отреагировать.

В плане Хмура Карату очень не нравилось то, что первый выстрел придется делать ему. Этот похожий на мертвяка уродец мог попросту его подставить, подождать, когда на него набросится вся толпа, а сам попробует под шумок слинять не попрощавшись. Но тот, как ни странно, не настаивал на том, чтобы случайный напарник сработал издали с удобной для такого коварного замысла позиции. Требовал только подобраться как можно ближе, выстрелить наверняка, после чего помчаться к воротам на своих двоих. А ведь в таком случае Карат долго не протянет, если от него не отвлекут внимание или не помогут, помрет быстро, место там открытое. Хмур пообещал дать пару очередей по сектантскому «шахид-мобиле» —

джипу с обрезанным кузовом где установили турель с пулеметом. Остальная техника килдингов стояла за площадью, не перекрывая дорогу к шлагбауму. Ее выстроили в линию для организации освещения, и теперь там трудно рассматривать подробности из-за ярких фар.

План не такой уж и безумный. Если сработать быстро, шансы есть. Сектанты слишком сильно привязаны к своей технике, если верить мониторам в подвале штаба, стационарные посты не расставили. Убрать с пути мешающие средства передвижения и ходу. Даже если устроят гонки по пересеченной местности, ночью можно легко оторваться на своих двоих. Пусть даже бросив машину возле удобного леска.

Обойдя штаб стороной, Карат забрался в пустой оконный проем давно заброшенного дома, осторожно пробрался через груды мусора оставшиеся от частично обвалившейся крыши. При этом наступил на ржавый гвоздь, но хоть тот вошел глубоко, даже не пискнул, сдержал едва не вырвавшийся вскрик.

Вот ведь зараза, опять не повезло все той же многострадальной ноге. Какая-то она у него несчастливая: осколки ловит, картечины, болты арбалетные, а теперь вот очередь дошла до гвоздей. Что же дальше будет? Поездом отрежет?

Замер сбоку от дверного проема, осторожно выглянул. Левее видно часть площади перед штабом, вон сидят на коленях пленники в окружении завывающих нескончаемую песню сектантов. Без музыки, то заунывно, то с резкими перепадами от которых мурашки по коже бегать начинают.

Не песня, а какой-то неритмичный стон истязаемой толпы.

Поют и те, кто с факелами, и те кто без них, но зато с направленным на пленников оружием. Десятки стволов, в том числе и серьезных автоматических, в случае надобности килдинги в считанные секунды смогут перебить большую часть толпы. Правда, и друг дружку при этом могут зацепить, ведь выстроены кругом. Это они не продумали — упущение. Ведь как ни старайся, а непредсказуемых рикошетов не избежать, ведь действие происходит пусть и на старом, но асфальте. Карат бы на их месте для такого действа выбрал площадку с мягкой землей.

Впрочем, люди ведут себя покорно, не рыпаются. Да и что они могут сделать? Руки не просто пустые, они еще и скованы. Пластиковые наручники только несведущему могут показаться пустяком, их давно и успешно применяют правоохранители, армейцы и спецслужбы.

Чуть правее можно рассмотреть восьмиколесную тушу бронетранспортера. Боевая машина стоит носом к шлагбауму, пулемет боевого модуля направлен туда же, прикрывая собрание от нежелательных

гостей из внешнего мира. Красивая на вид техника, но с массой недостатков. В частности, в базовой комплектации, как в этом случае, нет никакой защиты от кумулятивных гранат, а именно такая покоится в зеленой трубе, которую выдал Карату Хмур. Стрелять можно куда угодно, под любым углом, пробойна обеспечена.

Вот только ему не дырку в броне надо проделать, а устроить так, чтобы после этого стрелок-оператор не развернул боевой модуль, и не причесал веером тяжелых пуль развалины, из которых вылетела граната. И машину Хмура он не должен обстрелять, им ведь на ней еще ехать.

Бить в корму смысла нет. Бронирование самое слабое, но вряд ли оператор располагается именно там. Карат с такой техникой на практике не сталкивался, но предполагает, что тот сидит куда ближе к носу, скорее всего рядом с механиком-водителем. Так что стрелять надо туда, чтобы кумулятивная струя прошла через тела, или хотя бы устроила там шикарное возгорание и прочие неприятности. Глупцы считают, что гранатомет выводит из строя все сразу и навсегда, но это далеко не так. Даже столь слабо защищенная машина может отделаться легким испугом или некритичными повреждениями.

Блин, а ведь Карату когда-то вбивали в голову расположение уязвимых мест всей номенклатуры техники вероятного противника. Но он чуть ли не все ухитрился благополучно позабыть. Неуч.

Упер гранатомет в трухлявые доски разваливающегося пола, откинул заднюю крышку. Поднял оружие, потянул внутреннюю трубу на себя, раздвинув до упора. Положил на плечо, придавил прицельную планку до отчетливого щелчка взведенного механизма. Звук резанул по ушам — именно в этот момент сектанты на пару секунд прервали нескончаемые завывания. Все, это необратимое боевое положение, теперь Карату остается лишь одно — стрелять.

Покосился в сторону машин за площадью. Где-то среди них стоит та, на которой привезли Аурелию. Ни девушки, ни старухи не видно, но он почти уверен, что они не уехали. Незачем им уезжать до окончания жестокой церемонии.

Рядом никого нет, и в его сторону никто не таращится. Но выходить из полуразвалившегося дома не стал. За спиной достаточно открытого пространства куда безопасно уйдет струя гранатометного выхлопа. Нет смысла выбираться наружу подставляясь под возможные взгляды.

Не совсем его оружие, почти с ним не сталкивался, но ничего сложного здесь нет, разработчики старались упростить все так, чтобы даже самый тупоголовый солдат не запутался. Да и дистанция плевая, до

«страйкера» не более полусотни метров, цель неплохо освещена светом фар стоящего поблизости «шахид-мобиля». Будь у Карата два гранатомета, он бы и его уделал, остается надеяться, что Хмур не оплошает. Пулеметчик стоит за своим оружием, посматривает в сторону шлагбаума, но никто не помешает ему быстро развернуться, если вдруг возникнет такая необходимость.

Бить придется под приличным углом к броневому листу, но не беда, ведь защита у цели никчемная. Труба улеглась на плечо, прицелился в корпус над вторым колесом надеясь, что выбрал правильное место. Если проклянувшаяся память салаги из учебки не изменяет, и то, что он сумел кое-как вспомнить, верно — именно там располагается силовая установка. Механическое сердце машины, выведи его из строя и получится ни на что не годная стальная коробка. К тому же там и топливо, и масло, есть чем покормить пламя.

Придавил спуск стараясь делать это как можно более плавно. Гранатомет дернулся, перед глазами померкло от выхлопа реактивного двигателя, с разоренной крыши посыпалась обильная труха, позади что-то шумно завалилось и взметнулось облако ядреной пыли, почти сразу сверкнуло, бабахнуло. Карат успел убедиться, что попал, и тут же шмыгнул назад, опасаясь немедленного возмездия.

Среди сектантов оказались ребята с завидной реакцией. Он только успел добраться до оконного проема, как по стенам застучали пули. Бьют не прицельно, просто отрабатывают по направлению с которого ушла граната. И сильно радуется, что работает ручная «стрелковка», а не крупнокалиберные пулеметы.

Накаркал. Только было обрадовался, как все прочие выстрелы перекрыло могучее и слитное «ду-ду-ду». Звук, который однажды услышав, нескоро забудешь. А если при этом пулеметчик целился в тебя или твоих товарищей — будешь помнить до гробовой доски.

Пристрелочная короткая очередь, выпущенная впопыхах, прошила остатки крыши. Карат, выпав из оконного проема, слышал, как позади обваливаются изъеденные временем деревянные конструкции. Удачно выбрался, теперь надо чуть протереть глаза, трухи в них набилось по килограмму, хрен поймешь куда теперь ползти.

Вторая очередь оказалась куда более длиннее — пули прошли ниже, легко прошив ветхие стены. Но Карат не первый день как родился, ему и первой хватило чтобы понять — сейчас ни в коем случае нельзя отвечивать. Прижался к спасительной земле, и, стараясь продавить ее брюхом, пополз в сторону шлагбаума. Даже вперед не глядел, ведь поворот

головы приподнимет ее на несколько жалких сантиметров и этого может хватить пулеметчику, чтобы снести верхушку черепа.

Тяжелые пули прошивали дом навывлет, на Карата не прекращаясь сыпался самый разнообразный мусор, в том числе и тот, который не назовешь мелким. Сейчас сверзится на затылок кирпич, выбитый из дымохода, и все закончится. С его везением — очень даже вероятный вариант.

Загрохотал еще один пулемет, тоном чуть пониже, но понятно, что тоже крупнокалиберный. Бедный дом, его ведь dokonают сейчас. Но вроде первый стих. А нет, заработал, только почему-то с другой стороны. Кажется от шлагбаума.

Карат выполз из-за дома, рискнул поднять голову. Впереди стало гораздо светлее, ведь бронетранспортер горит так, будто его напалмом облили. Вся передняя часть охвачена жирным пламенем, меж его язычков можно разглядеть печально задравшийся к небесам пулеметный ствол боевого модуля. Во все стороны разбрызгиваются ослепительно-яркие брызги, что превращает пожар в грубое подобие фейерверка. Каким образом недешевая боевая машина превратилась в исполинский костер менее чем за минуту — непонятно. Как Карат смутно помнил, на случай угрозы возгорания у нее даже топливные баки умеют в стороны отстреливаться. Но, видимо, гладко лишь на бумаге, на практике хватило одной не самой современной гранаты.

От жара начали трещать патроны в ленте и срабатывать заряды в системе постановки дымовых помех. Дымовая шашка пролетела над «шахид-мобилем», с которого пулеметчик раз за разом отправлял короткие очереди в сторону многострадального дома. Да пусть хоть до фундамента его разнесет, Карата там уже нет. Надо ползти дальше, к следующему зданию, и за ним уже подниматься на ноги.

После следующего «ду-ду-ду» со стороны другого, невидимого пулемета, тяжелые пули застучали по переделанному джипу отрывая от него клочья обшивки и высекая искры. Стрелок дернулся когда ему снесло кусок головы, судорожно сжавшиеся пальцы намертво сдавили гашетку, из чуть задравшего ствола вырвалась сплошная очередь, трассеры замелькали над головами сектантов и их жертв, начали бить в дома по другую сторону площади. И почти сразу попали во что-то непонятное, вспыхнувшее ярко, с клубом вздымающегося пламени. Сложилось впечатление, что кто-то позабыл на чердаке бочку с бензином.

При свете взметнувшегося пламени Карат увидел Юпитера. Сидя на краю крыши он внимательно смотрел вниз, на площадь, где в одну кучу

собралась вкуснейшая еда. Кто-то тоже разглядел неприятное зрелище и заорал так, как будто его уже начали жевать. В этот миг монстр, осознав, что его заметили, прыгнул вниз, на край хоровода резко оборвавших свою песню сектантов.

И началась бойня.

Карат не отрываясь смотрел, как огромная туша, двигаясь с быстротой выпущенной стрелы, отточенными взмахами лап сносит головы, вспарывает животы, разбрасывает в сторону тела превращенные в кожаные мешки набитые переломанными костями и кровоточащим мясом. Кто-то пытался в него стрелять, кто-то орал не своим голосом, в разные стороны разбегались и килдинги, и скованные по рукам их несостоявшиеся жертвы.

С края площади сорвалось два черных автомобиля похожие друг на дружку как однайцовые близнецы. Именно на таком приехала Аурелия со старухой. Машины на опасной скорости пронеслись между пылающим бронетранспортером и уже начавшем разгораться выпотрошенным «шахид-мобилем». Пара секунд, и они скрылись в проходе в баррикаде. А Карат, наблюдая за ними, потерял время. Кое-что успело измениться.

Юпитер, устроив кровавый проход по площади, яростно урчал, непредсказуемо дергаясь из стороны в сторону. Сразу два пулемета выбивали искры из асфальта вокруг него. Иногда пули ударяли в тело, сбивали с ритма передвижений, даже завалиться один раз заставили. Но даже под крупнокалиберным градом тварь жила, хоть ей это и не нравилось. Пули ведь не всегда рикошетили о листы металлической брони, некоторые находили дорогу к телу, а против такой мощи костяные пластины не очень-то эффективны. Потому монстр действовал относительно хитро, пытаясь уклониться от огня с ближайшей машины, укрываясь от него за маломальскими препятствиями, и почти полностью игнорируя очереди со стороны Хмура.

А тот работал на расплавление ствола, его оружие почти не умолкало. И, что самое странное, никто из сектантов не пробовал ему помешать, игнорировали напрочь.

Ночь, мрак, вырвавшийся монстр, горящая броня, стрекот пулеметов со всех сторон, разбегающиеся пленники: килдинги, похоже, просто растерялись от такого изобилия событий.

Осознав, что «олигарх Кумарника» вместо того, чтобы мчаться к шлагбауму, устроил игру в Рембо, Карат отчаянно замахал руками, привлекая к себе внимание.

— Хмур!!! Сюда!!! Бегом!!!

Да будь у него даже мегафон вряд ли при таком грохоте и расстоянии

можно что-то расслышать. Да что он вообще творит?! И почему до сих пор жив?! Ведь первое впечатление оказалось ошибочным, не все растеряны до идиотизма. Сейчас прекрасно видно, что сектанты пуляют не только в освободившегося элитника, некоторые бьют в сторону штаба, а там нет никого кроме Хмура.

Заглядевшись на побоище, Карат не заметил, что со стороны шлагбаума приближается машина. Осознал это лишь тогда, когда в спину уткнулись лучи фар. Обернулся, одновременно вскидывая обрез. Что это и кто, не понять, слепит жестко. Навел стволы на стекло напротив водителя, по очереди спустил курки.

Машину повело в сторону, она с грохотом зацепила угол горящего бронетранспортера, от удара ее развернуло, после чего замерла поперек дороги. Карат спешно переломил стволы, сунул два патрона. Успел, потому как из пассажирской двери вывалился некто столь торопливый, что еще в падении начал стрелять из автомата. Ему нет бы выждать полсекунды, прицелиться уже с асфальта, дать одну короткую верную очередь. Слишком много суеты, а это вредно.

В общем, противник промазал, а вот Карат нет — снова разрядил обрез. И опять спешно преломил, медлить нельзя. Экстрактор не сработал, одна гильза застряла, возясь с ней потерял время. Через машину перемахнула тень, в отчаянии вставил патрон в пустой ствол, успел защелкнуть, но на выстрел уже не осталось времени.

Жестокий удар, выбивший оружие из руки, взмах острой стали перед лицом. По виску и краю лба тут же заструилась горячая кровь, заливая глаз. Отшатнулся, искоса разглядел противника. Жало — тот самый молодчик с которым схлестнулся днем. Запертый в подвале, он открыл замки и разделался с операторами, сидевшими в надежнейшем по мнению Фарта месте: в охраняемом штабе; за стальной плитой крышки люка; на приличной глубине под толстым слоем железобетона. Бомбежку могли пережить, артобстрел нипочем, но хватило единственного диверсанта.

— Ба! Кого я вижу! — делано изумился Жало и взмахнул рукой стряхивая с лезвия ножа капли крови. — Мы с тобой, по-моему, кое-что не закончили. Ты был невосдержан в словах, а я такое забывать не люблю. За это я должен кое-что сделать, ты уж не серчай.

— Если ты насчет прямо тут по быстрому меня ублажить, то рот для начала сполосни, я брезгливый.

Сплюнул непонятно откуда взявшейся кровью, разорвал связанные шнурки, на которых удерживались ножны, потянул из них меч.

— Да ты у нас прям ниндзя с грязным языком. И шутики какие-то

однобокие, ты прям заиклен на тему ублажения мужика мужиком, а это как-то подозрительно, — Жало насмешливо прокомментировал его приготовления и требовательно прокричал кому-то за спиной Карата: — Не трогать его! Совсем спятил?! Ты же и его и меня угробишь! Я сам с ним разберусь, засохни!

Усмехнулся, подкинул нож в ладони, слаженным переливом опасного бойца начал надвигаться на Карата. А тот даже не попытался принять удобную боевую стойку. Зачем? Меч хорош в руке грамотного фехтовальщика, если выживет, когда-нибудь им станет. Возможно. А сейчас в случае возникновения таких ситуаций надо всего лишь напрягать уши и ничего более.

И Карат напряг.

Мир остановился. Уголком глаза можно было рассмотреть как Юпитер в длиннейшем прыжке летит на грузовик в открытом кузове которого пулеметчик спешно пытается опустить крышку лентоприемника. И, судя по скорбно перекосившейся физиономии, он самую малость не успевает. Чуток не повезло, не вовремя закончились патроны, так что придется умирать. Площадь усеяна телами, почему-то горят три машины на дальнем краю, там же стоит автоматчик и у дульного среза его оружия стремительно распухает пламя выхлопа — самое быстрое, что Карату довелось увидеть в почти остановившемся мире.

Все это он рассматривал уже на ходу, отчаянно пробиваясь через вязкую патоку, которая сжимала тело со всех сторон. Да, он знает, что чрезмерные усилия в таком состоянии могут навредить, но у него сейчас очень мало времени, а надо много успеть. Добраться до Жала, доказать ему окончательно, что не помыв рот не надо связываться со столь серьезными личностями. А потом развернуться и разобраться с тем, кого он просил не вмешиваться в схватку.

Потому как после того, что Карат сотворит с Жалом, этот невидимка за спиной неминуемо вмешается.

Время. Все упирается во время. Не может Карат до бесконечности затягивать этот почти остановившийся миг. Свалится, как случилось в первый раз. И на этом все закончится, ведь даже если Хмур успокоится и прекратит поливать из пулемета окрестности, он не станет подбирать валяющееся тело. Этот мир жесток и службы, занимающейся спасением слабых, здесь нет.

Дотянулся мечом до тела противника, протащил лезвие через бок. Шло с натугой, но не большей чем при простом движении через застывший воздух. Вероятно сталь сейчас испытывает запредельные нагрузки с дикой

скоростью пролетая через кожу, мясо и внутренности, но держится молодцом, не разлетается осколками.

Шило стоит где стоял: нож изготовлен к удару, левая ладонь занесена и выставлена вперед. Видимо как раз собирался дать невидимый шлепок своим даром Улья, ошеломить, заставить пошатнуться, потерять равновесие. Чуть-чуть не успел. Раны даже не видно, и крови нет, но его бок под ребрами рассечен почти до позвоночника, причем непростым ударом, Карат ведь жестоко двигал клинком, проворачивал по пути. Там такой рубленый фарш, что если он не помрет мгновенно, свалится от шока.

А теперь развернуться, и назад, ко второму. Быстрее, время выходит, в ушах начинают раздаваться отголоски набата.

Карат успел развернуться. И увидеть второго тоже успел. Тот и правда стоял позади метрах в двадцати и целился прямо в него.

И целился, к сожалению, не из пистолета. И не из ружья. Этот малорослый недоумок не придумал ничего лучшего, чем взвалить на плечо гранатомет и навел его четко на Карата. Нет чтобы разобраться с разбушевавшимся Юпитером, нашел для себя смехотворную цель. К тому же дистанция небольшая, сам же рискует пострадать от осколков.

Шаг, еще шаг, еще. Ну вот и все, приплыли — перед глазами расплывается темнота, с трудом удержавшись на краю, за которым сознание покидает тело, Карат вынырнул из ускоренного потока времени. Все вернулось, мир ожил, наполнился оглушительными звуками разгоревшегося побоища.

— Сдохни!!! — истерично взвыл гранатометчик и Карат отчетливо понял — сейчас последует выстрел.

Неимоверным усилием воли напрягся, вновь ускорился. Перед глазами тут же начало темнеть, над головой забили в гигантский колокол. Все, он пересек роковую черту, далее только беспмятство. Не успевает. Чуть-чуть не успевает.

И откуда только выискался такой недоумок...

На остатках сил и времени бросил свое тело в сторону, стараясь оторваться от асфальта. Если повезет, это усилие отшвырнет его, уже беспмятного, на пару-тройку метров. И меч, сорвавшись с ладони, отправился в полет по направлению к застывшей фигуре в тот момент когда из раструба гранатомета за ее спиной начало вырываться пламя. С глазомером у Карата все в порядке, ножи метать умеет неплохо, но кто знает, как это сработает в таком режиме. Может попадет, может нет. Скорее последнее. Но попытаться стоит.

Уже в закрученном падении невольно пришлось посмотреть в сторону

площади. Рассмотрел, как сектанты отбиваются от пленников. Кто-то из вырвавшихся уже успел завладеть оружием и разряжал его почти в упор, другие скованными руками хватали килдингов, валили, мутузили, душили, даже кусали. А за всем этим смертоубийством на открытом кузове грузовика стоял Юпитер, застыв в тот самый момент, когда начал отгрызать голову схваченному пулеметчику. Морду твари распирало блаженство.

Это было последнее, что Карат увидел перед тем, как перед глазами опустился непроницаемый занавес.

Глава 33

Погружаясь во мрак беспамятства Карат не питал радужных иллюзий по поводу дальнейшего. Человек, в которого стреляют из гранатомета, даже при самом благоприятном развитии событий нуждается в квалифицированной медицинской помощи. Причем срочно.

Но здесь ему доктора и медсестры не светят. Никто не будет вызывать «Скорую помощь» по той простой причине, что в Улье нет ни ее, ни телефонов. Только внутренняя связь в пределах обитаемых стабильных кластеров. А если даже заметят, что истерзанное тело подает признаки жизни, добьют без малейшего сожаления. Пусть Карат и видел, что жертвы сцепились с приговорившими их сектантами, сила все же на стороне последних. Плюс Юпитером почти не занимались, а он, несмотря на все ранения, выглядел бодрым, мог и дальше продолжать кровавую жатву. Слишком много смерти на столь скромной площади, шансов раскрыть глаза еще раз не оставалось.

И тем не менее Карат их открыл. Правда, не оба, а всего лишь один. Второй или отсутствовал вовсе, или что-то мешало взглянуть им на мир, на совесть сцепив ресницы. Очень может быть, что все дело в корке на совесть запекшейся крови.

На улице светало, первые лучи поднимающегося местного Солнца, ничем не отличимого от старого и привычного, скользнули по крышам истерзанных пулями и осколками домов. За ночь здесь высадили гору боеприпасов, досталось всему чему только можно.

Тело Карат ощущал слабо, но что-то подсказывало — малейшая попытка пошевелиться заставит его об этом горько пожалеть. Но он почему-то не стал прислушиваться к голосу разума, со стоном приподнял голову, попытался было подняться, но скрутило так, что закричал. Или, скорее, замычал будто охрипшая корова.

Да уж. Плохи его дела, если даже заорать по человечески не смог.

Впрочем, нет нужды подниматься. Он лежит головой на чем-то относительно мягком, обзор из такого положения пусть и ограниченный, но не такой уж плохой. Перед глазом виднеется кусок ржавой тонкой арматуры, на ее загнутом конце висит плоский пакет с прозрачной жидкостью, которая стекает по тонкой пластиковой трубке. Судя по всему, кто-то поставил капельницу или Карату, или кому-то лежащему рядом с ним.

Еще видно часть площади, дома за ней и несколько обгорелых остовов машин перед ними. Они еще дымятся, но главное дело уже сделано, огонь до крошки сожрал все съедобное.

Кстати, грузовик, на котором Карат последний раз видел Юпитера, тоже никуда не уехал. То, что от него осталось, дымило куда гуще всего остального.

Десятки тел раскиданы повсюду. Некоторые в очень неприглядном состоянии, другие на вид очень даже ничего, хоронить не стыдно. Скорее всего выглядят даже получше Карата, и это с учетом того, что он все еще жив. В голову невольно закрадываются печальные мысли по поводу своего неприглядного состояния.

Краем глаза уловил движение. Старый знакомец — приبلудившийся кот. Живой и невредимый. Сидит в двух шагах, время от времени слюнявит лапку, после чего тщательно оттирает макушку. Вид у зверюги безмятежный, он ничуть не огорчен печальным состоянием так много сделавшего для него человека.

Безмятежный?! Да у него такой вид, будто он всю ночь объедался высококачественной сметаной и при этом его ублажали сотни самых прекрасных кошечек Улья. Более счастливого кота трудно вообразить.

Карат, с трудом ворочая ставшим непослушным языком, выдавил:

— Гранд, ты скотина.

Тот при звуке человеческого голоса на миг прервал процесс умывания, уставился в глаза, или точнее глаз, затем равнодушно отвернулся и продолжил двигать лапкой как ни в чем не бывало.

— Мог бы хотя бы разбудить когда все началось. Я вообще-то на тебя надеялся, думал, что будешь охранять меня ночью, а ты умчался к бабам, и с концами. Кобель ты, Гранд, ох и кобель...

Глаза кота на миг воровато забежали, будто пытался найти аргументы, оправдывающие его беспечное распутство. Да нет, не настолько он умен. У Карата уже глюки предсмертные начинаются, вот-вот и услышит, как хвостатый заговорит человеческим голосом.

— Мать моя! Да он никак очнулся!

Ну вот, здравствуйте слуховые галлюцинации, кот и правда заговорил. Хотя голос у него какой-то странный. Хорошо знакомый. Он уже его слышал, и не раз, причем не от серого.

Скосил глаз, увидел, как со стороны дымящихся руин, что остались на месте штаба, приближается улыбающийся во весь рот Шуст.

— Карат, ты только не шевелись. Раз очнулся, значит, все нормально будет, оклемаешься. Я тут кое-что принес, вколю тебе, вырубись и

поедем.

— Стой, — постарался произнести погромче, но вышло немногим звучнее шепота.

— Стою. А чего стою и сам не знаю.

— От... Откуда ты взялся? Ты ведь ушел. За периметр ушел.

— Неправда, не ушел, а только собирался уходить. Но решил передумать. Мины и все такое. А потом тут начался концерт, закрутилось-завертелось. Ну думаю, ты точно в этом оркестре играешь на главном барабане. А я, негодяй эдакий, уже два раза крестника бросил, не по человечески это. Вот и развернулся. И видишь, Карат, как добр Улей к тем, кто бережет близких: вместо того, чтобы валяться где-нибудь за периметром с оторванными миной ногами, я жив и здоров, нашел тебя, и даже прибарахлился маленько. Тут много чего валяется, подбирать не успеваю.

— Постой... Валяется... Отсюда никто не смог уйти?

— Если бы никто не ушел, мы бы с тобой оружейными олигархами стали, нам бы фотомодели картошку жарили и пятки чесали. Тут столько стволов бабахало, что даже половины высаженных патронов на всю оставшуюся жизнь должно хватить. Ушли, многие ушли, и наши и килдинги. Вон какая свалка у шлагбаума, там и те и другие с баталиями прорывались. Кто-то себя не забыл при этом, много чего прихватил. Даже миномет, что там стоял, утащили, вот ведь жадины. Хорошо, что тебя их машины не раздавили. Выглядишь дохлым, и валяешься удачно, сгоревший броневик тебя прикрывал от колес.

— Что со мной?

— Ты очень хреново выглядишь.

— Я понимаю, что человек, в которого выстрелили из гранатомета, не может выглядеть хорошо. Но мне нужны подробности.

— Из гранатомета?! Это многое объясняет.

— И?

— С ногами у тебя все плохо.

— Обе?

— Да нет, целые, не оторвало, но потрепало нехило.

— Я говорю, досталось обеим?

— Ага. Порвало и левую и правую.

— Это хорошо...

— Да что же в этом хорошего?!

— Одной все время не везло. Ей вечно доставалось по полной, а второй ничего кроме царапин. Думал уже отрезать, очень уж невезучая. Но

теперь оставляю.

— Ха! Да тебя на юмор пробивает — хорошая примета. Я тут спека дозу вколол, но она слабая, пришлось еще поискать. Тут это дело не запрещают, почти на видном месте у Хвата лежит. Спасибо, что его клоповник не спалили. Сейчас вколю вторую, и тебе будет хорошо. Ты заснешь и ничего не почувствуешь. Вот, мааааленький укольчик. Готово, сейчас начнет действовать. Вырубишься, кровезаменитель докапает, и поедем. А чего это кот возле тебя крутится?

— Он мой, его Грандом зовут.

— Здоровый. Смотрит на меня, прям глазами прожечь хочет. Хочет, чтобы я его покормил.

— Ты зачем вколол мне эту дрянь?

— А как я тебя повезу такого? Ты сейчас похож на урода со снятой кожей, даже прикасаться страшно. Помрешь по дороге. А так все будет хорошо, уснешь и... Взрослые под лошадиной дозой спека смотрят эротические сны, а дети мультики. Ты, Карат, будешь смотреть именно мультики, потому как взрослый ни за что бы не полез в такую заваруху. Тут народу набили не сосчитать, первый раз такое вижу.

— Хмур жив?

— Без понятия.

— У штаба «шахид-мобиль» стоит?

— Нет.

— Значит, уехал. Бросил гад.

— Да тебя даже я бросил, что ты с урода хотел взять. Хмурый не пропадет, хитрее его во всем Кумарнике никого не было, пусть с виду и простачок. Ты тут пока поваляйся, а я побегаю, может еще что найду.

— Юпитера видел? Убили его?

— Что за Юпитер?

— Элитник, которого они привезли. Он тут много кого порвал.

— Освободился?!

— Вроде того.

— Тогда нам надо очень быстро отсюда сматываться. То-то смотрю трупы некоторые не могло так пулями и гранатами изувечить.

— Ему из пулемета досталось.

— Может лежит где-то рядом, зализывает раны. Как зализет, кушать захочет, а тут мы под рукой, вот и здравствуйте вкусные ребятки. Так что уходить надо, причем резко. Отрубайся уже, не сверкай глазом. Спек, похоже, слабый, что-то не берет.

— Шуст... ты мне ничем не обязан. Езжай сам.

— Ты, Карат, меня уже достал до днища печенки. Я как окрестил тебя, так только тем и занимаюсь, что бросаю, а потом пью горькую и волосы на заднице рву. Больше года здесь провел, и, считай, не живу, а существую как червяк сортирный. Все, завязываю с этим, не в кайф так жить, надо ломать систему, неправильная она. Так что отсюда уходим вместе, не спорь.

— Я подыхаю...

— На Земле был бы ужедохлый, но тут Улей, а Улей и жесток и добр одновременно. Главное, чтобы крыша не поехала, все остальное лечится зеленкой. Доберемся до крутого стаба, там есть что-то вроде больницы. Расплатимся тем, что я здесь собрал, поставят на ноги быстро. Главное, по пути лапы не клей, так что отрубайся, в сознании я тебя трогать боюсь, еще развалишься на куски от шока нестерпимого, и что мне потом с тобой делать?

— Там... Посмотри в сторону заброшенного дома. Не видишь, нет моего меча? Валяется или засел в ком-то.

— Да нашел я его уже. Он торчал в каком-тодохлом килдинге будто мачта корабельная, в глаза бросался. Красивая вещьца.

Карат вымученно улыбнулся:

— Значит, попал.

— О чем ты?

— Неважно. Джипы... Два черных джипа... Они уехали при мне... Не вернулись назад?

— О чем ты вообще? Откуда я знаю кто куда ездил и как возвращался? Тут есть джипы, но или сгоревшие, или не черные.

— Девушку не видел? Очень красивая, черное обтягивающее платье. Короткое. И карнавальная маска с блестками. Тоже черная. Туфли на шпильках...

— Черные, — закончил за него Шуст и покачал головой. — Карат, крестник, если бы я где-нибудь увидел лялечку в таком интересном прикиде, уж точно бы не забыл. Тут бы последнюю страхолюдину не в камуфляже встретить, а хотя бы в куртке цветастой, и то в радость.

— Значит, не видел?

— Неа.

— Это хорошо. Получается, Аурелия и правда уехала.

— Аурелия?

— Ее привезли на таком джипе. Ее и Сабину.

— Сабину?!

— Старуха. Единственная, кто не закрывал лицо.

— Я от знающих людей слышал, что какая-то Сабина верховная жрица

у килдингов или что-то в этом роде. И что она любит быть старухой. Такой вот у нее бзик. Ты уверен?

— Ее так звали.

— Да это просто фантастика! В некоторых крутых стабах за нее назначена нехилая награда. Даже за информацию могут что-нибудь подогнать.

— Аурелия... О ней что-нибудь плохое слышал?

— Нет.

— Ну да... она не такая, она хорошая. Так что теперь мне есть чем заняться.

— О чем ты?

— Ты будешь смеяться, но я, похоже, этой ночью встретил женщину своей мечты. Уехала куда-то, придется ее поискать.

— Похоже, спек действует, ты уже бред несешь.

— Не бред. Так все и есть. Она мне сказала несколько слов. И потрогала. Слегка. Я найду ее... обязательно найду.

— Карат, ты никому не рассказывай, что втюрился в килдинга. За это тебя или прибьют, или кастрируют. И выбирать способ наказания будешь не ты.

— Ничего. Я готов пойти на такой риск. И она никакой не килдинг.

— Сам сказал, что с ними приехала.

— Всякое в жизни бывает. Я вот тоже мог с ними уехать. И кто я после этого? Тоже килдинг? Аурелия дала мне ключ от цепей Юпитера. И попросила его освободить. То есть гадость килдингам сделать. Диверсию. Ведь если бы не элитник, местные остались бы здесь все до единого. Это он тут бойню устроил, мы с Хмуром почти не при делах.

— Ты это серьезно?! Ты своими руками освободил элиту?!

— Ага. Чуть не обделался. Страшнее черта тварь, и изо рта у нее воняет.

— Карат, об этом тем более помалкивай. Вообще забудь. И я попытаюсь забыть, что слышал это. Если кто-то узнает про то, что ты отпустил на волю элиту, тебя не просто кастрируют. Нет, так легко ты не отделаешься. Тебе отрежут яйца ржавой пилой, а потом будут кормить манной кашкой и поить живчиком до тех пор пока они не регенерируют. После этого опять придут к тебе со все той же тупой и ржавой пилой и процедуру повторят. Они будут повторять это снова и снова, пока ты сам не подохнешь от великой тоски. Так что забудь все и про эту Аурелию, и про элиту.

— Ее я никогда не забуду.

— А ты не удивился, что своими руками отпустил такую тварь по просьбе непонятно кого?

— Согласен — выглядит странно. Но нет, не удивился.

— Да она просто нимфа. Сто процентов нимфа.

— Нимфа?

— Дар Улья для некоторых женщин, встречается очень редко. Исключительно у баб, чему я неслыханно рад. Не любят таких, никто не любит. А кому понравится бабенка, которая одним взглядом сводит целую ораву мужиков с ума, после чего они готовы загаженный толчок за ней вылизывать? Вот эта Аурелия точно из таких, потому как другая ни за что бы не заставила тебя отпереть клетку с элитой. Свернула тебе мозги набекрень, со временем это пройдет. Уму непостижимо, как ты вообще выжил? Почему элитник тебя не порвал?

— Я проявил смекалку.

— Вот и забудь. Выбрось из головы. Да оно само скоро выветрится, внушение нимф недолговечно. Ты как? Вырубашься или еще спека поискать? Силен, смотрю, другой бы уже сопел в две дырочки.

— Темнеет, и слова твои куда-то уплывают.

— Вырубашься, вот-вот отключишься, работает спек. А кот твой то умывается, то пожрать кланчит. Достал уже мяукать, еще тварей накличет. И морда довольнее не бывает, тут столько народа покروшили, а ему все нипочем. Его забирать или пусть остается?

— Он, конечно, тварь неблагодарная, но надо забрать.

— Так все они такие, коты ведь не собаки.

— Собаки... Собаки...

— Чего это ты про собак заладил? Отрубашься? Плынешь?

— Есть маленько. Ты это... Стаб, куда ты меня повезешь... Он очень крутой?

— Бывают покруче, но этот тоже ничего. Не так далеко ехать, а это для тебя сейчас важнее всего.

— А другие стабы... До них можно доехать?

— Как повезет. В Улье разве угадаешь. К этому дорога очень удобная, хороший шанс на колесах проскочить. Машина у нас незащищенная почти, не везде на такой можно кататься и уж точно не в одиночку. Но маршрут удобный, подходы к дороге просматриваются, почти везде можно скорость держать. Так что рискнуть можно.

— У меня два условия. Это насчет стаба.

— Что еще за условия?!

— Мне нужен стаб в котором можно достать хорошее шампанское.

Завтра ровно неделя как я здесь. Хочу отметить.

— Вообще не вопрос, бухло всегда найдем.

— И еще. На этом стабе... То есть перед воротами или шлагбаумом, что у въезда в стаб, должна висеть табличка: «Осторожно! Злая собака!»

— Ты шутишь или бредишь?

Карат, усилием воли удержавшись на краю непроглядной бездны, куда чуть было не рухнуло ускользящее сознание, срывающимся голосом внес поправку в «заявку»:

— Стоп, чуть-чуть не так. Эта табличка должна быть большой. Очень большой. И надпись на ней такая: «Осторожно! Много злых собак!»

Шуст, заглянув в угасающий глаз, с деловитым видом закивал:

— По первому пункту все понятно, тебе непременно нужен стаб в котором продается качественное шампанское необходимое для празднования недельного юбилея. И я берусь это обеспечить, хотя и не представляю, каким образом ты собираешься отпраздновать свою первую неделю в условиях реанимации. Но вот что касается второго пожелания... Карат, а ты точно уверен, что тебе нужен стаб перед которым установлена табличка...

— Большая табличка, — перебил Карат.

— Хорошо, большая табличка с надписью: «Осторожно! Много злых собак!» Тебе именно это надо?

— Да, все верно, мне нужно именно это.

— Тогда у меня к тебе простой человеческий вопрос. Крестник, псих ты эдакий, вот на кой тебе сдался стаб с кучей злых собак?!

Карат, устав бороться с агрессивно наступающей тьмой, расслабился, и, стремительно теряя сознание, еле слышно прошептал:

— Я хочу, чтобы моему коту там не понравилось.

Завершено: 27 Апр. 2016

notes

Примечания

Мультиверсум — мироздание в целом как совокупность миров, одним из которых является вселенная (универсум), в которой мы обитаем. То есть существует гипотетическое множество всех возможных реально существующих параллельных вселенных (включая ту, в которой мы находимся), и большинство из них отличаются от нашей столь ничтожно, что мы не сможем заметить разницу.

Жевело — разновидность капсюлей для гладкоствольного охотничьего оружия.

ВОГ — аббревиатура, выстрел осколочный гранатометный. Семейство противопехотных боеприпасов, применяются в различных гранатометах (*подствольных, станковых и пр.*)

Нож. Левая нога (*англ.*)

Речь идет об автоматическом пистолете Стечкина (*АПС*). Разработан в начале 50-х годов, до сих пор ограничено стоит на вооружении, легендарное оружие.

Мейн-кун (*англ. maine coon*) — порода крупных кошек выведенная в США. Вес взрослых самцов может достигать двенадцати килограммов, самки на треть меньше.

Гранд (*grand*) — в ряде европейских языков означает большой, великий, грандиозный.

«Хамви» — HMMWV или Humvee (от англ. *High Mobility Multipurpose Wheeled Vehicle* — «высокоподвижное многоцелевое колёсное транспортное средство») — американский армейский вездеход стоящий на вооружении у ВС США, а также вооружённых сил и гражданских служб некоторых других стран. Автомобиль обладает высокой проходимостью, пригоден к транспортировке по воздуху и десантированию. Гражданский вариант — Hummer (Хаммер).

Машина с аппаратурой для радиоэлектронной борьбы.

М2 — «Браунинг М2» (*англ. Browning M2*) — крупнокалиберный пулемёт системы Джона Браунинга, различные его модификации состоят на вооружении стран НАТО и др. государств.

«Страйкер» (*Stryker*) — семейство колёсных боевых бронированных машин, разработанных и производимых американской компанией «Дженерал дайнамикс лэнд системз» (*General Dynamics Land Systems*). Состоит на вооружении армии США.

РПГ — ручной противотанковый гранатомет. Обычно подразумеваются все модификации РПГ-7, но есть и другие системы использующие эту аббревиатуру.

ДОТ — долговременная огневая точка.

СВД — снайперская винтовка Драгунова. Состоит на вооружении во многих странах, также используется в качестве охотничьего оружия.

«Весло» — речь идет о жаргонном наименовании СВД (*снайперская винтовка Драгунова*). Название возникло из-за характерной формы приклада, закрепилось как неформальное.

Fisher — рыбак, рыболов (*англ.*)

Монка — сленговое наименование мин семейства МОН, противопехотных осколочных мин направленного действия.

Речь, скорее всего, идет об одноразовом гранатомете РПГ-18. Название своего рода нарицательное, иногда также могут назвать другие гранатометы схожих конструкций и облика, причем этим грешат не только полные дилетанты.